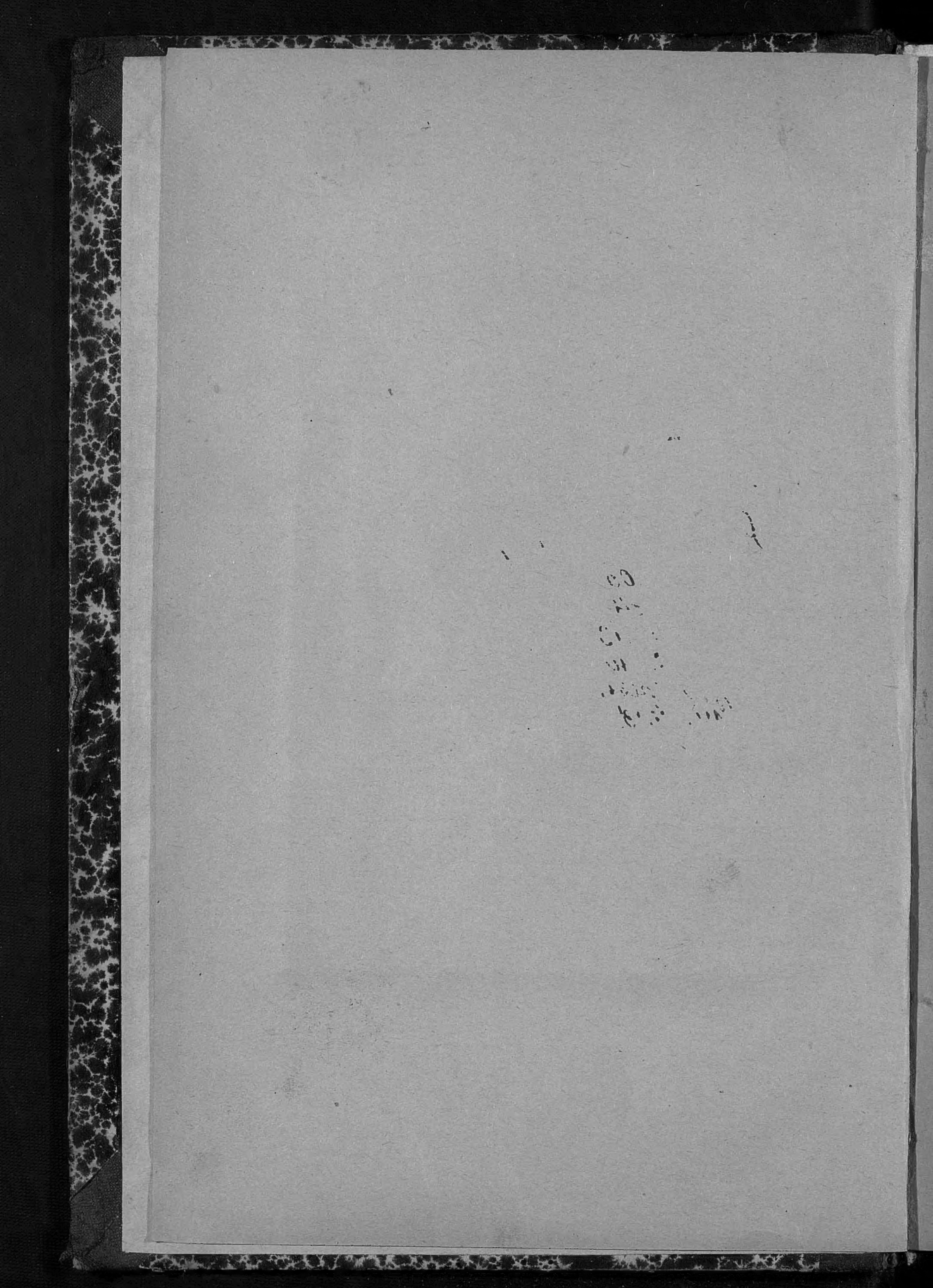

Русс Старина
№ 2
1903 г.
...ская
...рина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ XXXIV-й. ФЕВРАЛЬ. 1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1903.

II-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го февраля 1903 года.

Библіографическій листокъ.

Aventino. По слѣдамъ Гоголя въ Римѣ. Съ 5 фотографическими снимками. (Къ пятидесятилѣтію по кончинѣ Гоголя). Москва. 1902 г.

Въ числѣ книгъ, пріуроченныхъ къ 21-му февраля, дню чествованія памяти Н. В. Гоголя, заслуживаетъ вниманія и разсматриваемая нами книга; въ ней говорится о пребываніи нашего великаго писателя въ Римѣ.

Недаромъ Риму присвоено названіе «вѣчнаго города»; онъ не любитъ перемѣнъ и, не смотря на старанія италіанскихъ патріотовъ новаго покроя превратить его возможно скорѣе въ современную столицу, — онъ сохранилъ еще много стариннаго; въ немъ сохранились почти безъ измѣненія тѣ дома, гдѣ жилъ Гоголь, и особенно то знаменитое кафе Греко, куда онъ ходилъ почти ежедневно, какъ и большинство артистовъ, жившихъ тогда въ Римѣ.

Дома, въ которыхъ жилъ Николай Васильевичъ во время пребыванія въ Римѣ, найти не трудно, такъ какъ въ своихъ письмахъ онъ указываетъ на нихъ: «Выхожу я изъ дому Strada Felice 126, иду я дорогою къ Monte Pincio». Въ этомъ домѣ жилъ Гоголь въ 1838—1842 г., о чемъ гласитъ надпись на мраморной доскѣ, которой русская колонія почтила память писателя весной минувшаго года. Каждый русскій, проходящій теперь мимо этого стараго дома, съ удовольствіемъ прочтетъ скромную подпись:

«Здѣсь жилъ въ 1838—1842 году
Николай Васильевичъ Гоголь;
Здѣсь писалъ «Мертвыя души» [1]).

Улица Strada Felice, гдѣ находился вышеупомянутый домъ, уже перемѣнила свое названіе и теперь называется Via Sistina. Чистая и веселая, въ одномъ изъ лучшихъ кварталовъ Рима, она вся переполнена магазинами старыхъ картинъ, гравюръ фотографій и разныхъ художественныхъ «ricordi», которыми такъ обиленъ этотъ городъ-музей. Здѣсь пріютился художническій элементъ, и одинъ изъ подъѣздовъ Гоголевскаго дома, 123-й, ведетъ въ студіи художниковъ. Слѣдующая дверь съ улицы, какъ здѣсь говорятъ «portone», вела въ квартиру Гоголя въ третій этажъ, который въ то время былъ послѣднимъ; теперь надъ нимъ уже надстроенъ новый. Номеръ надъ portone остался тотъ же 126-й; можно предположить, что и внѣшній видъ этого небольшаго стараго дома, какихъ такъ много въ Римѣ, тоже не измѣнился.

Въ квартирѣ, гдѣ жилъ Николай Васильевичъ, теперь живетъ инженеръ-италіанецъ. Входъ въ portone подъ номеромъ 126-мъ, съ длиннымъ проходомъ, — довольно грязный. На веревкѣ, вмѣсто лампы, виситъ старый фонарь съ разбитымъ стекломъ; налѣво ведетъ крутая и неудобная лѣстница съ высокими неуклюжими ступенями изъ сѣраго камня, какихъ еще много въ старыхъ римскихъ домахъ.

Другой домъ, въ которомъ жилъ Гоголь въ первый свой пріѣздъ въ Римъ въ 1837 году, находится на углу улицы Sant Isidoro и degli artisti, противъ церкви Sant Isidoro. Домъ этотъ до сихъ поръ имѣетъ тотъ же семнадцатый номеръ, указанный Гоголемъ въ письмахъ, и въ немъ въ настоящее время живутъ монахини-доминиканки, посвятившія себя ухаживанію за больными «suore infermiere dominicane», какъ гласитъ доска надъ дверью. Къ этому дому часто подъѣзжаютъ экипажи и фіакры, привозящіе и увозящіе монахинь, такъ какъ онѣ считаются лучшими сидѣлками больныхъ.

Существуетъ также и тотъ домъ, въ которомъ жилъ Гоголь въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Римѣ, въ 1845—1846 г. Это— старое палаццо Понятовскаго на улицѣ Via della Croce № 81, недалеко отъ Испанской площади. Его грязный, непривлекательный видъ указываетъ на то, что онъ давно не ремонтировался, и, по всему вѣроятію, такимъ онъ былъ и въ Гоголевское время.

У самой площади Латеранской базилики св. Іоанна (San Giovanni in Laterano), въ одной изъ живописнѣйшихъ окраинъ стараго Рима, находится знаменитая вилла кн. Волконскихъ. Великолѣпный видъ на римскую Кампанью и остатки вѣковыхъ акведуковъ, заросшіе плющемъ, составляютъ настоящее очарованіе этой виллы. Она была куплена княгиней З. А. Волконской въ 1822—23 г. и принадлежитъ теперь маркизѣ Кампанари, дочери ея пріемнаго сына, бывшаго нѣкоторое время посломъ въ Римѣ. Княгиня Волконская, которую еще многіе помнятъ въ Римѣ, хорошо знала Гоголя. Онъ не только часто посѣщалъ ее, но даже жилъ нѣкоторое время на ея виллѣ въ комнатѣ съ террасой, предназначавшейся для друзей. Въ этой комнатѣ, кромѣ Гоголя, жили Віельгорскій, умершій въ Римѣ на его рукахъ, аббатъ Жербе, Мицкевичъ и другіе знаменитые люди. Домъ этотъ еще существуетъ, хотя былъ подвергнутъ передѣлкамъ. Въ немъ происходило также и чтеніе Гоголемъ «Ревизора», устроенное съ благотворительною цѣлью, дабы помочь одному нуждавшемуся художнику.

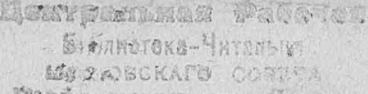
Въ одномъ изъ своихъ писемъ Гоголь упоминаетъ и о кафе Греко, близъ Испанской площади, куда онъ ходилъ, такъ же, какъ и другіе художники того времени, о которыхъ онъ писалъ Данилевскому въ 1838 году, разсказывая о томъ, какъ они проводили свое время: «Къ двѣнадцати и къ двумъ къ Лепре, потомъ въ кафе Греко, потомъ на Монте-Пинчіо,

[1]) Италіанская надпись: «Il grande scrittore russo Nicolo Gogol in questa casa, dove abito 1838—1842 pensò e scrisse il suo capolavoro».

АННА ЕВДОКИМОВНА

ЛАБЗИНА.

Александръ I

И ЕГО ПРИБЛИЖЕННЫЕ ДО ЭПОХИ СПЕРАНСКАГО. [1])

Неизданная глава изъ «Жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

II.

Свѣтло и благодатно началось утро новаго царствованія. Оно, съ самыхъ первыхъ поръ, ознаменовалось длиннымъ рядомъ благотворныхъ постановленій, и каждое изъ нихъ должно было возбуждать восторгъ и надежды народа, хотя, отмѣняя собственно только нелѣпыя или тиранническія распоряженія послѣднихъ четырехъ лѣтъ, каждое содержало въ себѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ, очевидный укоръ, явное порицаніе окончившагося царствованія. Не далѣе, какъ на слѣдующее утро по своемъ воцареніи, Александръ указалъ всѣхъ исключенныхъ изъ военной службы считать только отставленными и, черезъ день, то же самое распространилъ и на чиновниковъ гражданскихъ, съ безусловнымъ притомъ прощеніемъ всѣхъ содержавшихся по дѣламъ Тайной Канцеляріи. Потомъ, въ теченіе перваго полугодія, возстановлены имъ были, въ полной своей силѣ, Дворянская Грамота и Городовое Положеніе (марта 15, апрѣля 2, мая 5 и іюня 3) [2]); уничтожены стѣсненія и ограниченія въ пропускѣ ѣдущихъ въ Россію и изъ Россіи (марта 22); уничтожена

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1903 г., январь.

[2]) Всѣ эти указы и манифесты напечатаны въ XXVI-мъ томѣ Полнаго собранія законовъ.

Тайная экспедиція (апрѣля 2); уничтожены висѣлицы, которыя при Павлѣ поставлены были въ городахъ (апрѣля 8); изданы разныя постановленія къ облегченію внутренней и внѣшней торговли; освобождены священнослужители отъ тѣлеснаго наказанія (мая 22); возстановлены права Сената (іюня 5); открыты подсудимымъ отнятыя у нихъ право и средства представлять всѣ нужныя къ ихъ оправданію доказательства (августа 8); уничтожены сборы съ отъѣзжающихъ изъ С.-Петербурга (августа 13); учреждена коммиссія для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ (сентября 15); уничтожена и строго запрещена пытка со всѣми ея ужасами (сентября 27), и проч. Вездѣ и во всемъ дышали благость, уваженіе къ правамъ человѣчества, уваженіе къ законамъ, которые монархъ ставилъ выше своей власти.

«Послѣ четырехъ лѣтъ — писалъ Вигель — воскресаетъ Екатерина отъ гроба въ прекрасномъ юношѣ. Чадо ея сердца, милый внукъ ея, возвѣщаетъ манифестомъ, что возвратитъ намъ ея времена. Но нѣтъ, даже и при ней не знали того чувства благосостоянія, коимъ объята была вся Россія въ первые шесть мѣсяцевъ владычества Александра. Любовь ею управляла, и свобода, вмѣстѣ съ порядкомъ, водворялись въ ней. Не знаю, какъ описать то, что происходило тогда; всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе» [1]).

Первымъ, по времени, сотрудникомъ и наперсникомъ Александра въ этихъ мѣрахъ, какъ послѣ Палена, такъ еще и при немъ, былъ Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій. Самаго низкаго происхожденія (родился въ 1754-мъ году), не зная ни одного иностраннаго языка, учившись и русской грамотѣ, какъ онъ нисколько того не скрывалъ, только у приходскаго дьячка [2]), Трощинскій началъ службу съ нижнихъ чиновъ, въ бывшей Малороссійской коллегіи; но хорошею головою, прилежаніемъ, большою дѣятельностію и самообразованіемъ посредствомъ чтенія всего, что только въ то время можно было читать по-русски, вскорѣ проложилъ себѣ путь къ возвышенію. Пріобрѣтя покровительство Репнина и потомъ Безбородки, онъ, въ 1793-мъ году, уже былъ секретаремъ при императрицѣ Екатеринѣ.

«Всѣ доклады сенатскіе по тяжебнымъ и уголовнымъ дѣламъ, — го-

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, изданіе „Русскаго Архива", часть II, Москва. 1892, стр. 180.

[2]) „Вы смѣетесь — писалъ онъ Л. И. Голенищеву-Кутузову 7-го марта 1821 года,—приписывая мнѣ способность ѣздить рысью на семъ крылатомъ конѣ (Пегасѣ), а я и подходить къ нему не смѣю; да и какое я право могъ бы на него имѣть, когда и русской грамотѣ (признаюсь, не стыдясь) учился только у приходскаго дьячка".

ворить Грибовскій [1]), — коихъ разрѣшеніе отъ государыни зависѣло, онъ (т. е. Трощинскій) разсматривалъ и по онымъ указы заготовлялъ, которые Безбородко только къ подписанію ея подносилъ. Во время поѣздки сего послѣдняго въ Яссы на мирный конгрессъ, всѣ бывшія у него дѣла препоручены были Трощинскому для поднесенія чрезъ П. А. Зубова; при мирномъ же торжествѣ получилъ онъ въ бывшей Польшѣ 1700 душъ, а при томъ велѣно ему находиться при императрицѣ у принятія прошеній... Онъ былъ (въ 1792-мъ году) около пятидесяти лѣтъ, но казался сего старѣе; роста средственнаго, имѣлъ видъ нѣсколько угрюмый. Друзьямъ былъ другъ, а врагамъ былъ врагъ. Онъ никогда не измѣнялъ прежнему своему начальнику и имѣлъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ комнатахъ государыни сильную партію, состоявшую изъ Марьи Савишны (Перекусихиной), ея племянницы Торсуковой, Маріи Степановны Алексѣевой, камердинера Зотова и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ рожденіе и именины графъ (т. е. Безбородко) твердо помнилъ и никогда безъ хорошихъ подарковъ въ сіи дни ихъ не оставлялъ».

Въ царствованіе Павла, Трощинскій состоялъ президентомъ Главнаго почтоваго правленія и, по вступленіи на престолъ Александра, былъ назначенъ главнымъ директоромъ почтъ, сенаторомъ и—что̀ было всего важнѣе—докладчикомъ и главнымъ редакторомъ при лицѣ государя. Участвовалъ ли онъ, и въ какой степени, въ заговорѣ 12-го марта, еще не разъяснено. Извѣстно, однакожъ, что въ роковую ночь Трощинскій, вопреки общему тогдашнему обычаю [2]), именно велѣлъ не запирать воротъ своего дома [3]) и, когда, въ ту же самую ночь за нимъ прискакалъ фельдъегерь, онъ поѣхалъ во дворецъ. Александръ, въ первые мѣсяцы своего царствованія, употреблялъ его перо по всѣмъ почти частямъ управленія. По его же мысли былъ упраздненъ (26-го марта) Совѣтъ, существовавшій дотолѣ при дворѣ въ видѣ временнаго установленія, и учрежденъ, вмѣсто того, Совѣтъ непремѣнный, для разсмотрѣнія—какъ сказано было въ указѣ (30-го марта) — «важныхъ государственныхъ дѣлъ». Бывъ назначенъ членомъ этого Совѣта, Трощинскій имѣлъ, вмѣстѣ, и главное завѣдываніе его канцеляріею, правителемъ которой опредѣлили тайнаго совѣтника Вейдемейера. Но милость къ Трощинскому была очень кратковременна. Въ публикѣ стала

---

[1]) Записки А. М. Грибовскаго въ „Русскомъ Архивѣ" 1899 года, книга первая, стр. 14.

[2]) Передано Павломъ Ивановичемъ Аверинымъ, находившимся тогда при Трощинскомъ.

[3]) Онъ жилъ близъ Синяго моста, въ домѣ, гдѣ потомъ помѣщалось правленіе россійско-американской компаніи.

*

*

носиться молва о лихоимственныхъ поступкахъ [1]), не столько его самого, сколько жившей у него женщины Прасковьи [2]), и онъ, вѣроятно вслѣдствіе этихъ наговоровъ, хотя и не былъ прямо удаленъ, но лишился довѣрія и вліянія. При учрежденіи въ 1802-мъ году министерствъ [3]), Трощинскій не только уже не участвовалъ нисколько въ этой мѣрѣ, но и былъ пораженъ ею какъ совершенною нечаянностію [4]). Планъ сказаннаго установленія [5]) былъ предложенъ государю нѣсколькими молодыми людьми занявшими, въ дѣятельности государственной и въ довѣріи императора, мѣсто падшаго Трощинскаго. То были: Новосильцовъ, князь Чарторыжскій и Строгановъ, и, вмѣстѣ съ ними, графъ Кочубей. Мы постараемся очертить портреты ихъ по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ и, частію, по личному знакомству.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ [6]), племянникъ стараго графа Александра Сергѣевича Строгонова (президента Академіи художествъ), человѣкъ съ свѣтлымъ умомъ, образованный, даже въ нѣкоторой степени ученый, долго жилъ въ Англіи и изучилъ технику и механизмъ тамошняго управленія, но совсѣмъ почти не зналъ Россіи, никогда ничѣмъ не управлялъ и въ характерѣ своемъ имѣлъ много легкомысленной вѣтренности. Тѣ, которые знавали Новосильцова въ позднѣйшее время, съ его монархическими идеями и убѣжденіями, очень ошибаются, думая, что онъ прежде, подъ вліяніемъ своей англоманіи, былъ либераломъ въ западномъ смыслѣ и уже только впослѣдствіи, пройдя чрезъ школу опыта, перемѣнилъ свой образъ мыслей. Онъ, напротивъ, въ понятіяхъ своихъ о благѣ Россіи, всегда былъ рѣшительнымъ абсолютистомъ, хотя и въ лучшемъ, конечно, значеніи этого слова. Стараясь отклонять молодого императора отъ Лагарповскаго ультралиберализма, Новосильцовъ стремился къ тому, чтобы основать управленіе на общей централизаціи и всѣ національности Россіи спаять въ одну. Освобожденіе низшаго класса отъ рабства также было совершенно чуждо его желаніямъ. Тѣмъ страннѣе и необъяснимѣе казалась тѣсная его дружба съ Чарторыжскимъ, котораго понятія и взглядъ на эти предметы были діаметрально

---

[1]) Передано графомъ Н. Н. Новосильцовымъ.

[2]) Отъ этой связи онъ имѣлъ дочь, бывшую впослѣдствіи за княземъ Хилковымъ.

[3]) Слышано отъ Петра Сергѣевича Кайсарова.

[4]) Нѣкоторыя объ этомъ подробности см. въ „Жизни графа Сперанскаго", т. I, стр. 95.

[5]) Слышано отъ Якова Александровича Дружинина.

[6]) Умеръ въ 1838-мъ году, графомъ и предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.—Разсказы Я. А. Дружинина. Записки Н. С. Ильинскаго. Записки барона М. А. Корфа. Записки барона Розенкампфа. Разсказы великаго князя Михаила Павловича.

противоположные. Тутъ дѣйствовала, очевидно, случающаяся, въ нѣкоторыхъ натурахъ, симпатія контрастовъ. Впрочемъ, по чувствамъ своимъ, свѣдѣніямъ и рвенію къ общему благу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ его понималъ, Новосильцовъ, въ то время, пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ въ публикѣ, кромѣ, однако, такъ называвшейся французской партіи, которая безусловно вооружалась противъ союза съ Англіею, находившаго себѣ въ Новосильцовѣ самаго усерднаго и неутомимаго сподвижника. Приверженцы этой партіи [1]), называя его, въ насмѣшку, le grand homme, le grand ministre, l'homme universel, le génie à toute sauce, le prétendu philosophe, l'anglomane fieffé [2]) и пр.; издѣваясь и надъ тѣмъ, что онъ не хотѣлъ принимать никакихъ наградъ и презиралъ знаки отличія, и надъ его универсальностію, дивились только, какъ не поставятъ его еще—во главу арміи.

Въ самомъ дѣлѣ [3]), въ портфель его—съ скромнымъ титуломъ дѣйствительнаго камергера и однимъ маленькимъ владимірскимъ крестикомъ въ петлицѣ—стекались: 1) проекты (въ началѣ царствованія ихъ всегда много, а Александръ, напитанный мыслію, что въ Россіи все исполнено несовершенствъ, самъ вызывалъ къ предложенію нововведеній); 2) Академія наукъ, которой Новосильцовъ былъ президентомъ, 3) докладъ дѣлъ по составленному изъ попечителей учебныхъ округовъ (самъ Новосильцовъ былъ попечителемъ Петербургскаго) Главному правленію училищъ и, чрезъ это, контроль дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія; 4) докладъ всѣхъ дѣлъ, восходившихъ къ государю по Сенату, Синоду и рекетмейстерской части; 5) управленіе дѣлами Комитета министровъ, гдѣ, сначала, государь самъ постоянно присутствовалъ, и, наконецъ, 6) всѣ безчисленныя дѣла, которыя особо возлагались на него отъ государя или о которыхъ, по частнымъ просьбамъ, самъ онъ брался ему докладывать, на что̀ имѣлъ всегдашнее и неограниченное уполномочіе. Нѣсколько позже, Новосильцовъ былъ еще назначенъ товарищемъ министра юстиціи и начальникомъ Коммиссіи составленія законовъ. Хотя онъ жилъ въ самомъ Зимнемъ дворцѣ и, сверхъ частыхъ свиданій по мѣрѣ надобности, имѣлъ четыре постоянные докладные дня въ недѣлю, но все едва вѣрится, чтобы такая масса дѣлъ, столь разнородныхъ и часто спѣшныхъ, могла сосредоточиваться въ однѣхъ рукахъ, въ одномъ разумѣ. За то современники—не тѣ, которые надъ нимъ смѣялись,—уподобляли его Атласу, несущему на головѣ своей земной шаръ, хотя и позволено думать, что при такой энциклопедической дѣятельности и при извѣстныхъ свойствахъ вѣтрен-

---

[1]) Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

[2]) Т. е. великій человѣкъ, великій министръ, всезнающій человѣкъ, геній во всемъ, самозванный философъ, отъявленный англоманъ.

[3]) Разсказы Я. А. Дружинина. Записки И. И. Дмитріева.

наго нашего Атласа, случалось часто и много такихъ вещей, которыя могли и должны были идти иначе.

Князь Адамъ Чарторыжскій, сынъ того Адама-Казимира, который, вмѣстѣ съ двоюроднымъ своимъ братомъ Станиславомъ Понятовскимъ, былъ предложенъ къ избирательному престолу Польши, въ первой молодости адъютантъ и ближайшій другъ Александра,—тотъ самый, который, впослѣдствіи, стяжалъ себѣ такую извѣстность, какъ глава польской революціи 1830-го года,—Чарторыжскій управлялъ, въ званіи товарища министра, иностранными дѣлами [1]), во главѣ которыхъ, государственнымъ канцлеромъ, былъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, но только по имени, потому что всѣ дипломатическія дѣла устраивались непосредственно между Чарторыжскимъ и царственнымъ его другомъ. Съ высшимъ, изъ всѣхъ тогдашнихъ государственныхъ людей нашихъ, ученымъ образованіемъ, князь не обладалъ, однако, даромъ блистать своими познаніями, вообще мало говорилъ, казался разсѣяннымъ, и если металъ иногда искры, обличавшія высшее разумѣніе, то эти мимолетныя вспышки надо было ловить на-лету. При устныхъ преніяхъ онъ держался всегда одного главнаго предмета, одной существенной цѣли, и, обходя всѣ обстоятельства побочныя, выражался очень сжато и не могъ выдерживать пренія съ словообильнымъ Новосильцовымъ. Въ письменныхъ его мнѣніяхъ и изложеніяхъ было много силы, но также безъ внѣшнихъ прикрасъ и блестокъ. Исповѣдуя, какъ уже сказано, совершенно противоположное съ Новосильцовымъ политическое ученіе, онъ таилъ его бо̀льшею частью про себя, понимая всю трудность, равнявшуюся полной почти невозможности, возвести идеи свои въ Россіи въ силу государственнаго догмата.

Вообще одаренный большою проницательностью и дальновидностью, самъ онъ, съ пламенною душою подъ холодною наружностью, рѣдко кому открывался. Всѣ его стремленія, всѣ самыя горячія надежды уже и въ то время были обращены къ будущности польской его родины. Въ публикѣ говорили, будто бы Александръ, до вступленія на престолъ, обязался передъ своимъ другомъ обѣщаніемъ дать свободу Польшѣ [2]), и не любившіе Чарторыжскаго—а къ числу ихъ принадлежала вся собственно-ультрарусская партія — утверждали, что у послѣдняго въ мысляхъ только одно: сдѣлаться когда-нибудь—польскимъ Пожарскимъ. Иностранные дипломаты съ своей стороны цѣнили его бо̀льшею частью весьма высоко. Они видѣли [3]) въ князѣ Адамѣ ученаго и скромнаго молодого министра, исполненнаго благородства и правдивости, искренно

---

[1]) Записки барона Розенкампфа.—Разсказы Я. А. Дружинина.

[2]) Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

[3]) Mémoires du comte de Stedingk, t. II, p. 163 et 183.

привязаннаго къ своему монарху и къ своимъ обязанностямъ, безъ всякихъ разсчетовъ своекорыстія или личныхъ видовъ. Но и между этими дипломатами не всѣ были одного мнѣнія. Дюрокъ, напримѣръ, пріѣзжавшій въ Петербургъ, въ первое время царствованія Александра, съ секретною миссіею отъ Наполеона, описывалъ Чарторыжскаго, въ письмѣ къ Фушè, слѣдующимъ образомъ [1]): «La naissance de Czartorisky l'aurait porté au trône de Pologne sans l'impératrice Catherine. Il ne l'a pas oublié; il a voué une haine éternelle aux russes qu'il exècre, à l'empereur qu'il trompe, à ses ministres qu'il méprise; mais, renfermé en lui-même, lui seul sait ce qu'il sera et ce qu'il fera [2])».

Тьеръ [3]), напротивъ, изливается въ большихъ похвалахъ Чарторыжскому за время управленія его нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, утверждая, между прочимъ, что онъ—«le plus honnête des hommes»—былъ неспособенъ обманывать Александра. Прибавимъ къ этому, что и Александръ, съ своей стороны, неспособенъ былъ вдаваться въ обманъ, если самъ, по видамъ своимъ, не хотѣлъ иногда представляться обманутымъ.

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ, сынъ упомянутаго выше Александра Сергѣевича, былъ человѣкъ съ прекрасною, истинно благородною душою, при томъ начитанный и пріятный собесѣдникъ [4]). Получивъ исключительно французское воспитаніе, онъ принадлежалъ къ числу ревностныхъ почитателей Мирабо и былъ вообще приверженецъ разливавшагося тогда отъ Запада свободнаго образа мыслей; въ дипломатической перепискѣ того времени [5]) увѣряли даже, что послѣ смерти Павла, онъ хвасталъ передъ всѣми, будто бы написалъ Новосильцову въ Лондонъ: «Arrivez, mon ami; nous allons avoir une constitution [6])». Между тѣмъ, при молодыхъ лѣтахъ Строганова, этотъ мнимый ультра-либерализмъ былъ, впрочемъ, болѣе какимъ-то малодушнымъ стремленіемъ поддѣлаться подъ тонъ эпохи, нежели выраженіемъ глубокихъ, истинныхъ его вѣрованій и чувствъ. Въ званіи

---

[1]) Mémoires d'un homme d'état, t. II, p. 393.

[2]) Переводъ: По своему происхожденію Чарторыжскій могъ бы стать польскимъ королемъ, не будь императрицы Екатерины. Онъ этого не забылъ, онъ поклялся въ вѣчной ненависти къ русскимъ, которыхъ онъ гнушается, къ императору, котораго онъ обманываетъ, къ его министрамъ, которыхъ онъ презираетъ; но, будучи скрытенъ, одинъ лишь онъ знаетъ, чѣмъ онъ будетъ и что онъ сдѣлаетъ.

[3]) Histoire du consulat et de l'empire, t. VI, p. 40, 221, и др.

[4]) Разсказы графа Нессельроде, графа Блудова, Я. А. Дружинина.

[5]) Письмо къ министру Гарденбергу въ Mémoires d'un homme d'état, t. II, p. 391.

[6]) Т. е. Пріѣзжайте, мой другъ; у насъ будетъ конституція.

товарища министра внутреннихъ дѣлъ, при дороживщемъ своею властью министрѣ (графѣ Кочубеѣ), онъ и не имѣлъ большого непосредственнаго значенія; сила его заключалась, преимущественно, въ тѣсномъ союзѣ съ Новосильцовымъ и Чарторыжскимъ и въ особенной къ нему пріязни Александра [1]). Не проходило почти дня, чтобъ государь не посѣщалъ дома Строгановыхъ. Любовь его къ прежнему соученику подкрѣплялась еще необыкновенною дружбою императрицы Елисаветы Алексѣевны къ женѣ послѣдняго, графинѣ Софіи Владиміровнѣ, урожденной княжнѣ Голицыной, одной изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ женщинъ своего времени. Она была горбата, почти карлица, и между тѣмъ увѣряютъ, будто бы Александръ, еще великимъ княземъ, почувствовалъ къ ней живую склонность; но Строганова мужественно противостояла его страсти, обратившейся черезъ то въ постоянную, почтительную дружбу. Этимъ же положено было начало и привязанности къ ней императрицы, которой, разумѣется, все сдѣлалось извѣстнымъ.

Наконецъ отношенія, въ которыхъ Александръ, также еще великимъ княземъ, находился къ графу Виктору Павловичу Кочубею, достаточно уже видны изъ приведенныхъ выше писемъ. Общая во всемъ перемѣна Александра-императора отозвалась, болѣе или менѣе, и здѣсь; но если не было уже прежней теплой любви и безграничной, какъ казалось, искренности, если и самыя воспоминанія о прежнихъ мечтахъ, сообщенныхъ въ порывахъ этой искренности, не могли, иногда, не наводить краски на лицо новаго монарха,—то все, однакожъ, онъ сохранялъ уваженіе и пріязнь къ прежнему своему другу—по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ: ибо позже, частью отъ собственной щекотливости Кочубея, которому трудно было забыть прошедшее, и отъ его алчности къ почестямъ, которыя никогда не шли въ уровень съ его ожиданіями, между нимъ и Александромъ бывали безпрестанныя размолвки, что-то въ родѣ обоюднаго кокетства. Впрочемъ, Кочубей, племянникъ и воспитанникъ славнаго Безбородки, былъ человѣкъ съ умомъ смѣтливымъ и тонкимъ, съ отличнымъ образованіемъ, благородными чувствами, лучшими намѣреніями, съ самыми свѣтскими и блестящими манерами, наконецъ съ искреннею привязанностью къ своему государю, которому во всемъ искалъ добра и славы. Перемѣнивъ дипломатическую карьеру,—въ которой онъ, при Павлѣ, 27 лѣтъ отъ роду, былъ уже дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и вице-канцлеромъ—на гражданскую службу, Кочубей, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по восшествіи на престолъ Александра, былъ назначенъ сенаторомъ, потомъ членомъ новаго Совѣта и

---

[1]) Разсказы: Алексѣя Алексѣевича Логгинова; П. С. Кайсарова; Я. А. Дружинина; Андрея Аѳанасьевича Никитина по разсказу Неплюева.

наконецъ, 8-го сентября 1802 года—слѣдовательно, едва чрезъ годъ—при первомъ образованіи министерствъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Охотникъ до всякихъ нововведеній, онъ, при близкихъ отношеніяхъ къ Новосильцову, Чарторыжскому и Строганову, не принадлежалъ, однакоже, прямо къ составу ихъ союза, который въ публикѣ всѣ звали тріумвиратомъ и которому самъ государь давалъ иногда, въ шутку, собрикетъ: «Comité du salut public».

Таковы были первые приближенные, первые сотрудники Александра. Въ сущности, конечно, ни одинъ изъ нихъ не стоялъ вполнѣ на истинной высотѣ своего призванія, преимущественно по малому знанію Россіи и по столь же малой опытности въ дѣлахъ управленія, которыя, для всѣхъ четырехъ, были совершенно новыми. Довѣріе къ нимъ монарха основывалось болѣе на прежнихъ дружественныхъ отношеніяхъ, нежели на высшихъ государственныхъ ихъ достоинствахъ. Генія, даже особенно яркаго таланта, не было между ними ни одного. Съ хорошими намѣреніями, съ благородными чувствами, молодые любимцы вполнѣ раздѣляли неосторожную наклонность къ нововведеніямъ своего, столь же благонамѣреннаго, но столь же молодого, неопытнаго и мало знавшаго Россію государя.

Люди, изъ которыхъ могли бы выйти порядочные ученики, сами вдругъ были призваны учить и руководствовать; управленіе было для нихъ школою; но въ этой школѣ шла рѣчь не объ отвлеченной наукѣ, а о жизни, о бытіи, о счастіи огромной имперіи.

Прочими министрами были: малоспособный къ дѣлу поэтъ Державинъ (юстиціи); умный и болѣе другихъ свѣдущій и опытный Васильевъ (финансовъ); бездарные Вязмитиновъ (военный) и Румянцовъ (коммерціи и путей сообщенія); Мордвиновъ (морской), котораго популярность возникла уже позже; наконецъ Завадовскій (народнаго просвѣщенія), умная украинская голова, нѣкогда столь же славившійся красотою, какъ и умомъ.

Ни одинъ изъ нихъ не находился ни въ какихъ ближайшихъ соотношеніяхъ съ вышеприведенными союзниками. Еще менѣе питали къ нимъ расположеніе: Трощинскій, который, послѣ потери милости, оставался только при управленіи удѣлами и почтами; Гурьевъ, въ то время еще праздный, но сильный свѣтскими своими связями товарищъ министра финансовъ; графъ Христофоръ Андреевичъ Ливенъ, завѣдывавшій докладами по военной части, и синодальный оберъ-прокуроръ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, также одинъ изъ друзей дѣтства Александра, оставшійся домашнимъ повѣреннымъ его и на престолѣ,—человѣкъ, который умѣлъ занимать и разсѣевать своего

государя, какъ никто другой. Наконецъ, въ явной оппозиціи тріумвирату стоялъ оберъ-гофмаршалъ графъ Николай Александровичъ Толстой, который, всегда находясь при государѣ и видясь съ нимъ ежедневно, такъ сказать, ежеминутно, былъ въ тѣсной дружбѣ съ Голицынымъ и Гурьевымъ. Человѣкъ безъ всякихъ высшихъ видовъ, даже довольно ограниченный, Толстой съ самаго начала, а впослѣдствіи еще болѣе, умѣлъ достигнуть величайшей милости средствами, противоположными обыкновеннымъ: вмѣсто колѣнопреклоненія и раболѣпства, онъ былъ дерзокъ и грубъ со всѣми [1]).

Но, какъ же шелъ и двигался государственный механизмъ съ этими разнородными, частью и враждебными, элементами?

Отвѣтимъ на это сперва словами двухъ современниковъ: Шишкова и Дмитріева:

«Участвовавшіе и не участвовавшіе въ сей перемѣнѣ (т. е. событіи 12-го марта)—писалъ первый—сблизились съ дворомъ и заступили важныя должности. Всѣ ожидали возстановленія прежняго въ правительствѣ духа и устройства... Можетъ быть, не взирая на трехлѣтнюю, при неопытной молодости, привычку къ новизнамъ, и сбылось бы сіе ожиданіе, еслибъ окружающіе юнаго царя пожилые люди и старики составили единодушную окрестъ его стражу, не отлучаясь отъ него, а особливо при самомъ началѣ, ни на одну минуту; еслибъ, сравнивая два послѣднія царствованія, твердили ему, какъ первое изъ нихъ долговременно процвѣтало и величіемъ, и славою, и благоденствіемъ, и какъ, напротивъ, второе, оставившее пути великой Екатерины и устремившееся съ любовью по путямъ предшествовавшаго ей царствованія Петра Третьяго, продолжалось столь же кратковременно, еще болѣе мятежно, еслибъ, говорю, истребляя мало по малу всѣ нововведенныя худости, прежде нежели онѣ возрастутъ и усилятся, и приведя все гражданское и нравственное въ прежній порядокъ и устройство, пріучили они государя, еще неискуснаго и молодого, обращать вниманіе свое на важныя государственныя дѣла и занятія, а не на тѣ, которыхъ существенная часть состоитъ въ одной только наружности и увеселеніи зрѣнія: тогда бы, вѣроятно, принесли они великую пользу ему и царству. Но вмѣсто сего, обуянные радостью перемѣны и безопасностью своею, пустились они въ многолюдныя пиршества, на которыхъ, за пышными столами, съ шумомъ и крикомъ

---

[1]) Слышано отъ графа А. А. Закревскаго.—Mémoires du comte Stedingk, t. II, p. 257.

распивали шампанскія и венгерскія вина, били рюмки и стаканы, читали стихи, прославляли, при всѣхъ служителяхъ, гласно и громко, низверженіе тиранства и возстановленіе спокойствія. Шумныя празднества сіи устрашили дворъ и дали время оставленному царю сблизиться съ подобными себѣ молодыми людьми, заступившими мѣсто веселящихся и празднующихъ. Чарторыжскій, Строгановъ, Новосильцовъ, Чичаговъ и другіе сдѣлались его наперсниками.

«Окруженный ими, вскорѣ почувствовалъ онъ власть свою, и чрезъ нѣсколько дней пирующіе, и при томъ же не имѣвшіе должнаго между собою единодушія, увидѣли въ немъ повелителя, не требовавшаго болѣе руководства ихъ, и одинъ изъ главныхъ дѣйствовавшихъ въ сей перемѣнѣ лицъ, военный градоначальникъ Паленъ отрѣшенъ былъ отъ своей должности и высланъ изъ города. Другіе должны были умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новымъ понятіямъ, возникшимъ изъ хаоса чудовищной французской революціи. Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали всѣ прежніе въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными. Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ младымъ царемъ, имѣвшимъ, по несчастію, наставникомъ своимъ француза Лагарпа, внушавшаго ему таковыя же понятія [1]). Избранные по сходству мыслей, любимцы сіи, поставляя главнѣйшее достоинство свое въ презрѣніи къ чинамъ и знакамъ отличія, вздумали, безъ нихъ и безъ всякихъ заслугъ, по одной къ нимъ привязанности монаршей, сдѣлаться и законодателями, и вельможами, и полководцами; равнялись со всѣми, хотѣли быть выше всѣхъ. Такимъ образомъ торжественное обѣщаніе царское—идти по стопамъ бабки своей—не исполнилось; все то, чего при ней не было и что, въ подражаніе пруссакамъ, введено послѣ нея, осталось ненарушимымъ: тѣ же по военной службѣ приказы, ежедневныя производства, отставки, мелочныя наблюденія, вахтъ-парады, экзерциргаузы, шлагбаумы, и пр.; та жъ раздача орденовъ лекарямъ и монахамъ. Однимъ словомъ, Павлово царствованіе, хотя не съ такою строгостію, но съ подобными же иностранцамъ подражаніями и нововведеніями, еще продолжалось [2])».

«Ни одно царствованіе—говоритъ съ своей стороны Дмитріевъ [3])— не имѣло столь блистательнаго начала. Между тѣмъ, какъ два корабля

---

[1]) „Тогда—пишетъ въ своихъ Запискахъ Державинъ—всѣ окружающіе государя были набиты французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ“ (Сочиненія Державина, изд. Я. К. Гротомъ, т. VI, стр. 787).

[2]) Записки, мнѣнія и переписка А. С. Шишкова, т. I, стр. 81—86.

[3]) И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь. Москва, 1866 г., стр. 179—181.

«Нева» и «Надежда» полетѣли вокругъ свѣта собирать сокровища наукъ и природы, устраивать счастіе подданныхъ новыхъ Россіи на островахъ Восточнаго океана и заключать торговые договоры съ Японіей, внутри имперіи государственное управленіе раздѣлилось на министерства; старый Совѣтъ, имѣвшій одинаковое значеніе при Екатеринѣ и Павлѣ, возведенъ на степень первенствующаго трибунала; возникло еще пять университетовъ; въ С.-Петербургѣ открыта гимназія для юношества всякаго состоянія и педагогическое училище для образованія учителей. Въ то же время оживотворилась давняя Коммиссія законовъ; усовершенія оныя, равно какъ и управленіе Академіею наукъ, педагогическимъ институтомъ и гимназіей, ввѣрено было камергеру и товарищу министра юстиціи Новосильцову, бывшему тогда еще въ мужествѣ лѣтъ и только лишь возвратившемуся изъ чужихъ краевъ. Ему же предоставлено было разсмотрѣніе всѣхъ проектовъ, представляемыхъ правительству, и покровительство Филантропическому Вольному Обществу и всякимъ полезнымъ изобрѣтеніямъ. (За симъ слѣдуетъ исчисленіе лицъ, назначенныхъ въ министры, по первому образованію министерствъ 1802 года).

«Такимъ образомъ новыя министерства находились подъ вліяніемъ двухъ партій, изъ коихъ въ одной господствовали служивцы вѣка Екатерины, опытные, осторожные, привыкшіе къ старому ходу, нарушеніе коего казалось возстаніемъ противъ святыни. Другая, которой главою былъ графъ Кочубей, состояла изъ молодыхъ людей, образованнаго ума, получившихъ слегка понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитанныхъ духомъ преобразованій и улучшеній.

«Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпріимчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, изобрѣтала бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы, изъ предлагаемыхъ средствъ, надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе [1])».

Дѣйствительно, по мѣрѣ того какъ подвигалось впередъ новое царствованіе, все болѣе и болѣе былъ потрясаемъ и измѣнялся прежній порядокъ вещей. Переиначились не только составъ двора и всѣхъ правительственныхъ установленій, но и всѣ направленія. Люди старые и новые шли, одинаково, ощупью. Видѣли, какъ сказано уже, что нѣтъ ни продолженія Павловской системы, ни возврата къ системѣ Екатери-

[1]) Здѣсь, въ Запискахъ Дмитріева, переходъ къ другому предмету, и дальнѣйшаго, фактическаго развитія этой мысли въ нихъ нѣтъ.

винской; но никто не зналъ, чего собственно хочетъ и къ чему идетъ Александръ, и самъ онъ не болѣе другихъ могъ дать себѣ въ томъ отчетъ. Явственнаго, очевиднаго было въ его дѣйствіяхъ только смѣшеніе странной слабости съ упорною иногда настойчивостью: первой—тамъ, гдѣ нужно бы было повелѣвать и поставить на своемъ, послѣдней—тамъ, гдѣ ничто не препятствовало уступить. При простотѣ вкусовъ государя и отвращеніи его отъ всякаго этикета и принужденности, дворъ утратилъ все празднественное свое величіе, и одна только вдовствовавшая императрица держалась еще старинныхъ дворскихъ преданій и обрядовъ. На улицѣ, въ салонѣ, нельзя было различить императора отъ его генераловъ; вмѣсто Екатерининскаго великолѣпія и Павловскаго колѣнопреклоненія стало водворяться какое-то общее равенство.

«On remarque en lui (l'empereur Alexandre), — писала одна иностранка [1]),—une exagération de simplicité qui dénote sa répugnance pour le cérémonial du trône; on dirait que, sous ce rapport, il veut être empereur le moins possible . . . Enfin on peut dire que c'est l'homme de la cour qui va le moins à la cour» [2]). Отъ исканія популярности все болѣе и болѣе помрачались то сіяніе, тотъ ореолъ, которыми издревле были окружены наши самодержцы и цѣну которыхъ такъ знала и умѣла поддерживать Екатерина. Если вѣкъ Павла прикоснулся уже ко всѣмъ боярскимъ и аристократическимъ идеямъ и превратилъ основы стараго русскаго общества, то Александръ, хотя и изъ совсѣмъ противоположныхъ побужденій, шелъ въ этомъ отношеніи еще далѣе, испровергая собственнымъ примѣромъ и образомъ дѣйствія, существовавшую до него дисциплинарную связь общественнаго устройства. Но случалось, по временамъ, и такъ, что онъ вдругъ—при столь частомъ въ немъ противорѣчіи съ самимъ собою—возвращался къ самымъ крутымъ пріемамъ самодержавія. Родясь въ Россіи и дотолѣ еще никогда ее не оставляя, онъ былъ напитанъ русскимъ воздухомъ самовластія и любилъ свободу болѣе какъ забаву ума. Съ другой стороны, съ образованіемъ министерствъ и упраздненіемъ коллегій, во всѣхъ частяхъ управленія стали постепенно возрастать бюрократія и умаляться уваженіе къ властямъ. Несмотря на внѣшній видъ централизаціи, все, въ сущности, разрознивалось и, нѣкоторымъ образомъ, распадалось. Общественнымъ

---

[1]) Mémoires historiques sur Alexandre, par la comtesse de Choiseul-Gouffier, p. 314.

[2]) Переводъ: Въ немъ замѣтна чрезмѣрная простота, которая явно доказываетъ его отвращеніе къ царской пышности или этикету. Можно сказать, что, въ этомъ отношеніи, онъ желалъ бы какъ можно менѣе быть императоромъ. Словомъ, про него можно сказать, что это придворный, который рѣже всего бываетъ при дворѣ

мнѣніемъ уже не руководствовали, какъ, бывало, при Екатеринѣ, влiянiя, свыше исходившiя: оно прiобрѣло собственныхъ двигателей и собственное направленiе. Если, конечно, прекратились жестокости и общiй ужасъ Павлова царствованiя, то въ дѣйствiяхъ властей посредствующихъ было столько же, можетъ статься, даже еще болѣе неправильности и безпорядковъ, ибо безстрашiе ихъ усиливалось надеждою на кротость и снисходительность государя, и злоупотребленiя, на которыя нѣкогда такъ горько жаловался великiй князь, нисколько не были умѣрены или истреблены императоромъ. Все это вмѣстѣ не могло не повлечь за собою сперва охлажденiя, потомъ ропота, наконецъ, полнаго разочарованiя. На Александра уже перестали смотрѣть такъ, какъ въ первые дни его царствованiя. Время золотыхъ надеждъ прошло очень скоро, и очень также скоро убѣдились, что вѣкъ Траяновъ—какъ тогда желали, въ поэтическомъ самообольщенiи, называть это царствованiе—существовалъ въ одномъ воображенiи. Любимцы государевы, возбудивъ, своими нововведенiями и своею неопытностью, многiя трудности, должны были и сами бороться съ другими еще затрудненiями, менѣе доходившими до свѣдѣнiя публики. Съ одной стороны личность Александра, съ другой — вражда ихъ противниковъ и начинавшее уже проявляться народное неудовольствiе полагали препоны свободному ихъ дѣйствiю. Новосильцовымъ и его союзниками постепенно стали овладѣвать пресыщенiе, усталость, родъ отчаянiя, которымъ нерѣдко подпадаютъ государственные люди, когда, сдѣлавъ много разныхъ преобразованiй, они не видятъ никакого отъ нихъ плода. Связь ихъ съ государемъ еще держалась; но они менѣе прежняго вѣрили его постоянству, а онъ менѣе вѣрилъ— ихъ способности къ дѣлу.

Между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ ярко уже блистала звѣзда Наполеона, или, какъ мы въ то время еще его называли, Бонапарта. У насъ еще не было прямыхъ съ нимъ столкновенiй; но убiйство герцога Энгiенскаго внушило крайнее омерзенiе Александру. На всякiй случай представлялся необходимымъ тѣснѣйшiй союзъ съ Англiею. Чарторыжскiй предложилъ для этого важнаго дипломатическаго порученiя Новосильцова. Подъ предлогомъ ученой цѣли [1]) будто бы собранiя матерiаловъ для законодательства—предлогомъ, мало, однако, кого обманувшимъ,—Новосильцовъ отправился въ Лондонъ въ глубокую осень 1804 года и возвратился весною 1805 г. Союзъ былъ заключенъ, и разрывъ съ Францiею сталъ неизбѣженъ [2]). Привычка государя къ тремъ

[1]) Lefebre, Histoire des cabinets de l'Europe, t. II, p. 170.

[2]) Михайловскiй-Данилевскiй, Описанiе войны 1805 г., стр. 67 и 154.— Thiers, Histoire du consulat et de l'empire, t. VI, p. 217—225.—Разсказы Я. А. Дружинина, М. А. Балугьянскаго, Х. А. Бека.

друзьямъ была еще такъ сильна, что, отправляясь въ армію, онъ взялъ ихъ всѣхъ съ собою. Война кончилась, какъ извѣстно, бѣдственнымъ Аустерлицкимъ сраженіемъ, которое, помрачивъ нашу военную славу, косвенно нанесло и первый ударъ вліянію Новосильцова и Чарторыжскаго. Оба, вмѣстѣ съ Кутузовымъ, всячески старались удержать государя отъ сраженія, виды котораго представлялись столь неблагопріятными; но юношескій порывъ Долгорукаго и собственное желаніе молодого монарха испытать впервые свое военное счастіе одержали верхъ надъ ихъ предостереженіями. Жестокій урокъ, данный Наполеономъ неопытному вождю на кровавыхъ поляхъ Аустерлица, оправдалъ благоразуміе ихъ сомнѣнія; но Александръ, въ душѣ своей, не могъ простить этимъ совѣтникамъ, что они были—предусмотрительнѣе его.

Несчастная кампанія и самая поспѣшность, съ которою Александръ оставилъ театръ войны, еще болѣе охладили расположеніе къ нему умовъ. Вмѣстѣ съ арміею [1]), громко роптало и уязвленное самолюбіе великой имперіи, издавна оглашавшейся одними побѣдными кликами. Особенно въ Москвѣ неудовольствіе обнаруживалось совершенно гласно [2]). Князю Багратіону, пріѣхавшему туда изъ арміи, давали множество праздниковъ, на которыхъ всячески славили его мужество и личныя дѣйствія въ минувшую войну; но въ честь Александра не было во всемъ этомъ, какъ бы по общему уговору, ни одного слова, ни одного движенія. Съ возвращеніемъ государя въ Петербургъ уже и въ публикѣ начали замѣчать, что Новосильцовъ и Чарторыжскій не пользуются прежнимъ довѣріемъ. Первый, однако, еще былъ избранъ для переговоровъ съ Франціею, къ которой отношенія наши, послѣ Аустерлицкаго дѣла, оставались въ положеніи совершенно неопредѣлительномъ. Въ 1805 году онъ [3]), въ сопровожденіи друга и бывшаго наставника Чарторыжскаго, итальянца Піатоли, уже поѣхалъ въ Парижъ, какъ вдругъ вѣсть о присоединеніи Генуэзской республики къ Франціи побудила Александра отозвать его еще съ пути, изъ Берлина. На мѣсто Новосильцова, по предложенію Чарторыжскаго, былъ отправленъ въ Парижъ статскій совѣтникъ П. Я. Убри, подъ предлогомъ обмѣна плѣнныхъ, но съ тайнымъ уполномочіемъ, въ случаѣ небезвыгодныхъ условій, заключить и самый миръ. Это порученіе, въ послѣдствіяхъ своихъ, должно было нанести новый ударъ значенію нашихъ друзей. Извѣстно, что Петербургскій дворъ отказалъ въ ратификаціи подписаннаго Убри мирнаго трактата, хотя условія его были—особенно по сравненію съ со-

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій, Описаніе отечественной войны 1812 г., ч. I, стр. 140.

[2]) Mémoires du comte Stedingk, t. II, p. 150 et 151.

[3]) Записки барона Розенкампфа.

*

стоявшимся годомъ позже миромъ Тильзитскимъ—такъ выгодны и почетны, какъ только позволяли тогдашнія обстоятельства. Ни Чарторыжскій, ни Новосильцовъ не находили, съ своей стороны, никакого препятствія согласиться на эти условія; но загадка отказа объяснялась тѣмъ, что государь, еще при самомъ отправленіи Убри, рѣшился, втайнѣ отъ своихъ министровъ, не утверждать никакихъ мирныхъ условій. Вслѣдствіе того, когда Убри возвратился съ трактатомъ, Александръ, представясь крайне недовольнымъ его содержаніемъ, объявилъ, что такое важное дѣло необходимо обсудить сперва въ Совѣтѣ. Здѣсь, несмотря на личное убѣжденіе нѣкоторыхъ изъ членовъ, масса искусно умѣла угадать истинные виды государя. Чарторыжскій и Убри тщетно защищали трактатъ: Совѣтъ призналъ его вреднымъ и предосудительнымъ для Россіи, замѣтивъ притомъ, что Убри превзошелъ предѣлы своего уполномочія; словомъ, трактатъ былъ отвергнутъ, и Убри удаленъ на время въ деревню, не потерявъ, впрочемъ, ничего, а напротивъ, вскорѣ затѣмъ получивъ награду. Но такая двойственность Александра глубоко уязвила Чарторыжскаго [1]). Подобно тому, какъ государь выдалъ его въ этомъ случаѣ, онъ и въ разныхъ другихъ не только не слѣдовалъ, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, предложеніямъ своего министра, но и дѣйствовалъ—какъ бы лишь наперекоръ ему—совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Чарторыжскій не могъ долѣе переносить такого двусмысленнаго положенія и подалъ въ отставку. Тутъ государь вдругъ прикинулся чрезвычайно удивленнымъ, даже пораженнымъ, упрашивалъ его остаться, возражалъ невозможностью кѣмъ-либо его замѣстить и, наконецъ, когда Чарторыжскій остался непреклоненъ въ своемъ намѣреніи, потребовалъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ рекомендовалъ кого-нибудь на свое мѣсто. Чарторыжскій назвалъ министра коммерціи графа Румянцова; Александръ отвергнулъ это предложеніе, почти какъ насмѣшку: Румянцова всѣ знали за слѣпого обожателя Наполеона, а Александръ былъ тогда весь пропитанъ ненавистью къ императору французовъ. Онъ снова сталъ настаивать, чтобъ Чарторыжскій оставался на своемъ мѣстѣ, и Новосильцовъ, вмѣстѣ съ Строгановымъ, тоже всячески старались его удержать. Они подали даже о томъ государю очень сильное письмо и, наконецъ, убѣдили самого Чарторыжскаго заявить, что онъ отмѣняетъ прежнее намѣреніе. Тѣмъ огорчительнѣе было для всѣхъ ихъ, когда, вмѣсто ожиданнаго изъявленія удовольствія, Александръ, пожавъ плечами, холодно отвѣчалъ, что такая перемѣна мыслей пришла, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, потому что онъ, между тѣмъ, рѣшился уже на другого. Вслѣдствіе того, Чарто-

---

[1]) Mémoires du comte de Stedingk, t. II, p. 183.—Разсказы Я. А. Дружинина.—Записки близкаго тогда къ Чарторыжскому барона Розенкампфа.

рыжскій, въ іюлѣ 1806 года, уволенъ былъ отъ министерства, при непремѣнномъ, впрочемъ, требованіи, чтобъ онъ сохранилъ прочія свои должности и оставался всегда при государѣ въ качествѣ совѣтника и друга. Вигель, касаясь этой эпохи и этого событія, пишетъ: «Одного изъ послѣдователей англійской системы не щадило тогда общее мнѣніе. Князь Адамъ Чарторыжскій, управляющій иностранными дѣлами и находившійся, во время путешествія и Аустерлицкаго сраженія, при государѣ, сдѣлался всѣмъ ненавистенъ. Въ среднихъ классахъ называли его просто измѣнникомъ, а тайная радость его при видѣ неблагопріятныхъ для насъ событій не избѣжала также отъ глазъ высшей публики. Императоръ, въ это время, дорожилъ еще мнѣніемъ Россіи, которая громко взывала къ нему объ удаленіи предателя, и Чарторыжскій, къ концу лѣта, долженъ былъ оставить министерство, сохранивъ только званіе попечителя Виленскаго университета» [1]. — Все это едва ли вполнѣ вѣрно. Чарторыжскій былъ слишкомъ скрытенъ и остороженъ, а ходъ дипломатическихъ дѣлъ былъ покрытъ слишкомъ большою тайною, чтобъ публика могла много знать и объ управляющемъ, и объ его управленіи. Мы не находимъ, притомъ, никакихъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ, чтобъ «Россія громко взывала къ Александру объ удаленіи предателя». Русскіе могли не любить поляка Чарторыжскаго, какъ потомъ не любили нѣмца Канкрина, но никто не былъ предметомъ такой горькой и явной ихъ ненависти, какъ, впослѣдствіи, коренной р у с с к і й—Сперанскій.

Какъ бы то ни было, но, спустя нѣсколько дней послѣ разговора съ Чарторыжскимъ, управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ было передано генералу барону А. Я. Будбергу, прежде и громче всѣхъ кричавшему противъ заключеннаго Убри трактата [2]. Государь зналъ и любилъ его еще въ бытность свою великимъ княземъ; но Будбергъ, болѣзненный и чуждый всякихъ государственныхъ видовъ, не былъ ни дипломатомъ, ни вообще дѣловымъ человѣкомъ, и не имѣлъ даже приличныхъ его посту внѣшнихъ формъ. Состоявъ сперва посланникомъ при шведскомъ дворѣ и потомъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, онъ не умѣлъ удержаться ни на которомъ изъ этихъ постовъ. Всѣ были увѣрены, что и новое назначеніе его можетъ быть только промежуточнымъ, а иностранные дипломаты, тотчасъ замѣтивъ его ничтожество, не сомнѣвались, что онъ будетъ слѣпымъ игралищемъ въ рукахъ подчиненныхъ [3].

---

[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. II, Москва. 1892, стр. 206.

[2]) Отказъ въ ратификаціи этого трактата сообщенъ былъ французскому министерству, въ августѣ 1806 г., также ужъ Будбергомъ.

[3]) Mémoires du comte Stedingk, t. II, p. 189.

Отношенія государя къ Новосильцову становились также все холоднѣе. Послѣ увольненія Чарторыжскаго, и онъ просилъ отставки, но не получилъ ея. Тогда (въ ноябрѣ 1806 г.) онъ, вмѣстѣ съ друзьями своими, рѣшился еще на одинъ шагъ, внушенный имъ плачевнымъ прозрѣніемъ въ будущее. Въ поданной государю отъ имени всѣхъ трехъ запискѣ [1]) они изобразили, живыми, но не преувеличенными красками, трудности и опасность политическаго положенія Россіи, особенно настаивая на необходимости смѣнить неспособныхъ и слабыхъ Будберга и военнаго министра Вязмитинова. Записка эта осталась въ то время безъ прямого результата (Будбергъ былъ смѣненъ уже во второй половинѣ 1807 г., а Вязмитиновъ замѣненъ Аракчеевымъ въ 1808 г.); но государь еще явилъ Новосильцову послѣдній, хотя и нѣсколько странный [2]), знакъ довѣрія: по случаю несогласій, происшедшихъ, послѣ Пултускаго сраженія, между Беннигсенемъ и Буксгевденомъ, онъ былъ посланъ въ главную квартиру, для развѣданія истины, и дѣло было рѣшено, по его донесенію, въ пользу Беннигсена [3]). Потомъ государь, въ сопровожденіи Новосильцова и Будберга, самъ отправился въ армію и оставался при ней до мира, вынужденнаго несчастнымъ Фридландскимъ дѣломъ [4]) и бездѣйствіемъ нашихъ союзниковъ,—мира, столь невыгоднаго и позорнаго для Россіи, окончившаго войну передачею во власть Наполеона бо̀льшей части Западной Европы, утвердившаго мысль о его непобѣдимости и, наконецъ, причинившаго разрывъ нашъ съ Англіею, а чрезъ то остановку въ торговлѣ, затрудненіе въ денежныхъ оборотахъ и упадокъ ассигнацій. Переговоры объ этомъ мирѣ, заключенномъ, какъ извѣстно, въ Тильзитѣ, 25-го іюня 1807 г., ведены были, впрочемъ, безъ всякаго участія Новосильцова, князьями Куракинымъ и Лобановымъ-Ростовскимъ; но и они оба представляли только исполнителей тѣхъ рѣшеній, которыя постановлялись между Наполеономъ и Александромъ въ вечернихъ бесѣдахъ ихъ въ Тильзитѣ, оставшихся покрытыми, навѣки, непроницаемою тайною. Между тѣмъ этотъ миръ, столь быстро послѣдовавшій за торжественными проклятіями, которыя возглашались у насъ передъ алтарями противъ Наполеона, совершенно измѣнилъ политику нашего кабинета. Перекинувшись, какъ обыкновенно, изъ одной крайности въ другую, Александръ, изъ непримиримаго врага императора французовъ, обратился вдругъ въ самаго жаркаго его почитателя и поборника. «Je suis comme vous

---

[1]) Черновая записка читана была нами у Я. А. Дружинина.

[2]) Странный, потому что Новосильцовъ былъ чиновникъ гражданскій, ничего не разумѣвшій въ военномъ дѣлѣ.

[3]) Записки барона Розенкампфа и Л. И. Голенищева-Кутузова.

[4]) Михайловскій-Данилевскій, Описаніе войны 1806 и 1807 годовъ, стр. 359, 372, 382, 404 и 405.

l'ennemi de l'Angleterre» [1])—сказалъ онъ Наполеону на историческомъ нѣманскомъ паромѣ [2]), и потомъ, увидѣвъ Новосильцова, встрѣтилъ его словами [3]): «Eh bien, j'ai accepté la Légion d'honneur!» [4]). Александръ очень хорошо зналъ, что новая его политическая система совершенно противна убѣжденію и желаніямъ прежняго его любимца, отъ котораго потому все и было ведено въ тайнѣ; но и Новосильцовъ, съ своей стороны, слишкомъ коротко зналъ своего государя и права свои на его довѣренность. «Теперь—отвѣчалъ онъ, не скрывая своего огорченія,—я могъ бы только повредить новому союзу вашего величества и новой вашей политикѣ. Наполеону извѣстна и личная моя къ нему вражда, и моя пріязнь къ Англіи; слѣдственно, покамѣстъ я при лицѣ вашемъ, онъ не можетъ вполнѣ полагаться на искренность вашихъ чувствъ, а потому, чтобы утвердиться въ довѣріи новаго вашего союзника, вамъ никакъ нельзя долѣе держать меня при себѣ: вы, напротивъ, должны меня прогнать, и прогнать гласно, торжественно». Александръ не сдѣлалъ этого, но привелъ обстоятельства почти къ такому же исходу, если не по формѣ, то въ сущности. Сперва у Новосильцова былъ отнятъ портфель духовныхъ дѣлъ, съ передачею его князю А. Н. Голицыну, человѣку, который, не имѣвъ никогда собственнаго мнѣнія, умѣлъ очень искусно поддѣлываться подъ мысли государя. Новосильцовъ переѣхалъ изъ дворца, сталъ уклоняться отъ личныхъ докладовъ, посылая, вмѣсто себя, правителя своей канцеляріи Дружинина, и, когда государь принялъ это съ неудовольствіемъ, то уѣхалъ въ деревню къ очень извѣстной, въ то время, своею оппозиціею нашему правительству графинѣ Софьѣ Потоцкой. По возвращеніи оттуда, одинъ изъ его докладовъ сталъ постепенно отпадать за другимъ, и хотя—вѣроятно для нѣкоторой благовидности его удаленія—онъ былъ пожалованъ въ сенаторы, но и ему, и Чарторыжскому совсѣмъ пресѣкся прежній свободный доступъ въ государевъ кабинетъ. Причину окончательнаго паденія прежнихъ любимцевъ Александра не слѣдовало ли, впрочемъ, искать менѣе въ перемѣнѣ внѣшней его политики, чѣмъ въ томъ переломѣ, который тильзитское свиданіе произвело въ немъ самомъ?—Ежедневныя, въ продолженіе трехъ недѣль, бесѣды съ тѣмъ, котораго современники провозглашали величайшимъ изъ смертныхъ, не могли не показать русскому императору, какъ мало самъ онъ до тѣхъ поръ былъ самостоятеленъ. Послѣ стольких ночей, проведенныхъ лицомъ къ лицу съ Наполеономъ, онъ болѣе узналъ и собственную свою цѣну,

---

[1]) Т. е. Какъ и вы, я врагъ Англіи.
[2]) Napoléon et Marie-Louise par Méneval, t. I, p. 347.
[3]) Разсказы Я. А. Дружинина. Записки Розенкампфа.
[4]) Т. е. Вотъ, я принялъ знаки Почетнаго Легіона.

*

и цѣну тѣхъ благородныхъ, но не всегда дальновидныхъ совѣтниковъ, которые прежде казались ему умами столь превосходными. При такой перемѣнѣ во взглядѣ, министры Александра не могли не упасть въ его глазахъ, пока надъ слабымъ его характеромъ не возобладали вновь два другія лица: Аракчеевъ, съ великими своими заслугами въ преобразованіи арміи, и Сперанскій, съ тѣмъ обаятельнымъ дарованіемъ, которое привлекало Александра къ его бесѣдѣ даже и послѣ Наполеона. Но теперь мы говоримъ еще только объ ихъ предмѣстникахъ. Чарторыжскій, признавъ недостойнымъ себя ниспускаться къ какимъ-нибудь оправданіямъ или объясненіямъ передъ измѣнчивымъ своимъ другомъ, сталъ искать развлеченія въ ученыхъ занятіяхъ. Новосильцовъ былъ менѣе выносчивъ. Считая себя обиженнымъ, онъ вездѣ гласно порицалъ Александра, понося и Тильзитскій миръ, и податливость нашего двора къ Наполеону, и неизбѣжность разрыва съ Англіею. Нѣсколько неосторожныхъ словъ, сказанныхъ имъ, съ обычнымъ его легкомысліемъ, гдѣ-то на публичномъ обѣдѣ, переполнили мѣру. Онъ принужденъ былъ уѣхать за границу. Кочубей, съ своей стороны, въ ноябрѣ 1807 г., былъ уволенъ, подъ предлогомъ болѣзни, въ безсрочный отпускъ, съ замѣщеніемъ его, въ постѣ министра внутреннихъ дѣлъ, княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ. Наконецъ, Строгановъ былъ слишкомъ чистосердеченъ и прямъ, чтобы, послѣ всего происшедшаго и предвидимаго, оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ къ государю: онъ предпочелъ, еще при началѣ кампаніи 1807 года [1]), перемѣнить свой портфель на мечъ, явился къ дѣйствующей арміи и, за блестящее дѣло въ авангардѣ Платова, получилъ, въ гражданскомъ чинѣ тайнаго совѣтника, Георгія 3-й степени; по заключеніи же Тильзитскаго мира былъ переименованъ въ генералъ-маіоры и пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Такимъ образомъ тотъ союзъ, который, несмотря на добрыя намѣренія его участниковъ, произвелъ, по личнымъ качествамъ и ихъ, и, отчасти, самого Александра, едва-ли не болѣе вреда, нежели пользы, окончательно рушился.

В послѣдствіи Новосильцовъ и Чарторыжскій были снова призваны къ разнымъ государственнымъ постамъ, но высшее, прежнее значеніе ихъ при лицѣ Александра уже никогда болѣе не возобновлялось, а Строгановъ умеръ въ 1817-мъ году. Кочубей въ послѣдующіе годы царствованія Александра является уже не какъ другъ, а какъ простой министръ своего монарха. Паденіе союзниковъ [2]) и новый видъ внѣшнихъ нашихъ сношеній естественно усилили на первое время преобладаніе графа Николая

---

[1]) Слышано отъ П. С. Кайсарова. Михайловскій-Данилевскій, Военная галлерея Зимняго дворца.

[2]) Бекъ.—Mémoires du comte Stedingk, t. II, p. 189, 257, 436.

Александровича Толстого и его приверженцевъ. Вліяніе ихъ стало косвенно простираться на самыя важныя дѣла, и предводительствуемая Толстымъ партія, преданная Франціи, одержала рѣшительный верхъ. Министерству ничтожнаго Будберга, котораго не могли свергнуть Чарторыжскій и Новосильцовъ, положенъ былъ конецъ усиленіемъ болѣзненнаго его положенія. Портфель иностранныхъ дѣлъ, послѣ краткаго управленія князя Александра Николаевича Салтыкова, былъ ввѣренъ, сперва (въ сентябрѣ 1807 г.) временно, а потомъ (въ февралѣ 1808 г.) и окончательно, тому человѣку, самое предложеніе котораго къ этому посту Александръ, такъ еще недавно, принималъ за насмѣшку, именно графу Румянцову. Послѣдній уже давно желалъ этого званія; но ни другимъ, ни ему самому не вѣрилось, чтобъ такое желаніе могло когда-нибудь осуществиться. Вдругъ Александръ самъ явился къ нему съ просьбою принять министерство иностранныхъ дѣлъ [1]). Показавъ сперва видъ нѣкотораго уклоненія, Румянцовъ наконецъ поддался, будто бы уступая только убѣжденіямъ государя; но единственно на условіи сохранить, вмѣстѣ, и прежнее свое министерство коммерціи. Назначеніе его было новымъ торжествомъ для французской партіи и для всѣхъ тѣхъ, которые одобряли перемѣнившуюся политику нашего кабинета. Система ихъ, кромѣ пріязни къ Франціи [2]) и почтенія къ Наполеону, утверждалась еще болѣе на томъ соображеніи, что для насъ, ограниченныхъ одними собственными средствами, всякая борьба съ этимъ исполиномъ, располагавшимъ рессурсами цѣлаго Запада, принадлежитъ къ области невозможнаго. Но число думавшихъ такъ было не велико. «Возгорѣвшаяся съ Франціею война—писалъ Шишковъ—воспламенила всѣхъ молодыхъ людей гордостію и самонадѣяніемъ. Поскакали всѣ, и самъ государь, на поле сраженія; боялись, что французы не дождутся и уйдутъ, но, по несчастію, они не ушли и доказали намъ, что въ подобныхъ случаяхъ лучше терпѣливая опытность, нежели неопытная опрометчивость. Послѣдовавшій вскорѣ за симъ Тильзитскій миръ уничижилъ чело могущественной Россіи принятіемъ самыхъ постыднѣйшихъ для нея условій, превратившихъ презираемаго доселѣ и страшившагося насъ Бонапарта въ грознаго Наполеона [3])». Масса желала новой войны; желала, почти требовала, чтобъ смыто было пятно тильзитскихъ уступокъ, принятыхъ въ Россіи съ горькими насмѣшками и съ чувствомъ оскорбленнаго народнаго достоинства. При такомъ расположеніи умовъ, передача нашихъ иностранныхъ сношеній въ руки человѣка, который былъ извѣстенъ совершенно противнымъ тому направленіемъ, не могла

---

[1]) Mémoires du comte Stedingk, t. II, p. 338, 339, 343, 403 и 457.
[2]) Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.
[3]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. I.

не возбудить большого негодованія. Сверхъ того, многіе знали, что Румянцовъ,—которому судьба предопредѣляла, впослѣдствіи, такую почтенную роль въ качествѣ щедраго мецената и поощрителя ученыхъ трудовъ, — какъ государственный человѣкъ стоялъ ниже посредственности и, обладая одними формами, не имѣлъ высшихъ, необходимыхъ для его важнаго поста качествъ. Незадолго передъ тѣмъ (11-го апрѣля 1807 г.) Новосильцовъ писалъ Кочубею [1]): «Le comte Roumanzoff est un fou qu'on mystifie, qui voit dans l'Angleterre un rival très dangereux pour le commerce des Indes, de la Chine et du Japon; tout ce qu'il dit est parfaitement d'accord avec l'idée, qu'on doit avoir de lui; mais je ne conçois pas l'aveuglement de ceux qui ne voyent pas qu'il n'a pas le sens commun et que, si on le laissait faire, il ne se contenterait pas de perdre notre commerce, mais aussi tout l'empire avec [2])».—Это письмо было выраженіемъ почти общаго, въ то время, мнѣнія высшей публики о Румянцовѣ [3]).

Въ званіи министра коммерціи онъ никогда не умѣлъ оцѣнить истинныхъ потребностей нашей торговли, а въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ видѣлъ положеніе Россіи въ совершенно превратномъ свѣтѣ. Такъ, сравнивая Наполеона съ огнедышащею горою, которой только надо дать выкипѣть, чтобъ она сама собою потухла, онъ былъ убѣжденъ, что необходимо уступать, покамѣстъ, всѣмъ его требованіямъ, лишь бы оставаться съ нимъ въ мирѣ.

Въ быстромъ нашемъ очеркѣ мы уже видѣли, сколько произошло перемѣнъ и внутри и внѣ Александра со времени его воцаренія; но мы видѣли также, сколько онѣ были не въ его пользу. Колеблемость и безуспѣшность внутреннихъ мѣръ и преобразованій; неудачные выборы и замѣщенія; несчастныя войны; еще болѣе несчастный Тильзитскій миръ; наконецъ, слабая, прекословившая общему мнѣнію и общимъ пользамъ политика внѣшняя, — все это болѣе и болѣе возбуждало умы противъ правительства и, разумѣется, преимущественно противъ его главы. Связывая эту эпоху съ нѣсколько позднѣйшею, Карамзинъ, въ отважномъ чистосердечіи, писалъ самому государю [4]): «Рос-

[1]) Архивъ князя Кочубея.

[2]) Переводъ: Графъ Румянцовъ — безумецъ, котораго дурачатъ, который видитъ въ Англіи опаснаго соперника для Россіи въ отношеніи торговли съ Индіею, Китаемъ и Японіею. Все, что онъ говоритъ, вполнѣ отвѣчаетъ тому понятію, которое должно имѣть о немъ. Но я удивляюсь ослѣпленію тѣхъ, которые не хотятъ понять, что въ немъ нѣтъ здраваго смысла, и что если ему будетъ дана полная свобода дѣйствій, то онъ погубитъ не только всю нашу торговлю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и все государство.

[3]) Mémoires d'un homme d'état, t. XI, p. 313 et 347.

[4]) Въ запискѣ „О древней и новой Россіи". См. А. Н. Пыпинъ, Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I, изд. 3-е, Спб. 1900, стр. 499.

сія наполнена недовольными. Жалуются въ палатахъ и хижинахъ. Не имѣютъ ни довѣренности, ни усердія къ правленію; строго осуждаютъ его цѣли и мѣры.... Не будемъ обманывать себя и государя, твердя, что люди обыкновенно любятъ жаловаться и всегда недовольны настоящимъ: сіи жалобы разительны ихъ согласіемъ и дѣйствіемъ на расположеніе умовъ въ цѣломъ государствѣ». Шведскій посланникъ Стедингъ, который передъ своимъ монархомъ, могъ быть, въ этомъ отношеніи, еще откровеннѣе, доносилъ ему, въ письмѣ отъ 23-го сентября 1807 года: «Неудовольствіе противъ императора все возрастаетъ, и на этотъ счетъ говорятъ такія вещи, что страшно слушать.

И Вигель въ своихъ Запискахъ долго останавливается на перемѣнѣ въ расположеніи умовъ, произведенной Тильзитскимъ миромъ, хотя и извиняя Александра и болѣе порицая его народъ. «На Петербургъ— писалъ онъ,—даже на Москву и на всѣ тѣ мѣста въ Россіи, коихъ просвѣщеніе болѣе коснулось, миръ сей произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что иное можетъ быть, какъ порабощеніе ему, какъ признаніе его надъ собою власти. Я не хвалюсь великою мудростію, но въ этомъ я увидѣлъ жестокую несправедливость русскихъ; мнѣ за нихъ стало стыдно.

Все, что человѣкъ, не рожденный полководцемъ, можетъ сдѣлать, все то сдѣлалъ императоръ Александръ: чтò оставалось ему, когда онъ увидѣлъ безчисленную рать непріятельскую, разбитое свое войско, подкрѣпленное одною только свѣжею, новосформированною дивизіею князя Лобанова, и всѣмъ ужаснаго Наполеона, стоящаго уже на границѣ его государства? Что сказали бы русскіе, если бъ за нее впустилъ онъ его? И въ этомъ тяжкомъ для его сердца примиреніи развѣ не сохранилъ онъ своего достоинства? Развѣ не умѣлъ онъ, побѣжденный, стать совершенно наравнѣ съ побѣдителемъ и тутъ явиться еще покровителемъ короля Прусскаго? Такимъ ли бѣдствіямъ, такимъ ли униженіямъ подвергалъ себя императоръ Францъ II? Чтò дѣлали его подданные? Дѣлили съ нимъ горе и, съ каждымъ новымъ несчастіемъ, крѣпче тѣснились къ нему и сыновнѣе его любили» [1]).

Будемъ, однакоже, справедливы. Если въ то время разрушилось очарованіе; если порвалась цѣпь взаимнаго довѣрія, связывавшая народъ съ царемъ; если Россія измѣнила любви своей къ Александру,—то всѣ ея вины были потомъ искуплены кровью въ годину 1812 года, а Александръ въ дни своей славы вспомнилъ только прежнее.

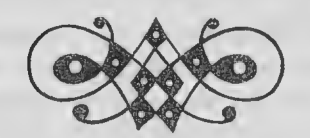

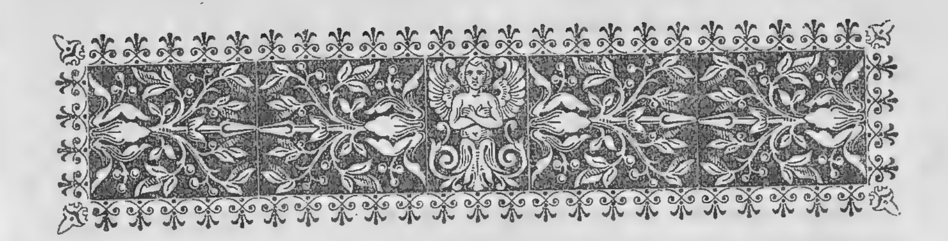
[1]) Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. II, Москва. 1892, стр. 232—233.

*

Въ описываемое нами теперь время, при такомъ броженіи умовъ, при разрывѣ между народомъ и царемъ и потерянной довѣренности къ правительству, при такихъ трудныхъ и опасныхъ обстоятельствахъ въ жизни государства, и выступилъ на высшее поприще—Сперанскій...

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

Марина Мнишекъ послѣ майскаго погрома.

Вопреки скуднымъ извѣстіямъ, оставшимся о Маринѣ, можно смѣло утверждать, что она была не заурядная женщина. Только сильный характеръ можетъ, не сломившись, перенести такія превратности, какъ мгновенное величіе, внезапное несчастіе, долгое плѣненіе и бурная казацкая жизнь.

На русскомъ языкѣ не имѣется особой монографіи о Маринѣ. Между поляками нашелся графъ Артуръ Потоцкій, написавшій о ней цѣлую книгу, довольно, впрочемъ, пустую. Несравненно научнѣе и содержательнѣе статья Шуйскаго, но онъ говоритъ въ ней о самозванцахъ гораздо больше, чѣмъ о Маринѣ.

Упрекать его за это было бы несправедливо, ибо фактическаго матеріала ему дѣйствительно не доставало. Съ тѣхъ поръ, появилось въ печати кое-что новое, какъ-то полныя изданія Велевицкаго и Діаментовскаго, дневники Яна-Петра Сапѣги и Нѣмоевскаго [1]; стали доступны показанія Юрія Мнишка, депеши нунція Симонетты, извѣстія Николая Мело, дневникъ Мартына Стадницкаго, другія мелкія бумаги [2]). Конечно, можно пожалѣть, что и въ этихъ источникахъ нѣтъ бо̀льшаго обилія, но они все-таки дозволяютъ вернуться снова къ старому вопросу, ибо освѣщаютъ нѣкоторыя, до сихъ поръ не разъясненныя событія, послѣдовавшія за майскимъ погромомъ.

---

[1]) Wielewicki, Historici Diarii, т. II.—Hirschberg, Polska a Moskwa (содержитъ дневники Діаментовскаго и Сапѣги).—Pamiętnik Stanisława Niemojewskiego (изд. Гиршберга).

[2]) Перечисленные здѣсь памятники, за малыми отрывками, еще не изданы.

I.

Роковой день грянулъ для Марины совершенно нежданно-негаданно. Увлекаясь кремлевскими торжествами, среди ежедневныхъ заботъ и увеселеній, она едва-ли сознавала близость и крайность опасности; не замѣтно также, чтобы кто-либо ее предупредилъ. Въ ночь 27-го мая 1606 г., услышавъ отчаянный крикъ Димитрія, понявъ, что ей грозитъ недоброе, она сперва скрылась въ подвальныхъ помѣщеніяхъ; но, спохватившись, вернулась въ свои покои, гдѣ ее окружилъ весь ея женскій штатъ. Наступили геройскія сцены. Разсвирѣпѣвшая толпа тѣснилась со всѣхъ сторонъ, добираясь до внутреннихъ покоевъ, не находя препятствій, пока не наткнулась на молодого Яна Осмольскаго. Онъ стоялъ въ дверяхъ и, въ данную минуту, былъ единственнымъ защитникомъ Марины и ея подругъ. Узкіе проходы облегчали ему оборону. Обнаживъ мечъ, онъ храбро отстаивалъ натискъ черни, которая лишь по его трупу переступила черезъ порогъ. Вмѣстѣ съ нимъ отстранили панну Хмѣлевскую и такъ тяжко ее ранили, что она вскорѣ скончалась отъ нанесенныхъ ударовъ.

Проникнувъ въ царскіе покои, заговорщики увидѣли передъ собою толпу испуганныхъ и полуодѣтыхъ полекъ, и стали требовать «Маринку». Никто ея лично не зналъ, да и узнать ее въ данныхъ условіяхъ было бы трудно. Одно предательское слово, и она пропала: ее ожидала лютая смерть. Къ счастію, измѣнницы не нашлось. Вслѣдъ за чернью, во-время подоспѣли бояре и выручили несчастную царицу. Своимъ спасеніемъ она обязана вѣрности подругъ и мужеству Осмольскаго. Чернь была задержана, а задержка отклонила опасность. Что при этомъ творились безобразія, это очень можетъ быть, хотя польскіе источники ничего о нихъ не знаютъ. Къ числу неудачныхъ анекдотовъ слѣдуетъ отнести разсказъ Буссова, будто Марина спряталась подъ платье своей полнотѣлой охмистжины [1]). Ужъ если прятаться, такъ лучше выбрать тощую.

Единовременно съ своею дочерью, Юрій Мнишекъ также подвергался опасности, но, миновавъ ее, остался цѣлъ и невредимъ, подъ стражею московскихъ стрѣльцовъ, поплатившись только утратою своего имущества. Въ самый день погрома, князь Василій Васильевичъ Голицынъ и Михаилъ Игнатьевичъ Татищевъ навѣстили сендомирскаго воеводу. Ему даже дозволили свидѣться съ Мариною, и онъ отправился къ ней по окровавленнымъ улицамъ и не страшась заговорщиковъ [2]).

---

[1]) Ochmistrzyni—экономка, ключница.

[2]) Діаментовскій и Нѣмоевскій расходятся въ хронологіи свиданій Марины съ отцомъ. Предпочтеніе дано первому.

Мало-по-малу своеобразныя отношенія установились между нимъ и московскими властями. Стало очевидно, что имъ хотятъ воспользоваться, и не доводить его до ожесточенія. Въ день своего избранія на царство, Василій Шуйскій поспѣшилъ увѣрить Мнишка, что ему нечего бояться и что все уладится. Позаботились также о Маринѣ, снабжая ее припасами, и такъ какъ она не жаловала московской кухни, то ей приносили польскія блюда изъ дома ея отца. Наконецъ, высылая немедленно изъ Москвы военныхъ и челядь, Мнишку и его дочери оставили около трехъ сотъ человѣкъ для охраны и службы, хотя по оффиціальному списку ихъ насчитывалось только двѣсти тридцать. При этомъ, Шуйскій, вѣроятно, руководился двойнымъ соображеніемъ: ему слѣдовало считаться съ горючими элементами, которые еще таились въ Москвѣ, и такъ обходиться съ польскимъ сенаторомъ, чтобы не нашлось предлога для войны.

Юрій Мнишекъ также не растерялся. Разлука съ дочерью продолжалась не долго. Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца, Марину привели къ ея отцу, задержавъ въ Кремлѣ все ея добро. Нѣмоевскій передаетъ характерное ея восклицаніе при этой грустной встрѣчѣ, когда обнаружилось ея бѣдственное положеніе. «Я бы желала, говорила она, чтобы мнѣ отдали моего маленькаго негра, а прочее такъ и быть, хотя было у меня не мало драгоцѣнностей». На другой день, ей однакожъ выдали кое-что изъ платья и пустые ящики; все цѣнное, изящныя кареты, дорогія лошади, упряжь осталось на мѣстѣ, не исключая и того, что Марина привезла съ собою, и что составляло ея не отъемлемую собственность.

Молодое, безпечное сердце легче переносило невзгоду, чѣмъ дряхлый старикъ. Однако же, не смотря на свое огорченіе, сендомирскій воевода все-таки не унывалъ. Преклоняясь передъ своею дочерью, онъ воздавалъ ей царскія почести и мечталъ о сохраненіи для нея московской короны. Арсеній Элассонскій передаетъ слухъ, будто онъ домогался выдать замужъ Марину за Василія Шуйскаго: она бы передала своему супругу добытое присягою и вѣнчаніемъ право на царство, а супругъ даровалъ бы ей фактическую власть. Сама-по-себѣ такая развязка была возможна, хотя и не легко осуществима. Во всякомъ случаѣ, если Мнишекъ и сдѣлалъ такое предложеніе, то оно было отклонено: Шуйскій женился впослѣдствіи на княжнѣ Маріи Буйносовой-Ростовской.

Весь іюнь мѣсяцъ прошелъ въ допросахъ и совѣщаніяхъ. Мнишку не трудно было доказать, что во всемъ этомъ дѣлѣ главную и рѣшающую роль играли сами же русскіе. Его слушали, обнадеживали, но не поддавались его разсужденіямъ и не соглашались на отъѣздъ въ Польшу. Отказаться отъ такого заложника было бы не политично. Вмѣстѣ съ Мариною его перевели, 8-го іюля, въ домъ Аѳанасья Власьева, сосланнаго,

послѣ паденія Димитрія, на воеводство въ Сибирь. Въ слѣдующіе дни ему дозволили свиданія съ ближайшими родственниками—сыномъ, братомъ, княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, Сигизмундомъ Тарло. 17-го августа Станиславъ Мнишекъ даже переселился къ отцу на жительство.

При этихъ перемѣщеніяхъ сендомирскій воевода тѣшился надеждою, что до отъѣзда въ Польшу его не вышлютъ изъ Москвы. Пребываніе въ столицѣ, гдѣ находились хоть нѣкоторыя медицинскія средства, было необходимо для его здоровья, и Шуйскій обѣщалъ удовлетворить его желаніе, но не сдержалъ своего слова.

Уже въ началѣ августа, въ связи съ политическими событіями и внутренними раздорами, начали отправлять поляковъ въ болѣе отдаленные города. Такъ, князя Вишневецкаго сослали въ Кострому, Стадницкихъ, Нѣмоевскаго и Вольскаго въ Ростовъ, Сигизмунда Тарло съ женою въ Тверь, а другихъ еще гораздо дальше. 20-го августа, очередь дошла до Мнишка. Вопреки данному обѣщанію, его предупредили о предстоящей ссылкѣ въ Ярославль, мѣсто, назначенное для его пребыванія. Туда же направлялась бывшая царица Марина и всѣ члены ея семейства: Янъ, братъ Юрія, съ сыномъ, Станиславъ, сынъ Юрія, и Павелъ, его же племянникъ. Ихъ сопровождали бернардины, пріѣхавшіе съ Мариною къ Москву, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые. Объ отцѣ Анзеринѣ положительно извѣстно, что онъ не отлучался отъ Мнишекъ. Кромѣ того за ними слѣдовали шляхтичи и разнаго рода служителя. Всѣхъ отъѣзжающихъ набралось до 375. Въ этомъ числѣ заключались не только женщины и подростки, но и 58 человѣкъ, которые жили на дворѣ Глинскихъ подъ опекою Запорскаго и Двожицкаго и которыхъ, въ послѣднюю минуту, по просьбѣ Мнишка, Шуйскій согласился отпустить съ нимъ.

Выѣздъ состоялся 26-го августа подъ охраною трехсотъ стрѣльцовъ. Недавной пышности, при майскомъ въѣздѣ, не было никакихъ слѣдовъ. Поляки передвигались медленно, только днемъ, съ остановками для ночлега. Такимъ образомъ они достигли Ярославля лишь 3-го сентября.

Раскинутый на обоихъ берегахъ Волги, этотъ древній, но тогда невзрачный городъ, произвелъ на нихъ грустное впечатлѣніе. Нѣкогда столица удѣльнаго княжества, Ярославль, начиная съ XV вѣка, часто служилъ мѣстомъ изгнанія. Ссылались туда и русскіе князья, и татарскіе царевичи, и опальные бояре. Еще недавно проживалъ тамъ бывшій женихъ Ксеніи Годуновой, Густавъ, побочный сынъ Эрика XIV, короля шведскаго. Теперь же нахлынуло цѣлое ссыльное населеніе.

Не удивительно, что ему было трудно устроиться и размѣститься. Для Мнишекъ нашлись однако же четыре двора. Три изъ нихъ были

смежны. Въ первомъ поселился самъ воевода, въ другомъ—Марина съ своимъ женскимъ штатомъ, въ третьемъ—Станиславъ Мнишекъ съ Павломъ; дальше отъ нихъ, въ четвертомъ — Янъ Мнишекъ съ сыномъ. Впослѣдствіи они перешли въ другое помѣщеніе.

Такъ прошло около двухъ лѣтъ. Жили они въ Ярославлѣ безвыѣздно, оберегаемые стрѣльцами и подъ надзоромъ особо для нихъ назначенныхъ приставовъ. Отрѣшенные отъ внѣшняго міра, они только украдкою, но съ большимъ искусствомъ, заводили сношенія съ посторонними. За то, между собою они обращались безъ всякаго стѣсненія. Имъ было даже разрѣшено прогуливаться, а лѣтомъ—купаться.

Вообще, обхожденіе съ ними отличалось нѣкоторыми особенностями. Въ качествѣ сенатора и воеводы, Мнишекъ былъ окруженъ почетомъ. Онъ служилъ какъ бы посредникомъ между правительствомъ и поляками. Ему передавали порученія и тайны, оказывали изрѣдка мелкія царскія милости; однажды позволили писать женѣ, въ другой разъ предложили лѣкарство. Пристава его навѣщали, а онъ ихъ одаривалъ или приглашалъ къ столу, когда не было между ними разлада. Среди поляковъ онъ также сохранилъ свою власть, и нельзя отрицать его вліянія. Такъ, ему удалось предупредить не разъ возникавшіе безпорядки; бѣгство изъ Ярославля, о которомъ многіе мечтали, не состоялось вслѣдствіе его сопротивленія. Былъ даже такой случай, что, задержавъ татарина, бывшаго на его службѣ и хотѣвшаго перебѣжать къ москвичамъ, онъ его заковалъ и посадилъ на цѣпь.

При всемъ томъ, непріятностей было вдоволь. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что поляки, по дорогому для нихъ обычаю, были вооружены. А пристава побаивались, какъ бы не произошелъ бунтъ, и не причинилось бы кровопролитіе. Потому-то они неоднократно требовали выдачу оружія, то по собственному почину, то во имя московскаго правительства. Вслѣдъ за упорнымъ отказомъ, они предложили сложить оружіе у Мнишка, который взялъ бы на себя всю отвѣтственность. Но и на эту сдѣлку поляки не пошли. Они объявили, что скорѣе положатъ жизнь, чѣмъ отдадутъ оружіе, и дружно его отстояли.

Другое затрудненіе, чисто-матеріальнаго свойства, касалось насущнаго хлѣба. Такъ какъ они были на казенныхъ харчахъ, то имъ выдавались припасы и деньги на пищу. Въ два года, по счету самого Мнишка, на нихъ израсходовали 20.000 злотыхъ. Кромѣ того, они имѣли свои собственныя, конечно, ограниченныя средства; да въ добавокъ имъ позволялось продавать остатки ихъ имущества.

Но все это было не надежно, неупорядочено и подвергалось несноснымъ колебаніямъ. Подъ часъ дѣло улаживалось кое-какъ, но вообще поляки много и часто терпѣли отъ голода. Однажды имъ сократили безъ того скромную пищу на одну треть, и это продолжалось

долгое время. Случалось и такъ, что нѣсколько дней подъ рядъ имъ выдавали только хлѣбъ и пиво, то за неприбытіемъ обоза, то за повсемѣстнымъ будто-бы недостаткомъ. Поляки сердились, жаловались, неистовствовали, а въ концѣ-концовъ должны были все переносить и подчиняться.

Еще чаще, чѣмъ съ приставами, были столкновенія и ссоры съ стрѣльцами. Непрерывныя сношенія съ ними давали къ тому поводъ. Однако, при всей свирѣпости этихъ стражей, нашлась у нихъ и слабая сторона. За ничтожный посулъ они передавали полякамъ извѣстія и ходячіе слухи о военныхъ дѣйствіяхъ, о неудачахъ Шуйскаго, объ успѣхахъ Димитрія II. Они же, вѣроятно, служили посредниками для тайной переписки, ибо плѣнники какъ-то ухитрились сноситься между собою и съ Польшею. Имъ даже удалось получить письма отъ Николая Мело, августинскаго монаха, сосланнаго Шуйскимъ въ Борисоглѣбскій монастырь близъ Ростова. Эти продѣлки доходили до начальства, дѣлались взысканія, стрѣльцовъ приводили къ крестному цѣлованію, что они будутъ молчать, но, вопреки присягѣ, они соблазнялись копѣйками, и сообщенія съ посторонними не прекращались.

Между поляками также не все было ладно. Семейный духъ, кажется, одушевлялъ Мнишковъ, и взаимная любовь соединяла ихъ. Самъ воевода постоянно заботился не только о своихъ дѣтяхъ и родныхъ, но и о своихъ спутникахъ и подчиненныхъ. Большое и благотворное вліяніе на всѣхъ имѣлъ отецъ Анзеринъ. Когда онъ скончался въ Ярославлѣ, 6-го августа 1607 года, Діаментовскій посвятилъ ему нѣсколько прочувствованныхъ строкъ. Послѣ него, для исполненія требъ, остались его товарищи, между которыми своею преданностью Маринѣ отличался отецъ Антоній изъ Люблина. Для молитвы поляки собирались въ маленькой домовой церкви. Даже, такъ называемый сорокъ-часовникъ отбывался у нихъ. Онъ состоитъ въ томъ, что Священные Дары выставляются на поклоненіе въ теченіе двухъ сутокъ.

Среди свѣтлыхъ сторонъ были и темныя. Діаментовскій объ этомъ не распространяется, но есть намеки на разнаго рода соблазны, пьянство, непокорность, ссоры раздоры. Нашлись также перебѣжчики.

Впрочемъ, надо признаться, что имѣются также смягчающія обстоятельства. Положеніе поляковъ было безотрадно. Лишь изрѣдка сверкала надежда на свободу, на возвращеніе въ милую отчизну; гораздо чаще ихъ стращали заговорами противъ нихъ, какъ будто хотѣли ихъ зарѣзать или утопить. Такія вѣсти не мало смущали ихъ и тревожили. При томъ домашній ихъ обиходъ былъ самый жалкій: они нуждались въ необходимомъ, боролись съ бѣдностью, переживали пожары, ужасно терпѣли отъ сильныхъ морозовъ. Иногда между ними свирѣпствовали бо-

лѣзни, которыми они заражались одинъ отъ другого. Янъ Мнишекъ такъ опасно захворалъ, что сдѣлалъ свое духовное завѣщаніе. Онъ вскорѣ выздоровѣлъ, но бывали и смертные случаи. Такія обстоятельства не могли не воздѣйствовать на нравственное расположеніе плѣнниковъ, наводя на нихъ печаль и уныніе. Не обошлось также безъ видѣній и бѣсовскихъ прельщеній. Не разъ приводятся у Діаментовскаго чудесныя явленія на небесахъ: кто-то прочелъ стихи на лазурномъ сводѣ, другой видѣлъ саблю съ метлою; особенно волновала поляковъ луна, которая мерещилась имъ окровавленною. Другого рода происшествія приписывались всецѣло нечистому духу: страшный шумъ, неожиданный крикъ, произвольное перемѣщеніе предметовъ и внезапное ихъ паденіе.

Въ такой-то обстановкѣ молодая, жизнерадостная Марина провела около двухъ лѣтъ. Почти никакихъ особыхъ свѣдѣній о ней за это время не сохранилось, но можно полагать, что въ это именно время въ ней произошелъ переломъ. Сначала, потрясающія московскія событія, повидимому, произвели на нее лишь легкое впечатлѣніе; но въ долгомъ и скучномъ уединеніи, при полномъ отрѣшеніи отъ внѣшняго міра, при жизненныхъ тревогахъ, въ неизвѣстности будущаго, конечно, многое переварилось въ ея головушкѣ, характеръ ея могъ измѣниться, и ею могла овладѣть несбыточная мечта. Были съ нею и другія женщины, но какія именно, неизвѣстно [1]). Впослѣдствіи оказалась при ней панна Казановская; очень вѣроятно, что она была также въ Ярославлѣ.

Въ теченіе этого двухлѣтія встрѣчается одинъ только фактъ, который бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на Марину, да и онъ достовѣренъ только въ общемъ, а не въ подробностяхъ. Дѣло въ томъ, что уже 1-го іюля 1606 года, если не раньше, дошли до Мнишекъ странные слухи: разсказывали, будто Димитрій избѣгнулъ смерти и вскорѣ опять появится. Какъ извѣстно, эти слухи упорно и долго держались въ Польшѣ и въ Москвѣ. Въ связи съ ними является побѣгъ изъ Ярославля Яна Бильчинскаго. Сосланный вмѣстѣ съ Мнишками, онъ, подкупивъ стражу и переодѣвшись въ мужика, бѣжалъ 24-го ноября 1606 года. Узнавъ объ этомъ, пристава не на шутку перепугались и устроили погоню, которая возвратилась ни съ чѣмъ. Тогда они стали увѣрять, что Бильчинскій погибъ дорогою, но на дѣлѣ было иначе.

Замѣтимъ, прежде всего, что самый фактъ побѣга внѣ всякаго сомнѣнія. Его передаетъ Діаментовскій, и его же подтверждаетъ письмо Андрея Лавицкаго къ Децію Стривери отъ 12-го января 1607 года [2]).

---

[1]) Послѣ убіенія Димитрія польскіе послы изъявили желаніе отвезти въ Польшу дѣвицъ Декчинскую, Войцеховскую, двухъ Заклічанокъ и панну Разводовскую съ дочерью, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ Мариною въ Москву.

[2]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II. 499.

Андрею же Лавицкому Бильчинскій представлялся самолично во Львовѣ, 5-го января, наканунѣ Богоявленія. Менѣе достовѣрны тѣ извѣстія, которыя исходятъ отъ самого бѣглеца и не поддаются провѣркѣ. Онъ выдавалъ себя за посланца Марины, которая, говорилъ онъ, совершенно увѣрена, что Димитрій живъ, и, обѣщавъ щедрое вознагражденіе, поручила его разыскать, передать ему нѣкоторыя тайны и умолять, чтобы онъ, какъ можно скорѣе, явился на помощь. Такое настроеніе не удивительно у Марины: болѣе блестящаго исхода нельзя было себѣ представить, и въ ея измученную душу могли зарониться самыя смѣлыя надежды. Къ сожалѣнію, Бильчинскій утверждалъ далѣе, что видѣнный имъ на Лобномъ мѣстѣ трупъ якобы Димитрія былъ трупъ другого человѣка. Онъ клялся, что видѣлъ въ Путивлѣ хорошо ему знакомыхъ лошадей Димитрія, на которыхъ онъ будто бы спасся изъ Москвы. Такія утвержденія подрываютъ авторитетъ Бильчинскаго. Ясно, что на него положиться нельзя, и сказанное о Маринѣ приходится принять только къ свѣдѣнію. Впрочемъ, эта посылка канула безслѣдно въ неизвѣстности.

Пока плѣнники томились въ Ярославлѣ, о нихъ заботились въ Польшѣ и Римѣ. Есть слѣды переписки Сандомирской воеводши съ краковскимъ нунціемъ Рангони, въ которомъ она искала защитника для своего мужа. Въ 1607-мъ году, 5-го іюля, Павелъ V обратился самъ къ польскому королю, упрашивая его вступиться за Марину и ея отца. Онъ признавался, что возлагалъ на Димитрія большія надежды, и послѣ ихъ крушенія утѣшался соизволеніемъ Всевышняго. Въ слѣдующемъ, 1608-мъ, году, два младшіе сына воеводы, Николай и Сигизмундъ, пріѣхавъ въ Римъ, увѣряли, что Димитрій живъ и ходатайствовали за своего отца. Въ виду ихъ настояній, папа возобновилъ, 1-го іюля, свою просьбу при польскомъ дворѣ [1]).

Съ своей стороны, и не дожидаясь римскихъ внушеній, Сигизмундъ III безустанно хлопоталъ о несчастныхъ плѣнныхъ. Между Москвою и Варшавою велись переговоры, обмѣнивались посылки, и непремѣнно требовалось освобожденіе задержанныхъ поляковъ. Наконецъ и до Ярославля сталъ доходить слухъ, что пріѣхало въ Кремль великое польское посольство, и что вскорѣ настанетъ давно желанный день возвращенія на родину. Дѣйствительно, 22-го мая 1608 года послѣдовалъ приказъ готовиться къ отъѣзду въ Москву, и три дня спустя, 25-го мая, Мнишекъ спѣшно выѣхалъ изъ Ярославля съ Мариною, своею роднею и 110 спутниками, преимущественно женщинами, подростками и прислугою. Изъ оставшихся пока на мѣстѣ 162 поляковъ большая часть принадле-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, шкафъ 45, т. III, n.°73, т. IV, n.°46.—Отдѣлъ Боргезе, II, 499, письмо воеводши къ Рангони, 13-го ноября 1606-го года.

жала къ шляхтѣ. Мнишекъ ихъ не забывалъ и заботился объ ихъ участи.

Въ Москвѣ сендомирскій воевода пробылъ немного болѣе двухъ мѣсяцевъ. Тамъ находились съ октября предъидущаго года новые польскіе послы—панъ Витовскій и князь Друцкій-Соколинскій. Переговоры съ Василіемъ Шуйскимъ подвигались туго; однакожъ, подъ давленіемъ внѣшнихъ событій и внутренней возрастающей смуты, 25-го іюля 1608 г. было заключено перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ. Въ числѣ условій значилось освобожденіе Мнишка, Марины и вообще всѣхъ задержанныхъ поляковъ. Самому же воеводѣ вмѣнялось въ обязанность не признавать зятемъ Димитрія II, не выдавать за него своей дочери, а Маринѣ не называться московской царицей. Этотъ договоръ дошелъ до насъ только въ русскомъ источникѣ, но сомнѣваться въ его подлинности нѣтъ никакой причины [1]).

Въ виду послѣдующихъ событій, важно было бы опредѣлить, какъ держалъ себя Мнишекъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, скудость матеріаловъ не дозволяетъ этого сдѣлать въ желаемой мѣрѣ. Намъ доступна только внѣшняя сторона того, что́ происходило. Послѣ двухлѣтняго заключенія отрадно было свидѣться съ соотечественниками, получить извѣстія изъ Польши, прочесть доставленныя письма. При всемъ томъ Мнишекъ не упустилъ случая свести свои денежные счеты съ московскимъ правительствомъ. Во время майскаго погрома, онъ былъ, какъ извѣстно, обобранъ, и Марина также. Понятно, что она желала возвратить себѣ свое имущество. Съ этою цѣлью сендомирскій воевода сдѣлалъ роспись понесенныхъ имъ убытковъ. Московское правительство представило также двѣ росписи: одну лошадямъ, богатой збруѣ и винамъ, а другую драгоцѣнностямъ, захваченнымъ у бывшей царицы и ея отца. Всѣ эти показанія сосредоточивались въ рукахъ пословъ, которымъ, вѣроятно, удалось устроить дѣло къ лучшему, ибо въ этомъ отношеніи Василій Шуйскій оказывался сговорчивымъ. 2-го августа состоялся отъѣздъ изъ Москвы.

II.

Неожиданный поворотъ, о которомъ будетъ вскорѣ рѣчь, находится въ связи съ самыми сокровенными замыслами Юрія Мнишка. Не лишне

[1]) Бутурлинъ, Исторія Смутнаго Времени, т. II, стр. 59, и VIII.

будетъ вдуматься, по мѣрѣ возможности, въ его настроеніе, и заранѣе отмѣтить его подозрительныя выходки.

Главное недоразумѣніе сводится къ тому, что онъ съ начала признавалъ Тушинскаго вора за истиннаго Димитрія и мужа Марины. Воевода и бывшая царица переписывались изъ Ярославля съ Димитріемъ II, а онъ пересылалъ ихъ собственноручныя письма въ Самборъ и утѣшалъ воеводшу [1]). Въ 1608-мъ году, Мнишекъ писалъ въ томъ же смыслѣ королю Сигизмунду III и, заботясь о своемъ освобожденіи, обращался къ прежнимъ своимъ планамъ общаго похода противъ турокъ и распространенія римской вѣры, мечтая только, вмѣсто союза съ Москвой, о какомъ-то подчиненіи послѣдней въ пользу Димитрія и съ помощью Рѣчи Посполитой [2]). Даже послѣ заключенія перемирія, несмотря на московскіе доводы, въ душѣ Юрія не угасала надежда. искренняя или напускная, свидѣться съ бывшимъ своимъ самборскимъ гостемъ. Въ Тушинѣ поведеніе его таинственно и замысловато; на сеймѣ же 1611 года, онъ выступилъ, какъ постоянный и безпристрастный обличитель Тушинскаго вора [3]). Что касается до Марины, то она увлекается своимъ правомъ на московскій вѣнецъ: въ ея глазахъ оно неотъемлемо, и почему же не стремиться къ его осуществленію? Имѣя въ виду эти соображенія, легче будетъ вникнуть въ ходъ послѣдующихъ событій.

Освобожденные поляки выѣхали всѣ вмѣстѣ, какъ уже сказано выше, 2-го августа 1608 года. Къ нимъ присоединились бывшіе послы при Димитріѣ, Николай Олесницкій и Александръ Госѣвскій. Послѣдняго сопровождалъ іезуитъ Савицкій, авторъ утраченнаго дневника, которымъ пользовался Велевицкій. Охрану отъѣзжающихъ поручили князю Владиміру Тимоѳѣевичу Долгорукому съ нѣсколькими сотнями ратныхъ людей, ибо дорога была ненадежная: Димитрій II стоялъ въ Тушинѣ, и въ Москвѣ опасались, какъ бы онъ не захватилъ Марину. Само собою казалось ясно, что для него завладѣть личностью бывшей царицы и прослыть за ея мужа было важнѣе, чѣмъ взять любую крѣпость. Поэтому, для бо̀льшей безопасности, оставивъ въ сторонѣ

---

[1]) 2-го іюня 1608 года, Димитрій II писалъ къ воеводшѣ изъ Калуги: Noverit Dominatio Vestra Illustrissima Dominum Palatinum Sendomiriensem una cum serenissima et dilectissima conjuge nostra optime valere, quorum litteras proprias ad nos scriptas D. V. mittimus.—Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, IV, 79.

[2]) Львовъ, Библіотека Оссолинскихъ, 2431.

[3]) Краковъ, Ягеллонская библіотека, 102, л. 457.

Смоленскъ, поляковъ направили къ границѣ окольными путями, черезъ Тверь, гдѣ подъ-часъ приходилось прорубать проходъ топорами, ночевать подъ открытымъ небомъ и подвергаться всякаго рода лишеніямъ.

Поляки уже приближались къ Волгѣ, какъ вдругъ, 6-го августа, произошла тревога. Развѣдчики донесли, что явилась погоня Димитрія. Московская охрана совѣтовала свернуть съ пути или обождать минованія опасности. Между поляками возникло, по этому поводу, непримиримое разногласіе. Госѣвскій, стороны котораго придерживался Савицкій, довѣряя русскимъ, соглашался на ихъ предложеніе. Напротивъ того, главный посолъ Олесницкій настаивалъ на проѣздѣ по болѣе краткой, но опасной дорогѣ. Того же мнѣнія были Юрій Мнишекъ, его дочь Марина и бо́льшая часть шляхтичей. Они разсуждали такъ: единственная угрожающая опасность была бы встрѣча съ погонею Димитрія, но, такъ какъ его войско состоитъ преимущественно изъ поляковъ, то отъ соотечественниковъ бояться нечего, отъ нихъ укрываться не стоитъ. Цѣлыхъ два дня прошло въ препирательствахъ. Обѣ стороны съ жаромъ отстаивали каждая свой взглядъ. Соглашеніе не состоялось. Противники окончательно разошлись [1]. Госѣвскій поѣхалъ обходнымъ путемъ, встрѣтилъ отрядъ, высланный Шуйскимъ, для защиты противъ Димитрія, добрался до границы и, 27-го августа, благополучно достигъ Велижа, хотя и не безъ затрудненій. Иная участь ожидала Олесницкаго и его спутниковъ. 11-го августа они переправились черезъ Волгу. Отрядъ Шуйскаго, узнавъ отъ Госѣвскаго о намѣреніяхъ Олесницкаго, пустился за нимъ, догналъ его и умолялъ не ѣхать на Смоленскъ. Посолъ не сдавался; насиловать его не рѣшились. Такъ онъ и поѣхалъ далѣе по большой дорогѣ.

Случилось то, что можно было предвидѣть и чего надо было опасаться. Погоня Димитрія, нагнавъ Олесницкаго, привела его въ Тушино вмѣстѣ съ Юріемъ Мнишкомъ и Мариною. Въ этомъ вся суть дѣла, не подлежащая сомнѣнію; но каковы были подробности, на комъ лежитъ отвѣтственность и какъ она распредѣляется—рѣшить гораздо труднѣе. Въ источникахъ являются противорѣчія, и нѣтъ желаемаго безпристрастія. Въ самомъ дѣлѣ, главная цѣль Мнишка не что̀ иное, какъ собственное оправданіе, Сапѣга страдаетъ пробѣлами, едва-ли не преднамѣренными, а тушинецъ Мархоцкій не достаточно посвященъ въ тайныя продѣлки. Такимъ образомъ, провѣрка усложняется, но она все-таки необходима.

---

[1] Эти пререканія изложены Велевицкимъ по утраченному для насъ дневнику Савицкаго. Historici Diarii, т. II, стр. 276.

*

И такъ, на сеймѣ 1611 года, Мнишекъ разсказывалъ слѣдующее: на нихъ напало трехтысячное войско, посланное Димитріемъ, оно побило челядь, отобрало нѣкоторыхъ женщинъ, обращалось съ ними жестоко, и, чтобы заманить ихъ въ Тушино, клялось, что тамъ находится истинный Димитрій. Не смотря на ихъ сопротивленіе, ихъ насильно повели въ Царево-Займище, гдѣ стоялъ Янъ-Петръ Сапѣга. Онъ хотѣлъ было ихъ уволить, но не могъ, имѣя мало войска и бывъ связанъ обѣщаніями. А настроеніе было такое, что даже простые ратники грозили смертью въ случаѣ упорства. Такъ ихъ и довели до Тушина.

Надо признаться, что Мархоцкій подтверждаетъ фактъ насилія. По его разсказу, въ лагерѣ Самозванца не всѣ были одинаковаго мнѣнія. Одни хотѣли непремѣнно завладѣть Мариною, другіе этого вовсе не желали и довольствовались притворствомъ, ибо слишкомъ странно показалось бы, что мужъ не заботится о своей женѣ. Какъ бы то ни было, Димитрій выслалъ сперва Вацлавскаго, а послѣ его неудачи, Зборовскаго съ Стадницкимъ, которые, съ оружіемъ въ рукахъ, принудили отъѣзжающихъ вернуться [1]).

Но если Мархоцкій обѣляетъ Мнишка, то другія показанія крайне для него неблагопріятны. Ужъ то обстоятельство, что онъ, зная опасность, не хотѣлъ свернуть съ пути, очень подозрительно. Еще болѣе вѣскою уликою служитъ его переписка съ Димитріемъ. Правда, писемъ самого Мнишка не имѣется на лицо, но въ Московскомъ архивѣ хранятся перехваченныя или другимъ путемъ добытыя посланія къ нему Димитрія. Изъ нихъ можно заключить, что между самозванцемъ и воеводою была, по крайней мѣрѣ, попытка соглашенія. Димитрій не скрывалъ, что высылаетъ погоню; а въ другой разъ, предлагалъ Казимірскаго для всякаго рода услугъ. Послѣдующія письма, какъ увидимъ, также предосудительнаго содержанія.

А что думать о пребываніи въ Тушинѣ? Король Сигизмундъ прямо говорилъ нунцію Симонеттѣ, что Мнишекъ сидѣлъ тамъ, ожидая у моря погоды, что онъ сперва предлагалъ свою дочь въ царицы, и, получивъ отказъ, мечталъ теперь о томъ, какъ бы выдать замужъ за Димитрія, если онъ взойдетъ на престолъ [2]). На сеймѣ же 1611 года, въ присутствіи короля Сигизмунда, Мнишекъ толковалъ свое поведеніе совершенно иначе. Выдавая себя за безпощаднаго обличителя самозванца, онъ увѣрялъ, что пытался вырваться изъ Тушина, проводить Марину въ Ду-

---

[1]) Marchocki, Historya Wojny Moskiewskiéj, стр. 38.
[2]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III, 450.

бровну и тамъ отдаться на монаршую волю. Казалось, за скромный уголокъ въ Польшѣ онъ промѣнялъ бы все Московское Царство! При томъ оправдывать Марину онъ не брался. Въ своихъ письмахъ она будто бы признавала Тушинскаго вора за истиннаго Димитрія. Этого Мнишекъ не одобрялъ; но когда были пущены письма въ ходъ, передъ свиданіемъ или послѣ свиданія подъ Москвою, онъ не говоритъ,—а разница въ этомъ огромная.

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ вытекаетъ такое заключеніе, что Мнишекъ сперва не имѣлъ твердыхъ убѣжденій, а потомъ колебался и велъ себя двусмысленно, хотя заднимъ числомъ, на сеймѣ 1611 года, и хвастался своею выдержкою. Иначе трудно понять противоположные отзывы о немъ, и при этомъ переписка съ Димитріемъ теряетъ всякій смыслъ.

Вернемся теперь опять къ Маринѣ, чтобы установить хоть бы хронологическую послѣдовательность ея перемѣщеній до пріѣзда въ Тушино. Первое важное свиданіе послѣ задержки на дорогѣ было съ Сапѣгою, который навѣстилъ Юрія Мнишка и его дочь въ Любеницахъ, 29-го августа. На другой же день, Марина прибыла въ Царево-Займище, гдѣ Сапѣга стоялъ лагеремъ, и гдѣ ее приняли съ подобающею честью. Замѣчательно, что съ этихъ поръ Сапѣга является какъ бы посредникомъ и покровителемъ Марины. Усвоивъ себѣ тушинскую фикцію, онъ постоянно говоритъ о царицѣ и царѣ, какъ будто никакое уже сомнѣніе было немыслимо. Оставалось только отправиться въ Тушино. Сапѣга шелъ впереди съ войскомъ. За нимъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, слѣдовала Марина и была предметомъ его постоянныхъ заботъ. 1-го сентября, посѣтивъ ее въ селѣ Добромъ, онъ присутствовалъ при обѣднѣ, а потомъ былъ приглашенъ къ столу. При немъ, Заблоцкій привезъ письма отъ Димитрія и вручилъ ихъ воеводѣ и его дочери. Марина и всѣ ее окружающіе якобы очень обрадовались. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Сапѣга.

Дѣйствительно, переписка съ Тушиномъ продолжалась, и кажется, къ обоюдному удовлетворенію. Характерно письмо Димитрія отъ 8-го сентября. Онъ изъявляетъ желаніе, чтобы его «пресвѣтлѣйшая и любезнѣйшая супруга» отправилась въ Звенигородскій монастырь «для положенія одного святого». Религіозное чувство здѣсь было ни при чемъ, имѣлись въ виду совсѣмъ другія выгоды. Димитрій глухо напоминалъ, «въ разсужденіи чего» онъ претерпѣлъ величайшую «ненависть и пагубу» въ своемъ государствѣ, а теперь, угождая православнымъ, надѣялся заслужить «почтеніе и удивленіе» въ Москвѣ [1]. Здѣсь бро-

[1]) Собраніе госуд. грамотъ и дог., т. II, стр. 339 и 763.

сается въ глаза внушительное совпаденіе. Сапѣга отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, подъ 8-мъ числомъ сентября, что Марина ночевала въ Звенигородскомъ монастырѣ и тамъ же провела весь послѣдующій день. Что она тамъ дѣлала, онъ съ обычнымъ лаконизмомъ просто замалчиваетъ. А письмо Димитрія возбуждаетъ подозрѣніе.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ Мнишки приближались къ Тушину, все болѣе и болѣе навязывался вопросъ о личности Димитрія. Былъ ли онъ истинный или подставной? Въ цѣляхъ окончательнаго разъясненія, Юрій Мнишекъ дважды отправлялся въ Тушино, 11-го и 15-го сентября. О поѣздкахъ упоминаетъ Сапѣга, но о вынесенномъ впечатлѣніи онъ опять-таки ни словомъ не обмолвился. Здѣсь говорятъ за себя самые факты, ибо въ послѣдующіе пять дней, вопреки нѣкоторымъ колебаніямъ, все уладилось, и уладилось въ пользу Димитрія.

16-го сентября, онъ пріѣхалъ къ Маринѣ. Сапѣга признается, что бывшая царица приняла его не охотно и не выказала благодарности. Важность такого показанія нельзя отрицать. Другой свидѣтель, служитель Олесницкаго, подробно описываетъ первую встрѣчу. Марина будто бы съ ужасомъ отвернулась отъ Димитрія, ножъ засверкалъ въ ея рукахъ, и она воскликнула: «лучше умереть!» [1]). Понятно ея глубокое разочарованіе, если она надѣялась встрѣтиться съ первымъ Димитріемъ. Второй Димитрій былъ человѣкъ грубый, порочный, не имѣвшій ничего привлекательнаго для относительно образованной женщины, да къ тому же явный обманщикъ, ибо, послѣ свиданія съ нимъ, отожествлять его съ самборскимъ гостемъ было невозможно.

А задержать ходъ событій никто уже не смѣлъ. Они шли быстрымъ ходомъ, не давая передышки дѣйствующимъ лицамъ. 17-го сентября велись переговоры между тушинцами и москвичами. Въ нихъ участвовали Юрій Мнишекъ и оба Вишневецкіе, Адамъ и Константинъ. Исходъ былъ отрицательный, но подробности остались неизвѣстными. Только на сеймѣ 1611 года, ссылаясь на Василія Шуйскаго, Мнишекъ утверждалъ, что московскіе люди его спрашивали: тотъ ли или не тотъ Димитрій? и что онъ откровенно и безстрашно отвѣтилъ: не тотъ. Такое заявленіе не могло бы не произвести глубокаго впечатлѣнія на окружающихъ. А съ другой стороны, оно еще болѣе затрудняетъ пониманіе того, что послѣдовало.

Олесницкій откланялся Димитрію 19-го сентября, вмѣстѣ съ нимъ навѣстилъ Марину и на другой день выѣхалъ въ Польшу. Его сопро-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 226, 1608, 8-го ноября, депеша Симонетты.

вождали Павелъ Мнишекъ, Сигизмундъ Тарло и многіе другіе, особенно женщины, нѣкогда пріѣхавшія въ Москву на свадьбу самборскаго Димитрія. Того же числа, 20-го сентября, Сапѣга проводилъ Марину въ Тушино и передалъ ее Димитрію II.

Тогда рѣшилась участь бывшей царицы. По всему кажется, что она не согласилась быть любовницей Димитрія, а сочеталась съ нимъ бракомъ. Анонимный журналъ нунціатуры говоритъ, что ихъ обвѣнчалъ бернардинскій монахъ сопутствовавшій Маринѣ [1]). Въ томъ же смыслѣ выразился Мнишекъ на сеймѣ, но съ оговоркой, что бракъ былъ заключенъ въ плѣну и по неволѣ. Такимъ образомъ, Марина поступала вполнѣ сознательно, и не трудно угадать ея соображенія. Почитая себя московской царицею, она, обладая правомъ на престолъ, своимъ бракомъ съ самозванцемъ возводила его на степень царицына мужа и законнаго царя.

Конечно, это только предположенія. Размолвка между отцомъ и дочерью и отношенія Димитрія къ Мнишку еще болѣе усложняютъ сами по себѣ сложный вопросъ. Въ началѣ 1609 года, Мнишекъ уѣхалъ въ Польшу, не простившись съ Мариною и не благословивъ ее. Что же сталось между ними? Пустое разногласіе не могло имѣть такихъ послѣдствій. Надо предположить, что Марина не пошла на условія отца, не послѣдовала его увѣщаніямъ. Ужъ не осталась ли она самовольно въ Тушинѣ вопреки отцовской волѣ? Съ этимъ предположеніемъ, однако жъ, какъ-то не клеится то обстоятельство, что Димитрій постоянно благоволилъ Мнишку, высылалъ къ нему своего канцлера, обѣщалъ 300.000 рублей и обширныя области по вступленіи на престолъ. Здѣсь чувствуется недостатокъ достаточныхъ свѣдѣній.

Сендомирскій воевода покинулъ Тушино 17-го апрѣля 1609 года [2]). 28-го декабря 1608-го года, Станиславъ Мнишекъ давалъ еще обѣдъ, вѣроятно прощальный, на которомъ присутствовалъ Сапѣга. Продолжительные переговоры произвели, по словамъ Мархоцкаго, неблагопріятное впечатлѣніе на тушинцевъ. Казалось, что истиннаго мужа немедленно соединили бы съ его супругой, а долго сговариваться можно было только съ чужимъ и самозваннымъ. Въ такихъ-то затрудненіяхъ Марина осталась въ Тушинѣ одинокой.

---

[1]) Тамъ же, IV, 274, л. 95 v.

[2]) Эту дату выставляетъ Діаментовскій (Hirschberg, Polska a Moskwa, стр. 104) и на него можно положиться.

III.

Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, съ приходомъ Димитрія и его отрядовъ, Тушино оживилось и отстроилось. Необходимое для войска продовольствіе привлекло туда много торговцевъ; для жительства и обороны возведены были избы и укрѣпленія.

Составъ этихъ таборовъ былъ самый разношерстный. Димитрія окружали польско-литовская вольница, казацкіе удальцы и московскіе перелеты. Между поляками самое видное мѣсто занималъ князь Романъ Рожинскій, возведенный въ санъ гетмана. Отдѣльными отрядами предводительствовали Янъ-Петръ Сапѣга, староста Усвятскій, выступавшій какъ мститель польской чести, и Александръ Лиссовскій, отчаянный рубака, бандитъ, не признаваемый своимъ отечествомъ. Изъ казацкихъ атамановъ самымъ извѣстнымъ былъ Иванъ Мартыновичъ Заруцкій, который впослѣдствіи еще болѣе прославился и совершенно проворовался. Среди русскихъ выдавался нѣкоторое время митрополитъ ростовскій и «нареченный» патріархъ Филаретъ Никитичъ; да кромѣ того были представители всѣхъ слоевъ московской знати.

При такой наличности трудно было для Марины найти подходящее для себя общество. Съ начала она, кажется, всего ближе сошлась съ Сапѣгою, который, какъ уже сказано, и привелъ ее въ Тушино. И вотъ какимъ онъ заявилъ себя въ обыкновенномъ обращеніи: 25-го сентября, онъ посѣтилъ Марину, бывъ въ нетрезвомъ видѣ, и просидѣлъ у ней съ полчаса; потомъ же онъ такъ напился, что дорогой упалъ съ лошади и расшибъ себѣ голову. Если Сапѣга такъ безчинствовалъ, можно себѣ представить, каковы были другіе тушинцы, съ которыми приходилось уживаться. А изъ бывшихъ спутниковъ и спутницъ Марины, окружавшихъ нѣкогда счастливую царицу, остались при ней лишь очень немногія, пожалуй только двое. Положительно извѣстно, что въ Тушинѣ находился бернардинъ Антоній изъ Люблина; то же, вѣроятно, должно предположить о Варварѣ Казановской, которую мы встрѣтимъ въ Астрахани.

Очень скоро выяснилось, что положеніе Марины было во всѣхъ отношеніяхъ безотрадное. Сначала для нея выстроили новую избу, и обѣщали озабоченному отцу, что съ его дочерью будутъ обходиться хорошо. Но едва прошло нѣсколько недѣль, какъ все измѣнилось къ худшему: ей не оказывали должнаго уваженія и она подвергалась многимъ лишеніямъ. Немедленно послѣ отъѣзда Юрія Мнишка ею овладѣла

горькая печаль, она стала заливаться слезами, письменно просила прощенія у своего отца, обѣщала слѣдовать его совѣтамъ, заручалась его ходатайствомъ, чтобы имѣть «почтеніе и милость» у Димитрія. Въ томъ же письмѣ, какъ бы въ доказательство ея дѣтскаго легкомыслія, встрѣчается такое пожеланіе: «Прошу васъ, милостивый государь мой батюшка, чтобъ я, по милости вашей, могла получить чернаго бархату узорчатаго... двадцать локтей, прошу усильно» [1]).

Отвѣты изъ Польши рѣдко доходили до Марины. Она жалуется, что не получаетъ никакихъ извѣстій; жалѣетъ, что не имѣетъ средствъ для посылки нарочныхъ. Ея мысль часто переносится въ Самборъ. Она вспоминаетъ о семейномъ кругу, какъ имъ привѣтливо жилось, какъ они пили вмѣстѣ старое вино и лакомились рыбою, и, предвидя, вѣроятно, наступающій постъ, она проситъ, чтобъ ея не забывали и подѣлились съ ней. Такія просьбы и мечтанія можно было смѣло поручать бумагѣ, но въ письмахъ Марины есть намеки, что она многое утаивала изъ осторожности, и конечно самое важное. Религіозное чувство, какъ увидимъ, ея никогда не покидало. Въ 1609 году, несмотря на свое бѣдственное положеніе, она послала бернардинамъ въ подарокъ серебряныя паникадилы для большого алтаря самборской церкви [2]).

До сихъ поръ предъ нами являлась только полу-забытая, полу-заброшенная женщина; но въ ней скрывается царица. Вопреки плѣненію и невзгодамъ, царскій духъ не угасалъ въ Маринѣ. Всегда мечтая о престолѣ, она не поступается своими, по ея мнѣнію, непоколебимыми правами. Даже въ письмахъ къ отцу она подписывается «czarowa». Она заботится, чтобы посланцамъ Димитрія оказывались почести въ Варшавѣ. Она обращается къ папѣ, къ папскому нунцію, къ королю, но безъ всякаго раболѣпія, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства.

Сношенія съ Павломъ V относятся къ 1609 году. Одинъ изъ ея приближенныхъ, Абрамъ Рознятовскій, отправлялся въ Римъ для исполненія даннаго обѣта. Вспомнивъ, вѣроятно, о римской перепискѣ при своемъ бракосочетаніи въ Краковѣ и пользуясь случаемъ, Марина написала, 4-го января, посланіе къ папѣ. Отправленіе Рознятовскаго служило только предлогомъ. О своемъ положеніи она также не распространяется и смѣло обѣщаетъ выслать посольство въ Римъ, коль скоро

[1]) Большая часть писемъ Марины напечатана во II-мъ томѣ Собранія госуд. гр. и дог.
[2]) Самборъ, Архивъ Бернардиновъ, Acta seu Monumenta.

ея правое дѣло восторжествуетъ. Въ настоящее же время, въ Тушинѣ, она предлагаетъ исполнить всѣ порученія, клонящіяся къ славѣ папской и благу христіанства, которыя папа соблаговолилъ бы ей сообщить письменно или чрезъ посредника. Все это было приправлено обычными просьбами о молитвахъ и благословеніи. Вообще, письмо какъ будто написано по схемѣ, унаслѣдованной отъ самборскаго Димитрія, который такъ искусно умѣлъ вызывать къ себѣ благосклонность. Но не тѣ были уже времена. Письмо дошло до своего назначенія, и въ римской куріи на оборотѣ сдѣлали помѣтку: «не нуждается въ отвѣтѣ» [1]).

Такого исхода Марина, вѣроятно, не предвидѣла, ибо 15-го января она обращается съ тѣми же предложеніями къ варшавскому нунцію Симонеттѣ. Лично она его не знала, но его предшественникъ, Клавдій Рангони, былъ къ ней очень милостивъ, и она разсчитывала на продолженіе такихъ же отношеній съ новымъ нунціемъ.

Царскій духъ Марины еще нагляднѣе выразился въ письмахъ къ королю. Предварительно надо замѣтить, что ея положеніе усложнилось въ 1609 году, когда Сигизмундъ III объявилъ войну Москвѣ и осадилъ Смоленскъ. Онъ нападалъ на страну, которую Марина считала своимъ государствомъ. При томъ, король выступалъ не только противъ Шуйскаго, но и противъ Димитрія, съ которымъ, однако жъ, не хотѣлъ имѣть прямыхъ сношеній, желая только перетянуть на свою сторону тушинскихъ поляковъ. Что касается до Марины, то онъ старался, кажется, привлечь ее также къ себѣ, какъ свою подданную, не дѣлая никакихъ обѣщаній и не предлагая никакихъ условій.

На такое намѣреніе указываетъ самый выборъ коммиссаровъ, отправленныхъ въ Тушино. Въ ихъ главѣ находился родственникъ Марины, Станиславъ Стадницкій, кастелянъ премышльскій, прозванный ангеломъ, въ противоположность другому Станиславу Стадницкому, котораго именовали діаволомъ. Въ родствѣ съ Мариною и съ ея спутницею Варварою былъ еще другой коммиссаръ, Мартынъ Казановскій. Кровныя связи облегчали взаимныя сношенія. Стадницкій первый обратился къ Маринѣ съ письмомъ, предлагая свои услуги и увѣдомляя о вступленіи короля въ Россію. Она его отблагодарила письмомъ 10-го сентября 1609 года, развивая мысль, что невзгоды проходятъ, а что за правое дѣло вступается Богъ [2]). Не иначе отвѣтила бы истинная царица; въ каждой строчкѣ внушалось Сигизмунду, что на мѣстѣ есть другой

---

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 499.
[2]) Marchocki, стр. 161.

хозяинъ. Вскорѣ наступившій новый переворотъ не поколебалъ твердости Марины.

Уже давно поговаривали о томъ, что Димитрій обдумываетъ бѣгство изъ Тушина. Въ январѣ 1609 года предупреждали даже Сапѣгу, чтобы онъ остерегался. И въ самомъ дѣлѣ, положеніе мнимаго царя было невыносимо. Никто его не слушался, къ нему относились съ презрѣніемъ; съ Сигизмундомъ велись переговоры безъ его участія. Димитрій не выдержалъ. 6-го января 1610 года онъ удалился тайкомъ въ Калугу, гдѣ надѣялся найти безопасность, матеріальное изобиліе и стратегическія выгоды.

Марина отдавалась такимъ образомъ на произволъ судьбы. Что ей было дѣлать? Для нея представлялся только двоякій исходъ: или передаться Сигизмунду, что повлекло бы за собою отреченіе отъ московскаго престола, или бѣжать въ Калугу, гдѣ еще можно было защищать свои права. Марина выбрала послѣднее, при чемъ выказала большую смѣлость характера.

Предпріятіе было трудное. За покинутой супругой Димитрія зорко слѣдили. Гетманъ Рожинскій былъ не прочь доставить ее въ королевскій лагерь подъ Смоленскъ. Марина ему не довѣряла, и ей приходилось отъ него укрываться. Она прибѣгнула къ хитрости. Переодѣвшись въ мужское платье, въ сопровожденіи женщины, вѣроятно, Казановской, и одного подростка, она тайно бѣжала въ Калугу чрезъ Дмитровъ, гдѣ стоялъ Сапѣга, и куда она прибыла 26-го февраля. Немедленно было созвано генеральное коло. Оно очень обрадовалось, услышавъ неожиданную новинку, и уполномочило нѣкоторыхъ товарищей изъявить Маринѣ всеобщую благодарность. Извѣстили также тушинцевъ объ ея пріѣздѣ, которымъ она, впрочемъ, сама оставила очень странное, приводимое Кобежицкимъ дословно, письмо [1]). Около того же времени, 16-го января, она писала королю Сигизмунду, жалуясь на свою горькую участь, и только условно поступаясь своими правами [2]).

Въ Дмитровѣ Марина оставалась недолго. По свидѣтельству Мархоцкаго, она тамъ отличилась: узнавъ, 1-го марта, что сапѣжинцы замялись въ стычкѣ съ русскими, она выскочила изъ своего помѣщенія, добралась до вала, и ей удалось одушевить ратниковъ. Сапѣга умалчиваетъ этотъ

---

[1]) Kobierzycki, Vita Vladislai, стр. 203. Письмо это вращалось въ польскомъ обществѣ, ибо нунцій Симонетта переслалъ копію съ него въ Римъ 4-го марта 1610 года. Ватиканскій архивъ, Polonia, 37, A, л. 234.

[2]) Римъ, архивъ Бонкомпаньи, E, 35.

фактъ и отмѣчаетъ только, что Марина уѣхала въ Калугу 7-го марта. По другимъ источникамъ, онъ старался всѣми силами, хотя и тщетно, задержать ее [1]).

Между тѣмъ смута все росла и росла. Тушино мало-по-малу опустѣло. Въ іюнѣ 1610 года Жолкѣвскій отпраздновалъ Клушинскую побѣду. Москва оставалась безъ защиты. Это подало Димитрію новую надежду; онъ опять приблизился къ столицѣ, его приверженцы встрепенулись, нѣкоторые города цѣловали ему крестъ, и онъ дошелъ до села Коломенскаго. Но подъ стѣнами Москвы уже стоялъ Жолкѣвскій, русскій вѣнецъ предназначался Владиславу, а Димитрію, въ лучшемъ случаѣ, уступили бы Самборъ или Гродно. Димитрій понялъ, что въ данныхъ условіяхъ борьба становилась ему не по силамъ и, взявъ съ собою Марину, бѣжалъ опять въ Калугу, въ августѣ 1610 года. Съ своей стороны, Марина не бездѣйствовала; она чего-то домогалась, ибо послала преданнаго себѣ бернардина Антонія къ Сапѣгѣ для переговоровъ, которые длились нѣсколько дней, отъ 28-го ноября до 4-го декабря. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, въ чемъ они состояли.

Пока Жолкѣвскій торжествовалъ въ Москвѣ, присягая Владиславу, Димитрію грозила трагическая смерть. Извѣстно, что онъ былъ зарѣзанъ Петромъ Урусовымъ 11-го (22-го) декабря 1610 года. Въ данную минуту эта потеря была для Марины неожиданнымъ ударомъ. Какъ она при этомъ вела себя, мы узнаемъ только изъ польскихъ источниковъ, которые вообще ея не жалуютъ. Вѣрный отголосокъ ходячихъ слуховъ слышится въ депешахъ нунція Симонетты. По его словамъ, Марина, тогда уже беременная, предалась большому горю, почти отчаянію, требуя, чтобъ ее также лишили жизни. По другой депешѣ она будто-бы сама нанесла себѣ раны, хотя и не смертельныя [2]). Какъ бы то ни было, но отъ царской мечты она, кажется, не отказалась. Узнавъ объ убіеніи Димитрія, Сапѣга подступилъ съ войскомъ къ Калугѣ. Въ Польшѣ надѣялись, что, завладѣвъ Мариною, Сапѣга упразднитъ самозванство. Дѣйствительно, гетманъ обмѣнялся письмами со вдовою Димитрія, вызывалъ калужскихъ бояръ и весь міръ на совѣщаніе, но въ назначенный день никто не явился. Сапѣга такъ и ушелъ, ничего не сдѣлавъ. Вскорѣ Марина родила сына, котораго бояре окрестили по греческому обряду,

---

[1]) 17-го іюня 1610 года Марина обратилась къ Сапѣгѣ съ письмомъ, гдѣ возлагала на него всю свою надежду. Kognowicki, Zycia Sapiehów, т. II, стр. 9 и VII.

[2]) Римъ, архивъ Бонкампаньи, E, 37, депеши 9-го января 1611 года.

назвали Иваномъ Дмитріевичемъ и провозгласили царевичемъ. Это была уже только тѣнь самозванца.

Здѣсь является около Марины новая личность, о которой мелькомъ упоминалось выше—Иванъ Мартыновичъ Заруцкій, красивый и статный мужчина, типичный казацкій удалецъ. По свидѣтельству Мархоцкаго, лично его знавшаго, онъ былъ родомъ изъ Тарнополя. Плѣненный въ юности татарами, онъ бѣжалъ отъ нихъ къ донскимъ казакамъ и такъ отличился между новыми товарищами, что его выбрали въ атаманы. Въ смутное время онъ рыскалъ съ своими шайками по всей Россіи. И кому онъ только не служилъ? И Димитрію II-му, и Сигизмунду III-му. Теперь онъ перешелъ на сторону Марины и сдѣлался приверженцемъ ея сына Ивана. На такое рѣшеніе повліяли, конечно, внѣшнія обстоятельства, но могло заговорить и личное чувство. Не разъ выражалось предположеніе, что Заруцкій былъ въ связи съ Мариной, а по испанскимъ источникамъ она просто вышла за него замужъ. Такой бракъ былъ для нея выгоденъ, ибо доставлялъ ей не малое число защитниковъ. Но время самозванщины и казацкаго своеволія уже клонилось къ концу. Не долго Заруцкій держался во главѣ движенія вмѣстѣ съ Трубецкимъ и Ляпуновымъ. Пожарскій рѣшительно возсталъ противъ «Маринкина сына»; населеніе тяготилось казацкими грабежами и насиліями. Заруцкій, послѣ многихъ перемѣщеній и окончательной неудачи, скрылся въ 1611 году въ Рязанской украйнѣ.

О дѣятельности Марины въ это время намъ почти ничего не извѣстно. Въ 1613 году мы ее встрѣчаемъ въ Астрахани, куда она должна была удалиться вмѣстѣ съ Заруцкимъ. Несмотря на тогдашнія тяжелыя обстоятельства, она и здѣсь выступаетъ съ своими характерными чертами.

При Маринѣ находился въ качествѣ духовнаго отца, какъ выше уже сказано, бернардинъ Антоній, котораго она употребляла когда-то для переговоровъ съ Сапѣгою. Дозволительно предположить, что онъ былъ ея довѣреннымъ человѣкомъ. Кромѣ отца Антонія, Марину въ то время окружали еще два другіе монаха. Послѣ убіенія Димитрія II, проѣздомъ чрезъ Нижній Новгородъ, она, при содѣйствіи Заруцкаго, освободила изъ темницы и приняла на свою службу Николая Мело, который когда-то переписывался съ сендомирскимъ воеводою въ Ярославлѣ. Какимъ образомъ прежній узникъ Борисоглѣбскаго монастыря перешелъ въ Нижній, опредѣлить довольно трудно, но о пребываніи его въ Астрахани нельзя сомнѣваться. Тамъ же случайно находился кармелитъ Иванъ Ѳаддей, посланный Аббасомъ II въ Польшу и почему-то задержанный на пути. Эти три монаха жили мирно и дружно между

собою, и были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Мариною. Для нихъ она устроила домовую церковь, посвященную Божіей Матери, которую отецъ Николай обновилъ 28-го августа 1613 года, въ день святого Августина, отслуживъ въ ней обѣдню. Какъ члену августинскаго ордена, этотъ праздникъ былъ ему особенно дорогъ. Отецъ Николай восхваляетъ усердіе и набожность Марины. Но болѣе съ нимъ сблизилась ея родственница Варвара Казановская. Она даже вступила въ такъ называемый третій августинскій орденъ, установленный для мірянъ. Такимъ образомъ, въ татарскомъ городѣ, среди казаковъ образовался маленькій католическій кружокъ.

Между тѣмъ внѣшнія грозныя обстоятельства ставили неотложно на очередь вопросъ о самосохраненіи. Пока Заруцкій отчаянно боролся съ своими врагами въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ, Марина задавалась обширными соображеніями: она помышляла о привлеченіи къ своему дѣлу шаха Аббаса II. Такіе планы созрѣли у нея, вѣроятно, вслѣдствіе обмѣна мыслей съ отцами Иваномъ и Николаемъ. Оба были въ Персіи, знали лично Аббаса, высоко его цѣнили и заботились объ его союзѣ съ христіанскими государствами противъ турокъ. Уже Димитрій I пытался завести сношенія съ Персіею, и вотъ Марина предлагаетъ теперь обоимъ монахамъ ѣхать къ Аббасу и просить у него помощь. Они посовѣтовались между собою и рѣшили, что въ виду угрожающихъ опасностей имъ не слѣдуетъ удаляться. Но Марина не согласилась съ такимъ рѣшеніемъ и, упорно настаивая на своемъ, увѣряла отцовъ, что они принесутъ ей больше пользы въ Персіи, чѣмъ въ Астрахани. Оба монаха изъявили тогда полную готовность исполнить ея волю. Спрашивалось только: кому ѣхать? отцу Ивану или отцу Николаю? Выборъ палъ на перваго, который и пустился въ дорогу. Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ также порученіе приготовить убѣжище для Марины въ случаѣ ея бѣгства изъ Россіи.

Такія предосторожности вполнѣ оправдывались возраставшими затрудненіями и дѣйствіями московскаго правительства. Вслѣдъ за избраніемъ Михаила Ѳедоровича и умиротвореніемъ страны, рѣшено было покончить съ Заруцкимъ. Царскія и соборныя грамоты на него не подѣйствовали; но высланные противъ него отряды и возстаніе въ Астрахани сдѣлали его болѣе податливымъ. Въ концѣ мая 1614 года онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ Мариною на Яикъ. Ихъ сопровождали нѣсколько сотенъ казаковъ. Московскіе воеводы устроили немедленно погоню за ними, которая очень скоро настигла ихъ на Медвѣжьемъ островѣ. Стрѣльцы осадили бѣглецовъ, и на другой день, 25-го іюня, смекнувъ, что имъ не устоять, казаки выдали Заруцкаго, Марину и Николая

Мело, а сами цѣловали крестъ Михаилу Ѳеодоровичу. Бывшая московская царица находилась опять и, на сей разъ, ужъ въ окончательномъ плѣну. Ей не было суждено возвратиться въ Польшу.

Какова была послѣдняя судьба Марины, съ достовѣрностью неизвѣстно. По русскимъ источникамъ, плѣнники были скованы, отправлены въ Астрахань, а оттуда въ Казань съ такимъ наказомъ, чтобы, въ случаѣ нападенія, ихъ «побили до смерти», а живыхъ никакъ бы не выдавали. Такъ ихъ довезли до Москвы, гдѣ Заруцкаго посадили на колъ, Ивашку повѣсили, а Марину или умертвили, или держали въ заключеніи.

Между польскими бернардинами сохранилось преданіе, что Марину утопили вмѣстѣ съ отцомъ Антоніемъ. Сынъ же ея, по словамъ Ростовскаго, сданный на попеченіе Сигизмунда III-го и Льва Сапѣги, былъ помѣщенъ въ виленскую іезуитскую коллегію, гдѣ и числился между хорошими учениками.

Испанскіе источники, исходящіе отъ кармелита Ивана Ѳаддея, упоминаютъ также о гибели Марины, и утверждаютъ, кромѣ того, что Николай Мело и Варвара Казановская были взяты вмѣстѣ и вмѣстѣ сожжены живыми. Такое жестокое обращеніе приписывается ненависти русскихъ къ католической вѣрѣ.

Подводя теперь итоги, надо признаться, что окончательный приговоръ надъ Мариной пока едва-ли можно сдѣлать. Въ ея жизни есть слишкомъ много темнаго и еще не разъясненнаго. Въ общемъ выносится такое впечатлѣніе, что воспитаніе въ набожномъ Самборѣ наложило на Марину неизгладимую печать. Церковная обстановка была для нея необходима.

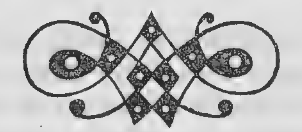
Съ религіозной идеей сочеталась мечта о царской коронѣ. Если и отбросить недоказанный анекдотъ о Краковѣ и Варшавѣ, то все-таки у Марины повсюду пробивается стремленіе къ защитѣ своего права на московскій престолъ.

Было ли честолюбіе единственнымъ поводомъ ея брака съ самборскимъ Димитріемъ, это подлежитъ еще сомнѣнію. Вѣдь Андрій Бульба съумѣлъ же завоевать сердце Ковенской воеводзянки, и глубокій знатокъ русской души прекрасно описалъ весь процессъ такого сближенія. Исторія же часто развивается на романической подкладкѣ.

Что касается до брака съ Тушинскимъ воромъ, то можно, кажется, предположить, что онъ состоялся не безъ нѣкотораго насилія. И кто знаетъ, что при этомъ было наговорено несчастной Маринѣ? Вспомнимъ, что, 22-го февраля 1608 года, князь Рожинскій писалъ папѣ Павлу V-му,

будто Димитрій II католикъ и жаждетъ соединиться съ римской церковью [1]). Съ Мариной обходились, вѣроятно, еще безцеремоннѣе. Въ виду этихъ смягчающихъ обстоятельствъ, она заслуживаетъ хоть нѣкоторое снисхожденіе.

П. Пирлингъ.

---

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 12, С, л. 73.

Николай Алексѣевичъ Полевой,

его сторонники и противники по «Московскому Телеграфу».

Въ 1827 году Н. А. Полевой отправился въ Петербургъ, чтобы выхлопотать разрѣшеніе издавать въ Москвѣ политическую газету. Узнавъ объ этомъ, безъимянные противники его тотчасъ же отправили А. Х. Бенкендорфу слѣдующее сообщеніе:

«Издатель журнала: «Московскій Телеграфъ», купецъ Полевой старается пріобрѣсть позволеніе на изданіе въ Москвѣ частной политической газеты, съ будущаго 1828 года. По сему случаю осмѣливаемся сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

«1) Изданіе политической газеты даже въ конституціонныхъ государствахъ повѣряется людямъ, извѣстнымъ своею привязанностію къ правительству, опытнымъ и умѣющимъ дѣйствовать на мнѣніе. Въ политической газетѣ самое молчаніе о предметахъ, могущихъ произвести пріятное впечатлѣніе, и простой, голый разсказъ о событіяхъ, представляющихъ власть въ видѣ превратномъ, могутъ волновать умы и посѣвать неблагопріятныя ощущенія въ читателяхъ. Цензура не можетъ заставить издателя разсуждать въ пользу монархическаго правленія, или говорить, гдѣ ему угодно молчать, а потому духъ газеты всегда зависитъ отъ образа мыслей издателя.

«Г. Полевой по происхожденію своему принадлежитъ къ среднему сословію, которое по натурѣ вещей всегда болѣе наклонно къ нововведеніямъ, обѣщающимъ имъ уравненіе въ правахъ съ привилегированными классами: сей образъ его мыслей обнаруженъ въ поданномъ министру финансовъ мнѣніи московскаго купечества, въ концѣ царствованія блаженной памяти императора Александра. Мнѣніе сіе сочи-

нено г. Полевымъ и въ свое время произвело большіе толки: тамъ и Вольтеръ и Дидеротъ выведены на сцену, для защиты правъ московскаго купечества.

«Въ «Московскомъ Телеграфѣ» безпрестанно помѣщаются статьи, запрещаемыя с.-петербургскою цензурою, и разборы иностранныхъ книгъ, запрещенныхъ въ Россіи. Въ нынѣшнемъ году помѣщались тамъ письма А. Тургенева изъ Дрездена, гдѣ явно обнаружено сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ и прошедшихъ златыхъ временахъ. Вообще духъ сего журнала есть оппозиція, и все, что запрещается въ Петербургѣ говорить о независимыхъ областяхъ Америки и ея герояхъ, съ восторгомъ помѣщается въ «Московскомъ Телеграфѣ». Сіе замѣчено уже и генераломъ Волковымъ [1]).

«2) Г. Полевой, по своему рожденію не имѣя мѣста въ кругѣ большаго свѣта, ищетъ протекціи людей высшаго состоянія, занимающихся литературою, и, само по себѣ разумѣется, одинаковаго съ нимъ образа мыслей. Главнымъ его протекторомъ и даже участникомъ по журналу есть извѣстный князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Образъ мыслей Вяземскаго можетъ быть достойно оцѣненъ по одной его стихотворной піесѣ: «Негодованіе», служившей катихизисомъ заговорщиковъ, которые нуждались его единственно по его безхарактерности. Сей-то Вяземскій есть Меценатомъ Полеваго и надоумилъ его издавать политическую газету.

«3) Москва есть большая деревня. Тамъ вещи идутъ другимъ порядкомъ, нежели въ Петербургѣ, и цензура тамъ никогда не имѣла ни постоянныхъ правилъ, ни ограниченнаго круга дѣйствія. Замѣчательно, что отъ временъ Новикова всѣ запрещенныя книги и всѣ вредныя, нынѣ находящіяся въ оборотѣ, напечатаны и одобрены въ Москвѣ. Даже Думы Рылѣева и его поэма Войнаровскій, запрещенныя въ Петербургѣ, позволены въ Москвѣ. Все запрщаемое здѣсь печатается безъ малѣйшаго затрудненія въ Москвѣ. Сколько было промаховъ по газетамъ и журналамъ, то всегда это случалось въ Москвѣ. Всѣ политическія новости и внутреннія происшествія иначе понимаются и иначе толкуются въ Москвѣ, даже людьми просвѣщенными. Москва, удаленная отъ центра политики, всегда превратно толковала происшествія и журналы, выбирая даже статьи изъ петербургскихъ газетъ, помѣщаютъ ихъ часто столь неудачно и съ пропусками, что дѣла представляются въ другомъ видѣ. Вообще, московскіе цензоры, не имѣя никакого сообщенія съ министерствами, въ политическихъ предметахъ поступаютъ наобумъ и часто дѣлаютъ непозволительные промахи. По связямъ Вяземскаго они почти безусловно ему повинуются.

[1]) Начальникомъ Московскаго жандармскаго округа.

«4) Г. Полевой, какъ сказано, состоитъ подъ покровительствомъ князя Вяземскаго, который по родству съ женою покойнаго исторіографа Карамзина находится въ связяхъ съ товарищемъ министра просвѣщенія Блудовымъ. Изъ угожденія Блудову, можно въ крайности позволить Полевому помѣщать политику въ своемъ двухнедѣльномъ журналѣ, «Московскомъ Телеграфѣ», но выдавать особую политическую газету въ Москвѣ невозможно, по причинамъ вышеизъясненнымъ и для предупрежденія зла, которое послѣ гораздо труднѣе будетъ истребить.

«Весьма полезно было бы, чтобы вообще позволеніе вновь издавать политическія газеты даваемо было не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія, какъ сіе дѣлается во Франціи».

По полученіи этого сообщенія, А. Бенкендорфъ поручилъ собрать точныя справки какъ о самомъ Полевомъ, такъ и о журналѣ «Московскій Телеграфъ».

«Янаугадъ выбралъ, сказано въ безъимянной запискѣ, по одной книжкѣ изъ первыхъ четырехъ мѣсяцевъ 1827 года. Въ прошлыхъ годахъ есть гораздо сильнѣйшія вещи, именно политическія.

1) Если со вниманіемъ прочесть замѣченныя мѣста въ первой статьѣ № 1-го, то ясно обнаружатся желанія издателя дать почувствовать читателямъ, что письмо сіе пишется къ Николаю Тургеневу подъ вымышленными буквами. Явный ропотъ противу притѣсненія просвѣщенія, которое называютъ запретною розою, и сожалѣніе о погибшихъ друзьяхъ на страницѣ 9, было всѣми понято и доставило большой ходъ журналу. Въ статьѣ все жалуются на два послѣдніе года, т. е. 1825 и 1826 г. — время отлучки Тургенева и ссылки бунтовщиковъ [1]). Все такъ ясно изъяснено, что не требуетъ поясненій.

2) Въ № 4 (февраль). Статья «Путешествіе въ Эрменонвиль» написана въ такомъ духѣ, что сочинитель Contrat social представленъ первымъ и величайшимъ философомъ. Извѣстно, сколько зла уже надѣлалъ Руссо своими мечтаніями, а ему велятъ вѣрить! Стоитъ прочитать всю статью, что отмѣчено.

3) Въ № 6 (мартъ). Статья «Философія исторіи» наполнена революціонныхъ правилъ. Стоитъ прочесть замѣченныя мѣста. Особенно достойно примѣчанія мѣсто въ концѣ 113 и переносъ на 114 страницу. Спрашивается, что значитъ ученіе средины послѣдняго вѣка, которое на вѣки пребудетъ убѣжищемъ избранныхъ душъ? Каждый школьникъ знаетъ, чему учили энциклопедисты въ половинѣ XVIII столѣтія.

4) Въ № 7 (апрѣль). Приведено доказательство, какъ издатель

---

[1]) Декабристовъ.

*

умѣетъ въ рецензіи поэзіи примѣшивать политику. Замѣченныя мѣста содержатъ въ себѣ самый явный карбонаризмъ.

«Издатель «Московскаго Телеграфа», Полевой, самъ пріѣхалъ сюда хлопотать о позволеніи издавать съ будущаго 1828 года политическую газету «К о м п а с ъ», т. е. указатель и руководитель мнѣній. Полеваго покровительствуютъ всѣ такъ называемые патріоты и даже Мордвиновъ. Всѣ замѣченные въ якобинизмѣ москвичи: Титовъ, Кирѣевскій, Соболевскій,—сотрудники «Телеграфа». Покровители онаго князь Вяземскій и бывшій профессоръ Давыдовъ, самый отважный якобинецъ. Если свыше не взято будетъ мѣръ, то якобинство пріобрѣтетъ величайшую силу для дѣйствованія на умы. Дѣло о «Компасѣ» уже въ ходу, и всѣ русскіе такъ называемые патріоты торжествуютъ. Здѣсь ходатаемъ Полеваго нѣкто Нечаевъ, принадлежавшій къ «Союзу Благоденствія», какъ то оказалось изъ добровольнаго сознанія тульскаго почтмейстера. Нечаевъ возилъ его (Полеваго) къ Мордвинову, и онъ уже похваляется согласіемъ Блудова и министра, и говоритъ, что для него будетъ разрѣшено печатать извѣстія безъ сношенія съ министерствами.

«Я счелъ непремѣннымъ долгомъ еще разъ обратить вниманіе на сей предметъ; ибо по всѣмъ извѣстіямъ духъ молодежи въ Москвѣ весьма дуренъ[1]).

«Извѣстный Соболевскій (молодой человѣкъ изъ московской либеральной шайки) ѣдетъ въ деревню къ поэту Пушкину и хочетъ уговорить его ѣхать съ нимъ за границу. Было бы жаль. Пушкина надобно беречь, какъ дитя. Онъ поэтъ, живетъ воображеніемъ и его легко увлечь. Партія, къ которой принадлежитъ Соболевскій, проникнута дурнымъ духомъ. Атаманы — князь Вяземскій и Полевой, а пріятели: Титовъ, Шевыревъ, Рожалинъ и другіе москвичи. Соболевскій водится съ кавалергардами».

При такихъ условіяхъ Н. А. Полевой не получилъ разрѣшенія на изданіе политической газеты.

«Достойно замѣчанія, писалось въ одной анонимной запискѣ послѣ отъѣзда Николая Алексѣевича, что за Полевымъ, намѣревавшимся издавать «Компасъ» и «Энциклопедію» въ Москвѣ, кромѣ своего «Телеграфа», пріѣхала въ Петербургъ цѣлая когорта москвичей, изъ коихъ самый дурной—сотрудникъ его Соболевскій, а самый безтолковый и подозрительный—цензоръ его Снигиревъ, который, имѣя порученіе визитировать школы въ Новгородѣ, заѣзжалъ въ Петербургъ. Полеваго сильно протежировали такъ называемые русскіе патріоты, или какъ ихъ въ насмѣшку называютъ: «Р у с с к і е д у м н и к и». Первымъ протекторомъ былъ Н. С. Мордвиновъ. Блудовъ протежировалъ лишь по связи съ

[1]) Записка неизвѣстнаго, полученная 23-го августа.

Вяземскимъ. Возилъ повсюду Полеваго извѣстный журналистъ Свиньинъ, который слыветъ подъ именемъ мѣднаго лба, и Кикинъ сильно дѣйствовалъ въ его пользу. Никто изъ нихъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, и всѣ крайне удивились, когда Шишковъ объявилъ въ свое оправданіе, что запрещено свыше. Впрочемъ, Шишковъ вѣроятно видѣлъ предосудительныя мѣста въ Телеграфѣ, ибо онъ былъ раздосадованъ на Полеваго и даже сказалъ: «Еслибъ мнѣ порядочно досталось за этотъ журналъ, то въ первый разъ было бы подѣломъ!» Жена Шишкова говорила, что Н. С. Мордвиновъ сильно нападалъ на ея мужа, зачѣмъ онъ не отстоялъ Полеваго, ибо онъ купецъ и патріотъ, а намъ должно поддерживать русскія дарованія.

«Литераторы здѣшніе и даже многіе московичи чрезвычайно рады этому запрещенію. Полевой приписываетъ князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну сіе запрещеніе [1]). Патріоты, такъ называемые думники, повѣсили носъ.

«Здѣсь получено извѣстіе, что Вяземскій переходитъ къ другой партіи и научаетъ молодыхъ людей Михайлу Дмитріева, Писарева молодаго и еще нѣсколькихъ испросить позволеніе на изданіе политической газеты въ Москвѣ. Ему непремѣнно хочется имѣть въ Москвѣ частную политическую газету».

Прошло два года. За «Телеграфомъ» тщательно слѣдили, и вотъ въ № 14 журнала 1829 года явилась статья: «О новомъ начальникѣ» [2]). По прочтеніи ея, императоръ Николай приказалъ начальнику Московскаго жандармскаго округа генералу Волкову призвать къ себѣ издателя журнала Полеваго и цензора С. Н. Глинку, пропустившаго статью, и узнать отъ нихъ, кто сочинилъ статью, и объявить имъ, что «при первомъ случаѣ, когда появится вновь такого рода статья, то поступлено будетъ съ ними по закону, и сверхъ сего сдѣлать Глинкѣ строгій выговоръ за дозволеніе напечатать оную». Принявъ съ покорностью сдѣланный имъ выговоръ, Полевой и Глинка просили разрѣшенія Волкова представить свои объясненія.

«Съ чувствіемъ глубокой скорби внималъ я,—писалъ Полевой [3]),—объявленное вами мнѣ высочайшее повелѣніе. Какъ святому долгу, какъ первой обязанности моей повинуюсь волѣ моего великаго государя.

«Да будетъ мнѣ стыдно, если я покушался на чью-либо личность въ статьѣ, помѣщенной въ № 14-мъ «Телеграфа», если я, писавши

---

[1]) Кн. Голицынъ былъ въ то время Московскимъ генералъ-губернаторомъ

[2]) Въ дѣйствительности статья имѣла заглавіе „Приказные анекдоты". Въ ней разсказывалось, какъ приказные чиновники обманываютъ ничего не знающихъ губернаторовъ.

[3]) Въ письмѣ генералу Волкову отъ 26-го сентября 1829 года.

ее, имѣлъ въ виду что-либо другое, кромѣ общественной пользы и славы монарха русскаго!

«Покорно прошу ваше превосходительство оказать мнѣ благодѣтельное участіе, доведя до свѣдѣнія высшаго начальства нижеслѣдующее.

«Въ № 17 «Телеграфа», стр. 121—127, помѣщена статья, которую писалъ я въ дополненіе и поясненіе всѣхъ прежде помѣщенныхъ статей сего рода [1]). Я страшусь подумать, что ее могутъ почесть возраженіемъ или оправданіемъ, писаннымъ послѣ объявленной мнѣ Высочайшей воли, и, слѣдственно, предположить, что я осмѣлился изъяснять и толковать, вмѣсто безпрекословнаго повиновенія, которое почитаю моимъ долгомъ. Когда ваше превосходительство объявили мнѣ полученное вами предписаніе, 17-я книжка «Телеграфа» была уже отпечатана и раздавалась, такъ что я не могъ остановить ее. Благоволите обратить на сіе вниманіе ваше.

«Чтобы извлечь надлежащую пользу для общества изъ критическихъ статей о нравахъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣйствовать сообразно намѣреніямъ и волѣ правительства, да позволено мнѣ будетъ отнынѣ прежде обыкновенной цензуры подвергать статьи сего рода, кромѣ мелочныхъ и ничтожныхъ по содержанію своему статей, цензурѣ особенной, доставляя ихъ для разсмотрѣнія къ вашему превосходительству. Я осмѣливаюсь думать, что тогда ревность моя дѣйствовать сочиненіями къ исправленію нравовъ, и тѣмъ споспѣшествовать благодѣтельнымъ видамъ правительства, не вовлечетъ меня въ неумышленную ошибку, которая можетъ дѣлать виновнымъ въ виду онаго.

«Во всемъ этомъ, ваше превосходительство, изволите видѣть искреннее желаніе: согласить пользу посильныхъ трудовъ моихъ съ сохраненіемъ порядка общественнаго. Какъ русскій, пламенно любящій славу монарха, видящій въ немъ не только моего государя, но и великаго, геніальнаго человѣка нашего времени, я увѣренъ, что его свѣтлый умъ знаетъ и цѣнитъ всѣ, даже и малѣйшія средства дѣйствовать на подвластный ему народъ, сообразно мудрымъ его предначертаніямъ».

«Съ благоговѣніемъ вѣрноподданническимъ выслушалъ я,—писалъ С. Н. Глинка [2]),—высочайшій выговоръ, прочитанный мнѣ вами; но какъ цензоръ, долгомъ поставляю предложить мои объясненія.

«Сообразно новому, мудрому уставу о цензурѣ, въ подкрѣпленіе благодѣтельныхъ параграфовъ, седьмаго, пятнадцатаго и сорокъ седьмаго, параграфъ шестьдесятъ четвертый строго запрещаетъ цензору дѣлать какія-либо примѣчанія или толкованія.

---

[1]) Статья подъ заглавіемъ «Новый живописецъ общества и литературы».

[2]) Генералу Волкову отъ 25-го сентября 1829 года.

«Слѣдственно цензоръ не судья, а только ревностный исполнитель Устава; ибо, въ силу двадцатаго параграфа, одна высочайшая воля можетъ запретить существующее уже изданіе.

«Смерть легче для меня неблаговоленія отца отечества. Жизнь мою повергаю къ подножію его престола: да преданъ буду суду или да сниметъ съ меня выговоръ.

«А потому, какъ горестный отецъ многочисленнаго семейства, не имѣющій въ Россіи ничего, кромѣ жалованья, прошу васъ, ваше превосходительство, препроводить объясненіе мое, куда слѣдуетъ.

«Почитая счастіемъ, что отношусь съ сею просьбою къ чиновнику, извѣстному постояннымъ благородствомъ души, честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ».

Оба письма вмѣстѣ съ № 17 журнала были препровождены къ А. Х. Бенкендорфу, для всеподданнѣйшаго доклада. Слѣдомъ за ними было послано и второе письмо С. Н. Глинки генералу Волкову.

«Вамъ извѣстно,—писалъ онъ [1]),—по какому случаю палъ на меня высочайшій выговоръ.

«Истомляясь нѣсколько лѣтъ съ бѣднымъ моимъ семействомъ подъ тягостнымъ бременемъ нищеты, я мирился еще иногда съ жизнію; но теперь плачу о томъ, что живу на свѣтѣ.

«Я не имѣю ничего въ Россіи, ибо родовое мое наслѣдство отдалъ я сестрѣ по словесному завѣщанію матери моей, а вступя въ бракъ, уступилъ около сорока тысячъ рублей дядямъ жены моей, ибо надлежало тягаться. Отъ правительства никогда не получалъ никакой пенсіи, слѣдственно, я питалъ мое семейство одними моими трудами. Но когда отечество призывало сыновъ своихъ, я всегда отдавалъ ему и жизнь, и трудовое мое имущество. 1806 года, бывъ уже безпомѣстнымъ дворяниномъ, я служилъ по Смоленской милиціи на собственномъ иждивеніи. 1812 года, я первый записался въ Москвѣ ратникомъ и все, что у меня было, возложилъ на алтарь отечества. Александръ Благословенный собственною рукою скрѣпилъ, что онъ награждаетъ меня крестомъ Св. Владиміра 4-й степени, за любовь мою къ отечеству, доказанную моими сочиненіями и дѣяніями. Священная его воля отверзла мнѣ тогда уста на все полезное для отечества и возложила на меня въ Москвѣ и внѣ города тѣ особенныя препорученія, отъ которыхъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, жизнь моя подвергалась ежеминутнымъ опасностямъ. Я не щадилъ себя; я отдавалъ жизнь престолу и отечеству, и не просилъ никакихъ за то наградъ.

«Но теперь, прибѣгая къ великодушному ходатайству вашего высокопревосходительства, прошу за все рвеніе мое къ отечеству или быть

[1]) Въ письмѣ отъ 12-го октября 1829 года.

предану суду, или быть освобождену отъ выговора, котораго, какъ я уже объяснилъ, не желалъ бы пережить.

«На пятьдесятъ второмъ году моей жизни, когда другимъ правительство даетъ пенсіи для подкрѣпленія ихъ трудовъ, я принужденъ былъ сѣсть на безпокойный цензорскій стулъ отъ того единственно, что мнѣ нечѣмъ стало питать многочисленное мое семейство Но, если, какъ вамъ извѣстно, мнѣ всегда будетъ предстоять судъ за исполненіе мудраго и благодѣтельнаго Устава, то я лучше пойду по міру съ семействомъ моимъ, нежели изнемогать постоянно подъ бременемъ отвѣтственности.

«Не писалъ бы я съ такою откровенностію, если бы не былъ убѣжденъ, что голосъ праводушнаго россіянина не оскорбитъ монарха, въ лицѣ котораго вижу и великаго человѣка. Не писалъ бы я съ такимъ сердечнымъ изліяніемъ, если бы не зналъ, что сердце ваше слышитъ каждый отголосокъ сердецъ злополучныхъ.

«А потому, какъ сладостно будетъ отцу отечества, посредствомъ васъ оживить души двухъ страдальцевъ и возстановить ихъ на поприщѣ новаго бытія. За сей христіанскій подвигъ Провидѣніе Небесное наградитъ и отца отечества, и царство его новою славою и новыми дарами благости своей.

«И Петръ Петровичъ Бекетовъ и я, мы счастіемъ почитаемъ уже и то, что въ руки ваши препровождаемъ наше прошеніе.

«Жизнь моя нужна только одному моему семейству; жизнь Петра Петровича нужна всѣмъ тѣмъ, которымъ необходимо пособіе людей благодѣтельныхъ. Уклоняясь отъ большаго свѣта и чуждаясь всѣхъ искательствъ, онъ жилъ всегда для блага людей.

«Какъ горестнѣйшій отецъ семейства, умоляю васъ удостоить меня отвѣтомъ; ибо, видя, сколь трудно дѣйствовать даже и въ силу мудраго и благотворнаго новаго Устава о цензурѣ, я рѣшился проситься въ отставку, не взирая на то, какъ я имѣлъ уже честь доложить, что лишеніе мѣста подвергнетъ меня состоянію нищенскому.

«Петръ Первый любилъ правду; Николай Первый идетъ по слѣдамъ его; слѣдовательно, священный долгъ каждаго россіянина состоитъ въ томъ, чтобы повергать къ престолу чувствованія, внушаемыя вѣрностію и совѣстію».

На все это Бенкендорфъ отвѣчалъ [1]), что государь соизволилъ, чтобы критическія статьи, помѣщаемыя въ «Московскомъ Телеграфѣ», прежде представленія ихъ цензурѣ, были передаваемы на разсмотрѣніе генерала Волкова. О снятіи же высочайшаго выговора съ С. Н. Глинки ничего не говорилось. Тогда онъ рѣшился обратиться съ просьбою къ самому А. Х. Бенкендорфу.

---

[1]) Въ письмѣ Волкову отъ 14-го октября 1829 года.

«Уважая,—писалъ онъ [1]),—въ лицѣ императора Николая Перваго и великаго государя и примѣрнаго отца семейства; взирая и на васъ какъ на ангела благотворнаго, поставленнаго Провидѣніемъ, чтобы передавать отцу народа наши скорби душевныя, снова прошу васъ: «или о преданіи меня суду или о снятіи съ меня выговора».

«Слово не стрѣла, а пуще убиваетъ. Это истина вѣковая. Высочайшій выговоръ, прочитанный мнѣ его превосходительствомъ Александромъ Александровичемъ Волковымъ, поразилъ меня до глубины души, до глубины сердца, до уничтоженія бытія моего.

«Мнѣ предписано было заградить уста печатью тайны. Но можетъ ли молчать горестный отецъ семейства? Можетъ ли онъ, стоня подъ непрестанною угрозою суда, не сказать близкимъ его сердцу, что ему предстоитъ опасность, и чтобы они, укрѣпляясь надеждою на Провидѣніе, готовились на слезы и скорбь? Бѣдная моя жена пала на одръ болѣзни. Вы можете приказать изслѣдовать, правду ли я говорю.

«И такъ повергните къ освященнымъ стопамъ великаго государя мое слезное прошеніе: чтобы я преданъ былъ суду или чтобы я освобожденъ былъ отъ выговора, изнуряющаго мое бытіе. Я отжилъ для нравственнаго существованія; я живу для одного страданія. Сперва тяготила меня нищета; теперь все меня тяготитъ».

На это письмо отвѣта не послѣдовало, такъ какъ вообще были недовольны московскою цензурою. Въ 1832 году А. Бенкендорфъ писалъ министру народнаго просвѣщенія князю Ливену [2]): «Разсматривая журналы, издаваемые въ Москвѣ, я неоднократно имѣлъ случай замѣтить расположеніе издателей оныхъ къ идеямъ самаго вреднаго либерализма. Въ семъ отношеніи особенно обратили мое вниманіе журналы: «Телескопъ» и «Телеграфъ», издаваемые Надеждинымъ и Полевымъ. Въ журналахъ ихъ часто помѣщаются статьи, писанныя въ духѣ весьма недобронамѣренномъ, и которыя, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ поселить вредныя понятія въ умахъ молодыхъ людей, всегда готовыхъ, по неопытности своей, принять всякаго рода впечатлѣнія.

«О таковыхъ замѣчаніяхъ моихъ я счелъ долгомъ сообщить вашей свѣтлости и обратить особенное ваше вниманіе на непозволительное послабленіе московскихъ цензоровъ, которые, судя по пропускаемымъ ими статьямъ, или вовсе не пекутся о исполненіи своихъ обязанностей, или не имѣютъ нужныхъ для сего способностей. По симъ уваженіямъ, я осмѣливаюсь изъяснить вашей свѣтлости мое мнѣніе, что не излишне было бы сдѣлать московской цензурѣ строжайшее подтверж-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 2-го ноября 1829 года.

[2]) Отъ 9-го февраля 1832 года.

деніе о внимательномъ и неослабномъ наблюденіи ея за выходящими въ Москвѣ журналами».

Спустя два года въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1834 года появилась критическая статья о трагедіи Н. Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла». Бенкендорфъ писалъ московскому военному генералъ-губернатору[1]: «Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, дабы издатель журнала «Московскій Телеграфъ», Полевой, немедленно прибылъ въ С.-Петербургъ и дабы, для скорѣйшаго его пріѣзда, отправленъ былъ съ нимъ жандармскій унтеръ-офицеръ.

«Сообщая вашему сіятельству сію высочайшую волю, для вашего по оной исполненія, я покорнѣйше прошу васъ объявить г. Полевому, чтобъ онъ тотчасъ по прибытіи его сюда явился ко мнѣ».

31-го марта 1834 года Н. А. Полевой былъ уже въ Петербургѣ и писалъ графу Бенкендорфу оправдательную записку.

«Во исполненіе объявленной мнѣ высочайшей воли: объяснить, въ какомъ смыслѣ сказано было мною, въ началѣ библіографической статьи о трагедіи: «Рука Всевышняго отечество спасла», что сія трагедія «опечалила рецензента», и проч., чего теперь, не имѣя подъ рукою статьи моей, припомнить въ точности не могу—симъ честь имѣю донести, что я судилъ о трагедіи по чтенію, не видавъ ее на сценѣ, и говорилъ объ ней чисто въ литературномъ смыслѣ, какъ о поэтическомъ изданіи. Сочинитель ея прежде напечаталъ драму: Торквато Тассъ, исполненную красотъ, хотя и далекую отъ совершенства. Послѣ Тасса, его новая трагедія казалась мнѣ—повторяю, судя о ней, какъ о произведеніи поэтической фантазіи — прыжкомъ назадъ. Это было объясняемо мною въ рецензіи; къ этому относились и слова въ началѣ оной. Мнѣ казалось, что сильный духъ русскій могъ быть выраженъ въ драмѣ не только словами, но и дѣйствіемъ; что великія событія 1612 года могли быть выставлены вѣрно, и произвесть сильнѣйшее дѣйствіе и впечатлѣніе; что трагедія обезображена ненужными вставками, характеры въ ней не выдержаны, и самое избраніе царя Михаила должно было представить не слѣпымъ случаемъ какимъ-то, по жеребію, но тайною, глубокою мыслью русскихъ душъ, провидѣвшихъ спасеніе и счастіе отечества въ державномъ юношѣ и мудромъ старцѣ, его родителѣ. Такъ я думалъ и писалъ. Готовъ сознаться въ ошибкѣ. Но смѣю увѣрить всѣмъ, что̀ есть для меня святаго и драгоцѣннаго, что никогда въ мысль мнѣ не приходило что-либо предосудительное противъ похвальной патріотической цѣли автора. Душевно радовался я потомъ, что каждое слово, близкое роднаго всѣмъ намъ чувства къ царю и отечеству, доходило до сердецъ зрите-

[1]) Отъ 21-го марта 1834 года.

лей. По этому участію можно уже судить, что произвело бы на сценѣ твореніе, согрѣтое огнемъ генія, совершенное по сущности, какъ Шекспирова драма, и высказанное стихами Пушкина или Жуковскаго, передъкоторыми стихи Кукольника кажутся мѣрною прозою—не болѣе...»

Объясненіе это было признано не вполнѣ удовлетворительнымъ, и хотя Полевому разрѣшено было возвратиться въ Москву, но 3-го апрѣля послѣдовало высочайшее повелѣніе о прекращеніи изданія «Московскаго Телеграфа» [1]). Въ тотъ же самый день графъ Бенкендорфъ писалъ начальнику жандармскаго округа генералъ-лейтенанту Лесовскому [2]): «Вашему превосходительству, конечно, извѣстно, что издатель журнала «Телеграфъ», Полевой, былъ по высочайшему повелѣнію потребованъ въ С.-Петербургъ, для нѣкотораго объясненія по одной статьѣ его журнала, а нынѣ онъ снова возвратился въ Москву.

«По случаю сего покорнѣйше прошу ваше превосходительство сообщить мнѣ о томъ, какія будутъ въ Москвѣ сужденія на счетъ сей поѣздки Полеваго, и что онъ самъ будетъ о семъ говорить».

На это генералъ Лесовскій отвѣчалъ [3]): «По отъѣздѣ Полеваго, многіе благомыслящіе имѣли сужденіе, что давно пора бы унять подобныхъ вольнописцевъ, и что правительство бдитъ о всенародномъ спокойствіи! Въ разговорахъ же о семъ, со смѣхомъ говорили: «хорошо, если бы посѣкли его порядочно». Одни писатели, товарищи его, сожалѣли о немъ, исключая врага его Надеждина, распустившаго слухъ, будто бы Полевой отданъ въ солдаты.

«Наконецъ, неожиданное скорое возвращеніе Полеваго удивило всѣхъ и дало поводъ къ заключенію о невинности его, что породило разные сужденія и толки. Въ семъ послѣднемъ случаѣ говорятъ: «если онъ невиненъ, то зачѣмъ же было поступать такъ жестоко съ человѣкомъ, облагороженнымъ правительствомъ?», и что употребленная надъ Полевымъ мѣра влечетъ къ невольному заключенію о небезопасности личности каждаго. Если-же обнаружены преступныя намѣренія, то слѣдовало бы его примѣрно наказать. И какъ бы изъ сожалѣнія къ нему соглашаясь, что Полевой только злой сатирикъ; но что гораздо опаснѣе сочинители: о Годуновѣ, Дмитріѣ Самозванцѣ, Биронѣ и прочихъ. А потому заключаютъ, что запрещеніе издавать «Телеграфъ» обнаруживаетъ слабость правительства и огорчаетъ публику, и что лучше бы не запрещать оный, но заставить сочинителя писать въ духѣ правительства.

[1]) Письмо министра народнаго просвѣщенія С. Уварова графу Бенкендорфу 5-го апрѣля 1834 года. № 516. Этотъ эпизодъ изъ жизни Н. А. Полевого подробно разсказанъ братомъ его Ксенафонтомъ Алексѣевичемъ (см. Записки его изд. 1888 г. стр. 331—347) но въ иномъ видѣ.

[2]) Отъ 3-го апрѣля 1834 года.

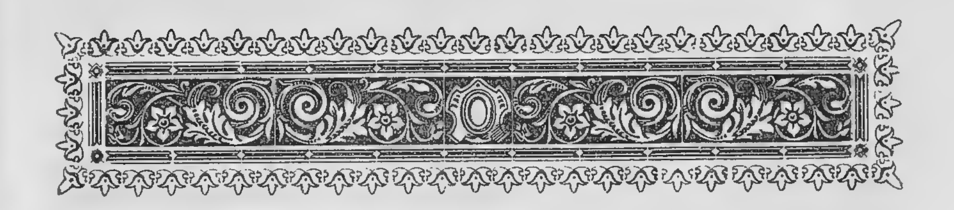
[3]) Отъ 13-го апрѣля 1834 г. № 294.

При чемъ винятъ не сочинителя, а повѣряющую его цензуру, и что издатель «Телескопа» гораздо рѣшительнѣе открываетъ мысль о равенствѣ, но сего какъ будто-бы не замѣчаютъ.

«Всѣ сіи слухи и толки собраны изъ отголосковъ разныхъ сужденій и разговоровъ, по множеству которыхъ нельзя съ довѣренностію положить основательнаго заключенія, и одно лишь время можетъ обнаружить истину оныхъ».

Сообщилъ **Н. Д.**

Записки Э. И. Стогова[1].

III [1]).

Отечественная война. — Назначеніе М. И. Кутузова главнокомандующимъ арміями.—Его характеристика.—Канунъ Бородина.—Партизаны: Сеславинъ, Давыдовъ и Фигнеръ. — Отправленіе морскаго корпуса въ Свеаборгъ и возвращеніе въ Петербургъ.—Масонскія общества.—Кутежи и попойки.—Выпускные экзамены.—Производство въ офицеры.—Товарищъ Дюмутье и его приключенія.—Командировка въ Камчатку.—Прибытіе въ Омскъ. — Тамошніе порядки.—Прибытіе въ Иркутскъ. — Губернаторъ Трескинъ и его семейство.—М. М. Сперанскій.—Г. С. Батенковъ.—Характеристика Сперанскаго.—Сибирскій король Кузнецовъ.

Наступилъ 1812-й годъ; только и было говора, что о войнѣ. Высшее общество уныло и принялось за Апокалипсисъ. Это была общая манія: куда ни придешь, вездѣ разбираютъ Апокалипсисъ, добираются до смысла, превращая буквы въ цифры. Наконецъ, какъ-то нашли, что звѣрь Апокалипсиса долженъ носить имя Аполеонъ и приписали это имя Наполеону Побѣдитъ его, говорили,—князь Михаилъ.

Какой же это князь? Общій голосъ назвалъ князя Михаила Иларіоновича Кутузова. Молва объ этомъ была такъ сильна, что императоръ Александръ, не любившій Кутузова, принужденъ былъ назначить его главнокомандующимъ. Общество успокоилось, вѣруя, что Наполеонъ будетъ побѣжденъ. Даже отдачу Москвы французамъ общество приняло безъ огорченія, потому что это сдѣлалъ Кутузовъ. О немъ говорили, что это человѣкъ глубоко ученый, благороднаго характера, но

[1]) См. „Русскую Старину“ 1903 года, январь.

никогда и никому не сказалъ правды; мысли его принадлежали ему одному. Всю жизнь былъ онъ поклонникомъ женщинъ, влюблялся до глубокой старости и во всю жизнь не любилъ ни одной женщины искренно. Обращеніе Кутузова выставлялось какъ образецъ любезности въ обществѣ. Про Кутузова говорили, что во всю жизнь онъ былъ тонкій политикъ, въ штабѣ своей арміи не противодѣйствовалъ интригамъ и, будучи умнѣе всѣхъ, управлялъ ими какъ музыкальнымъ инструментомъ; повидимому, онъ слушался всѣхъ и соглашался, а дѣлалъ посвоему. Въ 1812 году Кутузовъ былъ старъ, дряхлъ, но скрытность не оставила его, и онъ не говорилъ правды даже государю.

Онъ принялъ армію, утомленную, и понялъ, что долженъ поднять упавшій ея духъ. Приближенные просили дать сраженіе, Кутузовъ притворялся неслышащимъ, спящимъ, а просыпаясь, отдавалъ приказаніе отступать. Онъ далъ сраженіе подъ Бородинымъ, но передъ боемъ говорилъ: «Я не долженъ давать сраженія, но долженъ удовлетворить требованіе всей Россіи; потеря 40 тысячъ—успокоитъ русскій народъ». По стеченію обстоятельствъ, мѣстность будущаго сраженія указалъ мой отецъ. Это было такъ: когда Наполеонъ былъ уже въ Гжатскѣ, отецъ мой отправилъ свою семью и всѣхъ крестьянъ къ роднымъ въ Тамбовскую губернію, весь скотъ пожертвовалъ въ армію, а самъ оставался караулить домъ. Главная квартира была въ Бородинѣ, въ 11-ти верстахъ отъ нашего имѣнія Золотилова. Когда приблизились аванпосты французовъ, отецъ поѣхалъ въ Бородино, чтобы получить билетъ на проѣздъ. Билеты выдавалъ Толь, но его не было дома; отецъ нашелъ его на Бородинскомъ полѣ. Узнавъ, что отецъ мѣстный помѣщикъ и сослуживецъ Суворова, Толь спросилъ.

— Знаете ли вы хорошо эту мѣстность?

Отецъ отвѣчалъ утвердительно. Тогда Толь приказалъ дать отцу казацкую лошадь и поѣхалъ съ нимъ; отецъ указывалъ, гдѣ поставить батареи и укрѣпленія. Толь молча записывалъ. Отецъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что редуты и прочіе были устроены по его указанію. Толь былъ очень доволенъ, далъ отцу открытое предписаніе и подарилъ казацкую лошадь. Исторія никогда не упомянетъ имени моего отца, описывая Бородинское побоище.

Наполеонъ занялъ Москву. Мнѣ много разсказывалъ Давыдовъ, какъ онъ, Сеславинъ и Фигнеръ бывали въ Москвѣ переодѣтыми иностранными офицерами и вывѣдывали о непріятельской арміи. Послѣ войны, Сеславинъ, израненый, обвѣшанный орденами, жилъ постоянно въ своей Тверской деревнѣ, собирался нѣсколько разъ писать записки, но не твердое знаніе грамотѣ остановило его, и онъ, гордый сознаніемъ своего славнаго служебнаго поприща, жилъ тихо, почти ни съ кѣмъ не видясь, и умеръ, не найдя біографа по достоинству. Давыдовъ Денисъ

оставилъ хвастливую память дѣлъ своихъ въ напечатанныхъ запискахъ и стихахъ. Это былъ ловкій человѣкъ, онъ, при жизни, пріобрѣлъ въ 10 разъ болѣе славы, чѣмъ заслужилъ. Давыдовъ какъ-то приходится намъ родней, я дитятей катался на его сѣдлѣ, когда онъ былъ произведенъ въ гусарскіе корнеты, и онъ это вспомнилъ, встрѣтясь со мною въ Симбирскѣ. Давыдовъ былъ много меньше меня ростомъ, широкоплечъ, брюнетъ, на срединѣ лба имѣлъ природный бѣлый клокъ волосъ, лицо круглое, носъ съ маленькую пуговку, страшный былъ говорунъ. Фигнеръ — былъ геніальный партизанъ, это былъ храбрѣйшій человѣкъ и неистощимъ на выдумки—дурачить и истреблять непріятеля. Хладнокровіе его было неподражаемо, французы ужасались его имени, много разъ бывалъ онъ почти въ рукахъ французовъ, но они узнавали его тогда, когда онъ ускользалъ отъ нихъ. Было много партизановъ, но эти трое были въ славѣ, о нихъ много говорили.

Какъ только французы миновали нашу деревню, отецъ слѣдомъ за ними явился домой. Въ новомъ домѣ нашемъ были выбиты окна и двери, въ залъ было втащено бревно, которое отъ дверей діагонально упиралось въ уголъ потолка и горѣло; бревно потушили и вытащили. На полѣ Золотилова была стычка, и осталось названіе одной долинкѣ—французская могила.

Когда Наполеонъ занялъ Москву, нашъ морской корпусъ на корабляхъ перевезли въ Свеаборгъ, гдѣ мы и зимовали. Кроватей не было, намъ повѣсили офицерскія корабельныя койки, мы въ нихъ и спали. Была одна койка, въ которую, кто ложился спать, тотъ просыпался въ горячкѣ, такъ случилось съ четырьмя кадетами, это было любопытно, и я захотѣлъ попробовать, легъ здоровый, а проснулся въ горячкѣ, послѣ меня койку сожгли. Очень слабымъ вышелъ изъ лазарета; въ Рождество, за обѣдомъ дали намъ рябчиковъ, я объѣлся и новая горячка.

По уходѣ Наполеона изъ Москвы, насъ на повозкахъ перевезли въ Питеръ; меня везли въ закрытомъ возкѣ. Тогда побѣда за побѣдой реляція за реляціей занимали все общество; тогда я узналъ о существованіи масонскихъ ложъ, которыхъ было много въ Россіи. Попасть въ масоны было трудно; разсказывали страсти объ испытаніяхъ и клятвахъ, вѣрили, что кто измѣнитъ масонамъ, то главные масоны стрѣляютъ въ портретъ виновнаго, и онъ умираетъ. Вообще вѣрили, что масоны совершаютъ какія-то чары въ своихъ собраніяхъ,—басенъ было множество. Всѣ, кто имѣлъ значеніе или хотѣлъ его имѣть, притворялись масонами, и я по общей глупости, будучи офицеромъ—прикидывался таинственнымъ и даже съумѣлъ прослыть масономъ.

Въ 1812 и 1813 годахъ было порядочное пьянство, во всѣхъ аристократическихъ домахъ, послѣ чая, необходимо подавался пуншъ и не по

одному стакану. Ромъ былъ строго запрещенъ къ привозу, и бутылка его стоила 5 руб., а это тогда были не малыя деньги. Онъ доставлялся морскими офицерами изъ Кронштадта. Занимались этимъ промысломъ очень многіе, и это не осуждалось обществомъ. Тысячи тонкихъ хитростей придумывались для обмана таможенныхъ, бывали и убійства, но провозили, потому что было выгодно. Тогда во многихъ домахъ были попойки, общество было неприхотливо, удовольствій публичныхъ — почти никакихъ. Дядя Бунинъ разсказывалъ, какъ они частенько пьянствовали у Нарышкина, кто прежде всѣхъ напьется до безчувствія, того непремѣнно хоронятъ; одѣваются въ простыни, одѣяла — кто попомъ, кто дьякономъ, а прочіе, со свѣчами и пѣніемъ, выносятъ пьянаго и хоронятъ въ снѣгу. Невѣроятная простота нравовъ для нынѣшняго времени. Былъ такой случай: статскій совѣтникъ Гориковъ, говорятъ, былъ дѣльный человѣкъ, дружески принятый у Нарышкина. Послѣдвій увѣрялъ, что какъ увидитъ физіономію Горикова, то страшно захочетъ пуншу, и потому, когда входилъ Гориковъ, Нарышкинъ кричалъ: «Горикову пуншу»—хотя бы это было утро. Государю захотѣлось имѣть попугая, у Нарышкина былъ отличный попугай, и онъ подарилъ его государю. Наступило представленіе къ наградамъ передъ Пасхою; государь приказалъ прочитать себѣ списокъ представляемыхъ, и между ними Гориковъ былъ представленъ къ чину. Лишь только читающій списокъ упомянулъ фамилію Горикова, какъ попугай закричалъ: «Горикову пуншу!» и повторилъ нѣсколько разъ. Александръ вычеркнулъ Горикова изъ списка, сказавши, что онъ, должно быть, пьяница. Говорятъ, много надобно было хлопотъ разувѣрить Александра. Сколько я ни припоминаю случаевъ, то, оказывается, жизнь того времени—не похожа на жизнь общества нынѣшняго. То же скажутъ и о насъ будущія поколѣнія.

Въ морскомъ корпусѣ, я выдержалъ экзаменъ изъ кадетъ въ гардемарины. Они каждый годъ, три мѣсяца ходили въ море для практики. Экзамены были необыкновенно строги, не по билетамъ, а отъ доски до доски. Въ офицеры было четыре экзамена. Первый—учителя экзаменуютъ гардемариновъ чужаго класса и дѣлаютъ отмѣтки. Потомъ, корпусные офицеры по 5, 6 человѣкъ экзаменуютъ на своихъ квартирахъ и дѣлаютъ отмѣтки. Потомъ, созываются изъ Кронштадта всѣ командиры кораблей и экзаменуютъ, удостовѣряясь въ достаточномъ знаніи будущихъ ихъ помощниковъ. Послѣдній экзаменъ назывался публичный, потому что публиковалось, кому угодно экзаменовать, и приглашались адмиралы, министры, сенаторы и митрополитъ съ архіереями. Этотъ экзаменъ былъ легкій, для парада.

На этомъ экзаменѣ была большая забота архимандриту или іеромонаху изъ Лавры, который училъ насъ закону Божію. Этому предмету—

никто не учился, и никто ничего не зналъ; бывало іеромонахъ упрашиваетъ каждаго Христа-ради выучить одинъ параграфъ и отмѣчаетъ его въ спискѣ противъ фамиліи; но и при этомъ не всѣ хорошо отвѣчали. На экзаменъ нашего выпуска явился какой-то фракъ (штатскій), еще молодой. Инспекторъ спросилъ: «изъ какого предмета угодно экзаменовать?»

— Изъ дифференціаловъ и интеграловъ,—отвѣчалъ онъ.

Всѣ удивились, ему дали лучшихъ учениковъ: Николаева и Врангеля. Оказался знатокомъ, и послѣ мы узнали, что это былъ Остроградскій. Произведенному въ мичманы корпусъ дарилъ бѣлье, но надобно было экипироваться самому, а отецъ не могъ мнѣ дать денегъ. Дали 100 рублей въ счетъ жалованья, и я сшилъ себѣ дешевенькое платье. Пожилъ я у тетки Буниной съ мѣсяцъ, ѣздилъ съ ней по гостямъ уже какъ членъ общества. Затѣмъ отправился въ Кронштадтъ почти прямо на корабль, такъ какъ тогда флотъ посылали за войсками, остававшимися во Франціи. Тетка и дядя дали мнѣ немного денегъ, да остались отъ экипировки, и я, не помню отъ кого, узнавъ, что русскія мѣдныя деньги очень дороги во Франціи сравнительно съ серебромъ, всѣ свои деньги размѣнялъ въ церквахъ на мѣдныя. Будучи во Франціи, я накупилъ бездѣлицъ, но которыя были новостью въ Петербургѣ. Возвратясь, я подарилъ нѣкоторыя теткѣ и дядѣ, за что они меня экипировали хорошо. Остальныя всѣ вещи я продалъ въ модный магазинъ и получилъ 400 руб. Жалованье поручика въ то время было 180 руб. ассигнаціями, и мы жили на эти деньги. Можно представить, какимъ громаднымъ богатствомъ казались эти 400 рублей въ моихъ рукахъ! Я съ любовью много разъ пересчитывалъ эту громадную сумму и думалъ, что съ прибавленіемъ жалованья — жизнь моя обезпечена. Какъ вдругъ явился, остававшійся на берегу мой товарищъ Дюмутье. Это былъ сынъ эмигранта, бѣлокурый красавецъ; онъ былъ адъютантомъ въ экипажѣ и объяснилъ мнѣ, что завтра смотръ и у него недостаетъ 400 руб., которые онъ роздалъ офицерамъ въ долгъ. Если завтра, говорилъ онъ, не окажется всѣхъ денегъ, то онъ пойдетъ подъ судъ и будетъ матросомъ. Онъ говорилъ, что ему нужны деньги только показать начальству, а послѣ обѣда, онъ привезетъ ихъ мнѣ назадъ.—Говорилъ Дюмутье со слезами на глазахъ, я самъ чуть не расплакался, обнялъ его и радостно отдалъ ему мои драгоцѣнные 400 руб. И теперь не понимаю, какъ могъ этотъ плутъ узнать, что у меня ровно 400 руб. По уходѣ Дюмутье, я впалъ въ самое сладкое настроеніе, радовался, что могъ спасти товарища. Что же оказалось? Дюмутье все солгалъ, деньги мои промоталъ на извѣстную тогда красавицу Медвѣдеву, и я денегъ этихъ не видалъ и до сего часа. Возвратясь изъ Камчатки и посѣтивъ изъ любопытства монастырь въ Стрѣльнѣ, за вечернею, между монахами—

узналъ Дюмутье. При выходѣ изъ церкви, я окликнулъ: «отецъ Дюмутье». Онъ шелъ смиренно, но, услышавъ свою фамилію, положилъ палецъ на губы и пригласилъ знакомъ слѣдовать за собою. Узнавъ меня, онъ тоже обрадовался и разсказалъ свою біографію: накутивши въ Кронштадтѣ, онъ бѣжалъ, забрался въ Тамбовскую губернію; влюблялся онъ и влюблялись въ него, чуть-ли не былъ два раза женатъ, скрывался въ Москвѣ, ходилъ собирать на монастыри и церкви. Извѣдавъ всѣ пути мошенничества, онъ, наконецъ, подъ чужимъ именемъ, поступилъ въ монахи и говорилъ, что лучшаго положенія онъ не знаетъ. И правда, келья его была полна работы барынь, бѣлье носилъ прекрасное—тоже подарокъ барынь, въ деньгахъ нужды не имѣлъ, послѣ чаю, онъ подчивалъ меня прекрасными сладостями, предложилъ ужинъ, изъ секретнаго шкапика въ стѣнѣ досталъ серебряную паровую кастрюлю, тамъ готовый былъ бифстексъ, явились сыры, колбасы и разное вино. Я посмѣялся надъ нарушеніемъ монашескаго обѣта, онъ тоже смѣялся и сказалъ: «монахъ долженъ быть чистъ, какъ голубь и хитръ, какъ змій». Разсказывалъ, что онъ часто ѣздитъ въ Петербургъ и имѣетъ тамъ много знакомыхъ барынь и купчихъ и прибавилъ, смѣючись: «житье хорошее, пожаловаться не могу». О моихъ деньгахъ не было ни слова.

Безъ походовъ (т. е. плаванія) и оставшейся морской провизіи, на маленькомъ жалованьи жить было почти невозможно; для экономіи мы всѣ жили по-двое и по-трое на одной квартирѣ. Кронштадтъ — маленькой городокъ; въ немъ мѣстятся до 4 тысячъ офицеровъ, вся провизія дороже, чѣмъ въ Петербургѣ, потому что оттуда привозится. Какъ я ни передумывалъ выбиться изъ нужды, но въ будущемъ видѣлъ только ее одну. Вдругъ послѣдовалъ вызовъ желающихъ отправиться въ Камчатку. Не зная Камчатки, я не зналъ, хорошо или дурно тамъ, но въ первую минуту разсуждалъ такъ: положимъ, въ Камчаткѣ дурно, но и здѣсь очень худо, если я не найду въ Камчаткѣ лучшаго, то все-таки увижу что-нибудь новое. Рѣшено,—ѣду въ Камчатку. Но общество мичмановъ въ Кронштадтѣ таково, что предложи экспедицію въ адъ—найдется много охотниковъ. Въ Камчатку требовалось всего два офицера, а объявили желаніе 40 человѣкъ. Въ назначеніи меня помогъ своими связями дядя Бунинъ, и мнѣ завидовали очень многіе.

Я проѣхалъ не далеко отъ Золотилова, но не заѣхалъ къ отцу и увѣдомилъ о своей командировкѣ только изъ Иркутска. Хотя я и любилъ мать, но страхъ къ отцу превозмогъ, и я матери моей не видалъ. Насъ по дорогѣ въ городахъ принимали прекрасно,—мы были молоды, въ мундирахъ, шитыхъ золотомъ, хорошіе танцоры и, въ провинціальной глуши, намъ были рады. Почти вездѣ я слышалъ слова сожалѣнія: такіе молоденькіе, такъ умны и любезны—за что это ихъ ссылаютъ въ Сибирь?!

Насъ было трое: капитанъ-лейтенантъ Вороновъ, совершенно ни къ чему неспособный человѣкъ. Другой товарищъ Николай Повалишинъ, мы съ нимъ вмѣстѣ опредѣлились въ корпусъ, въ одномъ классѣ проходили науки и вмѣстѣ на кораблѣ дѣлали первый походъ. Повалишинъ учился очень хорошо, поведенія прекраснаго, былъ стройный брюнетъ и недуренъ, онъ проигрывалъ противъ меня тѣмъ, что не имѣлъ общественной ловкости и находчивости съ дамами, т. е. не имѣлъ смѣлой самонадѣянности, а я все это пріобрѣлъ, шатаясь по гостинымъ вельможъ, съ теткою и дядей. Повалишинъ, при выгодной наружности—былъ замѣчательный флегматикъ, онъ часто задумывался, мечталъ, какъ бы составить себѣ обезпеченное состояніе, но не былъ скупъ и былъ совершенно честный человѣкъ, трезвъ, какъ и я. Съ нами ѣхала команда изъ 25 матросъ-охотниковъ, молодецъ къ молодцу, люди, душой и тѣломъ намъ преданные.

Празднуя по всѣмъ попутнымъ городамъ, а иногда и у помѣщиковъ на пути, гдѣ два, гдѣ три дня танцовали, волочились, были сыты и веселы. Остановлюсь нѣсколько на описаніи Омска. Это крѣпость на границѣ киргизскихъ степей; тамъ была главная квартира командира сибирскаго корпуса войскъ, должность котораго исправлялъ генералъ Клодтъ. Это былъ нѣмецъ отъ головы до пятокъ, сынъ его—знаменитый скульпторъ. Баронъ Клодтъ — былъ страшно разсѣянъ: выходилъ изъ дома иногда въ мундирѣ, но въ подштанникахъ, часто носилъ шляпу въ рукахъ на улицѣ. При мнѣ, онъ пошелъ гулять и ушелъ за крѣпость верстъ 8-мь и возвратился на навозномъ возѣ. Всѣ привыкли къ его странностямъ и всѣ любили его; онъ былъ рѣдкой доброты и весельчакъ. Намъ отвели цѣлый домъ корпуснаго командира. Комендантомъ былъ полковникъ Ивановъ, онъ и семья были любезнѣйшіе люди, но какъ комендантъ, Ивановъ не имѣлъ понятія о службѣ до того, что я училъ его ходить рундомъ. Въ Омскѣ были коммиссіи: коммиссаріатская, провіантская, аудиторіатъ и главная квартира атамана казачьихъ линейныхъ полковъ. Атаманомъ былъ генералъ Броневскій—жившій роскошно. Жизнь въ Омскѣ тогда была вполнѣ азіатская, довольно сказать, что женщинъ держали въ комнатахъ окнами на дворъ и съ желѣзными рѣшотками, дѣвицъ запирали на ночь ключемъ. При корпусномъ штабѣ были все пожилые и старики. Молодежь состояла изъ казачьихъ офицеровъ, это были — все красавцы, молодцы, но необразованные и малограмотные. Въ Омскѣ обрадовались нашему пріѣзду, и такъ какъ у насъ заболѣло два матроса, то мы сочли законною причиною пожить въ Омскѣ до ихъ выздоровленія. Насъ носили на рукахъ, каждый день балъ, обѣдъ и все содержаніе — отъ коменданта. Меня полюбилъ баронъ Клодтъ, самъ возилъ съ визитами.

*

Изъ Омска я поѣхалъ въ Иркутскъ—городъ прекрасный, много богатаго купечества и хорошо образованнаго. Иркутскъ—столица Сибири. Я остановился въ адмиралтействѣ, начальникъ, лейтенантъ Кутыгинъ, былъ прелюбезный человѣкъ. Я пріѣхалъ слѣдомъ за Сперанскимъ, который былъ посланъ государемъ для исправленія злоупотребленій по управленію. Генералъ-губернаторомъ былъ Пестель, кажется, во всѣ 13 лѣтъ губернаторства не бывшій въ Сибири. Иркутскимъ губернаторомъ былъ Трескинъ, это былъ царекъ Сибири. Дамы и мужчины не подходили къ нему иначе, какъ цѣлуя его руку, чиновники—также. Этотъ жестокій деспотъ водворилъ удивительный порядокъ въ Сибири. Если проѣзжій забывалъ на станціи кошелекъ или часы, то его догоняли и отдавали, ни убійствъ, ни воровства не было, хотя всѣ селенія полны были ссыльными. Я разскажу, какъ я являлся къ губернатору Трескину. Я былъ предупрежденъ, что въ залѣ его садиться не дозволяется. Пріѣхалъ я въ 10 часовъ утромъ. Трескинъ еще не выходилъ; въ залѣ: предсѣдатели, совѣтники и проч. чины стояли каждый на опредѣленномъ мѣстѣ: у стѣны или у печки; все это стояло безмолвно и не шевелилось. Я пришелъ и сѣлъ на стулъ—всѣ переглянулись и удивились, какъ вещи небывалой. Пріѣхалъ съ рапортомъ комендантъ, полковникъ Цейдлеръ, и видя меня сидящимъ, рѣшился сѣсть. Молчаніе гробовое. Вдругъ растворились обѣ половинки двери кабинета, и я увидѣлъ тучнаго старика въ бѣломъ халатѣ, въ бѣломъ колпакѣ, съ висящими бѣлыми волосами. Эта бѣлая фигура двигалась тихо, точно на колесахъ, но глаза черные, свѣтящіеся и быстро двигающіеся. Трескинъ прямо двинулся ко мнѣ. Я всталъ, не торопясь.

— Ты уже усѣлся?—сказалъ онъ.

— Усталъ, ваше превосходительство съ дороги.

— Какъ тебя зовутъ?

— Эразмъ Иванычъ.

— Гдѣ ты учился?

— У дьячка на мѣдныя деньги,—отвѣчалъ я на этотъ странный вопросъ.

— Сколько у тебя душъ?

— Одна своя, но прекрасная.

— Сколько у тебя денегъ?

— Императорская (бумажка) въ карманѣ.

Онъ взялъ меня за руку, вывелъ на середину и, повертывая, сказалъ:—«не велика птичка, да носокъ остеръ». Трескинъ кликнулъ чиновника и приказалъ отвести меня къ дочерямъ его,—ихъ было три: я отрекомендовался и усѣлся чинно, онѣ работали въ пяльцахъ и молчали. Я съ намѣреніемъ спуталъ у одной шерсть, а у другой уронилъ пяльцы, хохоталъ и болталъ; всѣ вскочили и стали смѣяться, знакомство

сдѣлано. Одна пошла въ комодъ, я увидалъ тамъ много конфектъ и сталъ ѣсть, онѣ—бросились отнимать, я отъ нихъ, они за мной, я вскочилъ на столъ, и вдругъ отворяются двери, въ дверяхъ отецъ. Вижу, плохо, но не потерялся. Дочери хохочутъ и жалуются отцу, а я жалуюсь, что онѣ щиплются. Удивленный старикъ расхохотался, велѣлъ намъ помириться, пригласилъ меня обѣдать у него, но не обижать дочерей. За обѣдомъ, Трескинъ посадилъ меня противъ себя; я ѣлъ всегда очень много и скоро. Онъ любовался и говорилъ, что онъ лучше ѣстъ, глядя на меня. Послѣ обѣда Трескинъ увелъ меня въ кабинетъ и спросилъ: умѣю ли читать?

— Умѣю и отлично,—отвѣчалъ я.

— На, читай,—и далъ мнѣ какую-то книгу, а самъ легъ на диванъ. Я хотѣлъ читать съ толкомъ, съ разстановкой, но старикъ остался этимъ недоволенъ.

— Что-же, ты не умѣешь скорѣй читать?—спросилъ онъ.

Я началъ читать, какъ пономарь, и онъ былъ доволенъ. Весь Иркутскъ дивился моему поведенію и успѣху у Трескина, но онъ уже былъ не тотъ, что прежде. Въ Иркутскѣ былъ уже Сперанскій, и каждый чувствовалъ высшую власть и другое направленіе. Сперанскій такъ извѣстенъ въ Россіи, что описывать его не нужно, но надо сказать, что онъ былъ наружности красивой, стройный и непобѣдимо привлекательный—я много видѣлъ его портретовъ лучшихъ художниковъ, но ни одинъ портретъ не передаетъ и тѣни его удивительныхъ глазъ, а другихъ подобныхъ глазъ я не видѣлъ во всю жизнь. Голосъ у него былъ теноръ, движенія мягки и тихи.

Являясь къ Сперанскому, я былъ ласково принятъ и, конечно, не паясничалъ. Съ нимъ была огромная канцелярія — всѣ изъ Питера и люди дѣльные, образованные. Между многими былъ капитанъ путей сообщенія, Гаврило Степановичъ Батенковъ, этотъ, кажется, былъ всѣхъ умнѣе. Исторія его слѣдующая: онъ былъ артиллерійскій офицеръ, въ 1812 году, подъ Смоленскомъ, наши войска, ретируясь, не успѣли уничтожить мостъ. Кутузовъ послалъ двухъ офицеровъ, каждаго съ двумя пушками обстрѣливать мостъ и умереть тамъ, но не ретироваться. Батенковъ разсказывалъ:

— Мы стрѣляемъ картечью, массы французовъ валятся, но идутъ, подходятъ близко, у меня канонеры перебиты, самъ я прикладываю фитиль, и въ это время меня повалили штыкомъ, помню, какъ штыкомъ прокололи колѣнку, это было такъ болѣзненно, что я потерялъ память.

Товарищъ Батенкова, видя приближеніе французовъ и желая спасти пушки—ускакалъ. Батенкова, какъ убитаго, исключили изъ списковъ. Опомнился Батенковъ въ лазаретѣ французовъ и послѣ былъ отправленъ на югъ Франціи, гдѣ и жилъ до взятія Парижа. Тогда онъ явился

въ главную квартиру, но ему сказали: Батенковъ убитъ и исключенъ изъ списковъ. Документовъ онъ никакихъ не имѣлъ, и ему много было хлопотъ, чтобы доказать, что онъ дѣйствительно поручикъ Батенковъ; товарищи и солдаты помогли ему. Батенковъ получилъ прямо капитана, Георгія и Владиміра, но, не желая служить въ военной службѣ, онъ безъ экзамена перешелъ въ вѣдомство путей сообщенія.

Не помню, какъ узналъ его Сперанскій, но я нашелъ Батенкова занимающагося составленіемъ новаго положенія о ссыльныхъ. Онъ былъ отличный говорунъ—о чемъ угодно, остеръ, саркастиченъ, и Сперанскій любилъ слушать болтовню Батенкова. Послѣ мы очень полюбили другъ друга, хотя онъ былъ много старше меня.

Я и теперь не пью, но тогда совершенно не пилъ, даже не пилъ шампанскаго за здоровье Сперанскаго, а вмѣсто шампанскаго наливалъ въ бокалъ превкусный медъ и пилъ, но и медъ дѣлалъ меня краснымъ. Однажды зашелъ у Батенкова разговоръ съ Сперанскимъ обо мнѣ. Батенковъ хвалилъ меня, Сперанскій назвалъ меня способнымъ мальчикомъ, но съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что я еще юноша, а, какъ морякъ, привыкъ пить, жалко видѣть, какъ онъ отъ обѣда выходитъ красный. Батенковъ расхохотался и объяснилъ Сперанскому, что я въ жизни еще не попробовалъ вина и за здоровье его пью только медъ и отъ того краснѣю.

Пріѣхали наконецъ и мои товарищи: Повалишинъ съ Вороновымъ. При Сперанскомъ находился родной его племянникъ, Жоржъ Вейкардъ, мнѣ ровесникъ, хорошо образованый, и мы скоро подружились. Я, Повалишинъ, Вейкардъ и Ивановъ порядочно танцовали на частыхъ балахъ, и Сперанскій видимо любовался нами. Онъ зналъ мою дружбу съ Вейкардомъ и пропускалъ намъ многія шалости. Разъ, передъ сумерками, въ адмиралтейство является офицеръ-ординарецъ Сперанскаго, и, называя меня по фамиліи, объявляетъ приказаніе генералъ-губернатора явиться къ нему немедленно. Я надѣлъ полную форму и отправился къ Сперанскому. Онъ ходилъ по комнатѣ въ старенькомъ сюртукѣ, встрѣтилъ меня ласково и прежде всего спросилъ: зачѣмъ я въ мундирѣ? Я отвѣчалъ, что считалъ себя не въ правѣ явиться иначе по приказанію генералъ-губернатора.

— Это перевралъ посланный офицеръ, — сказалъ онъ, — а я приказалъ просить васъ къ Михаилу Михаиловичу Сперанскому. Прошу на будущее время отличать приглашеніе, къ Михаилу Михаиловичу можно и прилично являться въ сюртукѣ. Свободны ли вы на два часа времени?

— Я, разумѣется, поклонился и отвѣчалъ, что совершенно ничего не дѣлаю.

— Ну, такъ походимте со мною.

Вотъ нашъ разговоръ:

— Вы, конечно, воспитанникъ Морскаго корпуса?

— Точно такъ.

— Вашъ курсъ преимущественно математическо-астрономическій?

— Да-съ, всѣхъ наукъ, входящихъ въ мореплаваніе, а такъ же стратегіи и фортификаціи.

— Это для чего же?

— На случай дѣйствій десантомъ на сухомъ пути.

— Но все-таки, главное—астрономія?

— Дѣйствительно, эта часть науки въ большомъ развитіи.

— Скажите, какой вы системы держитесь?

— Коперника.

— Вполнѣ ли вы довольны этой системой?

Этотъ вопросъ мнѣ показался чрезвычайно страннымъ. Первый моментъ я не зналъ, что и отвѣчать, но сообразилъ, что такому умному человѣку хочется шутить съ юношею, и отвѣчалъ.

— По приказанію, я обязанъ признавать эту систему непогрѣшимою, но самъ по себѣ я не признаю вѣрными положенія Коперника.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да-съ, я имѣю свою систему.

— Право? Много обяжете, объяснивъ мнѣ свою систему. Сперанскій добродушно улыбнулся и прибавилъ: — будьте откровенны и выскажитесь свободно, я васъ слушаю.

Положеніе было затруднительное, попасть въ дураки не хотѣлось, я началъ смѣло, долго, очень долго говорилъ, но должно быть вздоръ, потому что Сперанскій слушалъ и нѣсколько разъ улыбался.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ, наконецъ, — теперь мнѣ время заняться, подалъ мнѣ руку и просилъ въ свободное время посѣщать его въ сумерки.

— Прощайте,—прибавилъ онъ, — надѣюсь поучиться у васъ, когда вы будете въ сюртучкѣ; прощай, молодой мой другъ.

Чрезъ нѣсколько дней, Сперанскій развилъ мою систему передъ Батенковымъ. Послѣдній мнѣ признался, что онъ, слушая Сперанскаго, не зналъ, что и думать, но Сперанскій сказалъ:

— Я чужаго не присвоиваю, эта система твоего молодаго друга Эразма, онъ насмѣшилъ меня, болталъ часа два и развеселилъ меня на цѣлый вечеръ. Молодое воображеніе увлекло его, онъ искренно высказывался; это мнѣ очень нравилось, теперь и я увѣренъ, что онъ неиспорченнаго сердца, и потомъ началъ передразнивать мою походку и голосъ, но просилъ не передавать мнѣ; оба усердно хохотали надъ моею ребяческою изобрѣтательностію.

Послѣ этого, я еще разъ былъ у Сперанскаго. Онъ хотѣлъ знать мелкія подробности о мореплаваніи. Я разсказывалъ ему какъ можно

популярнѣе, и онъ, казалось, былъ доволенъ, а я дѣйствительно удивлялся способности глубоко постигать и быстро соображать совершенно незнакомый ему предметъ. Безпрестанно дѣлаемые имъ вопросы убѣждали меня, что онъ слушалъ внимательно. Въ концѣ разговора, Сперанскій вдругъ неожиданно спросилъ:

— Знали ли у васъ въ корпусѣ о моей ссылкѣ?

— Зналъ весь корпусъ и, можетъ быть, въ тотъ же день.

— Что же говорили?

— Говорили, что вы измѣнникъ, и я васъ вѣшалъ.

— Какъ же это, разскажите, пожалуйста?

— Вырѣжу бывало изъ бумаги человѣка, подпишу Сперанскій, на шею привяжу ниточку, а на другой конецъ нитки жеваную бумагу и брошу въ потолокъ. Жеваная бумага пристанетъ къ потолку, и человѣчекъ виситъ.

— Кому же я измѣнилъ?

— Разумѣется, подкупилъ васъ Наполеонъ.

— Многіе меня вѣшали?

— Всѣ.

Сперанскій, мнѣ показалось, былъ удивленъ.

— Я никакъ не полагалъ,—сказалъ онъ,—что у васъ въ корпусѣ такъ развитъ патріотизмъ.

— Ну, а теперь какъ вы думаете?

— Въ корпусѣ послѣ прошелъ слухъ, что вы пострадали невинно, и мы всѣ сожалѣли о васъ.

— Я не помню морскихъ кадетъ мнѣ знакомыхъ, кто же меня зналъ?

— Въ корпусѣ всѣхъ знаютъ, мы часто знаемъ, что тайно дѣлается во дворцѣ, а какъ всѣ знаютъ—я не умѣю доложить.

— Очень благодаренъ вамъ за откровенность, у васъ хорошее начальство, когда умѣло такъ сильно внушить вамъ любовь къ Россіи.

— Мы о Россіи мало думали, мы всей душой любили государя, и кто былъ виноватъ передъ государемъ, того мы готовы были казнить. Мы и Барклая де Толли вѣшали, когда въ обществѣ говорили, что онъ измѣнникъ, но послѣ и его простили.

— Хорошій духъ въ вашемъ корпусѣ.

Сперанскій и этотъ разговоръ передалъ Батенкову. Скоро послѣ того Батенковъ предложилъ мнѣ остаться на службѣ у Сперанскаго. Батенковъ очень совѣтовалъ перемѣнить морскую службу на статскую и увѣрялъ, что я пойду хорошо,—но я тогда презиралъ статскую службу. Кромѣ того, я любилъ морское дѣло на столько, что разстаться съ моремъ я и подумать не могъ. Я отказался, и болѣе объ этомъ разговора не было. Дружба моя съ Батенковымъ все болѣе скрѣплялась, но это не была дружба ровесниковъ: Батенковъ былъ много старше меня, и я со-

зналъ его превосходство ума, опытность и чувствовалъ къ нему уваженіе. Жоржъ Вейкардъ—это другое дѣло, съ нимъ мы были ровесники, онъ былъ ученѣе меня, но юность не обращаетъ на то вниманія; мы оба были веселонравны, жизнь у обоихъ просилась изъ рамокъ приличія, и мы хотѣли жить. Сперанскій очень любилъ Вейкарда, и узнавши во мнѣ неиспорченнаго юношу, ласково смотрѣлъ на нашу дружбу. Какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что молодость требуетъ жизни безъ благоразумія, и на шалости наши смотрѣлъ сквозь пальцы. Сперанскій принялъ одну мѣру ограничить наши шалости: онъ ни копѣйки не давалъ Жоржу денегъ, а я кромѣ жалованья — ничего не имѣлъ. Тогда въ Иркутскѣ былъ обычай: всякій пріѣзжающій чиновникъ или офицеръ получалъ въ свое распоряженіе на цѣлый день пару лошадей съ санями и кучеромъ — на все время пребыванія въ Иркутскѣ. Это давалъ откупщикъ, и у него былъ всякій день обѣдъ для проѣзжающихъ. Въ первый же день явилась и ко мнѣ пара лошадей, и я пользовался ими до выѣзда изъ Иркутска. Обѣдомъ я не имѣлъ нужды пользоваться у откупщика, потому что всякій день былъ на званомъ обѣдѣ.

Въ правленіе Трескина исправники — были полные властители, отлично платили Трескину и сидѣли на мѣстахъ десятки лѣтъ. Жалобъ на исправниковъ были тысячи, все за взятки. Сперанскій принималъ всѣ жалобы и дѣло велъ въ тишинѣ. Обыкновенно, за преступленія ссылали изъ Россіи въ Сибирь, а Сперанскій всѣхъ виновныхъ чиновниковъ ссылалъ изъ Сибири въ Россію, и это считалось жестокимъ наказаніемъ.

Замѣчательнымъ человѣкомъ въ Иркутскѣ былъ откупщикъ Иванъ Ефимычъ Кузнецовъ, онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ «Короля». Дѣйствительно, наружности былъ королевской; прекраснаго роста, красавецъ въ полномъ смыслѣ, богатъ безъ счета и роскошенъ, какъ откупщикъ. Онъ былъ послѣдній любовникъ жены Трескина, этой сибирской Мессалины. Въ домѣ Кузнецова и жилъ Сперанскій. Чтобы кончить объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ и не обращаться къ нему, я скажу о немъ нѣсколько словъ. Въ 1830-мъ году, «Король» Кузнецовъ уже постарѣлъ, но еще былъ хорошъ и бодръ, я нашелъ его бѣднякомъ и всѣми забытымъ, хотя онъ жилъ еще въ домѣ, гдѣ прежде жилъ Сперанскій, но домъ былъ описанъ за долги. По старой памяти, я посѣтилъ бывшаго «Короля». Я нашелъ его въ изорванномъ халатѣ, онъ сидѣлъ въ бывшемъ кабинетѣ Сперанскаго и своими руками промывалъ песокъ съ золотой розсыпи.

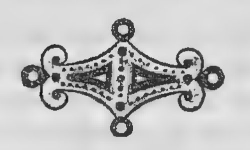
— Что это вы дѣлаете, Иванъ Ефимычъ?—спросилъ я.

— А вотъ пробую, можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ.

Былъ по-старому любезенъ, привѣтливъ, радъ былъ моему посѣщенію. Я, конечно, не напоминалъ ему о прежней его славѣ, а онъ не

казался огорченнымъ своимъ положеніемъ; я съ нимъ пріятельски простился, онъ поцѣловалъ меня и сказалъ: «дѣлаетъ честь вашему сердцу, что не забыли старой дружбы». Я искренно пожелалъ ему, чтобы вышло изъ его труда что-нибудь хорошее. А вотъ что вышло: въ 40-ыхъ годахъ, «Король» не зналъ куда дѣвать денегъ. Дѣтей у него не было, онъ швырялъ сотнями тысячъ во всѣ стороны на всякія благотворенія, даже положилъ огромный капиталъ, процентами съ котораго должны оплачиваться подати мѣщанъ г. Иркутска. Онъ былъ пожалованъ статскимъ совѣтникомъ, имѣлъ много орденовъ и до конца жизни, обѣими руками дѣлалъ добро и не могъ истратить своихъ капиталовъ. Какимъ случаемъ разбогатѣлъ этотъ бѣднякъ? А именно исполнилось мое желаніе при прощаньи. Одинъ ссыльный былъ долго въ бѣгахъ и случайно нашелъ богатую золотую розсыпь. По старой памяти, онъ принесъ пудъ этого песку и подарилъ Кузнецову. Вотъ за работой этого песка я и засталъ горемыку «Короля». Оказалась эта розсыпь столь богатою, что изъ ста пудовъ песку добывалось около фунта золота. Какое же богатство попало Кузнецову? За то онъ и не зналъ счета своимъ деньгамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина.

X [1]).

Депутація къ М. Н. Муравьеву отъ крестьянъ сосѣднихъ уѣздовъ царства Польскаго. — Адресъ, поданный ему депутатами Маріампольскаго уѣзда.— Подчиненіе Муравьеву части Августовской губерніи.—Мѣры къ усмиренію въ ней мятежниковъ и къ водворенію спокойствія.— Отправленіе туда отряда генерала Я. П. Бакланова и его дѣйствія.—Положеніе крестьянъ Августовской губерніи.—Командированіе Никотина въ Сувалки.--Возвращеніе его въ Вильну.—Встрѣча съ Н. А. Милютинымъ.

Въ то самое время, когда дѣло умиротворенія Сѣверо-Западнаго края быстро подвигалось впередъ и всеподданнѣйшій адресъ виленскаго дворянства сталъ совершившимся фактомъ, въ сосѣднихъ уѣздахъ Августовской губерніи, находившейся въ царствѣ Польскомъ, царила полнѣйшая анархія, много мѣшавшая дальнѣйшимъ успѣхамъ распоряженій М. Н. Муравьева. Но вотъ какъ-бы само Провидѣніе, благословляя неусыпные труды его, подъятые имъ, по священной волѣ Государя императора, во славу Россіи, послало ему свою помощь въ депутаціяхъ крестьянъ сосѣднихъ уѣздовъ царства Польскаго и проживавшихъ тамъ старообрядцевъ, искавшихъ защиты отъ звѣрства мятежниковъ. «Гласъ народа-гласъ Божій» говоритъ пословица; къ нему нужно прислушиваться, дабы не ошибаться въ своихъ дѣйствіяхъ. Не желая утомлять вниманіе читателя подобнымъ описаніемъ всего, происходившаго по этому поводу, считаю нужнымъ сообщить, на выдержку, одно прошеніе отъ пяти тысячъ крестьянъ, Маріампольскаго уѣзда, объ

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь 1902 г.

огражденіи ихъ отъ мятежниковъ, поданное главному начальнику края двадцатью пятью депутатами. Оно наглядно объяснитъ тогдашнее положеніе дѣла.

«Мы, крестьяне Общества Зыпле, царства Польскаго, Августовской губерніи, Маріампольскаго уѣзда, прибѣгаемъ со всепокорнѣйшею просьбою къ тебѣ, генералъ, спаси насъ! Плачевное положеніе наше достойно сожалѣнія. Настоящій мятежъ и волненія въ краѣ приписываютъ полякамъ; это клевета! Мы, поляки, всегда были и будемъ вѣрными подданными нашего всемилостивѣйшаго государя; нарушителями же спокойствія суть низкіе люди, которыхъ можно найти въ каждомъ народѣ. Крайность заставляетъ насъ обратиться къ тебѣ, генералъ; знаемъ, что наша губернія принадлежитъ къ другому управленію; но что же остается намъ дѣлать несчастнымъ, когда край нашъ, вмѣсто того чтобы смириться, еще болѣе волнуется. Слыша, что край, ввѣренный тебѣ, генералъ, твоею работою уже успокоенъ и въ немъ водворенъ порядокъ, мы еще разъ повторяемъ нашу покорнѣйшую просьбу: прими насъ подъ свое покровительство.

«Пусть дадутъ намъ войско, и мы пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ, будемъ сражаться до послѣдней капли крови и докажемъ на дѣлѣ нашу любовь и приверженность къ всемилостивѣйшему нашему монарху и ненависть нашу къ мятежникамъ.

«Мятежники, зная нашу привязанность къ государю, будутъ стараться отомстить намъ, а потому просимъ тебя, генералъ, удостой принять насъ подъ свое покровительство и пришли войско для нашей обороны. Еще разъ умоляемъ тебя, генералъ, возьми насъ къ себѣ, тогда и нашъ край успокоится, какъ Литва. Мы вѣрны нашему государю и не желаемъ безпорядковъ».

Подобнаго рода депутаціи являлись одна за другою. По доведеніи о томъ до свѣдѣнія государя, послѣдовало въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1863 года высочайшее повелѣніе подчинить Маріампольскій, Кальварійскій, Сейнинскій и Августовскій уѣзды подъ управленіе главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края; въ декабрѣ мѣсяцѣ подчиненъ былъ ему же и Ломжинскій уѣздъ.

Крестьянскія и старообрядческія депутаціи царства Польскаго къ М. Н. Муравьеву придавали еще болѣе торжества нашему святому и правому русскому дѣлу. Съ какимъ вниманіемъ, съ какою любовію относился къ депутатамъ нашъ великій государственный дѣятель; и надобно было видѣть то воодушевленіе, которое возбуждали въ крестьянахъ его мѣткія слова.

Громогласное «ура!» бывало обычнымъ заключеніемъ каждаго пріема крестьянскихъ депутацій. Мнѣ обыкновенно доставалось на долю быть переводчикомъ при этихъ представленіяхъ.

— Поговорите-ка съ ними по-польски, говорилъ обыкновенно Муравьевъ, они, можетъ-быть, не вполнѣ понимаютъ нашу русскую рѣчь. Польскій языкъ ихъ родной, ихъ неотъемлемая собственность... Вѣрные поляки также дороги нашему великому государю, какъ и мы, русскіе. Правительство преслѣдуетъ одинъ только мятежъ, а не вѣрноподданныхъ поляковъ и ихъ вѣру. Польщизны только быть не должно и быть не можетъ въ здѣшнемъ искони русскомъ краѣ. Она тутъ преступленіе первостепенной важности. Польская пропаганда, и она только одна должна быть здѣсь строго преслѣдуема и караема, безо всякаго снисхожденія, не взирая ни на какое лицо, ни на какое состояніе. Слѣдуя неуклонно этимъ путемъ, правительство можетъ быть увѣренно, что достигнетъ полнѣйшаго умиротворенія края и сольетъ его съ остальной Россіею. Послабленія же тутъ, иначе миръ съ польщизною и панствомъ, рано или поздно а приведутъ неукосвительно къ плачевнымъ результатамъ.

16-го сентября М. Н. Муравьевъ меня потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ. Пробилъ часъ по полудни, когда я переступилъ порогъ этой комнаты.

— Здравствуйте, любезный Никотинъ,—привѣтливо встрѣтилъ меня начальникъ. Садитесь, я хочу васъ послать въ Августовскую губернію, гдѣ царствуетъ полнѣйшій терроръ; вамъ извѣстно, что государь подчинилъ ее мнѣ...

Сознаюсь чистосердечно, что предстоявшее порученіе обдало меня холодомъ.

— Вы отправитесь,—продолжалъ Муравьевъ, при отрядѣ генерала Бакланова, для устройства тамъ военно-гражданскаго управленія. Въ особенности вы должны будете обратить вниманіе на тамошнихъ крестьянъ; пора освободить ихъ отъ ига польскихъ пановъ. Не опасайтесь, вы будете вполнѣ обезпечены отъ всякой опасности; но берегитесь и не рискуйте.

Вслѣдъ за этимъ вступленіемъ, онъ началъ давать мнѣ указанія, что̀ и какъ дѣлать. Я молча за нимъ записывалъ карандашомъ, какъ записывалъ бывало лекціи въ дорогомъ Московскомъ университетѣ. Долго длилась наша служебная бесѣда, и когда она подошла къ концу, то М. Н. Муравьеву доложили, что поданъ обѣдъ.

— Ну когда же вы мнѣ принесете исполненныя бумаги?—обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ, поспѣшно вставая и застегивая лѣвою рукою свой сюртукъ на верхнюю правую пуговицу. Нельзя ли поторопиться?..

Взглянувши на часы, которые показывали пять часовъ безъ пяти минутъ, я попросилъ у него позволенія придти попозднѣе въ особую его канцелярію, обѣщая ему приготовить все его распоряженіе къ десяти часамъ вечера.

— Сегодня?.. посмотримъ, посмотримъ, какъ вы успѣете все это сдѣлать, — отвѣчалъ мнѣ съ улыбкою Михаилъ Николаевичъ, подавая руку, до свиданія же до 10 часовъ.

Сказавши эти слова, онъ довольно поспѣшно вышелъ въ другую комнату, а я отправился домой, гдѣ, наскоро пообѣдавши, принялся за работу. Не пробило за тѣмъ и девяти часовъ, когда я поставилъ послѣднюю точку на шестнадцатомъ листѣ, и въ половинѣ десятаго входилъ уже съ портфелемъ изъ большой верхней залы дворца въ красную гостиную, въ которой прислонясь къ столу, читалъ «Московскія Вѣдомости» генералъ Н. Г. Лошкаревъ. Увидѣвъ меня, онъ тотчасъ же оставилъ чтеніе и на мое привѣтствіе, подавая руку, спросилъ:

— Неужели вы все приготовили?

— Какъ видите,—отвѣчалъ я, показывая работу.

Вошедшій на эти слова дежурный адъютантъ В. И. Павловъ, пригласилъ меня въ кабинетъ съ докладомъ, который и прошелъ блестящимъ образомъ. Михаилъ Николаевичъ былъ видимо очень доволенъ мною; не было сдѣлано ни одной поправки, все было имъ одобрено; были добавлены только еще два новые пункта по крестьянскому вопросу, о которыхъ онъ не успѣлъ мнѣ утромъ сказать и записалъ ихъ уже послѣ обѣда на особой бумажкѣ. По окончаніи доклада, я получилъ приказаніе передать бумаги въ особую канцелярію для переписки и приготовиться къ скорому отъѣзду, и затѣмъ приглашеніе къ обѣду на завтрашній день, въ который были именины его дочери, Софіи Михайловны Шереметевой.

Выходя изъ кабинета, я встрѣтилъ генерала И. С. Ганецкаго, который командовалъ л.-гв. Финляндскимъ полкомъ.

— О чемъ вы такъ призадумались?—спросилъ онъ меня, — или получили головомойку?

— Напротивъ, благодарность; да вотъ предстоитъ мнѣ походъ при отрядѣ Я. П. Бакланова, а у меня жена напослѣдяхъ... Хочу попросить отстрочки.

— И не думайте!.. что вы докторъ или повитуха?—отвѣчалъ онъ мнѣ. Положитесь-ка во всемъ на Господа, да и маршъ въ походъ, отъ этого отказываться стыдно русскому...

— Правду вы говорите, Иванъ Степановичъ; да будетъ воля Господня; поѣду, не заикнувшись...

— Съ Богомъ, кланяйтесь брату, если встрѣтите его въ Гроднѣ, продолжалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку.

Само собою разумѣется, что дома я скрылъ отъ жены предстоящій мнѣ походъ и объявилъ ей только то, что, можетъ быть, мнѣ придется ѣхать скоро въ Гродну съ порученіемъ. Дѣйствительно 19 сентября я получилъ командировку, но, явившись вечеромъ за приказаніями, въ то

время, когда я былъ уже въ кабинетѣ, дежурный адъютантъ подалъ Михаилу Николаевичу телеграмму отъ князя Барятинскаго, который просилъ его обождать съ движенiемъ войска дня два, чтобы предоставить возможность его отряду сосредоточиться, что и было ему разрѣшено; а я получилъ приказанiе отдохнуть и обождать съ отъѣздомъ. Эта отсрочка доставила мнѣ возможность хорошо приготовиться для исполненiя возложеннаго на меня весьма серьезнаго порученiя, о чемъ и поведу разсказъ.

Въ виду тогдашнихъ смутъ въ царствѣ Польскомъ и необходимости усиленiя въ немъ войскъ, а также принявъ во вниманiе географическое положенiе сѣверныхъ уѣздовъ Августовской губернiи, на значительномъ разстоянiи прилегающихъ къ Ковенской и Гродненской губернiямъ, полное спокойствiе въ которыхъ нарушалось вторженiемъ мятежничихъ шаекъ изъ этихъ уѣздовъ, Марiампольскiй, Кальварiйскiй, Сейнинскiй и Августовскiй уѣзды были подчинены, по повелѣнiю государя, въ административномъ отношенiи графу М. Н. Муравьеву, на время существованiя военнаго положенiя, съ тѣмъ, чтобы остальныя отрасли управленiя: судебная, финансовая, духовныхъ дѣлъ, народнаго просвѣщенiя и прочiя относились попрежнему къ правительству царства Польскаго. Введенiе въ сказанныхъ уѣздахъ полицейскаго управленiя и подчиненiе гражданской администрацiи военнымъ начальникамъ предоставлялось ему же съ правомъ контролированiя дѣйствiй—судебной, финансовой и прочихъ частей управленiя; при чемъ всѣ служащiе въ краѣ по какимъ бы то ни было учрежденiямъ, и всѣ его обитатели какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званiя, поставлены подъ наблюденiе военной власти, которая, по распоряженiю главнаго начальника края, имѣла право карать ихъ за всѣ политическiя преступленiя. Для очищенiя сказанныхъ уѣздовъ отъ шаекъ мятежниковъ, отправленъ былъ отрядъ изъ войскъ Виленскаго военнаго округа, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бакланова, которыя затѣмъ должны были смѣнить части второй пѣхотной дивизiи, занимавшiя тѣ уѣзды и получившiя другое назначенiе, по распоряженiю начальства царства Польскаго. Въ распоряженiе генерала Бакланова были назначены: два батальона л. гв. Преображенскаго и два батальона л. гв. Измайловскаго полковъ; л. гв. Драгунскiй и Донской № 30 полки. Войска эти были направлены въ Августовскую губернiю тремя колоннами: первая подъ личнымъ начальствомъ генерала Бакланова, изъ 7 ротъ л. гв. Измайловскаго полка, 5 ротъ л. гв. Преображенскаго полка, двухъ эскадроновъ л. гв. Драгунскаго полка и трехъ сотенъ казаковъ, перевезена изъ Вильны по желѣзной дорогѣ въ Гродну, а оттуда должна была слѣдовать черезъ Августовъ въ Сувалки. По вступленiи этой колонны въ предѣлы Августовской губернiи, генералу Бакланову предоставлено было дать ея частямъ то направле-

ніе, которое онъ сочтетъ нужнымъ, по ближайшемъ соображеніи обстоятельствъ. Вторая колонна, подъ начальствомъ свиты его величества генералъ-маіора князя Барятинскаго, изъ 5 ротъ л. гв. Преображенскаго полка, одного эскадрона л. гв. драгунъ и одной сотни казаковъ, перевозилась изъ Вильны по желѣзной дорогѣ до станціи Ораны, а оттуда должна была слѣдовать черезъ м. Меречь на г. Сейны. Третья колонна, подъ начальствомъ свиты его величества генералъ-маіора Дуббельта, изъ трехъ ротъ л. гв. Измайловскаго полка, эскадрона л. гв. драгунъ и одной сотни казаковъ, по доставленіи изъ Вильны до станціи Козловая-Руда, слѣдовала черезъ Маріампольскій уѣздъ, въ г. Кальварію; при чемъ, этой колоннѣ поручалось очищать и сѣверную часть Кальварійскаго и Маріампольскаго уѣздовъ съ содѣйствіемъ войскъ, находившихся въ распоряженіи военнаго начальника Маріампольскаго уѣзда. Остальная сотня Донскаго № 30 полка направлена черезъ Трокскій уѣздъ въ отрядъ, который, по распоряженію генералъ-маіора Дрентельна, долженъ былъ быть составленъ изъ частей л. гв. Егерскаго полка, расположенныхъ въ Трокскомъ уѣздѣ, и направленъ въ Маріампольскій уѣздъ, для очищенія отъ мятежниковъ Пренскихъ и Бальвержинскихъ лѣсовъ; впослѣдствіи колонна эта должна была присоединиться къ колоннѣ генералъ-маіора Дуббельта. По прибытіи въ Гродну, генералу Бакланову поручено было условиться съ генералъ-лейтенантомъ Ганецкимъ 1, чтобы отъ своихъ войскъ, которыя у него окажутся свободными для этого движенія, онъ направилъ въ ту часть Августовскаго уѣзда, которая составляетъ узкій перешеекъ между Гродненскою губерніею и Пруссіею. Войска наши, по вступленіи въ Августовскую губернію, должны были не допускать мятежническія шайки уходить въ Ломжинскій уѣздъ, а отбрасывать ихъ къ сѣверу, гдѣ они могли быть окончательно истреблены совокупными дѣйствіями разныхъ отрядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, генералъ Баклановъ долженъ былъ войти въ сношеніе съ генералъ-лейтенантомъ Манюкинымъ, условиться съ нимъ, когда можно будетъ смѣнить его войска тѣми, которыя придутъ туда съ Баклановымъ. Къ тому времени М. Н. Муравьевъ обѣщалъ прислать въ Августовскую губернію изъ Вильны еще четыре роты. По окончательномъ очищеніи уѣздовъ отъ мятежниковъ, должны были послѣдовать распоряженія о введеніи военно-полицейскаго управленія, съ назначеніемъ военныхъ начальниковъ, и объ устройствѣ сельскихъ карауловъ. Въ руководство генералу Бакланову была указана инструкція военнымъ начальникамъ уѣздовъ, съ тѣми лишь измѣненіями, чтобы не взимать 10% сбора съ имѣній и не налагать на нихъ секвестръ. Помѣщики и лица другихъ сословій, за участіе въ мятежѣ, должны были высылаться подъ арестомъ въ Гродну и Ковну, для преданія тамъ полевому военному суду; имущество такихъ лицъ

не продавалось съ публичнаго торга, но на него налагался секвестръ; хлѣбъ изъ имѣній лицъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, забирали въ войска, на основаніи инструкціи, съ веденіемъ ему правильнаго учета. Вообще генералу Бакланову поручалось: принимать всюду рѣшительныя мѣры къ прекращенію мятежа, смѣнять гминныхъ войтовъ и лицъ полицейскаго управленія, содѣйствовавшихъ инсургентамъ; сельскому же населенію оказывать вездѣ надлежащую защиту. Въ распоряженіе его былъ командированъ штабсъ-капитанъ генеральнаго штаба Жевановъ, а въ отрядъ князя Барятинскаго, того же штаба, капитанъ баронъ Врангель.

Такъ какъ возстановленіе порядка и спокойствія въ Августовской губерніи не было возможно безъ устройства тамъ правильнаго военно-гражданскаго управленія и безъ содѣйствія сельскаго населенія, то мнѣ и поручено было, находясь при отрядѣ генерала Бакланова, войти въ ближайшее разсмотрѣніе: 1) въ какой мѣрѣ инструкція 24-го мая, для введенія военно-гражданскаго управленія въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и дополнительныя къ ней постановленія могли быть примѣнены къ Августовской губерніи и составить соображенія о томъ, какія въ нихъ измѣненія и дополненія необходимы по мѣстнымъ обстоятельствамъ; 2) какія могли быть приняты мѣры къ устраненію сильнаго и вреднаго вліянія въ царствѣ Польскомъ помѣщиковъ на крестьянское сословіе и къ огражденію послѣдняго отъ произвола и насилій со стороны землевладѣльцевъ, и не признается ли, съ этою цѣлію, полезнымъ замѣнить въ Августовской губерніи гминное устройство началомъ выборнымъ отъ сельскаго населенія; 3) какимъ образомъ оградить крестьянъ отъ неправильностей тогдашняго очиншеванія; 4) какія принять въ основаніе нормы для обложенія римско-католическаго духовенства, помѣщиковъ, шляхты и городскихъ жителей 10 % сборомъ съ ихъ доходовъ; 5) сообразить, какимъ порядкомъ могли быть примѣнены къ Августовской губерніи высочайше утвержденныя правила для секвестра имѣній, такъ какъ, съ введеніемъ строгаго военно-гражданскаго управленія, необходимо будетъ подвергать секвестру имѣнія виновныхъ въ содѣйствіи мятежу и преимущественно войтовъ гминныхъ, болѣе другихъ виновныхъ въ допущеніи мятежныхъ дѣйствій; 6) на какомъ основаніи и въ какихъ мѣстностяхъ могли быть съ пользою учреждены сельскіе обывательскіе караулы и какимъ порядкомъ руководствоваться при ихъ учрежденіи.

По всѣмъ вопросамъ и другимъ, которые могли возникнуть на мѣстѣ, мнѣ было поручено составить подробныя соображенія. Вопросы, касательно военно-полицейскаго устройства, должны были быть предварительно обсужены генераломъ Баклановымъ. Вмѣстѣ со мною отправи-

лись въ эту экспедицію адъютантъ М. Н. Муравьева, В. Ѳ. Самаринъ, и чиновникъ особыхъ порученій П. А. Мясоѣдовъ.

По выступленіи изъ Гродны, войска остановились на ночлегъ въ имѣніи Де-Ласси, который принялъ генерала Бакланова со всѣмъ штабомъ и насъ всѣхъ съ отличнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. На другой день, послѣ очень ранняго чаю съ разнообразной закуской, мы при отрядѣ отправились къ г. Липску, гдѣ войска расположились на ночлегъ. Мы втроемъ остановились на квартирѣ уніатскаго священника. Пройденная мѣстность скорѣе напоминала Россію, чѣмъ Польшу, на пути встрѣчались селенія—Борки, Конюхи, Богатыры и т. п., въ которыхъ жили уніаты, говорящіе бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Движеніе отряда было такъ разсчитано, что отдѣльныя части войска, идя эшелонами, очищали мѣстность по нѣсколько разъ; при подобномъ наступленіи, мятежники не могли уже слѣдовать за отрядомъ, какъ случалось прежде, когда они останавливались отдыхать на бивуакѣ, съ котораго не задолго передъ тѣмъ снялся русскій отрядъ.

Въ этотъ день было уничтожено нѣсколько этаповъ жандармовъ-вѣшателей.

На другой день, рано утромъ, бесѣдуя за чаемъ съ уніатскимъ священникомъ, я коснулся вопроса объ уніи.

— Неужели, батюшка, вы послѣ всѣхъ безобразій ксендзовъ, поощряемыхъ изъ Рима, можете подчиняться подобной главѣ церкви?

— Что же намъ дѣлать?—отвѣчалъ онъ мнѣ.

— Возвратиться къ прародительскому благочестію, какъ сдѣлали уніаты въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ въ 1839 году.

— Знаете ли, что я вамъ скажу,—продолжалъ мой собесѣдникъ.— Если бы мы знали навѣрное, что Августовская губернія никогда уже не возвратится въ царство Польское, мы всѣ бы поголовно, ни минуты не думая, присоединились бы къ православной церкви.—Безъ того—подобный шагъ не только не возможенъ, но и опасенъ. Намъ и теперь живется съ бѣдой пополамъ... Посмотрите на наши бѣдныя церкви, на наши убогія жилища; сравните ихъ съ костелами, домами пробощей, и вы увидите сами, что мы терпимъ нужду, лишенія; а попробуй-ка присоединиться къ православію, такъ и простись съ жизнію,— сживутъ со свѣту... особенно въ настоящее тяжелое время.

Памятна осталась мнѣ эта бесѣда; искренностію убѣжденія звучали слова уніатскаго священника... Чѣмъ бы помочь бѣдѣ, думалъ я часто впослѣдствіи; но увы: открывалось ясно, что бороться истинѣ съ ложью въ нашъ злосчастный вѣкъ не приходилось.

Изъ Липска, на другой день, отрядъ двинулся на Ястржембину, куда всѣ части благополучно собрались еще засвѣтло... Только два развѣдочные разъѣзда, по 30 драгунъ въ каждомъ (при одномъ поѣхалъ

Самаринъ, при другомъ Мясоѣдовъ) замѣшкались возвратомъ... Обѣдъ назначенъ былъ у генерала Бакланова въ пять часовъ; между тѣмъ пробило семь, а ихъ еще не было. Жалко было смотрѣть на Якова Петровича, что сдѣлалось съ нимъ; появились лихорадочные припадки, наконецъ и рвота. Онъ надѣлъ свою лисью шубку и сталъ ходить скорыми шагами по комнатѣ.

— Что съ вами, Яковъ Петровичъ?—спросилъ я его.

— Старый я дуракъ,—отвѣчалъ мнѣ кавказскій герой;—послалъ два разъѣзда драгунъ и при нихъ все молодежь...

— Такъ что же, пріѣдутъ... Вѣроятно, сбились съ дороги, или что-нибудь ихъ задержало...—продолжалъ я, желая его успокоить.

— Сбиться съ дороги они не могутъ; указанія даны имъ ясныя; а вотъ боюсь, чтобы ихъ не задержали или еще хуже, чтобы они не попали въ засаду; слышно, что шайка Острога (Вавра) была недалеко...

Проговоривши это, генералъ Баклановъ быстрыми шагами вышелъ на крыльцо. Я послѣдовалъ за нимъ.

— Эй, молодцы!—закричалъ онъ къ находившимся на дворѣ казакамъ;—двадцать пять рублей тому, кто первый принесетъ вѣрную вѣсть объ отрядѣ.

Не успѣлъ генералъ кончить еще фразы, какъ уже двое казаковъ, вскочивъ на коней, быстро помчались по двумъ направленіямъ. Мы возвратились въ комнату. Около получасу прошло въ томительномъ ожиданіи. Богъ знаетъ, какія думы, одна мрачнѣй другой, ворочались въ моей головѣ; но, вотъ послышался конскій топотъ... Кто-то подскакалъ къ крыльцу... Дверь отворилась, и казацкій урядникъ быстро вошелъ въ комнату...

— Отрядъ идетъ полною рысью, ваше превосходительство; минутъ черезъ двадцать будетъ здѣсь...

— Спасибо за добрую вѣсть,—отвѣтилъ казаку генералъ Баклановъ, подавая ему двадцати-пяти-рублевку.—Теперь можно пообѣдать; милости прошу, господа,—продолжалъ онъ къ своимъ гостямъ,—пожаловать къ закускѣ...

— Ну, а какъ урядникъ-то ошибся,—проговорилъ я, шутя;—тогда, пожалуй, мы снова будемъ безъ обѣда.

— Прозакладываю голову, что отряды будутъ здѣсь въ назначенное время.

Дѣйствительно, не прошло и 15 минутъ, какъ драгунскіе разъѣзды возвратились на бивуакъ...

Веселый, хоть и нѣсколько поздній обѣдъ, продолжался болѣе часу; затѣмъ генералъ Баклановъ поручилъ штабсъ-капитану Жеванову сдѣлать распоряженіе о дальнѣйшемъ наступленіи отряда по направленію къ Августову; часа два продолжалось это занятіе. Я. П. Баклановъ, все

*

это время, молча ходилъ по комнатѣ и, покуривая трубку, лишь изрѣдка смотрѣлъ на карту. Когда всѣ приказанія были уже отданы, подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Молодецъ Жевановъ! отлично понимаетъ дѣло; я все время слѣдилъ за нимъ; толковъ и ясенъ.

Въ заключеніе вечера отданъ былъ имъ приказъ, чтобы, послѣ сытнаго ранняго завтрака, весь отрядъ былъ бы готовъ выступить въ 6 часовъ. Послѣ этого мы всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, и холодно-спокойная ночь осѣнила своимъ покровомъ военный бивуакъ, кругомъ котораго зажжены были сторожевые костры. На этомъ бивуакѣ я лично убѣдился, какъ любилъ генералъ Баклановъ русскаго солдата и какъ заботился о немъ. Не смотря на утомительный переходъ, когда отрядъ расположился на отдыхъ, Яковъ Петровичъ, не сходившій цѣлый день съ коня, самъ купилъ трехъ быковъ, приказалъ ихъ убить и только тогда, когда мясо было роздано по котламъ, отправился на квартиру.

Ясное, осеннее утро смѣнило собою холодную ночь... Когда я вышелъ на крыльцо,—большая часть отряда двинулась уже по назначенію; оставалась наготовѣ только та часть, которая должна была наступать въ центрѣ, при Баклановѣ. Походъ предстоялъ по густымъ лѣсамъ, идущимъ вдоль прусской границы. Кавказскій герой былъ сильно чѣмъ-то озабоченъ. Увидѣвши меня, онъ тотчасъ же обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ идти съ ними вмѣстѣ, въ цѣпи.

— Мнѣ не приказано рисковать собою, Яковъ Петровичъ,—отвѣчалъ я ему.—Я долженъ собирать по пути указанныя мнѣ свѣдѣнія. Да и чѣмъ я вамъ могу быть полезнымъ?

— Намъ нуженъ языкъ... Оказалось, что по-польски-то всѣ мы мало маракуемъ; выручай...

Видя мое молчаніе, онъ съ усмѣшкой добавилъ:

— Видно по всему, что статскій, трусу празднуетъ...

— Если такъ вы думаете, то вамъ и отвѣчать за все могущее произойти со мною. Прикажите дать мнѣ коня,—отвѣтилъ я Якову Петровичу.

Генералъ Баклановъ самъ выбралъ мнѣ донца, и, когда я былъ уже въ сѣдлѣ, прибавилъ съ добродушіемъ: «рядомъ поѣдемъ — буду щитомъ».

Не стану описывать нашъ походъ; скажу только, что отрядъ шелъ густымъ лѣсомъ; длинная стрѣлковая цѣпь растянулась далеко; часа черезъ два на лѣвомъ флангѣ открыли шайку и началась перестрѣлка, которая продолжалась не долго, такъ какъ повстанцы загнаны были въ Пруссію, гдѣ сложили оружіе.

На одной полянѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, генералъ

Баклановъ приказалъ остановиться встрѣченному нами тамъ военному обозу, шедшему по большой дорогѣ, все прикрытіе котораго состояло не болѣе какъ изъ восьмидесяти солдатъ, а самъ пригласилъ меня въѣхать на небольшой курганъ вправо отъ дороги. Слѣзши съ коня, онъ прилегъ грудью на землю. Я присѣлъ подлѣ него. День выдался очень теплый. Мѣстность представляла великолѣпный ландшафтъ, обрамленный со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ, на которомъ осеннее солнце отражало разные переливы цвѣтовъ.

— Вотъ если бы поляки были поумнѣе,—проговорилъ Баклановъ,—они могли бы намъ задать здѣсь славную трепку; вѣдь при насъ всего только человѣкъ 80. Впрочемъ, ничего не смогли бы сдѣлать... Теперь уже 9 часовъ, а въ началѣ десятаго, вонъ направо—изъ той части лѣса, должна показаться колонна на поддержку; съ наличнымъ же числомъ солдатъ, огородясь обозомъ, можно съ часъ продержаться и не противъ этого сброда... Да, вонъ, посмотрите,—прибавилъ Яковъ Петровичъ, указывая рукою направо въ лѣсъ—показался уже и казацкій значекъ. Молодцы пришли во-время...

Признаюсь откровенно, какъ ни напрягалъ я свое зрѣніе въ указанномъ мнѣ направленіи, однако, ровно ничего не видѣлъ. Минутъ пять прошло, пока, наконецъ, при помощи бинокля, могъ я различить движеніе казацкихъ пикъ среди лѣсной зелени, а между тѣмъ генералъ Баклановъ видѣлъ ихъ простыми глазами.

— Орлинные у васъ глаза, Яковъ Петровичъ,—сказалъ я ему.

— Привычка и болѣе ничего,—отвѣчалъ онъ мнѣ; сорокъ годковъ на Кавказѣ отбарабанилъ; не въ такихъ трущобахъ доводилось побывать; поневолѣ пріучишься глядѣть далеко не только днемъ, но и ночью...

На ночлегъ нашъ отрядъ остановился въ городѣ Августовѣ.

На другой день, въ четвертомъ часу по полудни отрядъ вступилъ съ музыкою въ городъ Сувалки, который составлялъ конечную цѣль нашего военнаго странствованія. Во главѣ колонны шли преображенцы, подъ звуки полковаго марша.

Пропустивши мимо себя войска, Я. П. Баклановъ пригласилъ меня, Самарина и Мясоѣдова вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ въ фотографическое заведеніе, чтобы снять на память общую группу. Военнымъ начальникомъ Августовскаго отдѣла былъ тогда генералъ-лейтенантъ Манюкинъ, проживавшій въ Сувалкахъ, съ которымъ Я. П. Баклановъ и вступилъ въ переговоры по военной части; я же занялся немедленно порученнымъ мнѣ дѣломъ по части гражданской.

Весьма печальную картину представляла пройденная походомъ мѣстность отъ Гродны до Сувалокъ; во многихъ мѣстахъ крестьяне были разорены въ пухъ и прахъ. Шайки мятежниковъ рѣзали и гра-

били ихъ безпощадно, за уклоненіе отъ рухавки; забирали ихъ имущество, провизію и выдѣлывали надъ ними разныя звѣрства. Мѣстность эта, большею частію, населена уніатами. Особенно поразили меня своею нищетою: Черный бродъ, Миклашевка, Горчица, Грушки и Жиланы, такъ что крестьянамъ выдано было пособіе на прокормленіе ихъ съ семьями.

По приведеніи въ извѣстность всѣхъ пострадавшихъ отъ мятежниковъ, о которыхъ были собраны мною самыя подробныя свѣдѣнія, имъ выдано было пособіе, по распоряженію М. Н. Муравьева, изъ контрибуціонныхъ суммъ Августовской губерніи.

Недѣли полторы пришлось мнѣ крѣпко поработать въ Сувалкахъ; наконецъ, 30-го октября, въ виду окончанія возложеннаго на меня порученія, я просилъ по телеграфу разрѣшенія у главнаго начальника края возвратиться въ Вильну и въ тотъ же день получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Вслѣдствіе депеши вашей ожидаю васъ въ скоромъ времени съ отчетомъ по возложенному мною на васъ порученію. Прошу доставить вмѣстѣ съ тѣмъ свѣдѣніе о тѣхъ чиновникахъ, которые должны быть немедленно замѣнены другими». На слѣдующій за тѣмъ день, пообѣдавши въ часъ по полудни съ моими спутниками Самаринымъ и Мясоѣдовымъ у Я. П. Бакланова, мы втроемъ, по его совѣту, поѣхали въ Вильну черезъ Пруссію на Филиповскую таможню, которая незадолго передъ тѣмъ была совершенно разграблена и опустошена мятежниками; этимъ путемъ намъ пришлось проѣхать только тридцать верстъ съ конвоемъ, чрезъ Маріамполь же на Пильвишки считалось восемьдесятъ верстъ и путь былъ еще не совсѣмъ безопасенъ. Простясь съ гостепріимнымъ хозяиномъ и пожелавъ ему успѣха на новомъ поприщѣ начальника военнаго отдѣла, въ сопровожденіи тридцати казаковъ, мы втроемъ покатили въ гости къ нѣмцамъ... На половинѣ пути отъ Сувалокъ насъ ожидала новая казацкая смѣна конвоя; не прошло затѣмъ и двухъ часовъ, послѣ нашего отъѣзда, какъ мы прикатили въ прусское пограничное мѣстечко Мирунхенъ; военный караулъ, узнавши кто мы такіе, принялъ насъ дружелюбно.

Около четырехъ часовъ по полудни, мы прибыли на почтовую станцію, гдѣ, въ ожиданіи почтовыхъ лошадей, напились отличнаго кофе. До Гумбинена, гдѣ проходила желѣзная дорога на Вержболово, оставалось отъ м. Мирунхенъ съ небольшимъ пятьдесятъ верстъ.— Первый поѣздъ отправлялся оттуда въ два часа ночи,—и 9 часовъ времени, казалось, слишкомъ было достаточно, чтобы успѣть пріѣхать къ цѣли нашего путешествія; но, увы! на почтовыхъ лошадяхъ, по увѣреніямъ станціоннаго сторожа, нельзя было никакимъ образомъ поспѣть къ отходу поѣзда, а потому и пришлось взять тройку курьерскихъ лошадей. Никогда не забуду я этой нѣмецкой курьерской ѣзды.

Дали намъ четырехъ-мѣстную желтаго цвѣта карету, и взяли съ насъ двадцать пять талеровъ за пятьдесятъ съ небольшимъ верстъ пути, при чемъ везли насъ словно съ кислымъ молокомъ! Ни просьбы, ни обѣщанія на водку—ничего не помогало.

— Wir haben noch Zeit,—отвѣчалъ на наши приглашенія ѣхать скорѣе невозмутимый возница, флегматически покуривая коротенькую трубку.

Къ довершенію нашего томленія, тихо катившаяся карета останавливалась по временамъ; ямщикъ слѣзалъ съ своихъ высокихъ козелъ, подходилъ къ фонарю экипажа, такъ какъ ночь была «тюрьмы чернѣй», наводилъ справку по часамъ, сколько времени онъ ѣхалъ, и иногда стоялъ минутъ пять на одномъ мѣстѣ, чтобы не попасть на станцію раньше положеннаго времени. Обычай отличный, безспорно, но несроденъ намъ, русскимъ, сроднившимся съ залихвацкой курьерской ѣздой. То ли дѣло, когда бывало валдайскій колокольчикъ издавалъ какое-то однообразное бряцаніе, а быстрота ѣзды захватывала духъ...

Но, вотъ, наконецъ, послѣ двухъ перемѣнъ лошадей, мы все-таки дотащились кое-какъ на нѣмецкихъ курьерскихъ до Гумбинена и остановились перекусить въ гостиницѣ. Первый заграничный поѣздъ привезъ насъ въ Вержболово, откуда мы благополучно пріѣхали въ Вильну.

Спустя недѣли три, послѣ того, какъ Августовская губернія была подчинена главному начальнику Сѣверо-Западнаго края, спокойствіе въ ней было возстановлено на столько, что стали ѣздить по ней русскіе служащіе безъ вооруженнаго конвоя. Энергическая дѣятельность М. Н. Муравьева принесла и здѣсь въ самое короткое время благодѣтельные плоды; вліяніе мятежниковъ окончательно рушилось, и преступное бездѣйствіе мѣстныхъ польскихъ гражданскихъ властей прекратилось.

Едва только мѣстное крестьянское населеніе увидѣло распоряженія законнаго правительства, клонящіяся къ огражденію безопасности его отъ неистовства мятежниковъ, какъ стало содѣйствовать съ полною готовностью нашимъ войскамъ къ водворенію порядка. Во время кровавыхъ смутъ и неурядицы, помѣщики совмѣстно съ римско-католическимъ духовенствомъ прибѣгали ко всевозможнымъ мѣрамъ и средствамъ, чтобы заставить крестьянъ содѣйствовать преступнымъ ихъ замысламъ; они не останавливались ни передъ чѣмъ; всѣ средства пущены были ими въ ходъ, чтобы поколебать священный долгъ вѣрноподданнической присяги въ сердцахъ простосердечныхъ поселянъ и привлечь ихъ на сторону мятежниковъ. Не говоря о томъ, что для устраненія крестьянъ народовый ржондъ учредилъ по деревнямъ правильныя команды жандармовъ-вѣшателей, которые истязали ихъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ,

даже за одно только слово сочувствія къ законному порядку,—мятежные помѣщики не забыли и слабыхъ сторонъ человѣческаго сердца: они во многихъ мѣстахъ простили чиншъ крестьянамъ и подарили имъ землю, подъ условіемъ ратовать совмѣстно съ ними за отчизну; но здравый смыслъ поселянъ восторжествовалъ надъ всѣми ухищреніями, крестьяне чинша не платили, а мятежниковъ выдали законному правительству. Римско-католическое духовенство, въ своемъ преступномъ стремленіи ниспровергнуть законный порядокъ, пошло еще далѣе пановъ. Мѣстному военному начальству неоднократно приносимы были жалобы, что ксендзы не допускаютъ къ причастію не только тѣхъ лицъ, которыя вступили въ бракъ съ православными, но даже и тѣхъ, которыя находятся въ услуженіи у русскихъ. Мѣра сильная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая безопасная: уличить виновныхъ нельзя, такъ какъ исповѣдь не подлежитъ контролю. Когда крестьяне стали подавать адресы, агитаторы пустили слухъ, что лица, которыя подпишутъ адресъ, тѣмъ самымъ будутъ обращаемы въ православіе; этимъ думали они удержать ихъ отъ открытаго заявленія преданности законному государю; но и эта выходка имъ не удалась. Крестьяне, прибывшіе съ всеподданнѣйшими ходатайствами въ Вильну, на сдѣланный депутаціей вопросъ по поводу слуховъ объ обращеніи римско-католиковъ въ православіе, услышали отъ начальства, что государь императоръ отнюдь не желаетъ подвергать насилію чью-либо совѣсть и родившійся въ католицизмѣ можетъ и долженъ ходить въ костелъ и исповѣдывать свободно свою родную вѣру. Обрадовавшись подобнымъ отвѣтомъ, крестьяне тутъ же заявили, что они и прежде сомнѣвались въ истинѣ распускаемыхъ злоумышленниками слуховъ, а въ настоящее время непремѣнно будутъ доставлять къ правительственнымъ властямъ всѣхъ лицъ, занимающихся распространеніемъ подобной лжи.

Вскорѣ по присоединеніи Августовской губерніи къ Сѣверо-Западному краю, тамошній губернаторъ-полякъ былъ смѣщенъ и исправленіе его должности было поручено жандармскому штабъ-офицеру подполковнику Зигмунтовскому, который и поселился въ губернаторскомъ домѣ. Когда подготовительныя работы по крестьянскому вопросу въ Августовской губерніи были окончены, я получилъ 27-го октября туда командировку, для разныхъ мѣстныхъ распоряженій.

Отправляясь въ Сувалки, я снова взялъ съ собою П. А. Мясоѣдова; 2-го ноября мы были уже съ нимъ на мѣстѣ и остановились у новаго губернатора на квартирѣ. Въ эту поѣздку мнѣ было поручено: 1) составить предположенія о новомъ распредѣленіи гминъ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ, такъ какъ существовавшій дотолѣ порядокъ былъ крайне вреденъ для сельскаго населенія, и избрать для мѣстопребыванія гминныхъ войтовъ большія селенія и вообще центральные пункты; 2) примѣняясь, по возможности, къ Положенію 19-го февраля 1861 года,

составить соображенія, какимъ образомъ устроить сельскія общества; 3) впредь до окончательнаго распоряженія правительства по устройству быта крестьянъ въ царствѣ Польскомъ, немедленно принять мѣры, чтобы помѣщики отнюдь не осмѣливались переселять крестьянъ съ ихъ усадьбъ, лишать ихъ земли, увеличивать чиншъ, заставлять отбывать барщину, брать разнаго рода данину и т. п...

Съ полнымъ усердіемъ принялся я за работу, и святое дѣло подвигалось быстро впередъ. Въ виду того обстоятельства, что на должность гминныхъ войтовъ стали выбирать исключительно только крестьянъ, я спросилъ по телеграфу, что дѣлать? 3-го ноября получена мною изъ Вильны отвѣтная телеграмма отъ М. Н. Муравьева, что «при выборахъ войтовъ гминныхъ должны быть выбираемы лица, способныя исполнять эту обязанность, не изъ однихъ крестьянъ, но и изъ другихъ сословій. Прошу наблюсти, чтобы избранные и войты могли съ пользою для дѣла занимать эту должность». Все это и было достигнуто однимъ только прочтеніемъ этой телеграммы избирателямъ;—такъ велико было обаяніе у крестьянъ имени этого великаго государственнаго дѣятеля. Выборы войтовъ и устройство сельскаго управленія и судоустройства прошли блестящимъ образомъ; помѣщичьей власти въ Августовской губерніи былъ нанесенъ смертельный ударъ. Въ прежнее время крестьяне имѣли право судить дѣла, не превышающія ста злотыхъ (15 р.), такъ что вся выгода была на сторонѣ пановъ; тутъ имъ было предоставлено право суда до 100 рублей, уменьшенное впослѣдствіи по положенію до 30 руб. Такимъ образомъ дѣло получало совершенно другой оборотъ; панскіе суды по крестьянскимъ дѣламъ канули въ вѣчность. Когда порученная мнѣ работа близилась уже къ концу, я получилъ 15-го ноября предложеніе главнаго начальника края, въ которомъ выразилось полнѣйшее его довѣріе къ моимъ трудамъ.

Выше мы видѣли, что вскорѣ за подчиненіемъ Августовской губерніи главному начальнику Сѣверо-Западнаго края тамъ водворенъ былъ законный порядокъ, но такъ какъ въ Ломжинскомъ уѣздѣ продолжала царить еще кровавая неурядица, мѣшавшая окончательному успокоенію смежныхъ съ нимъ уѣздовъ, то, по ходатайству крестьянъ-депутатовъ, представлявшихся М. Н. Муравьеву 2-го декабря, послѣдовало вскорѣ повелѣніе государя о подчиненіи ему и этого уѣзда. Военнымъ начальникомъ туда былъ назначенъ генеральнаго штаба капитанъ М. Е. Врангель, впослѣдствіи лифляндскій губернаторъ, который въ самое короткое время съумѣлъ возстановить тамъ совершенное спокойствіе и началъ свое управленіе тѣмъ, что пригласилъ на балъ польское общество, которое такимъ образомъ нарушило жалобу по ойчизнѣ...

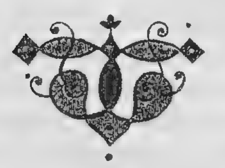
Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, проѣздомъ въ Варшаву, сенаторъ Н. А. Милютинъ остановился въ Вильнѣ, былъ у главнаго начальника края и про-

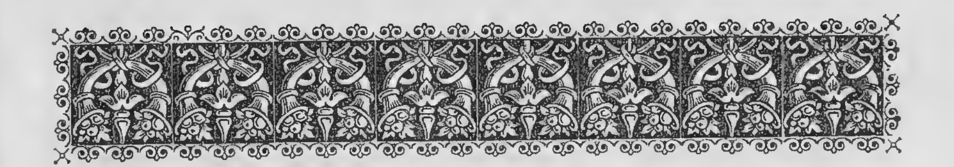
бесѣдовалъ съ нимъ нѣсколько часовъ. Позванный Михаиломъ Николаевичемъ въ кабинетъ, для сообщенія нѣкоторыхъ свѣдѣній по крестьянскому дѣлу въ Августовской губерніи, я былъ имъ представленъ Николаю Алексѣевичу. Рекомендація Михаила Николаевича сдѣлана была въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ, въ заключеніе онъ сказалъ своему собесѣднику, указывая на меня:

— Если вы захотите, Николай Алексѣевичъ, знать о томъ, что будетъ сдѣлано по Августовской губерніи относительно крестьянскаго вопроса, обращайтесь къ нему—я ему далъ carte blanche; онъ спеціалистъ по этому дѣлу и вамъ услужитъ.

Дѣйствительно, въ слѣдующемъ году, когда крестьянская реформа въ царствѣ Польскомъ была въ полномъ ходу, у меня возникла довольно оживленная переписка съ Николаемъ Алексѣевичемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Гоголь въ Оптиной Пустыни.

Теперь, когда уже не мало сдѣлано по части собиранія матеріаловъ, для давно ожидаемой біографіи Гоголя, желательно пополнить нѣкоторые, извѣстные пробѣлы по этой части.

Послѣдніе годы жизни Гоголя, послѣ возвращенія его изъ Іерусалима, наименѣе изслѣдованы и освѣщены. Не такъ давно было напечатано его письмо Жуковскому изъ Москвы, въ концѣ 1850 года, содержащее описаніе Палестины и впечатлѣній Іерусалима—отвѣтъ на просьбу друга-поэта дать ему матеріалъ для его поэмы—«Вѣчный Жидъ».

Это письмо обличаетъ нелѣпые толки объ упадкѣ таланта Гоголя; въ немъ виденъ могучій художникъ, въ немногихъ словахъ, двумя-тремя чертами мастерски набросавшій великолѣпныя картины, представляющія художественный комментарій къ библейскому повѣствованію. Но мы до сихъ поръ очень мало знаемъ объ отношеніяхъ Гоголя къ Оптиной Пустыни, весьма извѣстному и чтимому народомъ монастырю на рѣкѣ Жиздрѣ, близъ гор. Козельска [1]), который Гоголь посѣтилъ лѣтомъ 1850 года во время своей извѣстной поѣздки изъ Москвы въ Малороссію на долгихъ, черезъ Калугу. Объ этой поѣздкѣ мимоходомъ упоминаетъ Кулишъ въ своихъ «Запискахъ о жизни Гоголя», именно во II томѣ, указывая, что Гоголь выѣхалъ изъ Москвы съ проф. Максимовичемъ, послѣ завтрака у Аксаковыхъ, ночевалъ въ Подольскѣ, гдѣ встрѣтился съ А. С. Хомяковымъ, въ бесѣдѣ съ которымъ провелъ весь вечеръ и т. д.

Всякіе, даже мелкіе факты объ отношеніяхъ Гоголя къ Оптиной

---

[1]) Калужской губерніи. О пребываніи Гоголя въ Оптиной Пустыни помѣщены только двѣ небольшія замѣтки одна въ „Литературномъ Вѣстникѣ" за 1901 г. И. Л. Щеглова и другая его же въ „Торгово-Промышленной газетѣ" за 1900 г. № 24—это все, что мнѣ извѣстно въ нашей печати по этому предмету.

Пустыни имѣютъ цѣну для біографіи нашего великаго писателя, на котораго Оптинъ монастырь произвелъ сильное впечатлѣніе. Въ письмѣ къ гр. А. П. Толстому [1]), писанномъ изъ Васильевки, имѣнія его матери, отъ 10-го іюля 1850 года, авторъ «Мертвыхъ Душъ» передаетъ то глубокое впечатлѣніе, какое произвелъ на него этотъ монастырь, «воспоминаніе о которомъ осталось въ немъ навсегда». «Я думаю,— писалъ Гоголь въ этомъ письмѣ,—что на самой Аѳонской горѣ не лучше. Благодать видимо тамъ присутствуетъ, это слышится въ самомъ богослуженіи, хотя не можемъ объяснить почему». По разсказамъ иноковъ, богослуженіе въ скитской церкви приводило Гоголя въ глубокое умиленіе.

Оптина Пустынь весьма своеобразный монастырь. Она привлекала толпы богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи, хотя въ ней не было чудотворныхъ мощей, какъ въ другихъ монастыряхъ—она славилась въ народѣ духовными подвигами и жизнью иноковъ не прошедшаго, а настоящаго. Гоголь называлъ эту обитель «близкой къ небесамъ», въ письмѣ къ одному изъ ея монаховъ, отцу Петру Григорову, посланномъ съ племянникомъ его Н. П. Трушковскимъ, заѣхавшимъ въ монастырь на пути въ Казанскій университетъ. Въ собраніи писемъ Гоголя, изданномъ подъ редакціею В. И. Шенрока, напечатано также интересное письмо Гоголя къ старцу обители отцу Филарету, съ которымъ былъ въ перепискѣ и нашъ извѣстный славянофилъ-философъ, И. В. Кирѣевскій. Какъ извѣстно, Оптина Пустынь оказала не малое вліяніе на образъ мыслей этого послѣдняго, который, по совѣту «оптинскихъ старцевъ», занялся изученіемъ твореній св. отцевъ, учителей иноческой жизни.

Оптина Пустынь извѣстна своими переводами и изданіями твореній учителей-иноковъ Аввы Дороѳея, Варсонофія Великаго и психолога-отшельника Исаака Сирина.

Я имѣлъ случай близко знать одного изъ монаховъ Оптиной Пустыни, о. Климента, въ мірѣ Константина Карловича Зедергольмъ, сына лютеранскаго пастора въ Москвѣ. Въ годы моей юности, я не разъ бывалъ и подолгу жилъ въ Оптиной Пустыни, гдѣ похоронены мои отецъ и мать, усердные почитатели этого монастыря. Я бывалъ въ Оптиной Пустыни студентомъ университета и пользовался расположеніемъ о. Климента, питавшаго, какъ онъ самъ говорилъ, нѣкоторую слабость къ университетской молодежи и любившаго потолковать о литературѣ и наукѣ; о. Климентъ былъ большой знатокъ классической филологіи [2]).

---

[1]) Оно напечатано В. И. Шенрокомъ въ IV томѣ изданнаго подъ его редакціей „Собранія писемъ Гоголя“.

[2]) Отецъ Климентъ былъ магистръ Московскаго университета, ученикъ Грановскаго и Кудрявцева. П. М. Леонтьевъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, желалъ оставить его при университетѣ, но онъ поступилъ на служ-

Онъ былъ очень близокъ, до и послѣ постриженія въ монахи, къ гр. А. П. Толстому, котораго я также видалъ въ Оптиной Пустыни, и слышалъ отъ о. Климента не мало разсказовъ графа о Гоголѣ, но, къ сожалѣнію, только отчасти мною записанныхъ [1]).

Вопросъ «объ оздоровленіи народныхъ корней», какъ принято теперь выражаться, много занималъ Гоголя, въ послѣдніе годы его жизни. «Горе писателямъ, которые станутъ своими легкомысленными писаніями извращать и развращать душу народа—лучше бы имъ съ мельничнымъ жерновомъ на шеѣ броситься въ воду»,—говорилъ онъ. Въ Оптиной Пустыни Гоголь прилежно читалъ книгу Исаака Сирина—не знаю, въ рукописи или въ печатномъ изданіи—и она произвела на него большое впечатлѣніе. Я видѣлъ у о. Климента первый томъ «Мертвыхъ Душъ» (І-аго изданія). Экземпляръ этотъ принадлежалъ гр. Толстому—съ замѣтками Гоголя карандашомъ, на поляхъ XI-й главы. Замѣтки эти любопытны, и я приведу ихъ здѣсь. Въ XI-й главѣ І-й части, посвященной характеристикѣ Чичикова, Гоголь, говоря о прирожденныхъ человѣку страстяхъ, придавалъ имъ высокое значеніе. Въ сдѣланной Гоголемъ карандашомъ на поляхъ замѣткѣ было написано: „Это я писалъ въ „прелести“ [2]), это вздоръ—прирожденныя страсти—зло, и всѣ усилія разумной воли человѣка должны быть устремлены для искорененія ихъ. Только дымное надменіе человѣческой гордости могло внушить мнѣ мысль о высокомъ значеніи прирожденныхъ страстей—теперь, когда сталъ я умнѣе, глубоко сожалѣю о «гнилыхъ словахъ», здѣсь написанныхъ. Мнѣ чуялось, когда я печаталъ эту главу, что я путаюсь, вопросъ о значеніи прирожденныхъ страстей много и долго занималъ меня и тормозилъ продолженіе «Мертвыхъ Душъ». Жалѣю, что поздно узналъ книгу Исаака Сирина, великаго душевѣдца и прозорливаго инока. Здравая психологія, и не кривое, а прямое пониманіе души встрѣчаемъ лишь у подвижниковъ-отшельниковъ. То, что говорятъ о душѣ запутавшіеся въ хитро сплетенной нѣмецкой діалектикѣ молодые люди,—не болѣе какъ призрачный обманъ. Человѣку, сидящему по уши въ житейской тинѣ, не дано пониманія природы души“.

бу въ св. Сvнодъ, былъ командированъ въ Константинополь, во время греко-болгарской церковной распри, и провелъ нѣкоторое время на Аѳонѣ, а вернувшись въ Россію, пошелъ въ монахи. Его жизнеописаніе, составленное извѣстнымъ К. Н. Леонтьевымъ, помѣщено въ „Рус. Вѣстникѣ“, а также издана отдѣльно книжкой.

[1]) Гр. Ал. Петровичъ Толстой, бывши оберъ-прокуроромъ Сvнода, въ первые годы царствованія Александра II-го, въ квартирѣ котораго, на Никитскомъ бульварѣ въ Москвѣ, скончался Гоголь, умеръ въ 1874 г. Библіотека его разошлась во всѣ руки и пропала безслѣдно.

[2]) Прелесть—монашескій терминъ—означаетъ почти то же, что и слово обольщеніе.

Во время посѣщенія Гоголемъ Оптиной Пустыни, игуменомъ ея былъ отецъ Моисей, старецъ высокой жизни, мудрый и любвеобильный, какъ сказано въ его жизнеописаніи, составленномъ вышеуказаннымъ отцомъ Климентомъ [1]).

Отношенія Гоголя къ Оптиной Пустыни представляютъ интересъ въ томъ смыслѣ, что тамъ онъ встрѣтилъ мудрыхъ иноковъ, благодушныхъ и согрѣтыхъ истинно христіанской любовью и глубокимъ смиреніемъ души. Они не пугали впечатлительнаго художника потрясающими картинами вѣчныхъ мукъ за его авторскую дѣятельность, они не считали служеніе искусству тяжкимъ грѣхомъ, какъ Ржевскій священникъ о. Матвѣй Константиновскій, котораго надо признать едва ли не однимъ изъ главныхъ виновниковъ сожженія втораго тома «Мертвыхъ Душъ».

Я слышалъ въ началѣ 60 годовъ отъ одного инока Оптиной Пустыни, сколько помню о. Павлина, завѣдывавшаго монастырской библіотекой и лично знавшаго Гоголя, поразившее меня указаніе на настоящее содержаніе «Мертвыхъ Душъ» — духовное возрожденіе «Мертвыхъ Душъ» первой части въ послѣдующихъ томахъ.

То же мнѣ говорилъ о. Климентъ, посвященный разсказами гр. А. П. Толстаго въ дѣйствительное содержаніе поэмы Гоголя. Промыслу Божію не угодно было, по нашимъ грѣхамъ, чтобы Николай Васильевичъ докончилъ свое недоконченное и, какъ онъ самъ говорилъ, и писалъ „недоношенное“ произведеніе,—а въ цѣломъ оно конечно должно было быть добрымъ и душеспасительнымъ дѣломъ.

— Размышляя о кончинѣ Ник. Вас. Гоголя, я всегда повторяю мысленно, — говорилъ мнѣ не разъ о. Климентъ: «Узрятъ кончину праведника и не уразумѣютъ, что усовѣтова о немъ Господь».

Это изреченіе св. писанія начертано на гробницѣ И. В. Кирѣевскаго въ Оптиной Пустыни.

Гоголь несомнѣнно унесъ съ собой въ могилу нѣкоторую тайну, которую мы безъ него должны разгадывать. Его глубоко удручалъ сложный и трудный вопросъ, поставленный имъ въ послѣдней (XI гл.) первой части «Мертвыхъ Душъ», отчего въ безпредѣльномъ пространствѣ Русской земли, гдѣ все такъ широко и крупно, обнаруживается такая духовная пустота жизни и такъ мелки и ничтожны люди. Вопросъ объ оскудѣніи духа жизни на Руси, послѣ Великаго Петра, занималъ Гоголя не менѣе его московскихъ друзей — славянофиловъ, хотя, по его мнѣнію, высказанному въ перепискѣ, онъ рѣшалъ вопросъ менѣе односторонне и нѣсколько иначе, чѣмъ они.

П. Матвѣевъ.

---

[1]) Въ одномъ изъ писемъ Гоголя, напечатанномъ въ «Рус. Старинѣ», Гоголь съ умиленіемъ отзывался объ игуменѣ о. Моисеѣ, косившемъ сѣно въ страдную пору вмѣстѣ съ прочими иноками монастыря.

Цензура въ царствованіе императора Николая I.

V [1]).

Вліяніе на цензуру политическихъ событій 1831 года.—Жалобы на цензуру министровъ и другихъ правительственныхъ лицъ.—Особыя мѣры противъ журналовъ.—Николай Полевой и его „Московскій Телеграфъ".—И. Кирѣевскій и его журналъ „Европеецъ".—Строгость цензуры относительно книгъ.—Увольненіе Аксакова отъ должности цензора.—М. П. Погодинъ и его трагедія „Петръ I".—Олинъ и его повѣсть „Эшафотъ".—Запрещеніе печатать нѣкоторые историческіе документы и политическія статьи.—Жалобы частныхъ лицъ на оскорбленіе ихъ въ печати.—Н. И. Гречъ—защитникъ Ѳ. В. Булгарина.—Излишнія старанія цензоровъ.

Политическія обстоятельства въ отношеніи къ Польшѣ и взглядъ на нихъ императора Николая I до того затрудняли цензуру, что цензоръ (и извѣстный литераторъ) Сенковскій просилъ попечителя С.-Петербургскаго округа и предсѣдателя С.-Петербургскаго цензурнаго комитета Бороздина принять на себя послѣ просмотра цензора чтеніе корректурныхъ листовъ двухъ польскихъ газетъ: «Tygodnik» и «Balamut», такъ какъ,—говорилъ Сенковскій,—«многія статьи могутъ казаться непозволительными только по причинѣ нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, хотя бы эти послѣднія и не были извѣстны цензору». Это предположеніе было одобрено Главнымъ управленіемъ цензуры и министромъ.

Но особенное вліяніе на министра народнаго просвѣщенія и на весь вообще ходъ цензуры имѣлъ исходъ одного дѣла, доходившаго, въ началѣ 1831 года, до самого государя. Въ половинѣ 1830 года, въ

[1]) См. „Русскую Старину" сентябрь 1901 г.

журналѣ «Сѣверный Муравей», составленномъ почти исключительно изъ краткихъ извѣстій о промышленности въ Россіи и за границей, а также изъ статистическихъ свѣдѣній по части торговли, фабрикъ, заводовъ и ремеслъ, была напечатана, въ № 22 статья, гдѣ авторъ, разсуждая о росписи товаровъ 1830 года, высказывалъ неудовольствіе на обложеніе привозныхъ шелковыхъ лентъ 8-ми-рублевою пошлиною вмѣсто прежнихъ 4-хъ рублей, и въ концѣ прибавлялъ: «Смотрите, гг. фабриканты прозрачныхъ лентъ, иностранное соревнованіе можетъ подорвать ваши фабрики. Вообще, при учрежденіи фабрикъ надобно внимательно разсчитывать, не могутъ ли предполагаемыя произведенія ихъ быть унижены совмѣстничествомъ иностранцевъ, въ случаѣ дозволенія ихъ къ привозу, котораго при заведеніи фабрикъ въ виду не было: ибо таковое дозволеніе можетъ разрушить сіи предпріятія. Благодаря попеченіямъ г. министра финансовъ, у васъ есть мануфактурный и коммерческій совѣты».

Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, прочитавъ эту статью, нашелъ ее оскорбительною для правительства и немедленно вошелъ по этому предмету въ Комитетъ министровъ съ запискою, гдѣ жаловался на статью «Сѣвернаго Муравья», какъ нарушающую постановленія цензурнаго устава 1828 г. и ни въ какомъ государствѣ не терпимую. Канкринъ съ особеннымъ негодованіемъ указывалъ на то, что авторъ статьи говоритъ о пошлинѣ на ленты, какъ будто о чемъ-то новомъ, тогда какъ она существуетъ уже съ 1822 года, и вслѣдъ затѣмъ продолжалъ: «статья эта явно направлена къ тому, чтобы поселить въ фабрикантахъ недовѣрчивость къ мѣрамъ правительства; а ироническое обращеніе къ совѣтамъ: мануфактурному и коммерческому или даетъ мысль объ ихъ безполезности, когда они не могли отвратить столь вреднаго, по мнѣнію сочинителя, распоряженія, или заключаетъ вызовъ обратиться къ совѣтамъ съ протестами. Какъ возвышеніе пошлины на ленты сдѣлано именно по желанію ленточныхъ фабрикантовъ, то, безъ сомнѣнія, статья сія на нихъ не можетъ имѣть вліянія; да и другія перемѣны, заключающіяся въ росписи 1830 года, сдѣланы по совѣту съ фабрикантами. Но вліяніе сіе на публику вообще, которая не знаетъ въ частности положенія дѣла, и на прочихъ фабрикантовъ, можетъ быть весьма невыгодно. Для исправленія сего вреда оставался бы тотъ способъ, чтобы министерство финансовъ, а въ случаѣ и другія министерства, помѣщали въ публичныхъ листахъ опроверженія таковыхъ статей; но сіе вовлекло бы ихъ, подобно Франціи, въ газетную войну, непремѣнно ведущую къ неприличію, къ потерѣ уваженія и къ умноженію дерзости журналистовъ; кромѣ того, защищеніе черезъ газеты изданныхъ высочайшею властью законовъ вовсе не было бы согласно съ достоинствомъ монархическаго правленія».

Поэтому министръ просилъ Комитетъ подтвердить цензурному вѣдомству, чтобы оно наблюдало данныя ему правила, или дополнило ихъ, «если они недостаточны къ отвращенію подобныхъ дерзостей»; а равно подтвердить ему, чтобы писатель статьи былъ обязанъ объявить о невѣрности сообщеннаго имъ факта.

Комитетъ министровъ нашелъ, что, по существующему уставу, цензура не имѣетъ права входить въ разборъ основательности или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только они не противорѣчатъ общимъ правиламъ цензуры, и потому въ настоящемъ случаѣ нѣтъ повода принимать никакихъ особенныхъ мѣръ; но такъ какъ въ статьѣ «Сѣвернаго Муравья» дѣйствительно говорено съ недостаточнымъ почтеніемъ о мѣрахъ правительства, то Комитетъ полагалъ: подтвердить цензурнымъ комитетамъ, чтобы въ статьяхъ, заключающихъ въ себѣ разсужденія о мѣрахъ и постановленіяхъ правительства, была, сколько возможна, наблюдаема вѣрность фактовъ, а въ изложеніи охраняемо должное уваженіе и приличіе. Издателю же «Сѣвернаго Муравья», уже напечатавшему «Исправленіе недосмотра въ № 22», но сдѣлавшему это не довольно опредѣлительно, поставить въ обязанность объявить вторично о невѣрности сообщеннаго имъ факта, чтобы вывести изъ того заблужденія, въ которое читатели его газеты могли быть поставлены статьею № 22-го. За симъ дѣло это было внесено на высочайшее усмотрѣніе, и 10-го января 1831 года Комитету министровъ была объявлена слѣдующая высочайшая резолюція: «Министру народнаго просвѣщенія велѣть подтвердить цензорамъ быть осторожнѣе, ибо съ нѣкоторыхъ поръ во всѣхъ журналахъ, не исключая даже «Академическихъ Вѣдомостей», проскакиваютъ неприличныя и даже часто весьма дерзкія статьи. Впредь министръ просвѣщенія за сіе отвѣчаетъ».

Такое строгое замѣчаніе самого императора объ о б щ е м ъ направленіи всей русской журналистики, соединенное съ возложеніемъ на министра народнаго просвѣщенія личной отвѣтственности, и съ исключеніемъ его изъ комитета, назначеннаго для дополненія цензурнаго устава правилами объ отвѣтственности сочинителей и издателей, конечно, должно было подвигнуть князя Ливена къ бо̀льшей, противъ прежняго, строгости и, слѣдственно, къ измѣненію, въ нѣкоторой мѣрѣ, прежней снисходительности и расположенія къ авторамъ и литературѣ.

Когда новый тонъ былъ единожды заданъ цензурѣ, разныя начальства тотчасъ же начали находить обидными для своего достоинства и неприличными множество вещей, на которыя они прежде, вѣроятно, не обратили бы вниманія. Никто не обращалъ вниманія на то, справедливы или несправедливы указанія литературы; до сущности дѣла

никто не касался, и всякій жаловался только на «дерзость». Дерзость была любимымъ обвинительнымъ словомъ того времени. Князь Ливенъ былъ поставленъ въ необходимость безпрестанно дѣлать выговоры и внушенія. Въ числѣ первыхъ и любопытнѣйшихъ заявленій противъ излишней свободы и распущенности печати можно считать заявленіе Академіи Наукъ. Исправлявшій должность ея президента, Шторхъ, писалъ Ливену 28-го января 1831 года: «Съ нѣкотораго времени въ частныхъ журналахъ: «Сѣверной Пчелѣ» и «Московскомъ Телеграфѣ», встрѣчаются весьма неприличныя выходки противъ издаваемыхъ отъ Императорской Академіи Наукъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», выходки, которыя впрочемъ легко было бы и уничтожить, если бы Академія, обращая на оныя какое-либо вниманіе, или забывъ свое достоинство, дозволила редакціи сихъ вѣдомостей вступить въ состязаніе съ издателями помянутыхъ журналовъ; но какъ таковое молчаніе лишь болѣе возбуждаетъ привязчивость сихъ послѣднихъ, и поелику статьи ихъ выходятъ наконецъ изъ границъ благопристойности, какова напримѣръ была послѣдняя въ № 11-мъ «Сѣверной Пчелы», то я, для чести Академіи, вмѣняю себѣ въ долгъ обратить на сіе благосклонное вниманіе ваше, съ покорнѣйшею просьбою положить предѣлъ подобнымъ дерзостямъ. Отнюдь не желая отклонять основательной, съ безпристрастіемъ и скромностью излагаемой, критики, я утруждаю только васъ о принятіи справедливой мѣры, дабы цензурою не было пропускаемо къ печатанію статей противъ академической газеты, написанныхъ безъ должнаго уваженія, которымъ даже по самому уставу о цензурѣ, всякій писатель обязанъ въ отношеніи къ частному лицу, а не токмо къ императорскому мѣсту и первому ученому сословію въ государствѣ».

Поводомъ къ такимъ жалобамъ Академіи послужили: статья «Телеграфа», въ которой рѣчь шла только о редакціи вѣдомостей, а не о самой Академіи, и статья «Сѣверной Пчелы», просто перепечатавшей отзывъ «Телеграфа». Вотъ главнѣйшія мѣста изъ этой рецензіи:

«С.-Петербургскія Вѣдомости», старѣйшее періодическое изданіе въ Россіи, издаются въ пользу Академіи Наукъ. Сіи вѣдомости, пользующіяся всѣми пособіями правительства и всѣми правами оффиціальной газеты, отличаются удивительною неисправностью своей редакціи. Въ нихъ неправильность языка, неточность въ переводахъ и въ ученыхъ извѣстіяхъ и неисправность въ печатаніи доставляемыхъ редакціи статей непостижимы! «С.-Петербургскія Вѣдомости» доведены до того, что, читая ихъ, вы не увѣрены ни въ чемъ, ибо въ нихъ все бываетъ перепутано. Напримѣръ, если на гулянье съѣхалось 1.000 каретъ, то «Вѣдомости» говорятъ 700 или 1.700; если былъ дождь, то онѣ пишутъ о бурѣ или засухѣ; если предлагали гдѣ-нибудь тосты за здоровье знаменитыхъ особъ, то онѣ говорятъ, что предполагали пить тосты. Если

былъ концертъ въ пользу бѣдныхъ, то онѣ пишутъ—въ пользу Фильда. Въ этихъ «вѣдомостяхъ» корабли ѣздятъ и чуть не плаваютъ экипажи. Въ извѣстіяхъ о пріѣзжающихъ въ Петербургъ и отъѣзжающихъ, по крайней мѣрѣ третья часть именъ или званій бываетъ напечатана неправильно. Напримѣръ, если пріѣхалъ Рыбниковъ, то напечатаютъ Рыбаковъ; Свенске—Свенскій; полковникъ — подпоручикъ и проч. Объ иностранныхъ извѣстіяхъ и говорить нечего. Вотъ одинъ образчикъ: «Гг. Кергорле, Бріанъ и Женудъ (издатель газеты de Franse) приговорены за оклеветаніе королевскаго правленія и особы короля, первый къ 6-ти мѣсячному посаженію въ тюрьму и 500 франкамъ денежной пени, оба другіе къ содержанію въ тюрьмѣ на 1 мѣсяцъ и 150 франковъ штрафа, всѣ же трое къ уплатѣ законныхъ проторовъ». Во-первыхъ, графъ Кергорле приговоренъ не за оклеветаніе, а за оскорбленіе особы короля. Во-вторыхъ, какой грамотный человѣкъ скажетъ: газета de-Franse, вмѣсто «Gazette de-Franse»? Въ третьихъ, посаженіе, да еще и 6-ти мѣсячное въ тюрьму — не порусски. Говорится посаженіе наколъ, а въ тюрьму заключеніе, заточеніе. Въ четвертыхъ, къ уплатѣ законныхъ проторовъ — безсмыслица. Что это за проторы? Впрочемъ, на эти строчки и на правописаніе редакторовъ надо издать цѣлый листъ замѣчаній. Читатели видятъ сами, а мы представимъ имъ еще образчикъ: «Сочинитель статьи субботничнаго номера «Сѣверной Пчелы» о приведенной опять въ жизнь «посредствомъ врачебной помощи упавшей въ Мойку работницы Егоровой заключаетъ оную желаніемъ, къ которому и мы отъ всего сердца присоединяемся, а именно»... Но довольно. Возрадуйся, тѣнь Тредьяковскаго! Твои послѣдователи перещеголяли тебя! Въ заключеніе, совѣтуемъ тѣмъ изъ нашихъ соотечественниковъ, которые любятъ смѣяться надъ смѣшнымъ, выписывать себѣ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Они найдутъ тамъ обильный запасъ самаго невѣроятнаго смѣшнаго».

Въ прежнее время, Главное управленіе цензуры и князь Ливенъ по всей вѣроятности, не придали бы большаго значенія жалобѣ Шторха; а отвѣчали бы ему, что въ статьѣ «Телеграфа», перепечатанной «Сѣверною Пчелою», нѣтъ ничего оскорбительнаго для достоинства самой Академіи. Но въ настоящее время Ливенъ отвѣчалъ на требованіе Академіи предписаніемъ петербургскому и московскому попечителямъ сдѣлать выговоры цензорамъ, пропускающимъ «Сѣверную Пчелу» и «Телеграфъ», такъ что, когда нѣсколько недѣль спустя, въ цензуру поступили двѣ статьи, назначенныя для «Сѣверной Пчелы» и содержавшія въ себѣ замѣчанія на неисправность мѣсяцеслова на 1831 г., то цензоръ и Петербургскій комитетъ не рѣшились сами собою пропустить или запретить такія статьи, и представили ихъ въ Главное упра-

вленіе цензуры. Послѣднее нашло неприличными насмѣшки (по его мнѣнію находящіяся въ тѣхъ статьяхъ) надъ цѣлымъ ученымъ сословіемъ, какова Императорская Академія Наукъ, и потому не дозволило напечатанія тѣхъ статей.

Въ слѣдующемъ году, уже настоящій президентъ Академіи Уваровъ снова жаловался на оскорбленіе Академіи: 19-го іюля 1832 г. онъ представилъ Ливену записку, гдѣ было сказано: «Въ № 7 издаваемаго въ Москвѣ «Телескопа», г. Надеждина, говоря о статистическихъ замѣткахъ г. Андронова, сказано: Дай Богъ, чтобы Академія Наукъ, пишущая и читающая до сихъ поръ, къ стыду нашему, только по-французски и по-нѣмецки, оцѣнила по достоинству это русское сочиненіе и увѣнчала бы его Демидовскою наградою». Столь неблагопріятныя и неосновательныя выраженія насчетъ Академіи побуждаютъ меня обратить на таковое упущеніе цензора Цвѣтаева вниманіе его свѣтлости г. министра народнаго просвѣщенія». Князь Ливенъ, послѣ этой записки, поручилъ московскому попечителю сдѣлать въ полномъ присутствіи Московскаго цензурнаго комитета, строгое внушеніе цензору Цвѣтаеву, замѣтивъ, что по-настоящему онъ подлежалъ бы отрѣшенію отъ должности.

Вслѣдъ затѣмъ, Главное же управленіе запретило на довольно странныхъ основаніяхъ нѣсколько статей, назначавшихся для «Сѣвернаго Меркурія» (хотя справедливость требуетъ сказать, не по собственной инціативѣ, а по мысли Петербургскаго цензурнаго комитета). Одна изъ этихъ статей «Обелискъ» запрещена потому, что тутъ говорилось о памятникѣ, воздвигнутомъ неизвѣстно гдѣ и по какому случаю. «Можетъ быть, говорилъ цензурный комитетъ, сочинитель разумѣетъ подъ онымъ какой-либо обелискъ во Франціи, въ память послѣднихъ переворотовъ: въ такомъ случаѣ статья подлежитъ запрещенію на томъ же основаніи, на какомъ начальство признало непозволительными стихи Казиміра Делавиня». Другія же статьи: «Вальсеръ—начальникъ», «Гореваніе чиновника», «Вицъ-мундиръ или посланіе чиновника къ печкѣ» и т. п. запрещены Главнымъ управленіемъ потому, что въ «Сѣверномъ Меркуріи» «неоднократно замѣчено было намѣреніе описывать дѣйствительные случаи и извѣстныя лица подъ вымышленными именами, и настоящія статьи, повидимому, содержатъ въ себѣ такіе намеки на дѣйствительно случившіяся происшествія».

6-го апрѣля, Главное управленіе запретило также печатать назначенную для «Литературной Газеты» статью, подъ названіемъ: «Замѣчанія на статью, помѣщенную въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1831 г., № 1, подъ заглавіемъ «Обозрѣніе XVIII вѣка, сочиненія Тиханова» потому, что тутъ разсуждается о предметахъ высокихъ съ такою неясностью, что она можетъ быть поводомъ къ превратнымъ толкованіямъ.

Самъ государь, разсмотрѣвъ, между прочими свѣдѣніями, относящимися до Рижскаго старобрядческаго общества и представленными ему министромъ внутреннихъ дѣлъ, напечатанный въ Ригѣ, съ дозволенія цензуры, въ 1829 г., отчетъ о состояніи и управленіи богадѣльни, больницы, сиротскаго отдѣленія и школы Рижскаго старобрядческаго общества, въ апрѣлѣ 1831 года приказалъ запретить цензорамъ дозволять печатаніе подобныхъ отчетовъ.

Но главное вниманіе было обращено въ это время на журналы. При тогдашнемъ тревожномъ состояніи Европы, они казались всего болѣе опасными проводниками для зажигательныхъ мыслей и разрушительнаго направленія, и, вслѣдствіе того, всѣ мѣры предосторожности распространялись и на наши туземныя періодическія изданія. Въ засѣданіи Главнаго управленія цензуры 4-го мая 1831 года, Уваровъ, въ качествѣ президента Академіи Наукъ, словесно изложилъ свое мнѣніе, что необходимо усилить надзоръ цензуры за журналами при настоящихъ обстоятельствахъ времени, когда происшествія во многихъ земляхъ Европы, и даже въ самыхъ предѣлахъ Имперіи, обращаютъ на себя вниманіе и производятъ столь сильное волненіе умовъ. Допуская, что вредная цѣль періодическаго изданія можетъ быть прикрыта до такой степени, что трудно и почти невозможно явно изобличить злонамѣренность издателя какою-либо отдѣльною статьею или однимъ нумеромъ журнала, Уваровъ полагалъ, однако, что въ опасномъ направленіи и вредномъ духѣ изданія можно убѣдиться, наблюдая внимательно ходъ всего его въ цѣлости, сближая и сличая статьи, разсѣянныя въ разныхъ нумерахъ, соображая господствующія мнѣнія, наконецъ, замѣчая отношеніе сихъ статей и мнѣній къ тѣмъ обстоятельствамъ и къ тому времени, при которыхъ они были напечатаны. Находя такое неблагонамѣренное стремленіе въ «Московскомъ Телеграфѣ», президентъ Академіи предполагалъ впослѣдствіи внести въ Главное управленіе извлеченіе изъ замѣченныхъ имъ статей, которое послужитъ очевиднымъ убѣжденіемъ въ томъ, какого рода вліяніе можетъ производить въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ этотъ журналъ, особливо на тотъ кругъ читателей, въ которомъ онъ обращается. Выслушавъ это мнѣніе, князь Ливенъ ограничился только тѣмъ, что пригласилъ и другихъ членовъ Главнаго управленія доставить съ своей стороны замѣчанія на «Московскій Телеграфъ», а между тѣмъ, по рѣшенію Главнаго управленія, на первый разъ предложилъ попечителю Московскаго округа поставить тамошней цензурѣ въ обязанность употреблять особенную осмотрительность при цензурованіи какъ вообще періодическихъ изданій, такъ въ особенности вышеупомянутаго журнала, и не дозволять никакихъ статей, которыя могутъ производить вредное впечатлѣніе на чи-

тателей и внушить непріязненное расположеніе къ правительству и вообще къ высшимъ сословіямъ и званіямъ въ государствѣ.

Впрочемъ, каковы ни были истинныя побужденія президента академіи Наукъ, внушенія его противъ издателя «Телеграфа» Полеваго, одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей нашей литературы, не остались безъ успѣха, и если не первые возбудили подозрѣніе на его счетъ въ умахъ начальства, то по крайней мѣрѣ несомнѣнно усилили и утвердили возникавшее противъ него предубѣжденіе. Когда, въ концѣ того же года, Н. Полевой ходатайствовалъ о дозволеніи ему сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ планѣ и содержаніи его журнала, а именно выдавать его съ 1832 г. въ видѣ трехъ отдѣльныхъ повременныхъ изданій: «Московскій Телеграфъ», «Прибавленіе» къ нему и «Journal des modes», то московскій попечитель, князь Сергій Голицынъ, представляя объ этомъ въ Главное управленіе цензуры, присоединилъ тутъ же свое мнѣніе, что на будущее время «Телеграфу» слѣдовало бы ограничиться одною только литературою, потому что «неоднократно въ немъ помѣщались такія статьи, которыя не совсѣмъ-то были одобряемы высшимъ начальствомъ, а издатель, купецъ Николай Полевой, не пользуется совершенною довѣренностью правительства». Главное управленіе рѣшило было представить по этому дѣлу согласный съ представленіемъ попечителя докладъ государю, но одинъ изъ членовъ, тайный совѣтникъ Блудовъ, заявилъ, что ему неудобно подписать журналъ о томъ, такъ какъ онъ еще въ 1827 году сообщалъ министру Шишкову высочайшую волю о неиздаваніи Полевымъ трехъ журналовъ, («Телеграфъ», «Компасъ» и «Энциклопедическія лѣтописи»), и когда такое заявленіе было упомянуто, во всеподданнѣйшемъ докладѣ 7-го ноября 1831 г., то послѣдовала высочайшая резолюція: «Не дозволять, ибо и нынѣ ничуть неблагонадежнѣе прежняго».

Но на этомъ дѣло не кончилось. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 9-го февраля 1832 г., графъ Бенкендорфъ писалъ князю Ливену: «Разсматривая журналы, издаваемые въ Москвѣ, я неоднократно имѣлъ случай замѣтить расположеніе издателей оныхъ къ идеямъ самаго вреднаго либерализма. Въ семъ отношеніи особенно обратили мое вниманіе журналы: «Телескопъ» и «Телеграфъ», издаваемые Надеждинымъ и Полевымъ. Въ журналахъ сихъ часто помѣщаются статьи, писанныя въ духѣ весьма недобронамѣренномъ и которыя, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ поселить вредныя понятія въ умахъ молодыхъ людей, всегда готовыхъ, по неопытности своей, принять всякаго рода впечатлѣнія. О такихъ замѣчаніяхъ я счелъ долгомъ сообщить вашей свѣтлости и обратить особенное ваше вниманіе на непозволительное послабленіе московскихъ цензоровъ, которые, судя по пропускаемымъ ими статьямъ, или вовсе не пекутся объ исполненіи своихъ

обязанностей, или не имѣютъ нужныхъ для сего способностей. По симъ уваженіямъ, я осмѣливаюсь изъяснить вашей свѣтлости мое мнѣніе, что не излишнимъ было бы сдѣлать московской цензурѣ строжайшее подтвержденіе о внимательномъ и неослабномъ наблюденіи ея за выходящими въ Москвѣ журналами».

Ливенъ поспѣшилъ передать требованіе III-го отдѣленія московскому попечителю, но Голицынъ, вопреки тому, что еще такъ недавно самъ высказывался противъ Полеваго, нашелъ на этотъ разъ обращенное къ нему требованіе настолько несправедливымъ и неосновательнымъ, что немедленно написалъ министру: «Разсматривая правила устава о цензурѣ, какъ главное руководство при одобреніи сочиненій къ печатанію, я нахожу, что правила сіи, содержащія не многія общія обязанности цензоровъ, неопредѣленныя случаями частными, при обоюдности своей, поставляютъ оныхъ въ затруднительное положеніе, подвергая ихъ, по одному и тому же дѣлу, двумъ противоположнымъ отвѣтственностямъ: или за упущеніе должности со стороны снисходительнаго разсматриванія сочиненій, или за употребленіе неприсвоенной власти и стѣсненіе писателей, когда сочиненія будутъ разбираемы строго. Таковыя обстоятельства легче и удобнѣе встрѣчаются при одобреніи цензурою журналовъ, какъ изданій срочныхъ. А потому я искреннѣйше желалъ бы, чтобы ваша свѣтлость, черезъ сношеніе съ г. генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, изволили означить тѣ статьи въ московскихъ журналахъ, которыя признаются неблагонамѣренными и вредными по духу либерализма, для назиданія и руководства цензорамъ на будущее время. Наконецъ, въ предотвращеніе всѣхъ возможныхъ неблагопріятныхъ слѣдствій, я почитаю обязанностью покорнѣйше просить вашу свѣтлость, не угодно ли будетъ содѣйствіемъ вашего сана устроить изданіе журналовъ и вообще повременныхъ сочиненій такимъ образомъ, дабы оныя являлись въ свѣтъ подъ надзоромъ и бдительностью полиціи жандармовъ».

Князь Ливенъ, вѣроятно, не желавшій снова входить въ непріятныя столкновенія съ графомъ Бенкендорфомъ, оставилъ это представленіе безъ послѣдствій и ничего не отвѣчалъ московскому попечителю.

Однако же, «Телеграфъ» просуществовалъ еще полтора года и закрытъ былъ уже во время послѣдующаго министерства Уварова. Въ описываемое же нами время преслѣдованіе журналовъ, усиленное мнѣніемъ и внушеніями Уварова, обрушилось всею своею тяжестью на другомъ періодическомъ изданіи. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей начавшей тогда усиливаться партіи славянофиловъ, Иванъ Кирѣевскій, человѣкъ очень образованный, воротившись изъ чужихъ краевъ, гдѣ онъ преимущественно употреблялъ все время на слушаніе лекцій Гегеля о философіи, началъ въ 1832 году изданіе журнала «Европеецъ». Первая статья,

которою открылся новый журналъ, была написана самимъ издателемъ, подъ названіемъ «Девятнадцатый вѣкъ». Здѣсь страннымъ образомъ соединялись чисто славянофильскія или, точнѣе сказать, руссофильскія тенденціи со стремленіями новой, современной Европы, и отстаиваніе самыхъ консервативныхъ началъ съ проповѣдываніемъ нѣкоторыхъ идей интеллектуальной свободы, наполнявшихъ въ ту минуту почти всю Западную Европу. Во всякомъ случаѣ, статья Кирѣевскаго, довольно смѣлая и написанная съ жаромъ убѣжденія, очень краснорѣчиво, могла казаться выраженіемъ недовольства существующимъ въ Россіи порядкомъ, не столько въ отношеніи политическомъ, сколько умственномъ и народно-образовательномъ, и потому судьба какъ статьи, такъ и ея автора и всего изданія не могла быть сомнительна. На другой же день послѣ предыдущаго отношенія, 7-го февраля 1831 г. графъ Бенкендорфъ писалъ князу Ливену: «Государь императоръ, прочитавъ въ № 1 издаваемаго въ Москвѣ Иваномъ Кирѣевскимъ журнала подъ названіемъ «Европеецъ», статью «Девятнадцатый вѣкъ», изволилъ обратить на оную особое свое вниманіе. Его величество изволилъ найти, что вся статья сія есть не что иное, какъ разсужденіе о высшей политикѣ, хотя въ началѣ оной сочинитель и утверждаетъ, что онъ говоритъ не о политикѣ, а о литературѣ. Но стоитъ обратить только нѣкоторое вниманіе, чтобъ видѣть, что сочинитель, разсуждая будто бы о литературѣ, разумѣетъ совсѣмъ иное, что подъ словомъ «просвѣщеніе» онъ понимаетъ «свободу», что «дѣятельность разума» означаетъ у него «революцію», а «искусно отысканная средина» не что иное какъ «конституція». Посему его величество изволитъ находить, что статья сія не долженствовала быть дозволена въ журналѣ литературномъ, въ каковомъ воспрещается помѣщать что-либо о политикѣ, и какъ, сверхъ того, оная статья, не взирая на ея нелѣпость, писана въ духѣ самомъ неблагонамѣренномъ, то и не слѣдовало цензурѣ оной пропускать. Далѣе, въ той же книжкѣ «Европейца» государь императоръ изволилъ замѣтить въ статьѣ «Горе отъ ума» самую неприличную и непристойную выходку на счетъ находящихся въ Россіи иностранцевъ, въ пропускѣ которой цензура уже совершенно виновна. Его величество о сихъ замѣчаніяхъ своихъ повелѣлъ мнѣ сообщить вашей свѣтлости съ тѣмъ, чтобъ вы изволили обратить законное взысканіе на цензора, пропустившаго означенную книжку «Европейца», и дабы изданіе онаго журнала было на будущее время воспрещено, такъ какъ издатель, г. Кирѣевскій, обнаружилъ себя человѣкомъ неблагомыслящимъ и неблагонадежнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его величеству угодно, дабы на будущее время не были дозволяемы никакіе новые журналы, безъ особаго высочайшаго разрѣшенія, и дабы, при испрашиваніи таковаго разрѣшенія, было представляемо его величеству подробное изложеніе

предметовъ, долженствующихъ входить въ составъ предполагаемаго журнала, и обстоятельныя свѣдѣнія объ издателѣ».

Передавъ это высочайшее повелѣніе всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ, князь Ливенъ въ то же время предписалъ сдѣлать строгое замѣчаніе цензору, пропустившему № 1 «Европейца».

Тѣ же мѣры, которыя принимались въ отношеніи къ журналамъ, одновременно были обращаемы и на отдѣльныя книги и сочиненія. Спустя десять дней послѣ предыдущаго, графъ Бенкендорфъ сообщилъ князю Ливену еще новое высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Въ недавнемъ времени появилась въ Москвѣ книжка подъ названіемъ: «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ», пропущенная въ печать цензоромъ Аксаковымъ. Государь императоръ, прочитавъ эту книжку, изволилъ найти, что она заключаетъ въ себѣ описаніе дѣйствій московской полиціи въ самыхъ дерзкихъ и неприличныхъ выраженіяхъ; что, будучи написана самымъ простонароднымъ площаднымъ языкомъ, она приноровлена къ грубымъ понятіямъ низшаго класса людей, изъ чего видимо обнаруживается цѣль распространить чтеніе ея въ простомъ народѣ и внушить оному неуваженіе къ полиціи. Наконецъ, предисловіе сей книжки, равно какъ и слѣдующее за онымъ обращеніе къ цензурѣ, писаны съ явнымъ нарушеніемъ всякаго приличія и благопристойности. Государь императоръ о таковыхъ замѣчаніяхъ своихъ относительно вышеозначенной книги, пропущенной московскою цензурою, повелѣлъ мнѣ сообщить вашей свѣтлости съ тѣмъ, что его величество заключаетъ изъ сего, что цензоръ Аксаковъ вовсе не имѣетъ нужныхъ для званія его способностей, и потому высочайше повелѣваетъ его отъ должности сей уволить».

Но цензурная строгость, сверхъ современности, была обращена и на давно прошедшія событія и личности русской исторіи. Такъ, наприм., когда въ 1831 г. извѣстный нашъ писатель М. П. Погодинъ сочинилъ трагедію: «Петръ I-й», цензоръ Семеновъ нашелъ невозможнымъ пропустить ее, потому что тутъ на сцену выводятся самъ Петръ I, Екатерина I, Меншиковъ (двое послѣднихъ съ очень невыгодной стороны) и заговорщики въ пользу царевича Алексѣя Петровича, съ очень дерзкими рѣчами; сверхъ того, происходятъ фамильярные разговоры князя Долгорукаго съ Петромъ, при чемъ князь рѣзко возражаетъ Петру; пытки царевича Алексѣя выведены послѣдовавшими по приказанію самого Петра и т. д. Сомнѣнія цензора не осмѣлились разрѣшить не только цензурный комитетъ, но даже и Главное управленіе цензуры. Былъ поднесенъ всеподданнѣйшій докладъ, и на немъ императоръ Николай положилъ 22-го декабря 1831 года слѣдующую свою резолюцію: «Лицо императора Петра Великаго должно быть для каждаго русскаго предметомъ благоговѣнія и любви; выводить оное на сцену было бы почти

нарушеніе святыни, и по сему совершенно неприлично. Не дозволять печатать».

Сообразно со всѣми этими высочайшими повелѣніями, естественно стало дѣйствовать и само Главное управленіе. Нѣкто Олинъ, писавшій въ тѣ времена и издавшій на свой счетъ какъ отдѣльныя книги, такъ и цѣлыя повременныя изданія, представилъ въ цензуру, въ началѣ 1832 года, повѣсть свою: «Эшафотъ, или утро вечера мудренѣе». Она была заимствована изъ временъ императрицы Анны Ивановны и представляла многія сцены изъ дѣятельности тогдашней тайной канцеляріи, картинно разсказывала пытки, напрасно совершенныя надъ капитаномъ О., главнымъ дѣйствующимъ лицомъ повѣсти, и столь жестокія, что онъ, хотя и совершенно невинный, самъ себя обвинилъ въ взводимомъ на него убійствѣ и едва не былъ казненъ на эшафотѣ рукою палача: лишь счастливый случай раскрылъ его невинность въ послѣднюю минуту и спасъ ему жизнь. Императрица, послѣ того, для возвращенія ему чести, велѣла прикрыть его бѣлымъ знаменемъ и выдать ему 500 червонцевъ; но, прибавлялъ авторъ, онъ уже былъ съ тѣхъ поръ самъ для себя живымъ указаніемъ измѣненій погоды. Цензоръ Семеновъ, разсматривавшій эту рукопись, не нашелъ возможнымъ пропустить ее въ печать, такъ какъ, по его словамъ, «авторъ постоянно старается дать повѣсти какое-то особенное направленіе; дѣйствія власти и правительства выставляетъ въ смѣшномъ или гнусномъ видѣ, слишкомъ часто упоминаетъ о злоупотребленіяхъ власти, пророчествуетъ счастливѣйшую, по его мнѣнію, перемѣну состоянія Россіи и весьма нерѣдко дѣлаетъ болѣе или менѣе явные намеки на обстоятельства нынѣшнія. Неумышленные, можетъ быть, но слишкомъ быстрые переходы отъ ужасовъ тайной канцеляріи и тюремнаго заключенія къ пышности двора невольно бросаются въ глаза читателю и придаютъ повѣсти какой-то особенный, неумѣстный цвѣтъ. Описанія тайной канцеляріи и пытокъ заключаютъ въ себѣ, какъ кажется, не одно историческое изложеніе, но, соединены будучи съ разсужденіями автора, служатъ доказательствомъ или подтвержденіемъ безпрестанныхъ выходокъ его противъ злоупотребленія власти и насилія». Поэтому, цензоръ считалъ возможнымъ допустить эту повѣсть къ напечатанію лишь въ такомъ случаѣ, если авторъ исключитъ изъ нея, или измѣнитъ въ ней все то, что можетъ казаться «примѣненіемъ къ нѣкоторымъ недавнимъ обстоятельствамъ», и приложитъ къ повѣсти небольшое предисловіе, гдѣ приведя манифестъ Петра III и мнѣнія Екатерины II о тайной канцеляріи и пыткѣ, скажетъ, что пытка существовала не въ одной Россіи, но и въ остальной Европѣ, и, наконецъ, покажетъ, «сколь Россія должна быть благодарна августѣйшему дѣду нынѣ благополучно царствующаго государя за уничтоженіе пытки, и сколько вообще мы обязаны вели-

кимъ его наслѣдникамъ, которые кроткими и человѣколюбивыми мѣрами и распространеніемъ просвѣщенія изгладили изъ законовъ и нравовъ нашихъ всѣ слѣды сихъ старинныхъ жестокостей, а также покажетъ всю разницу тогдашняго суроваго съ нынѣшнимъ человѣколюбивымъ обращеніемъ властей съ обвиненными, коихъ преступленіе не доказано еще законнымъ производствомъ и явными уликами».

Петербургскій цензурный комитетъ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ цензора Семенова, внесъ его въ Главное управленіе цензуры. Если бы оно приняло представленное ему мнѣніе, то рѣшительно нарушило бы этимъ уставъ 1828 года и возвратилось бы къ уставу и системѣ адмирала Шишкова, который предписывалъ цензурѣ не довольствоваться однимъ критическимъ отношеніемъ къ написанному авторомъ, а указывать ему, что и какъ онъ долженъ написать и прибавить къ своему сочиненію. Главное управленіе этого, однако же, не сдѣлало и ограничилось признаніемъ, что сочиненіе Олина по содержанію и духу ни коимъ образомъ не можетъ быть дозволено къ напечатанію и подлежитъ запрещенію въ цѣлости. Но, день спустя, 3-го марта 1831 г., князь Ливенъ писалъ начальнику III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, что въ повѣсти Олина замѣчено «особенное вредное направленіе и недовольный духъ», и далѣе прибавлялъ: «хотя нравственныя качества автора мнѣ неизвѣстны, и я слышалъ объ г. Олинѣ отзывъ, что онъ человѣкъ неспособный къ злымъ умышленіямъ, однако, принимая въ соображеніе обстоятельства времени, при которыхъ г. Олинъ предполагаетъ издать въ свѣтъ свою повѣсть, я считаю нужнымъ препроводить означенную рукопись къ вамъ: можетъ быть, вы изволите признать, что на оную надлежитъ обратить особенное вниманіе».

Въ настоящемъ случаѣ, цензурное вѣдомство основывалось, при запрещеніи подробностей историческихъ, на томъ соображеніи, что тутъ замѣчалось примѣненіе къ современнымъ обстоятельствамъ. Но, тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ, оно запретило опубликованіе и еще нѣкоторыхъ другихъ историческихъ свѣдѣній, хотя на этотъ разъ уже подъ другими предлогами.

Въ началѣ 1832 года, печаталось сочиненіе Вейдемейера: «Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны». Цензоръ Гаевскій не осмѣлился пропустить назначенные для прибавленій два указа: одинъ Анны Іоанновны, по случаю казни Волынскаго и его друзей, а другой о ссылкѣ Бирона, на томъ основаніи, что обоихъ указовъ нѣтъ въ полномъ собраніи законовъ. Главное управленіе цензуры обратилось къ главному въ то время начальнику II-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, М. М. Сперанскому, съ просьбою

сообщить: можно ли, по его мнѣнію, позволить напечатаніе этихъ указовъ? Сперанскій отвѣчалъ, что они и не могли войти въ собраніе законовъ, потому что содержатъ въ себѣ частные случаи и происшествія, а не законы. Потому, не зная ихъ содержанія, онъ, Сперанскій, и не можетъ сообщить своего мнѣнія, до какой степени они могутъ или не должны быть предаваемы тисненію. Несмотря, однако же, на такой отзывъ, князь Ливенъ все-таки написалъ (29-го марта 1832 г.) петербургскому попечителю, что онъ признаетъ за лучшее не дозволять печатаніе тѣхъ двухъ указовъ, «такъ какъ они не помѣщены въ полномъ собраніи законовъ».

Въ мартѣ же, цензоръ Крыловъ представилъ цензурному комитету, что сомнѣвается пропустить въ печать «Секретнѣйшее наставленіе князю Александру Вяземскому» (назначенное для повременнаго изданія подъ названіемъ «Воспоминанія»), считая, что едва-ли можно подобную оффиціальную бумагу, относящуюся ко времени царствованія Екатерины II, принять въ настоящее время за историческій актъ, позволительный для обнародованія. Главное управленіе постановило (22-го марта), что статья эта не можетъ быть позволена «потому что принадлежитъ ко времени еще слишкомъ близкому, а также и потому, что не была сдѣлана извѣстною оффиціальнымъ образомъ».

Въ октябрѣ 1832 года, тотъ же цензоръ не хотѣлъ пропускать въ печать «Исторіи Петра Великаго», Бергмана, въ переводѣ съ нѣмецкаго, Аладьина, потому что одни изъ мѣстъ, отмѣченныхъ имъ, могутъ вести къ неблагопріятнымъ заключеніямъ о событіяхъ церкви, состояніи духовенства и нижняго класса народа, другія могутъ быть обращены въ предосужденіе имени Петра I:—куда въ особенности относится описаніе казни стрѣльцовъ съ замѣчаніями изъ «Дневника Корба», а между тѣмъ послѣднее сочиненіе было запрещено, даже въ Австріи, еще при Петрѣ I, по сношенію русскаго правительства. Цензурный комитетъ нашелъ бо̀льшую часть замѣчаній цензора неосновательными и пропустилъ многое изъ того, чѣмъ онъ затруднялся, но нашелъ непозволительными слѣдующія мѣста: 1) историческое изложеніе, какимъ образомъ крестьяне въ Россіи дѣлались въ разныя времена приписными къ землѣ и снова получали свободу, такъ какъ это изложеніе можетъ имѣть важное вліяніе на народное мнѣніе; 2) рѣчь Никиты Пустосвята, заимствованную переводчикомъ изъ романа Масальскаго «Стрѣльцы», и письмо возмутившихся стрѣльцовъ къ генералу Гордону, заимствованное изъ Голикова, такъ какъ рѣчь могла быть терпима въ романѣ лишь въ общей связи съ цѣлымъ происшествіемъ, а письмо, заключающее оправданіе мятежниковъ, приведено издателемъ безъ всякаго опроверженія и въ подлинникѣ не находится; 3) слова, что царевна Марѳа Алексѣевна заключена въ монастырь «за обнаружившіяся лю-

бовныя интриги». Сверхъ того, 4) цензурный комитетъ призналъ необходимымъ измѣнить одно мѣсто сочиненія, а именно, гдѣ было сказано: «4-го февраля легли на Преображенскомъ полѣ 150 бунтовщичьихъ головъ, уже не отъ сѣкиры, но отъ меча казни; десница царева не срубила 84 головы, какъ утверждали нѣкоторые иностранные писатели, не взирая на то, что ревность къ правосудію, что духъ вѣка извиняли бы и даже совершенно оправдывали сей поступокъ. Такая ручная работа превышаетъ силы всякаго человѣка». Вмѣсто этого, положено было напечатать: «4-го февраля легли на Преображенскомъ полѣ 150 бунтовщичьихъ головъ, уже не отъ сѣкиры, но отъ меча казни; нѣкоторые иностранные писатели утверждаютъ, будто царь собственною рукою срубилъ 84 преступныя головы. Извѣстіе нелѣпое, не взирая на то, что ревность къ правосудію, что духъ вѣка извиняли бы и даже совершенно оправдывали сей поступокъ»; 5) такъ какъ примѣчанія изъ Корба описываютъ казни съ подробностью, простирающеюся до оскорбленія нравственнаго чувства, то комитетъ положилъ допустить эти примѣчанія въ текстъ лишь на латинскомъ языкѣ, безъ перевода на русскій. Когда это дѣло, по протесту переводчика, перешло въ Главное управленіе цензуры, послѣднее, найдя справедливыми всѣ замѣчанія комитета, прибавило еще съ своей стороны нѣсколько новыхъ замѣчаній (имѣвшихъ цѣлью смягченіе разныхъ выраженій) и велѣло исправить всю статью о стрѣлецкихъ бунтахъ, съ исключеніемъ всѣхъ вообще разсказовъ, представлявшихъ дѣйствіе императора Петра I въ невыгодномъ видѣ.

Такимъ образомъ, Главное управленіе и здѣсь дѣйствовало вопреки цензурному уставу, не дозволявшему цензурѣ вмѣшиваться въ то, что должно быть сказано въ сочиненіи, и ограничивавшему ея обязанность лишь указаніемъ того, чего не должно быть допущено въ печать.

Точно такой же случай былъ по поводу «Обозрѣнія царствованія и свойствъ Екатерины Великія», сочиненія сенатора Сумарокова. Государь принялъ отъ автора этой книги, ея посвященіе, но такъ какъ цензурѣ было предписано рѣшить напередъ, «не представляетъ ли сочиненіе Сумарокова чего-либо противнаго цензурнымъ правиламъ», то комитетъ цензурный, занявшись этимъ вопросомъ, нашелъ, что не всѣ мѣста книги могутъ быть освящены высочайшимъ именемъ государя императора, хотя они уже были многократно напечатаны по-русски, и теперь даже могли бы быть выпущены въ публику, если бъ авторъ не подносилъ своего сочиненія его величеству. Сюда относились: 1) описаніе переворота, лишившаго Петра III престола; 2) выраженія: «Но миръ съ мусульманами никогда не проченъ, и есть только отсрочкою новой вражды»; «прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, замѣнившій

дружество своего предшественника коварствомъ»; «не избѣгли рукъ палача и первѣйшіе изверги: Орлеанскій (Philippe Egalité) съ Робеспьеромъ». Согласно съ этими замѣчаніями, сенаторъ Сумароковъ сдѣлалъ множество измѣненій, но Главное управленіе нашло и ихъ недостаточными; члены его, статсъ-секретарь Оленинъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Бутковъ, писали отдѣльныя обширныя мнѣнія по этому предмету, и результатомъ всего были слѣдующія измѣненія, предписанныя Главнымъ управленіемъ цензуры: 1) къ слову «поннѣ» (въ выраженіи: «возрастающаго понынѣ блаженства дворянства») прибавить слово «и», чтобъ нельзя было перетолковать, что возрастающее блаженство дворянъ дошло только до нынѣшняго времени; 2) измѣнить слова «въ замѣну своей праздности», которыя неясны, потому что не видно, къ кому они относятся: къ крестьянамъ, или къ монахамъ? А въ послѣднемъ случаѣ, оно было бы оскорбительно для духовенства; 3) послѣ слова «пытка» сказать въ примѣчаніи, что «сей способъ доискиваться истины посредствомъ пытокъ, въ дѣлахъ уголовныхъ, былъ тогда въ обычаѣ во всей Европѣ, и особенно во Франціи, чему много имѣется доказательствъ въ исторіи правовѣдѣнія сего образцоваго, какъ многіе полагаютъ, государства, но нигдѣ такъ, какъ въ Испаніи и въ Венеціи»; 4) въ разсказѣ о сверженіи Петра III, слово «наутріе» показываетъ весьма быстрый переходъ отъ горестнаго къ радостному событію и подаетъ поводъ догадываться о причинѣ сего происшествія; было бы лучше замѣнить то словомъ «вскорѣ». Выраженіе: «Клики веселья не умолкали», какъ относящееся ко второму дню послѣ кончины Петра III, должны быть исключены, тѣмъ болѣе, что далѣе сочинитель говоритъ, что въ первые дни царствованія Екатерины II забавъ при дворѣ, по причинѣ траура, не было; 5) говорится, что «Петръ III совершилъ три безсмертныхъ учрежденія»; это надо измѣнить, потому что онъ не имѣлъ времени исполнить одного изъ трехъ этихъ предположеній, именно—отобранія крестьянъ отъ монастырей; 6) причиною возвращенія Бирону Курляндскаго герцогства были важныя политическія обстоятельства, а потому лучше изложить это не такъ, какъ сказано у Сумарокова, а слѣдующимъ образомъ: «Бирону, возвращенному изъ ссылки, вручили, по весьма важнымъ политическимъ обстоятельствамъ, прежнее его Курляндское герцогство»; 7) Разговоръ Екатерины II съ графомъ Минихомъ, открывающій то происшествіе (сверженіе Петра III), на печатаніе котораго цензура не дала позволенія — исключить.

Далѣе, когда на рѣшеніе Главнаго управленія цензуры была представлена статья «Чиновникъ», назначенная для «Сѣверной Пчелы», то статсъ-секретарь Оленинъ отозвался, что изображенная въ этой

статьѣ картина—забавная и справедливая, но въ печать пустить не можно, ибо цѣлое, и довольно многолюдное сословіе описывается не съ весьма выгодной стороны; всѣ же его недостатки происходятъ отъ недостаточнаго состоянія, а русская добрая пословица говоритъ: «Бѣдность не порокъ». Если бъ это было обращено на одно выдуманное изъ сего сословія лицо, то можно бы пропустить, а на всѣхъ in globo—нельзя». Главное управленіе утвердило (31-го октября 1832 года) это мнѣніе, и статья была запрещена.

Одновременно со всѣми этими запрещеніями шли другія еще инаго характера, именно: политическаго и религіознаго.

Такъ, напримѣръ, съ одной стороны, въ сентябрѣ 1831 года запрещенъ былъ переводъ на русскій языкъ романа Виктора Гюго «Бюгъ-Жаргаль», ибо, говорило Главное управленіе цензуры, «при нынѣшнихъ обстоятельствахъ нельзя допускать печатаніе сочиненій, гдѣ главныя дѣйствующія лица возмущеній выставляются благородными и добродѣтельными людьми»; въ октябрѣ дозволено напечатать сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ: «Einige Worte in inserer vielbewegter Zeit», Виттенберга, но съ пропускомъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ съ похвалою отзывается о французской революціи 1830 года, а въ ноябрѣ слѣдующаго года запрещено печатать переводъ, на русскій языкъ, трагедіи Гёте «Эгмонтъ», ибо въ оной яркими красками представлено возмущеніе нидерландцевъ противъ власти испанскаго короля; дѣлать же въ трагедіи какія-либо значительныя перемѣны цензурный комитетъ не почелъ себя въ правѣ, такъ какъ сочиненіе это относится къ классическимъ произведеніямъ словесности. Съ другой стороны, по предложенію цензора (и извѣстнаго литератора) Сенковскаго, запрещена въ сентябрѣ 1831 г. рукопись: «Ключъ къ еврейской кабалѣ», потому что тутъ, между прочимъ, излагается, безъ всякихъ опроверженій, ученіе Спинозы (пантеизмъ), «что̀ можетъ подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ». Наконецъ, вслѣдъ за тѣмъ, въ октябрѣ, не позволено печатать переводъ баллады Гёте: «Der Gott und die Bayadere», «чтобъ избѣжать могущихъ произойти неприличныхъ примѣненій».

Ободренные новою строгостью и новымъ направленіемъ цензуры, многія частныя лица нашли, въ это время, для себя выгоднымъ и умѣстнымъ поднять и свои жалобы на непозволительные, по ихъ мнѣнію, нападки, противъ нихъ устремленные, и требовали наказанія своихъ противниковъ. Но Главное управленіе цензуры мало обращало вниманія на эти требованія и отказывалось удовлетворять ихъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ 1830 г., нѣкто Исидоръ Салмоновичъ, главный опекунъ надъ имѣніемъ Радзивилловъ въ западныхъ губерніяхъ, написалъ князю Ливену огромное письмо (на французскомъ языкѣ), гдѣ жаловался, что въ польскомъ журналѣ «Баламутъ Петербургскій», какой-то ано-

нимъ обезчестилъ и оклеветалъ его, и предалъ на посмѣяніе цѣлой провинціи, подъ вымышленнымъ именемъ Мехесовича, что имѣло цѣлью представить его человѣкомъ жидовскаго происхожденія (такъ какъ въ Польшѣ простой народъ называетъ перекрещенцевъ мехесами); что въ статьѣ «Баламута» онъ представленъ ябедникомъ, лихоимцемъ, самая наружность его изображена въ каррикатурѣ и, наконецъ, клейменнымъ каторжникомъ. Главное управленіе цензуры признало (9-го сентября 1830 г.), что въ этой статьѣ подъ общими чертами представлены нѣкоторыя злоупотребленія, дѣлаемыя управляющими имѣній и повѣренными въ дѣлахъ, безъ всякихъ указаній и намековъ на какое-нибудь лицо, мѣсто и городъ, и потому не нашло въ вышеозначенномъ сочиненіи ничего, что бы оскорбляло личную честь г. Салмоновича.

Точно такъ же началъ было жаловаться и извѣстный въ свое время Н. И. Гречъ, но на этотъ разъ дѣло приняло такіе размѣры, что доходило даже до высочайшаго воззрѣнія. 10-го іюня 1831 года Гречъ написалъ московскому попечителю, князю С. М. Голицыну слѣдующее любопытное письмо:

«Позвольте мнѣ обратить вниманіе вашего сіятельства на происходящее въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ злоупотребленіе власти и совершенное выпущеніе изъ виду правилъ высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ. Въ Москвѣ нѣкто, Надеждинъ, издаетъ журналъ подъ заглавіемъ «Телескопъ», разсматриваемый и одобряемый къ печатанію цензоромъ Аксаковымъ. Въ семъ журналѣ, подъ именемъ критикъ, помѣщаются самыя гнусныя и непозволительныя ругательства на сотрудника моего, VIII класса Ѳ. В. Булгарина, который, не зная издателя «Телескопа», никогда не видавъ его и не имѣвъ съ нимъ никакихъ сношеній, не могъ подать ему ни малѣйшаго повода къ оскорбленію его лица и характера. Потрудитесь, ваше сіятельство, прочитать статью въ IX-й книжкѣ «Телескопа» на стр. 98—110, и извольте рѣшить: можно ли позволить печатаніе подобныхъ статей въ благоустроенномъ, не-революціонномъ государствѣ? Г. Булгаринъ, писатель, пользующійся справедливо заслуженною извѣстностью въ Россіи, приносящій честь русской литературѣ и въ чужихъ краяхъ, удостоенный за свои сочиненія неоднократнаго благоволенія государя императора, обруганъ въ сей книжкѣ самымъ площаднымъ и постыднымъ образомъ. Онъ живетъ теперь въ деревнѣ своей, въ Лифляндской губерніи, и не имѣетъ возможности, бывъ окруженъ холерными карантинами, прибыть сюда для преслѣдованія сего дѣла. Но я, какъ сотрудникъ и товарищъ его, долгомъ поставляю за него вступиться. Въ первую минуту справедливаго негодованія, я написалъ было жалобу на высочайшее имя, всеподданнѣйше прося правосуднаго монарха о дарованіи честнымъ литераторамъ благотворной его защиты, и былъ твердо увѣренъ, что просьба моя бу-

детъ услышана; но, разсудивъ потомъ, что сіе нарушеніе закона произошло отъ незнанія или злоупотребленія цензорскихъ правилъ устава, и что у цензора есть непосредственное свое начальство, рѣшился обратиться къ вашему сіятельству, какъ предсѣдателю Московскаго цензурнаго комитета, и всепокорнѣйше васъ просить о прекращеніи сихъ непозволительныхъ ругательствъ надъ честными людьми, силою высочайше предоставленной вамъ власти. Что будетъ съ просвѣщеніемъ и литературою Россіи, если всякій наглецъ, всякій дерзкій неучъ будетъ имѣть право всенародно ругать и безчестить писателей, достойныхъ уваженія и благодарности отечества? Сдѣлайте милость, сіятельнѣйшій графъ, прекратите сіе зло въ самомъ корнѣ, ибо если помянутыя ругательства дойдутъ до свѣдѣнія самого г. Булгарина, онъ станетъ искать правосудія выше и, конечно, найдетъ его. Тогда раскаются гнусные клеветники и друзья-покровители ихъ, цензора, забывающіе долгъ свой, но это будетъ уже поздно. Утруждая ваше сіятельство симъ письмомъ, я исполняю сугубую священную для меня обязанность: во-первыхъ, вступаюсь за друга и товарища; во-вторыхъ, обращаю вниманіе благонамѣреннаго начальства на непростительное упущеніе долга подчиненными».

Московскій цензурный комитетъ, которому князь Голицынъ передалъ на разсмотрѣніе жалобу Греча, нашелъ, что въ статьѣ «Телескопа» нѣтъ никакихъ гнусныхъ и непозволительныхъ ругательствъ, какъ выражается г. Гречъ, на сотрудника, друга и товарища его Ѳ. В. Булгарина, никакихъ оскорбленій лицу и характеру сего писателя, пользующагося справедливо заслуженною извѣстностью въ Россіи, потому что, говорилъ онъ, въ упомянутой статьѣ заключается одно только сужденіе о сочиненіяхъ Ѳ. В. Булгарина, и не упоминается даже о имени сего достойнаго мужа; а § 15-й устава о цензурѣ гласитъ, что «цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или несправедливости частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры», что сія послѣдняя, по § 147-у охраняетъ личную честь каждаго отъ оскорбленій и подробности домашней жизни отъ нескромнаго и предосудительнаго обнародованія», и что г. министръ народнаго просвѣщенія, по поводу жалобы статскаго совѣтника Каченовскаго на цензора Глинку, весьма ясно изобразилъ (въ отношеніи 7-го марта 1829 г.). Раздѣляя съ Московскимъ цензурнымъ комитетомъ желаніе, чтобъ вообще литературныя критики въ повременныхъ изданіяхъ русскихъ приняли сколько можно лучшій и приличнѣйшій тонъ, и чтобы въ нихъ соблюдаемы были всѣ условія вѣжливости и учтивости; но не находя въ уставѣ о цензурѣ постановленія, дающаго цензурнымъ комитетамъ права воспрещать по симъ только уваженіямъ литературныя сужденія о книгахъ и ученыхъ изда-

ніяхъ, не выходящія изъ предѣловъ благопристойности и необидныя для нравственности и чести, Главное управленіе цензуры признало, что исправленіе сего недостатка въ литературѣ надлежитъ предоставить вліянію читающей публики и дѣйствію общаго вкуса». Такимъ образомъ, Московскій комитетъ «съ чувствомъ справедливаго негодованія усматривалъ въ дерзкихъ выраженіяхъ письма г. Греча не истинную жалобу, а одну только тяжкую обиду для комитета», а потому просилъ передать все дѣло на усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія. Князь Ливенъ, въ докладѣ о томъ государю императору, соглашаясь съ Московскимъ цензурнымъ комитетомъ и княземъ Голицынымъ, высказывалъ мнѣніе свое, что статья, на которую жалуется Гречъ, относится не къ его сочиненіямъ, а къ сочиненіямъ другаго лица, и не заключаетъ въ себѣ никакого личнаго оскорбленія Булгарину и потому не нарушаетъ устава о цензурѣ. При томъ Гречъ, почитая себя въ правѣ жаловаться на цензуру, долженъ былъ бы принести жалобу узаконеннымъ порядкомъ, не позволяя себѣ дерзкихъ выраженій, нарушающихъ должное уваженіе къ членамъ Московскаго комитета и его предсѣдателю. По прочтеніи этого доклада, «самой статьи «Телескопа» и письма Греча въ подлинникѣ, государь положилъ 29-го іюля 1831 г. слѣдующую резолюцію: «Читалъ и нашелъ, что кромѣ глупой, скучной нелѣпицы ничего въ сей статьѣ нѣтъ; она подобна тому, что въ нашихъ журналахъ считается умомъ, а должно бы было почитаться глупымъ вздоромъ. Напрасно г. Гречъ изволитъ симъ обижаться; на это лучшій отвѣтъ презрѣніе: mais qui se sent morveux se mouche. Вы призовите его къ себѣ, вымойте голову и объясните, что ежели впредь осмѣлится дерзко писать, то вспомнилъ бы, что журналисты сиживали уже на гауптвахтахъ, и что за подобныя дерзости можно и подъ судъ отдать».

Замѣтимъ впрочемъ, что, соображаясь съ лившимися на цензоровъ, учащеннымъ дождемъ, предписаніями объ усиленіи строгости и справедливо опасаясь неминуемой кары за всякое послабленіе и недосмотръ, они, во вторую половину управленія князя Ливена, очень часто простирали свою осторожность и опасливость до того, что Главное управленіе цензуры, министръ и даже иногда самъ императоръ Николай находили ихъ осторожность излишнею и дозволяли безъ затрудненія то, что цензорамъ казалось вполнѣ предосудительнымъ и недозволеннымъ.

Такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1831 г., цензоръ Бутырскій затруднился пропустить стихотвореніе: «Россійскому воинству, по случаю выступленія въ походъ 1831 г.». Главное управленіе цензуры не нашло въ стихахъ ничего предосудительнаго (они выражали только самыя напыщенныя и очень бездарно выраженныя патріотическія чувства), но все-таки положило представить стихи на усмотрѣніе государя императора, «такъ какъ они относятся къ политическимъ обстоятельствамъ

настоящаго времени»; 26-го февраля 1831 г. послѣдовала слѣдующая высочайшая резолюція: «Въ сихъ стихахъ ничего непозволительнаго нѣтъ».

Въ мартѣ, цензоръ Гаевскій, разсматривая рукопись подъ названіемъ: «Замѣчанія на бранчивую статью въ 17-й и 18-й книжкахъ «Московскаго Телеграфа» на 1830 годъ, помѣщенную по случаю изданія г. Бантышъ-Каменскимъ малороссійской исторіи, ст. Руссова», затруднился пропустить ее. С.-Петербургскій цензурный комитетъ, съ своей стороны, нашелъ, что хотя эта рукопись, какъ антикритика, изложена въ самомъ благонамѣренномъ духѣ и не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ, но нельзя ее дозволить, потому что авторъ, оспаривая мнѣніе «Московскаго Телеграфа», приводитъ подлинными словами многія мѣста изъ опровергаемой имъ статьи, а эта послѣдняя, по духу своему, можетъ имѣть вредное вліяніе на умы читателей многихъ областей, съ XVII-го столѣтія возвращенныхъ Россіи. Авторъ утверждаетъ, что малороссіяне, бѣлоруссы, казаки и проч. не русскіе; видитъ въ нихъ особенную народность и мѣстность, называетъ Разина и Пугачева страшными, но тщетными усиліями казацкой свободы; говоритъ о парижанахъ, подъ трехцвѣтною кокардою бравшихъ въ 1789 г. Бастилію и въ 1830 г. Лувръ, и тотчасъ послѣ того о Сѣверо-Американскихъ штатахъ, сражавшихся за гражданскую свободу, какъ бы сравнивая первыхъ съ послѣдними и т. д. Разсматривая это постановленіе, Главное управленіе цензуры признало (9-го марта 1831 г.), что мѣста, несогласныя съ правилами о цензурѣ, приводятся въ статьѣ для опроверженія и показанія несправедливости ихъ, а потому рукопись г. Руссова можетъ быть напечатана.

Московскій попечитель, князь Голицынъ, сдѣлавъ, по просьбѣ какого-то «Общества, состоящаго изъ благородныхъ особъ», распоряженіе по Московскому округу, чтобы въ московскихъ газетахъ ничего не было напечатано о спектакляхъ этого общества въ пользу бѣдныхъ, просилъ (6-го мая 1831 г.) князя Ливена, чтобъ подобное же распоряженіе было сдѣлано и относительно петербургскихъ журналовъ. Главное управленіе цензуры нашло, что эти представленія даются общенародно, на публичномъ театрѣ, и сужденія о такихъ зрѣлищахъ дозволены цензурнымъ уставомъ, а потому признало (18-го мая 1831 г.) неудобнымъ сдѣлать просимое распоряженіе.

Въ маѣ 1831 г., цензоръ Семеновъ представилъ на разрѣшеніе Петербургскому цензурному комитету стихотвореніе Ѳ. Глинки, назначенное для журнала «Гирлянда», подъ заглавіемъ: «На обращеніе государемъ императоромъ воинской чести къ графу Паскевичу-Эриванскому». Послѣдніе два стиха:

Кто болѣе великимъ сталъ:
Кто принялъ честь, или.... кто далъ?

*

цензоръ находилъ неприличными, потому что въ нихъ «сдѣлано сравненіе между государемъ и подданнымъ, которое можетъ подлежать произвольнымъ толкованіямъ». Комитетъ призналъ такое мнѣніе совершенно правильнымъ и представилъ стихи въ Главное управленіе цензуры; но послѣднее не нашло въ нихъ ничего могущаго представлять затрудненіе къ дозволенію ихъ печатать (18-го мая 1831 г.).

Петербургскій цензурный комитетъ, обративъ вниманіе на мѣста, указанныя цензоромъ Семеновымъ въ переводѣ академикомъ Устряловымъ, сочиненія Боплана «Описаніе Украйны», нашелъ, что въ одномъ изъ этихъ мѣстъ описывается жалкое положеніе крестьянъ, которыхъ не только имѣніе, но и самая жизнь находятся во власти помѣщиковъ; въ другомъ, при описаніи пасхальнаго обряда, иронически говорится, что епископъ во время цѣлованія очень хорошо умѣетъ отличать хорошенькихъ дѣвушекъ отъ несмазливыхъ рожицъ, давая послѣднимъ цѣловать только руку свою; далѣе, что въ статьѣ «Объ избраніи королей польскихъ» говорится о частныхъ сеймахъ дворянъ въ каждомъ воеводствѣ; о депутатахъ, выбирающихъ государя на общемъ сеймѣ послѣ предварительнаго между собою соглашенія, дабы право, выражаемое словомъ «не позволямъ», не могло остановить избранія; что въ статьѣ «О вольностяхъ польскаго дворянства» содержатся мысли, показывающія, что дворяне, особенно сильные и богатые, пользуются почти неограниченною властью; наконецъ, что въ статьѣ «О нравахъ польскаго дворянства» оно представлено съ отлично хорошими качествами; сочинитель называетъ польскихъ дворянъ похожими на французовъ и нравами, и врожденною откровенностью, и веселостью; что они вообще добры, щедры, безъ лукавства, не мстительны, устроумны, память имѣютъ отличную и по образованію способны къ великимъ дѣламъ. Поэтому, комитетъ хотя и находилъ, что послѣднія статьи, какъ довольно безпристрастныя и представляющія предметъ съ разныхъ сторонъ, могутъ быть допущены въ печати, но первыхъ двухъ мѣстъ не должно пропускать, ибо первое изъ нихъ «можетъ быть примѣнено къ состоянію нашихъ крестьянъ, а во второмъ обнаруживается неуваженіе къ церковному обыкновенію». Главное управленіе, разсматривая сомнѣнія комитета, рѣшило (13-го октября 1831 г.), что съ предположенными переводчикомъ, Устряловымъ, объясненіями и примѣчаніями, сочиненіе Боплана, какъ твореніе, принадлежащее къ историческимъ памятникамъ, можетъ быть дозволено къ напечатанію въ цѣлости.

Московскій цензоръ Цвѣтаевъ, въ февралѣ 1832 г., не считалъ возможнымъ пропустить въ печать нѣмецкую трагедію «Аттила», потому что тутъ представляется приходъ въ лагерь Аттилы римскаго епископа Льва съ церковною процессіею, т. е. священниками и діаконами, съ хоругвями; епископъ самъ держитъ чашу со святыми дарами, священ-

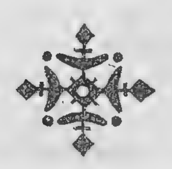
ники и діаконы поютъ церковные стихи по-латыни, какъ-то: Veni Creator, Gloria Deo in excelsis, и проч., между тѣмъ епископъ совершаетъ чудотвореніе прикосновеніемъ св. чаши. По всему этому цензоръ считалъ пьесу неприличною, какъ изображающую на театрѣ церковные обряды и таинства. Московскій цензурный комитетъ, не принявъ протеста, противъ такого мнѣнія, отдѣльнаго цензора Аксакова, представилъ дѣло въ Главное управленіе цензуры, которое признало (1-го марта 1832 г.), согласно съ мнѣніемъ Аксакова, что представленіе на сценѣ священныхъ дѣйствій, церковныхъ лицъ и обрядовъ, конечно, не можетъ быть дозволено; но наблюденіе за симъ принадлежитъ особой театральной цензурѣ, изображеніе же церковныхъ обрядовъ и лицъ въ драматическихъ сочиненіяхъ, если оно согласно съ общими цензурными правилами, можетъ быть дозволяемо точно такъ же, какъ и въ сочиненіяхъ другихъ литературныхъ родовъ.

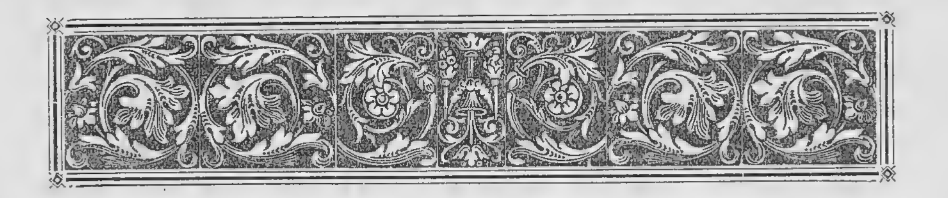
Наконецъ, здѣсь же надобно упомянуть объ одномъ любопытномъ примѣрѣ излишней ревности низшаго цензурнаго вѣдомства. Въ февралѣ 1833 г. Московскій цензурный комитетъ просилъ предписанія отъ Главнаго управленія: не пропускать сочиненій безграмотныхъ и худо, въ литературномъ отношеніи, писанныхъ. Главное управленіе, основываясь на цензурномъ уставѣ, отказало въ такомъ ходатайствѣ, исполненіе котораго, конечно, снова придало бы цензурѣ тотъ деспотическій и произвольный характеръ, который она имѣла при прежнемъ уставѣ.

При этомъ краткомъ обзорѣ главнѣйшихъ между запрещенными книгами, необходимо указать на два интересные предмета. Первый изъ нихъ—опредѣленіе собственными словами одного изъ членовъ главнаго управленія цензуры, въ чемъ именно состояли главныя побудительныя причины запрещеній при оцѣнкѣ иностранныхъ книгъ. Въ концѣ 1831 г. Главное управленіе положило запретить романъ Бальзака «Peau de chagrin», за «опасный его духъ и странныя, дерзкія и непристойныя выраженія и мысли». Статсъ-секретарь Оленинъ протестовалъ противъ этого. Въ запискѣ отъ 21-го ноября 1831 г. онъ писалъ правителю канцеляріи Главнаго управленія, Комовскому: «мнѣ помнится, что мы положили запретить «Peau de chagrin». Между тѣмъ я узналъ, что мы дозволили другой романъ, гораздо хуже перваго, въ которомъ, какъ я его нынѣ пробѣгалъ, ничего нѣтъ революціоннаго, безбожнаго или слишкомъ скоромнаго. Итакъ, прошу удержаться вносить эту статью до будущаго засѣданія». Въ слѣдующемъ же засѣданіи, Главное управленіе согласилось съ Оленинымъ, и романъ Бальзака былъ пропущенъ. Въ заключеніе этого періода, любопытно привести три слѣдующіе факта: первый тотъ, что въ февралѣ 1831 г. запрещена высшею цензурою назначенная для «С.-Петербургскаго Вѣстника» статья объ игрѣ актеровъ въ знаменитой

комедіи «Горе отъ ума» на томъ основаніи, что «рукопись этой комедіи еще не напечатана и составляетъ частную собственность», а между тѣмъ въ Главное управленіе тщетно поступали просьбы о напечатаніи «Горе отъ ума», и даже самъ цензоръ Сенковскій представлялъ (въ февралѣ 1831 г.) о возможности напечатать ее не только въ томъ видѣ, какъ она дается на театрѣ, но даже вполнѣ. Главное управленіе отклоняло и то и другое подъ разными предлогами. Второй фактъ тотъ, что одинъ изъ членовъ Главнаго управленія цензуры, дѣйствительный статскій совѣтникъ Катакази, предложилъ въ декабрѣ 1831 г., по указанію книгопродавцевъ, чтобы впредь не вырѣзывали, а вымарывали въ иностранныхъ книгахъ тѣ мѣста, которыя сочтено было невозможнымъ пропустить въ публику. Предложеніе было принято, и съ тѣхъ поръ положенъ (по крайней мѣрѣ отчасти) конецъ тѣмъ безобразнымъ операціямъ, которыя совершались дотолѣ надъ печатными книгами. Третій фактъ состоялъ въ томъ, что когда въ февралѣ 1833 г., незадолго до выхода князя Ливена изъ министерства, пасторъ Асмутъ просилъ о дозволеніи издавать на ревельско-эстонскомъ нарѣчіи журналъ подъ названіемъ «Извѣстія изъ царства Божія», и просьба эта, по закону, представлена была на высочайшее воззрѣніе, то императоръ Николай написалъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ слѣдующую резолюцію: «Не вижу въ семъ никакой пользы, а названіе журнала нахожу даже совершенно неприличнымъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ моихъ воспоминаній о жизни въ Варшавѣ

въ 60-хъ годахъ.

(По поводу записокъ Паткуль).

Въ 1865 году въ іюнѣ мѣсяцѣ я былъ произведенъ изъ Воронежскаго кадетскаго корпуса въ корнеты Елизаветградскаго гусарскаго полка. По обычаю того времени передъ выпускомъ изъ корпуса намъ предлагали записаться въ одинъ изъ трехъ полковъ по нашему выбору. Зная, что моя матушка можетъ мнѣ давать въ годъ отъ 500—600 рублей, я записался въ три драгунскихъ полка, выбравъ тѣ, которые расположены были ближе къ нашему имѣнію.

Но, не взирая на это, я былъ назначенъ въ Елизаветградскій гусарскій полкъ, расположенный въ то время въ Конинѣ Калишской губерніи. Это было въ самый разгаръ польскаго возстанія, и, очевидно, начальство имѣло въ виду пополненіе офицерскаго состава въ полкахъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ.

Пріѣхавъ въ отпускъ къ матушкѣ въ ея имѣніе, я засталъ тамъ старшаго брата, офицера лейбъ-гвардіи Уланскаго его величества полка, находившагося по болѣзни въ одиннадцати-мѣсячномъ отпуску. Между тѣмъ во время нахожденія его въ отпуску уланы его величества были переведены изъ Новгородской губерніи въ Варшаву, и намъ обоимъ пришлось ѣхать вмѣстѣ въ царство Польское. Мою мать и брата осѣнила мысль о прикомандированіи моемъ для совмѣстнаго служенія съ братомъ, смотрѣвшимъ тогда уже въ эскадронные командиры, къ Уланскому его величества полку. Матушка говорила, что я очень молодъ, и что мнѣ легче будетъ начать свою службу подъ руководствомъ старшаго

брата и что намъ, какъ людямъ не богатымъ, дешевле будетъ стоить совмѣстная жизнь. Жалованье въ то время корнеты получали—279 руб. въ годъ, а при 500—600 рубляхъ изъ дому, и совершенно не зная счета денегъ, я считалъ себя чуть не Крезомъ. Увы!! Какъ скоро я въ этомъ разочаровался!

Мы пріѣхали въ Варшаву въ началѣ августа 1863 года. Благодаря содѣйствію генерала барона Стюрлера, состоявшаго въ то время при великомъ князѣ—намѣстникѣ Константинѣ Николаевичѣ, мое прикомандированіе къ Уланскому его величества полку, который незадолго передъ тѣмъ сданъ былъ барономъ Стюрлеромъ графу Крейцу, состоялось очень скоро, такъ что я въ Елизаветградскій полкъ вовсе не являлся и представился командиру полка Фелькерзаму.

Свободныхъ квартиръ въ казармахъ лейбъ-гвардіи Уланскаго его величества полка въ то время не оказалось, и мы съ братомъ наняли квартиру въ Варшавѣ на Журавой улицѣ.

Непривлекательна была жизнь офицеровъ: въ то время офицерскаго собранія не существовало вовсе. Была скромная столовая, и при ней маленькая читальная комната; но кухня была ниже всякой критики, такъ что приходилось послѣ утреннихъ занятій въ полку торопиться въ городъ, гдѣ можно было бы хорошо поѣсть; но это обходилось дорого. Большимъ удовольствіемъ для офицеровъ были прогулки въ Лазенковскомъ паркѣ, Ботаническомъ и Саксонскомъ садахъ. Но знакомствъ въ семейныхъ домахъ заводить было почти невозможно: польское общество отъ насъ совсѣмъ отворачивалось. Говорили, что въ провинціальныхъ городахъ польское общество допускало въ свои дома офицеровъ, но пріемы эти дѣлались или по какимъ-либо соображеніямъ съ цѣлью эксплоатаціи знакомствъ съ офицерами, или же въ видахъ матримоніальныхъ, такъ какъ небогатая шляхта, или чиновничество не прочь были выдать смазливенькую паненку за пана-офицера. Русскихъ чиновниковъ тогда въ Варшавѣ было очень мало и только съ 1866 года, т. е. со времени введенія въ царствѣ Польскомъ реформъ по гражданскому вѣдомству, въ Варшавѣ появились русскія семьи. Жены офицеровъ гвардейскаго отряда, прибывшаго въ Варшаву въ 1862 году, оставались по большей части еще на прежнихъ мѣстахъ, во-первыхъ, по затруднительности переѣзда, а, во вторыхъ, потому, что возстаніе было еще въ полномъ разгарѣ, а въ самой Варшавѣ происходили время отъ время жуткія, кровавыя событія. По неволѣ офицерамъ приходилось вести жизнь бульварную и ресторанную. Но безцѣльное шатаніе по садамъ, да посѣщенія кондитерскихъ съ ихъ неизбѣжными бильярдами, наводили страшную тоску. Были, правда, театры; но опера въ то время, исключительно польская, была поставлена крайне неудовлетворительно.

Балетъ не имѣлъ замѣтныхъ балеринъ, но кордебалетъ былъ очень

не дуренъ. За то драматическій театръ былъ вполнѣ хорошъ, такъ какъ въ то время на немъ подвизались такіе корифеи,какъ Жулковскій, Круликовскій, Рапацкій, Моджеевская, Бакаловичъ и Попель. Не зная хорошо польскаго языка, офицеры чаще всего посѣщали балетъ и по принятому обычаю занимали мѣста только въ первыхъ рядахъ креселъ, а потому частыя посѣщенія театровъ обходились дорого и для очень многихъ были недоступны. Слѣдовательно, молодежь всё-таки принуждена была вращаться въ общественныхъ садахъ да усердно посѣщать цукерни.

Хотѣлось бы душу отвести въ хорошемъ семейномъ домѣ, но таковаго у меня не было, а я очень любилъ общество. Хотя воспитывался въ закрытомъ учебномъ заведеніи, но ѣзжалъ въ отпускъ къ матушкѣ, гдѣ былъ окруженъ многочисленной и веселой семьей. Въ сосѣдствѣ было много помѣщиковъ, отчасти родственниковъ, отчасти хорошихъ знакомыхъ и друзей, которые усердно навѣщали насъ, а мы ихъ и весело проводили время. Кромѣ того, и въ корпусѣ въ старшихъ классахъ я имѣлъ возможность вращаться въ обществѣ. Незабвенный нашъ директоръ корпуса Александръ Ивановичъ Ватаци меня очень ласкалъ, бралъ къ себѣ въ отпускъ, и онъ и его супруга относились ко мнѣ, какъ родные. У нихъ всегда можно было встрѣтить хорошее общество. Тогдашній губернаторъ Михаилъ Ивановичъ Чертковъ постоянно приглашалъ къ себѣ и въ Дворянское собраніе кадетъ хорошихъ танцоровъ, и мы имѣли возможность пріобрѣтать новыя знакомства и бывать во многихъ семейныхъ домахъ.

Въ то время въ Варшавѣ было много русскихъ семей, но это были все варшавскіе старожилы, которые, вслѣдствіе продолжительнаго общенія съ польской аристократіей, не очень были расположены близко сходиться съ прибывающими изъ внутреннихъ губерній русскими. Семьи эти держали себя крайне чопорно и недоступно. Наконецъ, счастье мнѣ улыбнулось. Въ С.-Петербургскомъ гренадерскомъ полку, входившемъ въ составъ гвардейскаго корпуса, было нѣсколько моихъ товарищей по выпуску. Полкомъ этимъ командовалъ Павелъ Петровичъ Карцовъ. Онъ и его супруга Александра Петровна (рожденная Чайковская) были страстными театралами. Они постоянно устраивали любительскіе спектакли и у себя въ полку и впослѣдствіи въ русскомъ собраніи. Мои товарищи рекомендовали Карцовымъ меня, какъ отличавшагося еще въ Воронежскомъ корпусѣ игрою на любительскихъ спектакляхъ. Благодаря этому я сталъ бывать у Карцовыхъ, участвуя въ спектакляхъ. Карцовы оказались радушными, обходительными людьми, у которыхъ въ ихъ громадной квартирѣ, въ Сапежинскихъ казармахъ, всегда можно было найти большое общество. Тамъ бывали офицеры разныхъ полковъ и масса лицъ, какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ.

Непринужденность и веселье всегда поддерживались радушными хозяевами. Пользуясь этимъ знакомствомъ, да еще постоянно участвуя въ любимомъ моемъ развлеченіи, любительскихъ спектакляхъ, я ожилъ душой, освѣжился, чувствуя себя какъ нельзя лучше.

Такъ продолжалось года два.

П. П. Карцовъ былъ назначенъ начальникомъ дивизіи и переѣхалъ съ семьей въ Радомъ. Для меня опять начались безцѣльныя шатанья по садамъ, ресторанамъ, да изрѣдка посѣщеніе театра. Въ концѣ концовъ я сталъ опасаться, что совсѣмъ отвыкну отъ общества и окончательно одичаю. Значительно развлекала меня охота съ собакой. Я былъ страстнымъ охотникомъ; а въ то время нашему брату офицеру почти не было запрета охотиться во всѣхъ окрестностяхъ Варшавы, и я скитался по полямъ очень усердно.

Такъ тянулось время до 1866 года. Въ царствѣ Польскомъ начали вводить реформы по разнымъ отраслямъ гражданскаго управленія. Стало появляться много русскихъ чиновниковъ съ семьями. Устроился и Русскій клубъ въ домѣ Замойскаго, который былъ конфискованъ послѣ покушенія на графа Берга.

Въ 1866 году я былъ переведенъ въ лейбъ-гвар. Уланскій его величества полкъ, но, къ своему крайнему огорченію, недостатокъ матеріальнаго обезпеченія съ одной стороны, а съ другой слабое здоровье, заставили меня скоро выдти въ отставку, но къ счастію я получилъ должность въ самой же Варшавѣ, дававшую мнѣ весьма приличное содержаніе.

Осенью 1865 года въ Русскомъ собраніи начались балы. На одномъ изъ такихъ вечеровъ, войдя въ залъ, я увидѣлъ въ небольшомъ кружкѣ дамъ,—женщину большаго роста, пожилую, красивую собой и прекрасно сохранившуюся. Одѣта она была нарядно, но безъ излишнихъ украшеній. Всѣ ея движенія, манеры были полны достоинства и спокойствія. Выраженіе лица было самоувѣренно-спокойно и нѣсколько горделивое. Но, при всемъ этомъ, какъ ея манеры, такъ и выраженіе лица были необыкновенно естественны, такъ что, при самомъ внимательномъ наблюденіи, въ немъ невозможно было замѣтить ничего дѣланнаго, натянутаго. Дама эта производила большое впечатлѣніе и невольно привлекала къ себѣ. Вскорѣ ко мнѣ подошелъ мой бывшій товарищъ по лейбъ-гвар. Уланскому полку и предложилъ мнѣ быть представленымъ нѣкоторымъ дамамъ и барышнямъ. Между прочимъ онъ представилъ меня, заранѣе спросивъ на то разрѣшеніе, и m-lle Паткуль.

Послѣ тура вальса и короткаго разговора m-lle Паткуль сказала мнѣ:

— Пойдемте, я вас представлю моей мамѣ.

Я слѣдовалъ за ней, а она шла прямо къ той дамѣ, которая ме-

ня поразила при входѣ въ залъ. Признаюсь, чувство не то что робости, а какъ бы нѣкотораго смущенія овладѣло мною въ то время, когда меня представляли. Но при первыхъ же звукахъ голоса m-me Паткуль я уже совсѣмъ успокоился, и поддаваясь чарующей привѣтливости и непринужденности, незамѣтно проговорилъ съ нею долѣе, чѣмъ это обыкновенно бываетъ при первомъ знакомствѣ. Она просила меня бывать у нихъ. Былъ я въ тотъ же вечеръ представленъ и воспитанницѣ m-me Паткуль Августинѣ Ивановнѣ Линдросъ.

На другой же день отправился къ нимъ. Они занимали громадную квартиру въ томъ же домѣ Замойскаго, только въ другомъ дворѣ.

Я былъ принятъ просто, любезно и тотчасъ, завязался непринужденный разговоръ.

— Пойдемте я васъ познакомлю съ мужемъ!—сказала Марія Александровна,—и ввела меня въ кабинетъ, гдѣ и представила Александру Владиміровичу Паткуль.

Когда я откланивался, Марія Александровна просто и любезно сказала:

— Пожалуйста, посѣщайте насъ запросто. Не ожидайте особыхъ приглашеній,—исключая экстренныхъ случаевъ. Мы особыхъ пріемовъ не дѣлаемъ, но очень любимъ, когда насъ посѣщаютъ запросто, не ожидая приглашеній. Сами мы рѣдко бываемъ въ гостяхъ и, во всякомъ случаѣ, кто-нибудь изъ семьи находится дома. По вечерамъ вы можете быть увѣрены, что найдете у насъ кого-нибудь изъ знакомыхъ. Будемъ очень рады, если вамъ понравится бывать у насъ, а мѣриломъ этого будетъ ваше частое посѣщеніе нашего дома.

Я не только не могъ отказать себѣ въ удовольствіи часто бывать у Паткуль, но положительно сталъ ощущать въ этомъ непреодолимую потребность. Да и не я одинъ получилъ такую привязанность и влеченіе къ этой превосходной семьѣ.

Жили они просто, никакихъ роскошей себѣ не позволяли, а между тѣмъ я не помню случая, чтобы, зайдя къ Паткуль, я не нашелъ тамъ нѣсколько человѣкъ гостей.

Причиной этому было все то же радушіе хозяевъ, все та же безъискусственная любезность, съ которыми они безразлично относились ко всѣмъ, какъ высокопоставленнымъ, такъ и къ мелкимъ сошкамъ, какъ къ старикамъ, такъ и къ молодымъ людямъ.

Время проводилось въ домѣ Паткуль очень разнообразно. Пѣли, играли на роялѣ, часто устраивались танцы, чтенія и любительскіе спектакли.

По временамъ устраивались чуть не форменные концертные вечера.

Знакомства и связи Паткуль были громадны. Въ Варшавѣ, гдѣ

Паткуль командовалъ дивизіей, его постоянно навѣщали всевозможные высокопоставленные сановники, которымъ приходилось бывать въ Варшавѣ.

Случалось мнѣ видѣть Марію Александровну на парадныхъ балахъ у графа Берга въ зáмкѣ, гдѣ бывали сливки польской аристократіи и высшее русское общество.

Интересно было наблюдать дамъ, когда съ ними заговаривалъ графъ Бергъ. Польки-аристократки неизмѣнно сохраняли жеманно-горделивый видъ и, послѣ разговора съ графомъ, надменно обводили глазами публику. Ихъ вѣчно натянутыя манеры производили непріятное впечатлѣніе. Русскія дамы, за немногимъ исключеніемъ, казались совершенно осчастливленными обращеніемъ съ ними графа-намѣстника. Совсѣмъ иначе держала себя Марія Александровна Паткуль. Отвѣчая на любезное обращеніе къ ней графа-намѣстника съ почтительною привѣтливостію, она сохраняла полное достоинство; но все это было у нея необыкновенно естественно, такъ что не выдержка виднѣлась въ этомъ, а просто вкоренившаяся съ малолѣтства привычка къ такому тону.

Домъ Паткуль, вся ихъ семья были не только безконечно симпатичны, но и дороги тѣмъ, кто у нихъ бывалъ и пользовался ихъ вниманіемъ и лаской.

Скажу болѣе, для молодыхъ людей, знакомство съ семьей Паткуль имѣло даже воспитательное значеніе, особенно на чужбинѣ, каковой была для насъ Варшава. Въ семьѣ Паткуль мы отдыхали душой. Проводя вечеръ въ этомъ домѣ, каждый находилъ нравственное удовлетвореніе и переставалъ чувствовать вкусъ къ бурнымъ, безпорядочнымъ развлеченіямъ. Я знавалъ такихъ молодыхъ людей, которые имѣли довольно дурныя наклонности, но, попавъ въ домъ Паткуль, совершенно измѣняли свои вкусы и становились вполнѣ людьми общества.

Вотъ почему и теперь, если встрѣтишься со старыми знакомыми, бывавшими со мной въ домѣ Паткуль, невольно вспоминаешь тогдашнее житье-бытье и съ безграничной благодарностью вспоминаешь эту достойную семью.

С. Фонъ-Дерфельденъ.

Письма императрицы Маріи Θеодоровны

къ великимъ князьямъ

Николаю и Михаилу Павловичамъ[1]).

Num. 14.

Ce 29 Mai 1815. Samedi.

Voici deux mots par la poste, mes bons amis, pour vous dire le bonjour et me rappeler à votre souvenir, car je crains que vu toutes les distractions qui vous entoureront vous aurez peu de moments à donner à nous autres. Il fait un temps des dieux, et nous avons passé immédiatement de la gelée aux chaleurs des canicules. J'ai monté à cheval ce matin, et ma bête m'a fait grand plaisir, car elle allait à merveille; j'ai vu avant-hier votre joli cheval, cher Nicoche, et Witte m'en a dit grand bien. La soirée d'hier s'est passée à nous promener en ligne, la chaleur étant extrême, et nous avons soupé au Pavillon des roses; le comte Miloradovitch était notre seul cavalier, et Nélédinski: le premier nous quitte ce soir, les régiments partant demain: ce sont les chevaliers-gardes et le régiment Araktchéief. J'ai dit hier à la comtesse Orlof que je vous avais fait ses compliments; elle m'a parlé de vous avec bien de l'intérêt; c'est une bien aimable personne qui gagne de plus en plus à être connue: elle a un comme-il-faut qui captive. Rien au monde à vous mander du reste, mes bons amis: je vous ai écrit hier soir par le fils de Villamof. Il me paraît que quand vous n'êtes pas avec nous, tout est mort autour de nous: rien n'est animé, et mon petit jardin surtout; mes appartements,

---

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1902 г.

où je distinguais si bien vos voix, surtout celle du patriarche, me donnent mille souvenirs qui me vont au cœur. Enfin cet heureux temps reviendra, s'il plaît à Dieu, et nous en jouirons alors avec d'autant plus de bonheur que nous oserons espérer que la paix sera établie solidement. Adieu, chers et bons enfants, je vous embrasse de tout, tout mon cœur et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf et mes compliments à vos messieurs. Dites au bon Rühl que j'ai commencé le petit-lait aujourd'hui.

29-го мая 1815 г., суббота.

(Переводъ). Пишу вамъ нѣсколько словъ по почтѣ, добрые друзья мои, чтобы привѣтствовать васъ и напомнить о себѣ, такъ какъ я боюсь, что при всевозможныхъ развлеченіяхъ, коими вы окружены, у васъ найдется не много свободныхъ минутъ для насъ. Погода стоитъ божественная; послѣ морозовъ у насъ сразу наступили чисто лѣтнія жары. Я каталась сегодня утромъ верхомъ и была очень довольна своей лошадью, такъ какъ она скакала превосходно. Я видала третьяго дня вашу хорошенькую лошадку, дорогой Никошъ. Виттъ очень хвалилъ мнѣ ее. Вчера вечеромъ мы катались въ линейкахъ, было очень жарко, и мы ужинали въ Розовомъ павильонѣ. Единственными нашими кавалерами были гр. Милорадовичъ и Нелединскій: первый покидаетъ насъ сегодня вечеромъ, такъ какъ кавалергарды и полкъ Аракчеева выступаютъ завтра. Я сказала вчера графинѣ Орловой, что я передала вамъ ея поклонъ. Она говорила о васъ съ большимъ участіемъ. Это прелестная особа, которую цѣнишь все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ узнаешь ее ближе; въ ней есть какое-то благородство, которое плѣняетъ. Впрочемъ, добрые друзья мои, я не имѣю ничего сообщить вамъ: я писала вамъ вчера вечеромъ съ сыномъ Вилламова. Когда васъ нѣтъ съ нами, все вокругъ насъ кажется мнѣ мертвымъ: ничто не оживлено, въ особенности мой садикъ и мои комнаты, гдѣ мнѣ такъ и слышатся ваши голоса, въ особенности голосъ патріарха; они вызываютъ во мнѣ тысячу воспоминаній, которыя трогаютъ меня до глубины души. Но, Богъ дастъ, это счастливое время вернется, и мы будемъ наслаждаться имъ съ тѣмъ большимъ восторгомъ, что у насъ будетъ надежда на прочный миръ. Прощайте, добрыя и дорогія дѣти мои, цѣлую васъ отъ всего, отъ всего сердца и тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Передайте сердечный привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ вашимъ кавалерамъ. Скажите доброму Рюлю, что я начала сегодня пить сыворотку.

Num. 15.

Ce Dimanche, 30 Mai 1815.

J'ai beaucoup à vous mander ce soir, mes chers et bons amis, mais en premier lieu laissez moi vous embrasser et vous presser contre mon cœur. J'ai prié Dieu pour vous avec ardeur à la messe; toutes mes pensées sont tournées vers vous, et je vous avoue que bien souvent dans la journée les larmes m'ont sauté aux yeux à votre souvenir. Ma lettre d'hier est partie par la poste. La soirée n'a rien offert d'intéressant. Le comte Litta et M-r Willey (?) ont été des nôtres; nous nous sommes promenés à pied et avons soupé au Pavillon des roses. Pour la matinée d'aujourd'hui nous l'avons commencée à aller, la comtesse, Annette, Auguste et moi, au Pavillon d'Élisabeth, où nous avons déjeuné et jasé en portant nos pensées sur le présent et l'avenir. Il m'est arrivé beaucoup de monde pour la messe et davantage encore pour le dîner: j'ai vu le prince Lopukin, M-r Popof, Chischkof, Mordwinof, le marquis de Traversé; Uvarof et sa femme, Betencourt et sa famille, Tufäkin père et fils, Adodourof, Donaourof, Démidof et sa femme, le prince Galitzin, Olénin; en généraux M-r d'Araktchéief, Potemkin, Chrapowitzki, Bistrom, Knägenin, Richter, Tschalikof, Dépréradovitsch, Rosen, un général Lövenstern, d'artillerie, et M-r de Taube de l'artillerie. Mes enfants, que j'ai pensé à vous! j'ai distribué vos compliments. Chrapovitzki prend sa femme avec lui: il se porte bien et a bonne mine; Taube m'a remis le paquet ci-joint pour vous, cher Michel, et m'a beaucoup parlé de vous. Je verrai encore ces messieurs; mais j'ai pris congé après le dîner dans ma chambre de Tschalikof, de Bistrom, de Richter, de Knägnin; les trois premiers, surtout Bistrom, étaient très émus, et j'avoue qu'étant moi-même peinée de ce congé, son émotion m'a beaucoup touchée. Le régiment des chevaliers-gardes a quitté la ville et est arrivé à sa première couchée à Czarskoe Sélo: demain ils seront à Gatschina et y resteront une journée. Le g(énéral) Dépréradovitsch m'a conté un accident fâcheux arrivé à un de mes anciens pages, M-r Ivaschin, qui ce matin au Te Deum en tirant son épée eut son cheval effarouché qui le jeta à bas, et il se cassa le bras. Il m'a assuré cependant que d'après les nouvelles qu'il en avait reçues il n'y avait pas de danger, mais c'est déjà la seconde fois que ce pauvre jeune homme a eu ce malheur; sa mère est en ville et très malade, Dépréradovitch était aussi inquiet pour elle. Le pauvre Anrep est venu dire adieu à sa soeur, je l'ai fait dîner chez moi. Pour la soirée tous les militaires et grands seigneurs m'ont quittée, il ne nous reste que Potemkin. J'ai oublié de vous nommer encore au nombre des personnes qui me sont arrivés Sabloukof et sa fille, Mitussof et Chakofskoi; vous voyez, mes bons amis, que nous étions grande

société, comme vous aimiez à la voir à Pawlowsk. Toute cette semaine sera consacrée aux adieux. Je ne sais si je vous ai déjà conté, mes enfants, qu'il ne reste pas un des vieux chasseurs de la garde en arrière, pas même celui qui était destiné au nombre des 12 que je veux prendre chez moi des invalides de la garde; il a dit à Bistrom qu'il voulait venir chez moi après la guerre, mais que présentement il fallait marcher; j'ai prié Sipiaguine de lui dire qu'alors il recevra la double paye chez moi. Tous les 39.000 hommes qui passent par mes terres recevront de moi pour les trois jours trois livres de viande et trois portions d'eau-de-vie: ils ont désiré le recevoir en argent, disant qu'alors au lieu de manger cela dans 3 jours ils en auraient pour six: j'ai rempli leurs désirs. Messieurs les officiers et généraux sont nourris et défrayés de même à mes frais; j'espère qu'ils seront bien et que tout sera en ordre, car j'ai prié le bon comte Tolstoi de faire les arrangements nécessaires pour cela. Votre cuisinier est retourné, mes chers enfants, je l'ai vu aujourd'hui, lui ai fait vos remercîments et lui ai fait mon présent en argent et j'ai ajouté en sus une montre. Nous avons passé l'après-dîner à examiner le beau monument persan de M-r Usley qui m'a beaucoup intéressée et qui est véritablement une belle chose par la finesse du dessin et son admirable exécution. Pour la soirée nous avons fait un tour en ligne, mais il faisait tant de poussière, que j'ai abrégé la promenade. Nous avons soupé au Pavillon des roses: mais, chers amis, que ce Pavillon des roses me paraît changé, il n'a plus l'agrément à mes yeux qui l'embellissait l'anneé passée, l'espoir d'y voir et d'y fêter notre cher Alexandre, de vous y voir, mes bons amis, partager mon bonheur de la fin de la guerre et de votre heureux retour à vous tous. Enfin les décrets de la Providence sont impénétrables, et nous pauvres faibles humains, nous ne devons pas nous permettre de les juger, mais nous soumettre à Sa sainte volonté: c'est la grâce que je demande journellement à l'Être suprême de m'accorder. Bonsoir, mes bons amis, je vous embrasse mille fois et vous donne toutes mes bénédictions.

Ce Lundi, 31 Mai.

Je n'ai pas monté à cheval, mes chers enfants, parce que c'est jour de courrier, et qu'ainsi il faut avoir la plume à la main. J'ai été un instant au Pavillon des roses, la salle s'achemine à la fin; elle sera plus jolie et plus fraîche qu'elle ne l'était l'année passée, car tout sera bien placé, et tout est bien raccommodé et rafraîchi; mon jardin s'embellit par la verdure, mais je vous avoue que je suis tout étonnée de m'y trouver, d'en jouir sans pour ainsi dire m'en occuper, car mes pensées sont au bord du Rhin. Cher Nicoche, j'ai rêvé de vous cette nuit, un rêve qu'on me dit être de la plus heureuse augure pour vous: quoique je tâche de n'être pas superstitieuse, je veux croire à cette explication parce qu'on

vous prédit du bonheur! J'espère qu'il sera votre partage, Nicoche, tant comme le vôtre, cher Michel, car jamais mon coeur ne séparera ces deux chers êtres; mes sentiments pour vous sont si bien confondus, qu'en pensant à l'un, en m'occupant de l'un, je pense et m'occupe en même temps de l'autre. Adieu, mes chers enfants. Tous les habitués me chargent de mille choses pour vous. Remettez les incluses à papa Lamsdorf en l'embrassant en mon nom. Mes compliments à vos messieurs. Le g(énéral) Akverdof est des nôtres depuis avant-hier: il a dîné hier chez moi. Adieu, mes bons amis, toute à vous de coeur et d'âme. Je vous donne mille bénédictions.

Marie.

Воскресенье, 30-го мая 1815 г.

(Переводъ). Я имѣю многое сообщить вамъ сегодня вечеромъ, добрые и дорогіе друзья мои; но прежде всего дайте мнѣ обнять васъ и прижать къ моему сердцу. Я горячо молилась за васъ за обѣдней, мысленно была съ вами, и, признаюсь, при воспоминаніи о васъ, слезы не разъ навертывались у меня сегодня на глаза. Мое вчерашнее письмо отправлено по почтѣ. Вечеромъ не было ничего интереснаго. У насъ были гр. Литта и Вилліе (?), мы гуляли пѣшкомъ и ужинали въ Розовомъ павильонѣ. Сегодня утромъ графиня, Аннета, Августъ и я отправились прежде всего въ Елисаветинскій павильонъ, гдѣ мы позавтракали и поболтали, думая о настоящемъ и о будущемъ.—У меня было много гостей за обѣдней и еще больше къ обѣду. Я видѣла князя Лопухина, г. Попова, Шишкова, Мордвинова, маркиза де-Траверсе; Уварова и его жену, Бетанкура съ его семействомъ, Тюфякиныхъ отца и сына, Адодурова, Донаурова, Демидова и его жену, князя Голицына, Оленина; изъ генераловъ: гг. Аракчеева, Потемкина, Храповицкаго, Бистрома, Княжнина, Рихтера, Чаликова, Депрерадовича, Розена, артиллерійскаго генерала Левенштерна, артиллериста Таубе.—Дѣти мои, какъ много я думала о васъ! Я передала ваши поклоны. Храповицкій беретъ съ собою жену; онъ здоровъ и имѣетъ прекрасный видъ; Таубе передалъ мнѣ прилагаемый при семъ пакетъ для васъ, дорогой Михаилъ, и много говорилъ о васъ. Я еще увижу этихъ господъ, но я простилась послѣ обѣда у себя въ комнатѣ съ Чаликовымъ, Бистромомъ, Рихтеромъ, Княжнинымъ; три первые были очень взволнованы, Бистромъ въ особенности. Такъ какъ меня самоё очень огорчаетъ эта разлука, то, признаюсь, я была весьма тронута его волненіемъ. Кавалергардскій полкъ выступилъ изъ столицы и прибылъ на первый ночлегъ въ Царское Село. Завтра они будутъ въ Гатчино и проведутъ тамъ день.

Генералъ Депрерадовичъ разсказалъ мнѣ о прискорбномъ случаѣ съ однимъ изъ моихъ бывшихъ пажей, Ивашевымъ. Сегодня утромъ, во время молебствія, его лошадь испугалась въ то время, когда онъ обнажилъ саблю, сбросила его на землю, и онъ сломалъ себѣ руку. Депрерадовичъ увѣрялъ меня однако, что опасности, какъ ему сообщили, нѣтъ; этого молодаго человѣка второй разъ постигаетъ подобное несчастье; его мать въ городѣ опасно больна, Депрерадовичъ очень безпокоится и за нее. Бѣдный Анрепъ пріѣзжалъ проститься со своей сестрою; я оставила его обѣдать. Подъ вечеръ всѣ военные и придворные разъѣхались, съ нами остался только Потемкинъ. Я забыла назвать вамъ еще нѣкоторыхъ лицъ, бывшихъ у меня: Саблукова съ дочерью, Митусова и Шаховскаго. Какъ видите, добрые друзья мои, у меня собралось большое общество, какъ вы это любили въ Павловскѣ. Вся эта недѣля будетъ посвящена прощаньямъ. Не знаю, говорила ли я уже вамъ, дѣти мои, что ни одинъ изъ старыхъ егерей не остается тутъ, даже и тотъ, котораго я хотѣла взять къ себѣ въ числѣ 12 изъ инвалидовъ гвардіи. Онъ сказалъ Бистрому, что хочетъ поступить ко мнѣ послѣ войны, но что въ настоящее время онъ долженъ идти въ походъ. Я просила Сипягина сказать ему, что онъ получитъ тогда отъ меня двойное жалованье; всѣ 39.000 человѣкъ, которые пройдутъ по моимъ владѣніямъ, получатъ отъ меня на три дня по три фунта мяса и три чарки водки. Они пожелали получить это деньгами, говоря, что имъ хватитъ этого такимъ образомъ не на 3 дня, а на 6. Я исполнила ихъ желаніе. Господа офицеры и генералы будутъ также на моемъ иждивеніи; надѣюсь, что имъ будетъ хорошо и что во всемъ будетъ соблюденъ порядокъ, такъ какъ я просила добраго графа Толстаго сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія. Вашъ поваръ вернулся, дорогія дѣти мои. Я видѣла его сегодня, поблагодарила его и дала ему денегъ и сверхъ того подарила ему часы. Послѣ полудня мы осматривали прекрасный персидскій памятникъ г. Услея, который чрезвычайно заинтересовалъ меня; по тонкости рисунка и великолѣпному выполненію, это по истинѣ превосходная вещь. Вечеромъ мы совершили прогулку въ линейкѣ, но было дотого пыльно, что я сократила прогулку; мы ужинали въ Розовомъ павильонѣ. Но, дорогіе друзья мои, какъ этотъ павильонъ измѣнился: въ моихъ глазахъ онъ не имѣетъ уже того очарованія, какъ въ прошломъ году, когда ему придавала особую прелесть надежда видѣть въ немъ нашего дорогаго Александра и привѣтствовать его, надежда видѣть тамъ васъ, мои добрые друзья, раздѣлить вашу радость по случаю окончанія войны и благополучнаго всѣхъ васъ возвращенія. Но пути Господни неисповѣдимы, и мы, слабые смертные, не должны позволять себѣ судить о нихъ; мы должны только покоряться Его святой волѣ: и я молю ежедневно Создателя даровать мнѣ эту ми-

лость. Прощайте, добрые друзья мои, цѣлую васъ тысячу разъ и посылаю вамъ свое благословеніе.

31-го мая. Понедѣльникъ.

Я не каталась верхомъ, дорогія дѣти; такъ какъ сегодня отправляется курьеръ, поэтому нужно сидѣть съ перомъ въ рукахъ. Я была на минуту въ Розовомъ павильонѣ; отдѣлка зала наконецъ подвинулась впередъ; оно будетъ красивѣе и свѣжѣе прошлогодняго, такъ какъ все будетъ установлено какъ слѣдуетъ и все починено и обновлено. Мой садъ украсился зеленью, но, признаюсь вамъ, меня какъ-то удивляетъ сознаніе, что я нахожусь въ немъ и наслаждаюсь имъ, такъ сказать, совершенно имъ не занимаясь, ибо всѣ мои мысли на берегахъ Рейна. Дорогой Никошъ, я видѣла васъ сегодня во снѣ; я видѣла сонъ, который можно принять, какъ мнѣ сказали, за самое лучшее предзнаменованіе для васъ. Хотя я стараюсь не быть суевѣрной, но готова повѣрить этому объясненію, такъ какъ вамъ предвѣщаютъ счастье! Надѣюсь, что оно будетъ вашимъ удѣломъ, Никошъ, равно какъ и вашимъ, дорогой Михаилъ, ибо мое сердце никогда не разъединяетъ этихъ двухъ дорогихъ существъ; мои чувства къ вамъ такъ слились, что, думая и заботясь объ одномъ, я думаю вмѣстѣ съ тѣмъ и забочусь о другомъ. Прощайте, дорогія дѣти мои. Всѣ наши завсегдатаи поручили мнѣ передать вамъ ихъ привѣтъ. Передайте прилагаемыя при семъ письма папашѣ Ламсдорфу и обнимите его за меня. Мой поклонъ вашимъ кавалерамъ. Генералъ Ахвердовъ пріѣхалъ сюда третьяго дня; онъ обѣдалъ вчера у меня. Прощайте, добрые друзья мои, ваша душою и сердцемъ; тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Num. 15 a.

Ce 1 Juin 1815. Pawlovsk.

Je vous écris, mes bons amis, après une promenade charmante que je viens de faire avec Annette et la comtesse Orlof; nous sommes sorties à cheval, quoique le temps fût des plus désagréables, car le vent et le froid étaient sensibles comme au mois de Septembre; mais ayant beaucoup trotté et le soleil paraissant, nous avons réussi à avoir chaud. J'ai regretté, mes amis, que vous ne fussiez pas des nôtres; cela vous aurait fait plaisir, et certainement vos chevaux auraient fait quelques bonnes lançades. La comtesse Orlof montait un cheval noir charmant; elle est à peindre à cheval, c'est une bien aimable personne sous tous les rapports, et je regrette beaucoup de la voir sur son départ. Elle est d'une société des plus agréables, je désirerais qu'elle puisse se fixer chez nous pour toujours. La soirée d'hier a été très

*

agréable, nous sommes rentrés de la promenade, le vent étant froid, nous avons fait une partie de macao, et Kurakin était de belle humeur. J'ai fait une fortune immense, cela excita notre bon «Такъ такъ», mais dès longtemps je ne l'ai vu si bien disposé. Aujourd'hui je donne mon dîner d'adieu à nos messieurs les officiers d'hussards qui ont tenu la garde ici; ils partent après-demain: que Dieu les conduise; il est impossible de tenir une meilleure discipline. Усенки кой черненки est un bon enfant, c'est dommage qu'il ait des manières singulières; il paraît au regret de partir. On me flatte de l'espoir de revoir le comte Miloradovitsch aujourd'hui, j'en suis charmée, car on n'est pas meilleur que lui. S'il nous arrive aujourd'hui, je le ferai monter à cheval demain avec nous: cela le rendra très heureux. La comtesse Orlof m'a dit aujourd'hui, qu'Alexei Orlof est parti pour le quartier général, l'empereur a daigné le lui permettre de la manière la plus gracieuse; elle en est bien contente.

Je me flatte, mes bons amis, de recevoir de vos nouvelles aujourd'hui, il y a 8 jours des dernières, cependant je n'ose y compter avec sécurité, car il se peut que vous soyez arrivés à Berlin et que la poste ne parte pas ces jours, mais enfin il se peut que l'hasard me favorise; et je veux y croire le plus longtemps possible. Adieu, chers et bons enfants, je vous embrasse de tout, tout mon coeur et vous aime bien tendrement. Que Dieu vous conserve et vous ramène dans mes bras, les mêmes comme vous étiez à votre départ sous le rapport des principes, de la conduite, des moeurs, mais plus dignes encore d'estime par votre manière de vous montrer à l'armée, et tous mes voeux seront comblés. Je vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes tendres amitiés à papa Lamsdorf et bien des compliments à tous vos messieurs.

1-го іюня 1815 г. Павловскъ.

(Переводъ). Пишу вамъ, добрые друзья мои, послѣ очаровательной прогулки, которую я совершила съ Аннетой и графиней Орловой. Мы отправились верхомъ, хотя погода была пренепріятная; холодъ и вѣтеръ были совсѣмъ сентябрьскіе, но послѣ того какъ мы хорошо прокатились и когда показалось солнце, мы, наконецъ, согрѣлись. Я сожалѣла, друзья мои, что васъ не было съ нами; вамъ эта прогулка доставила бы удовольствіе, и ваши лошади хорошо бы погарцовали. Графиня Орлова ѣхала на прелестной вороной лошади. Эта особа очаровательная во всѣхъ отношеніяхъ, и я очень сожалѣю, что она скоро уѣзжаетъ. Ея общество въ высшей степени пріятно, и я хотѣла бы, чтобы она навсегда посе-

лилась у насъ. Мы провели вчерашній вечеръ самымъ пріятнымъ образомъ: по возвращеніи съ прогулки поднялся сильный вѣтеръ, и мы съиграли партію въ макао. Куракинъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа, мнѣ страшно везло; это привело нашего добраго «Такъ такъ» въ возбужденное состояніе, и я уже давно не видала его въ такомъ прекрасномъ настроеніи духа. Сегодня я даю прощальный обѣдъ гусарскимъ офицерамъ, стоявшимъ здѣсь въ караулѣ, они уходятъ послѣ завтра: да хранитъ ихъ Господь; лучшей дисциплины, чѣмъ у нихъ, быть не можетъ. «Усенки кой черненки» добрый малый; жаль, что у него своеобразныя манеры; онъ уѣзжаетъ, кажется, съ большимъ сожалѣніемъ. Меня обнадежили, что мы увидимъ сегодня графа Милорадовича; я очень рада этому, ибо нѣтъ человѣка пріятнѣе его. Если онъ пріѣдетъ сегодня, то я приглашу его покататься съ нами завтра верхомъ, это будетъ ему очень пріятно. Графиня Орлова сказала мнѣ сегодня, что Алексѣй Орловъ уѣхалъ въ главную квартиру. Императоръ разрѣшилъ ему это самымъ милостивымъ образомъ; она очень этимъ довольна.

Я надѣюсь, добрые друзья мои, имѣть отъ васъ сегодня извѣстіе. Уже 8 дней прошло со времени полученія вашихъ послѣднихъ писемъ; впрочемъ, я не смѣю разсчитывать на это навѣрно, такъ какъ, можетъ быть, вы пріѣхали въ Берлинъ, а почта эти дни не отходитъ, но, можетъ быть, счастье поблагопріятствуетъ мнѣ; я буду какъ можно долѣе питать эту надежду. Прощайте, дорогія и добрыя дѣти мои, цѣлую васъ отъ всего сердца и нѣжно люблю васъ. Да хранитъ васъ Господь и да вернетъ онъ васъ въ мои объятія такими же, какими вы были при отъѣздѣ, въ отношеніи поведенія и нравственности, но еще болѣе достойными уваженія за ваше поведеніе въ арміи; тогда всѣ мои желанія будутъ исполнены. Тысячу разъ благословляю васъ. Марія.

Мой теплый привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ всѣмъ вашимъ кавалерамъ.

Num. 16.

Ce 2 Juin 1815.

J'ai appris, mes bons amis, que M-r Alexei Orlof part ce soir pour l'armée; je le charge donc vite de ces lignes, car je suis à la recherche de chaque occasion par laquelle je puis vous assurer que vous êtes constamment présents au coeur et à la pensée de maman. J'ai eu le plaisir de voir hier notre bonne Adlerberg et M-r Édouard duquel j'ai pris congé. La bonne Adlerberg se porte bien, mais elle est triste; je lui ai prêché un courage que je n'ai pas moi-même, cependant il me il paraît qu'elle a droit d'espérer que son fils ne sera pas exposé, car il

me paraît impossible que les gardes passent la frontière, à moins que nos affaires aillent mal, et c'est ce que j'espère avec la bénédiction divine ce qui n'arrivera pas. Il me semble qu'une force réunie de 600.000 hommes doit suffire pour écraser Napoléon; si on ne réussit pas avec elle, une auxiliaire de 40.000 hommes ne sera pas une ressource décisive; c'est le premier début qui décidera de beaucoup; s'il est heureux pour nous, les bien intentionnés en France se déclareront pour le roi et son parti gagnera en force; si nous ne sommes pas heureux, Napoléon gagnera en force et dans l'opinion; espérons le mieux et remettons nous à la Providence. M-r de Храповицкій a chargé M-r de Paschkof de me parler de l'état du pauvre colonel Mordvinof, qui ne sait où laisser son fils de 4 ans, dont la mère, comme vous vous en rappelez, est morte cet hiver et qui était élève de la communauté. Je me suis occupée ce matin du moyen de lui trouver un bon asyle et de le bien placer: si j'y réussis, je vous le marquerai, cher Nicoche, car je m'intéresse doublement à obliger ce pauvre M-r de Mordvinof parce qu'il est dans votre régiment et que je sais que vous l'aimez et estimez. Notre garnison part demain et notre société diminue d'une manière sensible. Adieu toute conversation, car les civilistes ne sont pas parlants. Усенки кой черненки n'a pas paru à dîner, il se plaignait beaucoup de sa santé hier, et fait, je crois, ses adieux en ville.

L'escadron de réserve fait la garde depuis hier; c'est une belle troupe composée de tous les vieux braves qui sont trop cassés pour aller faire campagne et qui attendent leur retraite. Peut-être verrai-je partir demain les deux escadrons d'ici, si on m'y invite. Que Dieu bénisse ces braves gens et les ramène sains et saufs. J'ai donné hier mon dîner d'adieu aux officiers. Il fait un froid détestable, hier et aujourd'hui il a gelé, ce qui est fier pour le 2 Juin! Adieu, chers et bons enfants. Tous les nôtres vous disent mille choses; mes tendres amitiés à papa Lamsdorf et mes compliments à vos messieurs. Je vous embrasse bien tendrement et vous répondrai demain par le courrier à vos bonnes et aimables lettres de Landsberg qui m'ont rendue bien contente. Toute à vous pour la vie

Marie.

2-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Я слышала, добрые друзья мои, что Алексѣй Орловъ уѣзжаетъ сегодня вечеромъ въ армію; поэтому спѣшу поручить ему эти строки, такъ какъ я изыскиваю всякій случай, чтобы подтвердить вамъ, что сердце и думы вашей мамаши всегда заняты вами. Я имѣла удовольствіе видѣть вчера нашу добрую Адлербергъ и г. Эдуарда, съ кото-

рымъ я простилась. Добрая Адлербергъ здорова, но очень грустить. Я убѣждала ее имѣть мужество, котораго у меня самой нѣтъ, но я думаю, она можетъ надѣяться, что ея сынъ не подвергнется опасности, такъ какъ я считаю немыслимымъ, чтобы гвардія перешла границу, если только наши дѣла не пойдутъ худо, а я надѣюсь, что этого, съ помощью Божіей, не случится. Мнѣ кажется, что соединенныхъ силъ 600.000 человѣкъ будетъ достаточно для того, чтобы раздавить Наполеона. Если этого окажется недостаточно, то 40.000-й вспомогательный корпусъ не можетъ оказать рѣшительной помощи. Первый ударъ будетъ имѣть рѣшающее значеніе; если онъ будетъ удаченъ для насъ, то во Франціи люди благонамѣренные примутъ сторону короля, и его партія усилится. Если счастье будетъ не на нашей сторонѣ, то Наполеонъ усилится матеріально и выиграетъ въ общественномъ мнѣніи. Будемъ надѣяться на лучшее и будемъ уповать на Провидѣніе. Храповицкій поручилъ Пашкову поговорить со мною о положеніи бѣднаго полковника Мордвинова, который не знаетъ, гдѣ оставить своего четырехлѣтняго сына, мать котораго умерла, если припомните, прошлую зиму и воспитывалась въ Смольномъ; я придумывала сегодня утромъ средство подыскать для него хорошій пріютъ и устроить его. Если это мнѣ удастся, то я увѣдомлю васъ, дорогой Никошъ, такъ какъ мнѣ вдвойнѣ пріятно оказать услугу бѣдному Мордвинову, служащему въ вашемъ полку, и такъ какъ я знаю, что вы его любите и уважаете. Нашъ гарнизонъ уходитъ завтра, и наше общество замѣтно уменьшится; не съ кѣмъ будетъ поболтать, ибо штатскіе не разговорчивы. «Усенки кой черненки» не появился за обѣдомъ; вчера онъ сильно жаловался на нездоровье и, я думаю, дѣлаетъ въ городѣ прощальные визиты.

Резервный эскадронъ занимаетъ караулы со вчерашняго дня; это прекрасная часть, составленная изъ всѣхъ старыхъ храбрецовъ, которые слишкомъ искалѣчены, чтобы идти въ походъ, и дослуживаютъ въ ожиданіи отставки. Быть можетъ, я увижу завтра, какъ выступятъ оба здѣшніе эскадрона, если меня пригласятъ. Да благословитъ Господь этихъ храбрецовъ и да возвратитъ онъ ихъ здравыми и невредимыми. Я давала вчера прощальный обѣдъ офицерамъ. Вчера и сегодня ужасно холодно; былъ небольшой морозъ; это уже слишкомъ для 2-го іюня! Прощайте, дорогія и добрыя дѣти; всѣ наши посылаютъ вамъ тысячу привѣтствій. Мой дружескій привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и поклонъ вашимъ кавалерамъ. Нѣжно цѣлую васъ и буду отвѣчать съ завтрашнимъ курьеромъ на ваши милыя и любезныя письма изъ Ландсберга, которыя доставили мнѣ большое удовольствіе. Навѣки ваша Марія.

Num. 16 a.

Ce Jeudi, 3 Juin 1815.

Je vous ai bien désirés ce matin, chers et bons enfants, car vous auriez été émus comme nous l'avons tous été et cependant vous auriez joui d'un sentiment de satisfaction. Les deux escadrons de nos beaux hussards sont partis ce matin. Le g(énéral) Lévaschef m'a demandé l'heure, je lui ai répondu naturellement que cela dépendait de lui, et que ce serait celle qui conviendrait à la troupe qui devait se rassembler à Czarsko Sello pour le Te Deum et le départ. Les neuf heures furent fixées, et nous voulions aller du côté de l'église pour les voir défiler; mais il a eu l'aimable attention de venir avec ses deux escadrons, lui à la tête, dans la cour du château pour me dire adieu et me témoigner leur reconnaissance. Nous en avons tous été émus: c'était véritablement une charmante parade. Après leur hourra ils sont partis, et nous nous sommes mis en ligne et avons été près de l'église pour les voir défiler: quelle belle et superbe troupe, quelle tenue, quels bonnes gens, et en vérité Lévaschef lui-même est un homme de mérite; ses ridicules sont des faiblesses de l'âge dont il se corrigera, mais il a du sentiment, de l'humeur et de l'esprit. Jusqu'à la comtesse de Lieven qui a été émue si bien que les larmes lui ont coulé des yeux. Que Dieu les conduise tous et nous les ramène. Notre général viendra encore dîner chez nous et nous dira adieu. La journée est belle. Après vous avoir rendu compte de la matinée, je vous dirai, mes enfants, que j'ai eu le bonheur de recevoir votre lettre de Landsberg du 22 Mai et que mon coeur vous en donne mille bénédictions de votre exactitude. Dites vous que ce sont mes jours de bonheur lorsque je reçois de vos nouvelles. Elles me prouvent votre tendresse, combien vous avez à coeur à me faire plaisir, et que vous vous rappelez de vos promesses. Vous en rappeler dans un point, c'est me donner l'assurance que vous vous en rappelez en tous, et que toujours et toujours j'aurai lieu de vous chérir, de vous bénir et de me dire la plus heureuse des mères. J'ai appris hier, chers enfants, que la belle-soeur de M-r de Lamsdorf est morte en couches, Mad. Bettinger, elle a été prise des crampes, qui lui ont coûté la vie. Je vous le conte pour que vous le disiez à Rühl; je crains l'impression de la nouvelle sur notre vieux digne papa, vous ferez bien de la lui laisser ignorer jusqu'à ce que des lettres d'ici ne lui arrivent; mais voilà pourquoi il faut en prévenir Rühl pour qu'alors il soit sur ses gardes et veille à la santé de notre respectable vieillard. Vous lui direz dans le temps toute la peine que j'en ressens. Je vous ai écrit tous ces jours, mes chers enfants, voilà pourquoi ma lettre n'est que d'un seul jour; j'ai chargé hier M-r Alexei Orlof

d'une lettre pour vous: avant-hier je vous ai écrit par la poste: j'éprouve une grande douceur à m'occuper de vous. Adieu, mes chers et bons enfants, je vous embrasse bien tendrement et vous donne mille bénédictions.

Marie.

Mes compliments aux vôtres.

Je sais vos chevaux arrivés à Lübeck, ce qui me fait grand plaisir: ils y ont été le 19 Mai.

Четвергъ, 3-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Я очень сожалѣла о вашемъ отсутствіи сегодня утромъ, добрыя и дорогія дѣти мои, такъ какъ вы были бы такъ же растроганы, какъ и мы, и вмѣстѣ съ тѣмъ испытали бы большое удовольствіе. Сегодня по утру выступили два эскадрона нашихъ красавцевъ-гусаръ. Генералъ Левашовъ просилъ меня назначить часъ; само собою разумѣется, я отвѣчала, что это зависитъ отъ него, и чтобы онъ назначилъ тотъ часъ, который всего удобнѣе для войска, которое должно было собраться въ Царскомъ Селѣ на молебенъ передъ уходомъ. Было назначено въ девять часовъ, мы хотѣли идти къ церкви, чтобы видѣть ихъ прохожденіе; но Левашовъ былъ такъ любезенъ, что явился во главѣ своихъ двухъ эскадроновъ на дворцовый дворъ проститься со мною и выразить мнѣ благодарность. Мы всѣ были этимъ очень тронуты; по истинѣ это былъ прелестный парадъ. Прокричавъ «ура!», они ушли, а мы сѣли въ линейки и отправились къ церкви смотрѣть за ихъ движеніемъ. Какое прекрасное войско, какъ они одѣты, что за молодцы! Самъ Левашовъ человѣкъ, по истинѣ, достойный. Его смѣшныя стороны не болѣе, какъ слабости, свойственныя его возрасту, отъ коихъ онъ исправится, но у него есть чувство, характеръ и умъ. Даже сама графиня Ливенъ была такъ тронута, что у нея полились слезы. Да хранитъ ихъ всѣхъ Господь и да приведетъ Онъ ихъ обратно. Нашъ генералъ будетъ еще обѣдать у насъ и простится съ нами. День сегодня прекрасный.

Давъ вамъ отчетъ о проведенномъ утрѣ, скажу вамъ, дѣти мои, что я имѣла счастье получить ваше письмо изъ Ландсберга отъ 22-го мая и что я тысячу разъ благословляю васъ за вашу аккуратность. Помните, что тѣ дни, въ которые я получаю отъ васъ извѣстія, счастливые для меня дни. Они свидѣтельствуютъ мнѣ о вашей любви, о томъ, что вы желаете доставить мнѣ удовольствіе и что вы держите свои обѣщанія. Напоминаю вамъ одинъ пунктъ этихъ обѣщаній, а именно, что вы будете помнить ихъ всѣ и что я всегда и всегда буду имѣть поводъ васъ лю-

бить и благословлять и считать себя счастливѣйшею изъ матерей. Я узнала вчера, дорогія дѣти мои, что невѣстка г. Ламсдорфа, г-жа Беттингеръ, скончалась въ родахъ; у нея сдѣлались судороги, отъ которыхъ она и умерла. Я сообщаю вамъ это извѣстіе, чтобы вы передали его Рюлю. Я боюсь, что оно произведетъ сильное впечатлѣніе на нашего достойнаго старика-папашу; лучше скройте это отъ него до тѣхъ поръ, пока его не увѣдомятъ объ этомъ отсюда письменно. Поэтому-то и надобно предупредить Рюля, чтобы онъ былъ насторожѣ и слѣдилъ за здоровьемъ нашего почтеннаго старика. Вы скажете ему со временемъ, какъ искренно я была этимъ огорчена. Я писала вамъ всѣ эти дни, дорогія дѣти мои, вотъ почему я сообщаю вамъ, въ этомъ письмѣ, новости только за одинъ день. Я дала вчера, для передачи вамъ, письмо Алексѣю Орлову; третьяго дня я писала вамъ по почтѣ; мнѣ очень пріятно заботиться о васъ. Прощайте, дорогія и милыя дѣти мои, нѣжно цѣлую васъ и тысячу разъ благословляю. Марія.

Мой поклонъ вашимъ. Я слышала, что ваши лошади прибыли въ Любекъ, что меня весьма радуетъ; онѣ были тамъ уже 19-го мая.

Num. 17.

Ce 4 Juin 1815.

Chers et bons enfants, M-r Alexei Orlof ne part que dans ce moment, ainsi vite je vous écris encore deux mots pour vous dire ce que vous savez déjà, mais ce que j'aime à vous répéter, que vous faites l'objet de ma prière, de mes voeux, de mes bénédictions et ma pensée constante. La poste arrive aujourd'hui et j'espère de vos nouvelles de Berlin.

Le bon Lévaschef est venu dîner encore hier chez nous et nous a dit adieu après la table; il était véritablement ému; il a certes du sentiment, de l'honneur et de la fierté dans l'âme; il a manifesté ses principes dans la conversation en plusieurs occasions d'une manière estimable, et malgré ses manières un peu ridicules, il a trouvé grâce aux yeux de la comtesse, qui lui veut du bien et en fait l'éloge. On est toujours charmé de rencontrer du comme il faut et surtout de l'honneur et des sentiments, et certes il en a. Son attention d'hier en venant avec ses deux escadrons dans la cour du château nous dire adieu était vraiment aimable; la troupe était émue, et nous l'étions tous. Aujourd'hui ils doivent quitter Krasno Sello. Nous avons monté ce matin à cheval avec la comtesse Orlof et le comte Miloradovitch, et nous avons fait une promenade charmante: le comte était de bien bonne humeur et très heureux, comme vous le pensez bien. Il nous quitte aujourd'hui, car demain de nouvelles troupes partent de la ville. On dit que celle-là est d'une tristesse extrême, et cela se comprend très bien. Le (général) Kutusof est arrivé, mais il ne

m'a pas apporté de lettres de l'empereur, car il a fait un détour à Radzivilof. Voilà toutes mes nouvelles, mes chers enfants; j'ai oublié de vous dire que le comte Besborodko est mort hier; il a été longtemps malade. Le prince Miriani a perdu sa femme, vous vous rappelez sa figure Géorgienne, quoiqu'elle fût princesse Chilkof. Mes amitiés tendres à papa Lamsdorf, bien des compliments à vos messieurs. Tout ce qui m'entoure se rappelle à votre souvenir. Adieu, mes bons, chers enfants, je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne toutes mes bénédictions.

Marie.

4-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Дорогія и добрыя дѣти мои, Алексѣй Орловъ уѣзжаетъ только сію минуту, потому пишу вамъ еще пару словъ, чтобы сказать вамъ то, что вамъ уже извѣстно, но что я люблю повторять вамъ, именно, что вы составляете предметъ всѣхъ моихъ молитвъ, всѣхъ моихъ желаній, всѣхъ моихъ думъ и что я посылаю вамъ свое благословеніе. Сегодня будетъ почта, и я жду отъ васъ извѣстій изъ Берлина.

Добрый Левашовъ еще вчера обѣдалъ у насъ и простился съ нами послѣ обѣда. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ взволнованъ; по истинѣ, это человѣкъ чувствительный, честный и съ благородной душою. Въ разговорѣ онъ неоднократно высказывалъ свои нравственныя убѣжденія, самымъ достойнымъ уваженія образомъ, и, несмотря на свои нѣсколько смѣшныя манеры, онъ понравился графинѣ, которая желаетъ ему добра и хвалитъ его. Всегда пріятно встрѣтить благородство и честность убѣжденій и чувствъ; онъ, безъ сомнѣнія, одаренъ этими качествами. Вниманіе, оказанное имъ вчера, когда онъ явился со своими двумя эскадронами ко дворцу проститься съ нами, было дѣйствительно большою любезностью; солдаты были растроганы такъ же, какъ и всѣ мы. Сегодня они уходятъ изъ Краснаго Села. Мы катались сегодня верхомъ съ графиней Орловой и гр. Милорадовичемъ, и сдѣлали прелестную прогулку. Графъ былъ въ прекрасномъ настроеніи духа и очень доволенъ, какъ вы можете думать. Онъ покидаетъ насъ сегодня, такъ какъ завтра изъ города опять выступаютъ войска. Говорятъ, что городъ погруженъ въ уныніе, что вполнѣ понятно. Пріѣхалъ ген. Кутузовъ, но онъ не привезъ мнѣ писемъ отъ императора, такъ какъ онъ ѣхалъ кругомъ на Радзивилловъ. Вотъ и всѣ мои новости, дорогія дѣти мои. Я забыла вамъ сказать, что вчера скончался графъ Безбородко; онъ долго болѣлъ. Царевичъ Миріанъ (Грузинскій) потерялъ жену; вы по-

мните ея грузинское лицо, хотя она была рожденная княжна Хилкова. Мой сердечный привѣтъ папашѣ Ламсдорфу и большой поклонъ вашимъ кавалерамъ. Всѣ окружающіе просятъ напомнить вамъ о нихъ. Прощайте, мои добрыя, дорогія дѣти, цѣлую васъ отъ всего сердца и посылаю вамъ свое благословеніе. Марія.

Num. 18.

Ce 4 Juin 1815.

Je viens de terminer ma lettre, qui vous parviendra par M-r Alexei Orlof, et vous trace ces deux mots pour la poste de demain, mes bons amis; c'est vous prouver, je crois, que j'ai toujours et constamment quelque chose à vous dire. Mais, grand Dieu, comment cela serait-il autrement pour une mère! Vous voilà déjà absents depuis trois semaines, le temps passe, mais il enlève à sa suite le bonheur dont on aurait pu jouir sans l'apparition du scélérat perturbateur du repos public. Les nouvelles d'Italie sont des meilleures, Naples et le royaume sont au pouvoir des troupes alliées, mais on ignore ce qu'est devenu Murat; je suppose qu'il se sera renfermé dans une des trois forteresses qui ne sont pas encore au pouvoir des troupes alliées, peut-être voudra-t-il y périr. On me dit aussi que la Vendée est en pleine insurrection, que le drapeau blanc flotte sur la côte de l'ouest: voilà qui est d'une bonne et heureuse augure. Je vous suppose réunis aujourd'hui à notre cher empereur, mes bons enfants, et me dis votre joie et votre bonheur: il me vaudra j'en suis sûre un moment de souvenir de vous tous. Adieu, mes bons amis; le temps est beau aujourd'hui, et on se promène avec plaisir à midi, car il ne fait pas chaud, mais agréable. Je vous embrasse de tout mon coeur et vous donne mille et mille bénédictions.

Marie.

Bien mes compliments à vos messieurs, mes mille et mille amitiés à papa Lamsdorf.

4-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Только-что окончила письмо, которое будетъ передано вамъ Алексѣемъ Орловымъ, и пишу вамъ, добрые друзья мои, нѣсколько словъ, которыя будутъ отправлены съ завтрашней почтою. Это доказываетъ, думается мнѣ, что я всегда имѣю что сказать вамъ. Но, Боже мой, можетъ ли и быть иначе у матери! Вотъ уже три недѣли, какъ вы уѣхали, время идетъ и уноситъ то счастье, которымъ можно было бы пользоваться; если бы не появился этотъ злодѣй, нарушившій всеобщее спо-

койствіе. Изъ Италіи получены самыя благопріятныя извѣстія: Неаполь и королевство во власти союзныхъ войскъ, но неизвѣстно, куда дѣвался Мюратъ. Я полагаю, что онъ заперся въ одной изъ трехъ крѣпостей, которыми еще не овладѣли союзныя войска; быть можетъ, онъ захочетъ погибнуть въ нихъ. Я слышала также, что Вандея объята возстаніемъ и что бѣлый флагъ развѣвается на западномъ берегу. Это хорошее предзнаменованіе. Я полагаю, что вы увидѣлись сегодня съ императоромъ, добрыя дѣти мои, и представляю себѣ вашу радость и ваше счастье. При этомъ всѣ вы, вѣроятно, хоть минутку вспомнили обо мнѣ. Прощайте, добрые друзья мои; погода сегодня прекрасная, въ полдень можно погулять съ удовольствіемъ, такъ какъ не жарко, а только пріятно. Цѣлую васъ отъ всей души и тысячу, тысячу разъ благословляю васъ. Марія. Поклонъ вашимъ кавалерамъ; тысячу, тысячу привѣтствій папашѣ Ламсдорфу.

Num. 19.

Ce 6 Juin 1815.

Je viens de terminer ma lettre par courrier et vous écris ces deux mots par le prince Lubomirsky qui voulait partir hier, mais qui ne part qu'aujourd'hui. En tout premier lieu j'embrasse mes chers petits amis et les assure de toute ma tendresse. Je n'ai rien de nouveau à vous mander d'ici, vous ayant écrit longuement tantôt. Nous avons eu aujourd'hui le comte Miloradovitch, les généraux Makarof et Kogen pour prendre congé, de même que le colonel Sasonof; M-r de Taube a aussi dîné chez moi, ainsi que le prince Lobanof. Tous les autres généraux sont chez Krapovitzki, qui fête celle de son régiment. Tous ces messieurs me paraissent très contents de la manière dont je les fais traiter à Gatschina et Krasno Sello. Que Dieu conduise ces bonnes, braves et fidèles troupes. Miloradovitch m'a fait le plus grand éloge de votre régiment qui a dû être superbe à sa parade. Je lui ai dit que je vous l'écrirai, Nicoche. Il m'a dit aussi que le bataillon des sapeurs avait été magnifique à sa sortie hier. Le général Kogen m'a témoigné tous ses regrets de ne vous avoir pas vus avant votre départ, mes chers amis, il est venu trop tard à Ieve où il s'était rendu pour vous rencontrer. Adieu, mes amis. Lubomirsky demande ma lettre. Mes amitiés à papa Lamsdorf, mes compliments à vos messieurs, à l'élite de nos respectables militaires! Adieu, chers enfants, que Dieu vous conserve, vous bénisse et vous ramène dans mes bras vertueux et tels que vous étiez à votre départ. Прощайте, съ нами Богъ.

Marie.

6-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Только-что окончила письмо, посылаемое съ курьеромъ, а теперь пишу вамъ нѣсколько словъ съ кн. Любомирскимъ, который хотѣлъ уѣхать вчера, но ѣдетъ только сегодня. Прежде всего цѣлую моихъ дорогихъ друзей и прошу ихъ быть увѣренными въ моей искренней любви. Я не имѣю сообщить вамъ ничего новаго, такъ какъ я только-что писала вамъ пространно. У насъ были сегодня гр. Милорадовичъ, генералы Макаровъ и Когенъ (Кожинъ?) они пріѣзжали проститься, точно такъ же и полковникъ Сазоновъ. У меня обѣдали также г. Таубе и князь Лобановъ. Всѣ эти господа, повидимому, вполнѣ довольны своимъ содержаніемъ въ Гатчино и Красномъ Селѣ. Да хранитъ Господь эти хорошія, храбрыя и преданныя войска. Милорадовичъ очень хвалилъ мнѣ вашъ полкъ, который былъ, вѣроятно, великолѣпенъ на парадѣ. Я сказала ему, что я напишу это вамъ, Никошъ. Онъ сказалъ мнѣ также, что саперный батальонъ былъ великолѣпенъ, вчера, во время выступленія; генералъ Когенъ (Кожинъ) выразилъ мнѣ свое сожалѣніе по поводу того, что онъ не видѣлъ васъ передъ вашимъ отъѣздомъ, дорогіе друзья мои: онъ пріѣхалъ слишкомъ поздно въ Іеве, куда онъ отправился вамъ навстрѣчу. Прощайте, друзья мои; Любомирскій требуетъ у меня письмо. Привѣтъ папашѣ Ламсдорфу, поклонъ вашимъ кавалерамъ, цвѣту нашего достопочтеннаго воинства! Прощайте, дорогія дѣти мои, да хранитъ и благословитъ васъ Господь и да возвратитъ Онъ васъ въ мои объятія такими же добродѣтельными, какими вы были, уѣзжая. Прощайте, съ нами Богъ. Марія.

Num. 20.

Ce 5 Juin 1815.

Chers, bons, bien aimés enfants. J'aurais désiré que vous fussiez témoins invisibles de toute la satisfaction que l'arrivée de vos lettres de Berlin m'a causé, car certainement vous en auriez joui, et la vue du bonheur de maman aurait été une récompense pour vous. Que tous les détails que vous me donnez, mes chers amis, sont intéressants, que je me sens heureuse de pouvoir oser espérer le bonheur de mon cher Nicolas; que je me sens heureuse encore, cher enfant, de voir que, malgré le sentiment que vous inspire l'aimable Alexandrine, vous lui préférez votre devoir, qui vous appelle au champ de la gloire: c'est vous rendre plus digne d'elle, cher enfant, c'est acquérir des titres à son estime, à sa confiance, et en possédant et l'un et l'autre, votre bonheur futur sera basé solidement. Je suis charmée du changement avantageux que vous

avez trouvé en elle, et certes l'éloge qu'en fait Michel ne peut que vous flatter, Nicoche; il me paraît, cher Michel, que les 18 ans de la princesse Frédérique enrayent seuls l'aveu de l'impression qu'elle a fait sur vous, mais, mon cher enfant, c'est à vous à vous sonder et à vous déterminer d'après votre conviction: elle doit être libre, et jamais je ne me permettrai de l'influencer. Je m'en remets à votre philosophie, ou, pour m'exprimer avec plus de précision, au sentiment de votre coeur et à vos réflexions. Je ne puis que vous conseiller de ne pas vous précipiter dans votre décision. Le procédé du roi pour vous, l'aimable et touchante attention de ma tante Ferdinand de faire la course à Charlottenbourg malgré son grand âge et sa mauvaise santé m'a fait grand plaisir. Enfin il me paraît, mes chers enfants, que tout a contribué à vous rendre le séjour de Berlin des plus agréables. Comment êtes-vous satisfaits, mes chers enfants, de Mad. de Krusemarck? Vous paraît-elle femme de mérite, et dans quel genre est-elle? Constantin Benckendorf m'écrivit dernièrement qu'il avait vu Alexandrine et l'avait trouvée extrêmement changée à son avantage par le maintien et la grâce. Qu'il me tarde de la voir, mon coeur lui est ouvert, et je me sens bien disposée à l'aimer tendrement, tout comme je vous aime, cher Nicoche. Bien loin de vous gronder de vous laisser aller au sentiment qui vous captive pour elle, cher enfant, je m'en réjouis: il sera constamment, j'ose l'espérer, votre sauvegarde et vous conduira au bonheur. Je remplirai incessamment vos commissions: je ferai rouler les deux tableaux que vous avez dans vos chambres des vues de Moscou, et les enverrai à l'adresse d'Alexandrine; cela me vaudra une lettre d'elle, et je vous laisse à juger l'usage que j'en ferai. Je soignerai de même, cher Nicoche, cher Michel, vos commissions pour vos caisses avec les instruments de musique. Je verrai encore Mrs de Храповицкій et de Taube et leur demanderai s'ils désirent que j'envoie à leur suite les instruments ou s'il faut les laisser ici, pour leur retour. Toutes vos lettres ont été soignées, je vois avec peine que les miennes ne vous sont pas parvenues à Berlin, mais la grande promptitude de votre voyage en est cause, l'estafette n'a pu vous suivre. Je crois vous avoir fait plaisir, cher Nikoche, et suis persuadée que vous serez touché du procédé de la bonne Adlerberg et de Madame Baranof, lorsque je vous conterai le fait. M-r de Храповицкій m'a informée de l'état de détresse dans lequel se trouva le colonel Mordvinof, qui au moment de partir, ayant perdu son dernier enfant, ne savait où laisser son fils de 4 ans, et me fit demander si je n'avais pas la possibilité de le placer. Après avoir pensé et repensé à la chose, il me vint à l'idée d'écrire à la bonne Adlerberg et lui dire que la mère avait été élevée à la communauté, que le mari servait dans votre régiment, que vous l'aimiez, que je me sentais donc le courage de la prier d'engager sa fille de prendre cet enfant chez elle, que j'acquit-

terai ses frais de l'entretien, et de le garder chez elle avec son enfant jusqu'au retour du père; que je lui demandais cette grande complaisance, parce que je connaissais ses sentiments pour vous et son désir de vous faire plaisir. La bonne femme m'a répondu aujourd'hui qu'elle et sa fille acquiescent volontiers à ma demande, étant charmées de vous témoigner leur attachement. Vous me direz, cher Nikoche, que c'est bien, bien aimable. J'en ai fait avertir M-r de Храповицкій pour qu'il le fasse savoir au colonel Mordvinof. J'ai encore à vous dire, mes chers enfants, que je vous ai fait participer aujourd'hui à une bonne oeuvre: un malheureux employé, d'une conduite exemplaire pendant 18 ans, a cédé à la misère et s'est rendu coupable de toucher à une somme à laquelle il n'aurait pas dû toucher, mais le besoin lui a fait commettre cette faute; en l'aidant la faute pouvait être réparée et son honneur être sauvé. Je vous ai donc associés au secours à lui faire, chers enfants, et lui ai fait donner quatre cents roubles de votre caisse à chacun, et par ce secours réuni de nous tous lui et sa famille sont sauvés. Je me dis que vous m'en remercierez, mes bons amis. Bonne nuit, mes chers enfants, je vous embrasse de tout mon coeur. Le reste à demain.

Ce Dimanche, 6 Juin.

Chers enfants, je voulais vous écrire longuement, mais la pentecôte, la prière et mes membres m'ont tenue si longtemps que je n'ai que l'instant de vous embrasser. Madame Храповицкая et M-r Taube sont ici. Voici, cher Michel, un cadeau pour vous. Je vous félicite, cher Nikoche, de la fête de votre régiment: elle fixe les militaires en ville. Mr de Sasonof est venu prendre congé de moi, de même que le g(énéral) Kiréew; tous les congés me font peine. Que Dieu conduise ces bonnes gens. Adieu mille fois, bons enfants. Toute à vous pour la vie. Mes compliments à vos messieurs.

Marie.

5-го іюня 1815 г.

(Переводъ). Дорогія, добрыя, любезныя дѣти! Я желала бы, чтобы вы были незримыми свидѣтелями того удовольствія, какое доставило мнѣ полученіе вашихъ писемъ изъ Берлина; безъ сомнѣнія, это было бы вамъ пріятно: видѣть, какъ счастлива ваша мамаша, было бы для васъ наградою. Какъ интересны подробности, сообщаемыя вами, дорогіе друзья мои, какъ я рада, ибо это даетъ мнѣ надежду на счастье моего дорогаго Николая. Какъ я счастлива также, дорогое дитя мое, что, несмотря на чувства, внушенныя вамъ милой Александриной, вы ставите выше ихъ долгъ, который призываетъ васъ на поле славы. Вы будете такимъ образомъ

еще болѣе достойны ея, дорогое дитя мое, вы пріобрѣтете этимъ право на ея уваженіе, на ея довѣріе, а обладая тѣмъ и другимъ, вы упрочите свое будущее счастье. Я въ восторгѣ отъ перемѣны къ лучшему, которую вы нашли въ ней. Безъ сомнѣнія, похвала, высказанная о ней Михаиломъ, должна была быть пріятна Никошу. Мнѣ кажется, дорогой Михаилъ, что 18 лѣтъ принцессы Фридерики только и удерживаютъ васъ высказать впечатлѣніе, которое она произвела на васъ; но, дорогое дитя мое, вамъ надобно самому испытать себя и принять рѣшеніе согласно вашему собственному убѣжденію: оно должно быть свободно, и я никогда не позволю себѣ повліять на него. Я полагаюсь на вашу философію, или, лучше сказать, на ваше сердце и на вашу разсудительность. Я могу только посовѣтовать вамъ не спѣшить своимъ рѣшеніемъ. Отношеніе къ вамъ короля, любезное и трогательное вниманіе моей тетушки, супруги принца Фердинанда, которая поѣхала въ Шарлоттенбургъ, несмотря на свои преклонныя лѣта и плохое здоровье, чрезвычайно порадовали меня. Словомъ, мнѣ кажется, дорогія дѣти мои, что все способствовало тому, чтобы ваше пребываніе въ Берлинѣ было для васъ какъ нельзя болѣе пріятно. Довольны ли вы, мои дорогія дѣти, г-жею Круземаркъ? Находите ли ее вы женщиной достойной и въ какомъ родѣ она? Константинъ Бенкендорфъ писалъ мнѣ недавно, что онъ видѣлъ Александрину и нашелъ, что она чрезвычайно измѣнилась къ лучшему въ отношеніи манеръ и граціи. Какъ мнѣ хотѣлось бы увидать ее поскорѣе; мое сердце открыто для нея, и я готова нѣжно полюбить ее точно такъ же, какъ я люблю васъ, дорогой Никошъ. Я не только не браню васъ за то, что вы отдались чувству, которое влечетъ васъ къ ней, я радуюсь этому, дорогое дитя мое. Надѣюсь, что это чувство будетъ вамъ всегда охраною и дастъ вамъ счастье. Я поспѣшу исполнить ваши порученія, прикажу свернуть въ трубку находящіяся у васъ въ комнатахъ двѣ картины видовъ Москвы и пошлю ихъ на имя Александрины. Она напишетъ мнѣ по этому случаю письмо; предоставляю вамъ рѣшить, какое я сдѣлаю изъ него употребленіе. Я исполню также, дорогой Никошъ и дорогой Михаилъ, ваше порученіе относительно ящиковъ для вашихъ музыкальныхъ инструментовъ; повидаю также гг. Храповицкаго и Таубе и спрошу ихъ, хотятъ ли они, чтобы я послала вслѣдъ за ними ихъ инструменты, или же ихъ слѣдуетъ оставить ихъ тутъ, до возвращенія. Всѣ ваши письма доставлены аккуратно, но я вижу съ грустью, что вами не получены мои письма, посланныя въ Берлинъ. Причина этого чрезвычайная скорость, съ какою вы путешествуете, эстафета не могла поспѣть за вами. Надѣюсь, что я доставила вамъ удовольствіе, дорогой Никошъ, и увѣрена, что вы будете тронуты поступкомъ доброй Адлербергъ и г-жи Барановой, когда я разскажу вамъ, въ чемъ дѣло. Г. Храповицкій сообщилъ мнѣ о бѣд-

ственномъ положеніи, въ какомъ находится полковникъ Мордвиновъ, который, потерявъ жену передъ самымъ отъѣздомъ, не зналъ, гдѣ оставить своего четырехлѣтняго сына, и просилъ спросить меня, не могу ли я куда-либо помѣстить его. Поломавъ надъ этимъ вопросомъ голову, я придумала написать доброй Адлербергъ, сказавъ ей, что мать этого ребенка воспитывалась въ Смольномъ, что ея мужъ служитъ у васъ въ полку, что вы любите его, и что я рѣшаюсь поэтому просить ея дочь взять этого ребенка къ себѣ; что я буду платить за его содержаніе и прошу подержать его вмѣстѣ съ ея ребенкомъ до возвращенія отца. Я прибавила, что прошу ее объ этомъ большомъ одолженіи потому, что я знаю ея чувства къ вамъ и ея желаніе сдѣлать вамъ пріятное. Добрая женщина отвѣтила мнѣ сегодня, что она и ея дочь охотно исполнятъ мою просьбу, и что онѣ въ восторгѣ доказать вамъ свою преданность. Согласитесь, дорогой Никошъ, что это крайне любезно. Я велѣла сообщить это г. Храповицкому, чтобы онъ передалъ въ свою очередь полковнику Мордвинову. Я должна еще сказать вамъ, дорогія дѣти мои, что вы приняли сегодня, благодаря мнѣ, участіе въ добромъ дѣлѣ: несчастный чиновникъ, извѣстный въ теченіе 18 лѣтъ своимъ примѣрнымъ поведеніемъ, присвоилъ, подъ вліяніемъ нужды, нѣкоторую сумму денегъ, до которой онъ не долженъ былъ касаться, но его вынудила къ этому нужда; если бы ему пришли на помощь, то его вина могла быть исправлена и его честь могла быть спасена. Поэтому я пріобщила васъ къ оказываемому ему пособію, дорогія дѣти, и приказала выдать ему по 400 руб. отъ каждаго изъ васъ изъ вашихъ личныхъ суммъ. Благодаря этой помощи, оказанной ему всѣми нами, онъ и его семейство спасены. Я думаю, вы поблагодарите меня, добрые друзья мои. Покойной ночи, дорогія дѣти мои, цѣлую васъ отъ всего сердца. Остальное завтра.

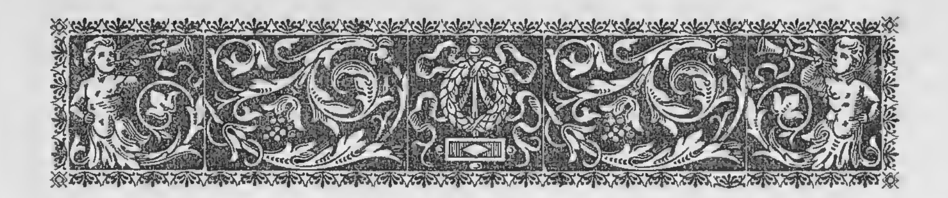
Воскресенье, 6-го іюня.

Дорогія дѣти, я хотѣла писать вамъ пространно, но говѣнье, молитва и мои сочлены отняли у меня такъ много времени, что я имѣю только минутку, чтобы обнять васъ. Здѣсь г-жа Храповицкая и г. Таубе; вотъ, дорогой Михаилъ, подарокъ для васъ. Поздравляю васъ, дорогой Никошъ, съ вашимъ полковымъ праздникомъ, изъ-за котораго всѣ военные въ городѣ. Сазоновъ пріѣзжалъ проститься со мною, также какъ и ген. Кирѣевъ. Всѣ эти разставанія наводятъ на меня грусть; да хранитъ Господь этихъ добрыхъ людей. Прощайте, тысячу разъ, добрыя дѣти; навѣки ваша. Мой поклонъ вашимъ кавалерамъ. Марія.

Сообщ. **В. В. Щегловъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Князь Бисмаркъ и его „Тирасъ".

(Изъ моихъ воспоминаній).

Кто изъ современниковъ покойнаго князя Бисмарка не слышалъ объ его любимой и неразлучной съ нимъ собакѣ, которой берлинскіе остряки дали прозвище государственной собаки (der Reichshund) въ pendant къ носимому кн. Бисмаркомъ званію: (der Reichskanzler)? Не мало по ея поводу ходило всякихъ разсказовъ; кн. Бисмаркъ самъ любилъ при случаѣ что-нибудь разсказать о ней, разсказывалъ и мнѣ, въ бытность мою (осенью 1879 г.) въ Гастейнѣ, гдѣ я случайно познакомился съ нимъ [1]).

Это было за обѣдомъ. Только-что проводивъ графа Андраши послѣ трехдневныхъ секретныхъ совѣщаній, результатомъ которыхъ было заключеніе извѣстнаго союза, кн. Бисмаркъ былъ въ настроеніи человѣка, вполнѣ довольнаго собой; разговоръ его былъ, можно сказать, блестящимъ фейерверкомъ остроумія, сарказмовъ, ловкихъ замѣчаній, иногда и ядовитыхъ, о дѣлахъ и людяхъ того времени. Зашла между прочимъ рѣчь о соціалъ-демократахъ, за которыми, какъ извѣстно, кн. Бисмаркъ одно время усердно ухаживалъ, но отъ которыхъ впослѣдствіи рѣшительно отшатнулся, вступивъ съ ними въ открытую борьбу. Говоря о нихъ, кн. Бисмаркъ не скупился на всякія остроты по ихъ адресу. Въ это время вошла въ столовую легендарная его собака. Невольно обративъ на нее вниманіе, я невольно же прервалъ и происходившій разговоръ, замѣтивъ, по поводу внушительнаго ея вида, что встрѣча съ такимъ субъектомъ, гдѣ-нибудь въ безлюдномъ мѣстѣ, не всегда можетъ оказаться пріятною.

— Можете быть спокойны,—сказалъ кн. Бисмаркъ,—васъ она не

---

[1]) Объ этомъ случайномъ знакомствѣ я уже разсказывалъ въ „Русской Старинѣ", кажется, въ 1898 году.

*

тронетъ; вы—консерваторъ; вотъ если бы вы были соціалъ-демократомъ, тогда дѣло другое; этихъ господъ она крѣпко не долюбливаетъ.

Я засмѣялся.

— Породистая собака,—улыбнувшись, продолжалъ кн. Бисмаркъ,—существо, съ понятіями и вкусами аристократическими; она терпѣть не можетъ безпорядочности, неряшества и какого бы то ни было безобразія и съ озлобленіемъ набрасывается на всякаго оборванца и на людей съ внѣшностью неприглядною и подозрительною. Когда у меня по субботамъ бываютъ парламентскіе вечера, на которыхъ собираются представители различныхъ фракцій Рейхстага, и я встрѣчаю ихъ при входѣ въ залъ,—«Тирасъ» (имя моей собаки) всегда возлѣ меня: подходитъ кто-либо изъ членовъ консервативной партіи, «Тирасъ» смотритъ на него дружелюбно, даже къ нему ласкается; но какъ только подходитъ соціалъ-демократъ, онъ начинаетъ ворчать и ворчитъ такъ, что я долженъ крѣпко держать его за ошейникъ, чтобъ не послѣдовало какого-нибудь траги-комическаго приключенія.....

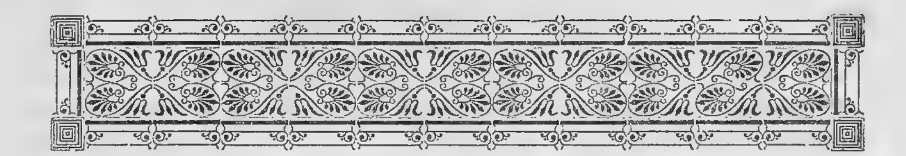
Тутъ, сидѣвшая противъ меня, княгиня Бисмаркъ залилась громкимъ смѣхомъ; засмѣялся даже обѣдавшій съ нами молчаливый графъ Вильгельмъ (младшій сынъ канцлера).

— Но вотъ,—продолжалъ кн. Бисмаркъ,—случай, по винѣ «Тираса», съ вашимъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, случай, въ которомъ анти-демократическія чувства «Тираса» уже ни при чемъ. Вскорѣ послѣ закрытія Берлинскаго конгресса, заѣхалъ ко мнѣ кн. Горчаковъ, чтобы проститься. Видъ у него былъ крайне утомленный. Я усадилъ его въ покойное кресло. Въ продолженіе нашего разговора «Тирасъ» смирно лежалъ въ углу, и кн. Горчаковъ, кажется, его и не замѣтилъ. Когда разговоръ нашъ кончился и кн. Горчаковъ, прощаясь, хотѣлъ встать, онъ не могъ приподняться; я обхватилъ его обѣими руками, чтобъ помочь ему привстать; въ этотъ моментъ «Тирасъ», вообразивъ, что между нами завязалась борьба, вдругъ бросился къ намъ изъ своего угла. «Тирасъ!»—грозно крикнулъ я на него. Кн. Горчаковъ, ничего не видя и ничего не понимая, не зная, что «Тирасомъ» зовутъ мою собаку, въ испугѣ отъ моего крика, упалъ обратно въ кресло. Съ нимъ сдѣлалось дурно. Жена побѣжала за стаканомъ воды. Придя въ себя, онъ спросилъ: Что такое вы мнѣ крикнули? и что это было за странное слово?—Не мало мы смѣялись, когда все объяснилось [1]).

П. Д. Стремоуховъ.

---

[1]) Анекдотъ этотъ кн. Бисмаркъ, вѣроятно, разсказывалъ не мнѣ одному, такъ какъ впослѣдствіи мнѣ случалось слышать тотъ же разсказъ, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ,—и въ Петербургѣ; быть можетъ, и самъ кн. Горчаковъ кому-нибудь передавалъ о бывшемъ съ нимъ случаѣ.

Письма митрополита Филарета.

1.

Письмо Филарета М. М. Сперанскому.

6-го іюня 1822.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Конференція Московской духовной академіи, желая украсить свое сословіе сопричисленіемъ къ нему мужей знаменитыхъ духовнымъ просвѣщеніемъ и любовію къ духовному просвѣщенію, основанною на христіанскомъ образѣ мыслей, въ засѣданіи своемъ 24-го дня маія сего 1822 года единогласно положила избрать васъ, милостивый государь, своимъ почетнымъ членомъ, побуждаясь къ сему между прочимъ признательностію къ дѣятельному участію, которое ваше превосходительство принимали въ благоустроеніи духовныхъ училищъ.

Согласно съ своимъ постановленіемъ конференція предоставила мнѣ предварительно посредствовать, дабы ваше превосходительство не отреклись даровать имя ваше сословію, которое имъ желаетъ себя украсить.

О чемъ убѣдительно ходатайствуя, долгъ имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга и богомолецъ Филаретъ, архіепископъ московскій.

Письмо М. М. Сперанскаго митрополиту Филарету.

1-го іюля 1822 г.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь.

Почтеннѣйшее писаніе вашего высокопреосвященства отъ 6-го іюня я имѣлъ честь получить. Считая особенною честію быть сопричислен-

нымъ къ сословію Московской духовной академіи, я пріемлю выборъ конференціи съ истинною благодарностію. Всѣ права мои на сіе почтенное званіе состоятъ единственно въ искренней любви моей къ духовному просвѣщенію.

Принося въ особенности искреннюю мою благодарность вашему высокопреосвященству и поручая себя вашимъ молитвамъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію и пр.

2.

Письмо Филарета М. М. Сперанскому.

7-го октября 1822 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Представляя вашему превосходительству дипломъ, по препорученію Московской духовной академіи, пользуюсь симъ случаемъ, чтобы представить при семъ академическія сочиненія, о коихъ предварительно говорилъ.

Чтобы однимъ разомъ возвергнуть на васъ безплодныя мои бремена, присовокупляю еще книжку проповѣдей моихъ, отнюдь не съ домогательствомъ, чтобы она была читана, но только въ знакъ готовности моей съ довѣренностію предать суду вашему мои недостатки.

Съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію имѣю долгъ быть вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ Филаретъ, архіепископъ московскій.

3.

Письмо Филарета М. Н. Загоскину.

17-го октября 1840 г.

Митрополитъ московскій, свидѣтельствуя свое почтеніе его превосходительству Михаилу Николаевичу, съ благодарностію возвращаетъ примѣчательную записку о необыкновенной болѣзни, не скрывая притомъ своего сожалѣнія, что̀ это не дневная и не близкая къ современности записка, но разсказъ по памяти, записанный опять по памяти, который оставляетъ иное, что было бы полезно спросить, и представляетъ иное, на что̀ надлежало бы возразить.

4.

Письмо Филарета графу А. А. Закревскому.

2-го марта 1855 г.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Вы на пути, чтобы предстать лицу благочестивѣйшаго государя императора Александра Николаевича. Донесите его императорскому величеству, что я и ввѣренное мнѣ московское духовенство у ногъ его императорскаго величества.

Вы идете воздать послѣдній долгъ въ Бозѣ почившему государю императору Николаю Павловичу. Мнѣ и примѣръ предшественниковъ предписываетъ лишиться сего утѣшенія, ибо и митрополитъ Платонъ, при его особенно признанномъ достоинствѣ и благоволеніи къ нему высочайшихъ особъ, не просилъ подобнаго; и моя ветхость не позволяетъ мнѣ помышлять о дальнемъ пути. Когда извѣстенъ будетъ день погребенія: долгъ мой и ввѣреннаго мнѣ духовенства будетъ распорядиться такъ, чтобы древняя столица въ одно время съ новою молитвами сопровождала въ вѣчность благоговѣйною памятью чтимаго монарха.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ московскій.

5.

Письмо Филарета А. С. Норову [1]).

4-го іюня 1862 г. Въ лаврѣ.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!

Письмо ваше отъ 16 дня прошедшаго мѣсяца возвѣстило мнѣ вашу о мнѣ память и ваше ко мнѣ вниманіе.

Въ слѣдъ за тѣмъ получилъ я экземпляръ евангелія на греческомъ и славянскомъ языкахъ,—ваше благолѣпное и полезное изданіе [2]). Оно

---

[1]) Въ «Душеполезномъ Чтеніи» 1880 года, іюль, стр. 379, было напечатано письмо митрополита Филарета къ А. С. Норову отъ 27-го декабря 1864 года.

[2]) Въ этомъ изданіи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1861 году, принималъ близкое участіе археографъ П. И. Саввантовъ.

даетъ удобство и вразумляться въ переводъ съ помощію подлинника, и изучать языкъ подлинника съ помощію перевода.

И за добрую память, и за благосклонный даръ пріимите искреннюю мою благодарность.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ московскій.

6.

Письмо Филарета А. С. Норову.

8-го февраля 1863 г. Москва.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь!

Съ благодарностію получилъ я вашу «Защиту Синайской рукописи Библіи» [1]:—съ благодарностію, во-первыхъ, за самую защиту, потомъ, за ваше о мнѣ воспоминаніе и за сообщеніе мнѣ вашего труда.

Вы предупредили насъ. Правда, изъ Москвы въ Петербургъ вкратцѣ писано подобное тому, что вами написано въ вашей защитѣ, но не напечатано ничего потому, что не скоро получено изданіе. Донынѣ въ Московской духовной академіи произведено всего текста евангелія и многихъ мѣстъ въ другихъ книгахъ сличеніе съ принятымъ и съ нѣкоторыми древнѣйшими текстами; и я на сихъ дняхъ надѣюсь получить мнѣніе, сходное съ вашимъ, пространнѣе подкрѣпленное дознаніемъ [2]).

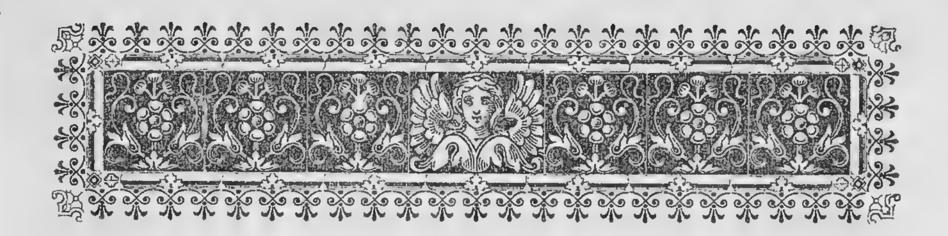
Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть Филаретъ, митрополитъ московскій.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

[1]) Брошюра А. С. Норова „Защита Синайской рукописи Библіи отъ нападеній о. архимандрита Порфирія Успенскаго", изданная въ 1863 году, была вызвана появившеюся въ концѣ 1862 г. брошюрою архимандрита Порфирія „Мнѣніе о Синайской рукописи, содержащей въ себѣ Ветхій Завѣтъ неполный и весь Новый Завѣтъ съ посланіемъ св. апостола Варнавы и книгою Ермы". Архимандритъ Порфирій обвинялъ текстъ этой драгоцѣнной рукописи IV вѣка (принадлежащей нынѣ Императорской Публичной Библіотекѣ) въ еретическихъ искаженіяхъ.

[2]) Эта статья профессора Московской духовной академіи архимандрита (впослѣдствіи епископа) Михаила, подъ заглавіемъ „О текстѣ Синайской рукописи Библіи" напечатана въ прибавленіяхъ къ „Твореніямъ святыхъ отцевъ", т. XLII (Москва. 1863), стр. 167—239.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXIV [1]).

Назначеніе П. П. Мельникова главноуправляющимъ путями сообщенія. — Отношенія къ нему В. А. Панаева. — Письмо его П. П. Мельникову.— Предложеніе Панаеву работать на Южной дорогѣ.—Вызовъ его въ Петербургъ.—Свиданіе съ П. П. Мельниковымъ.— Интрига, вслѣдствіе которой В. А. Панаевъ остался безъ назначенія на работы.

Съ уходомъ Чевкина изъ министерства, главноуправляющимъ путями сообщенія былъ назначенъ П. П. Мельниковъ. Онъ зналъ меня хорошо, такъ какъ я началъ у него службу и провелъ подъ его начальствомъ болѣе 10 лѣтъ. Несмотря на громадную разницу положеній,—онъ былъ министръ, а я подполковникъ—онъ не измѣнилъ своей простоты въ обращеніи и относился ко мнѣ съ видимымъ вниманіемъ.

Въ этотъ пріѣздъ въ Петербургъ, я часто бывалъ у него и бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ предположеніяхъ. Въ это время постройка дорогъ остановилась, и Мельниковъ сталъ приходить къ убѣжденію, что надо приняться за постройку дорогъ правительствомъ, послѣ того, какъ англійская компанія не могла реализировать капиталъ, при гарантіи въ 100.000 руб. на версту.

При нашей бесѣдѣ, я нѣсколько разъ напоминалъ ему о моей брошюрѣ: «О бездѣйствующемъ избыткѣ производительныхъ силъ», которой онъ прежде сочувствовалъ.

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1903 г.

— Идеи, изложенныя въ ней, я понимаю,—говорилъ онъ,—но министръ финансовъ рѣшительно парализуетъ мои предположенія и мой взглядъ на дѣло.

Надо сказать, что министръ финансовъ Рейтернъ держался строго современнымъ тогда экономическимъ и финансовымъ возрѣніямъ и думалъ о повышеніи курса. По совѣту управлявшаго въ то время государственнымъ банкомъ Ламанскаго, Рейтернъ попробовалъ открыть размѣнъ на золото, но кончилось тѣмъ, что недѣли въ двѣ золото выбрали и вывезли за границу.

Мельниковъ смотрѣлъ на экономическій и финансовый вопросы нѣсколько шире. Ожидать поднятія курса для устройства дорогъ онъ считалъ потерею времени. Дѣйствительно, при тогдашнемъ торговомъ балансѣ и при необходимости вывоза золота по уплатамъ процентовъ за государственные займы и за капиталы, привлеченные на разныя предпріятія, поднятіе курса какими то бы ни было операціями государственнаго банка было немыслимо.

Хотя Мельниковъ былъ человѣкъ высокообразованный, быстро схватывалъ и понималъ все, и былъ бы замѣчательнымъ министромъ, краснорѣчивымъ ораторомъ въ конституціонномъ государствѣ. Но онъ былъ слабаго характера, шаткихъ убѣжденій, не обладалъ административною способностью, боялся какъ огня борьбы. Вслѣдствіе моихъ бесѣдъ съ нимъ, я рѣшился написать ему письмо, которымъ старался двинуть его на борьбу.

Вотъ это письмо:

«Нѣтъ выхода Россіи,—писалъ я,—изъ настоящаго затруднительнаго ея положенія безъ желѣзныхъ дорогъ. Это сознаютъ всѣ здравомыслящіе люди и инстинктивно чувствуютъ почти всѣ.

«Вы встали во главѣ главнѣйшаго нынѣ министерства въ важную минуту русской жизни. Васъ вызвала судьба. Отъ васъ Россія ждетъ многаго. Повсюду явилась надежда, что, съ вашимъ появленіемъ, насущная потребность Россіи будетъ удовлетворена. Вашъ долгъ отвѣтить этимъ ожиданіямъ—вы, конечно, это сознаете.

«Всѣ предпринятыя въ Россіи реформы относительно быта экономическаго, нравственнаго, юридическаго, относительно статей государственныхъ доходовъ, даже реформа касательно администраціи и хозяйства военныхъ—все останется пустой, мертвой фразой, безъ всякой практической пользы, пока не будетъ желѣзныхъ дорогъ. Телеграфъ конечно приноситъ пользу, онъ ускоряетъ распоряженія изъ центра, и тѣмъ тѣшитъ дѣтскіе умы, но сущность дѣла, безъ желѣзныхъ дорогъ, остается та же самая. Если всего этого не сознаютъ теоретики-реформаторы и другіе министры, вамъ предстоитъ одинъ путь: идти во-

преки мнѣніямъ остальныхъ министровъ, но въ согласіи съ общими насущными и вѣрными народными нуждами.

«Борьба неизбѣжна, т. е. борьба противъ рутинныхъ, узкихъ экономическихъ воззрѣній, не соотвѣтствующихъ ни обстоятельствамъ, ни народному быту, противъ воззрѣній, которыя, чего добраго, доведутъ Россію до бѣды.

«Борьба одного человѣка безсильна, кромѣ того, въ вашемъ положеніи борьба, во многихъ случаяхъ, даже невозможна. Орудія борьбы необходимы. Дайте возможность этимъ орудіямъ, т. е. людямъ, готовымъ встать за истину, вступить въ борьбу, вызвать слѣпоту и ложь на бѣлый свѣтъ и побить ихъ. Успѣхъ несомнѣненъ. Когда люди становятся за истину и становятся съ вѣрою, знаніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не отступать—вся узкость, малость и жалкое ничтожество противниковъ истины быстро обнаруживаются. Не только исторія, но и современныя явленія доказываютъ это фактами какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ размѣрахъ.

«Вы не должны сойти со сцены, не исполнивъ своего назначенія. Нашъ долгъ не допускать такого исхода дѣла; мы должны принести всѣ свои знанія, силы и опытность на защиту правды и разума. Вамъ стоитъ только пожелать, за это я вамъ ручаюсь, и тогда вы пройдете вашъ путь со славою, приложивъ на практикѣ начало вѣрныхъ экономическихъ воззрѣній, облагодѣтельствовавъ Россію и давъ ея народу средства къ развитію его матеріальнаго благосостоянія, безъ котораго не мыслимы нравственное развитіе и всѣ предпринимаемыя къ тому реформы.

«Вы, конечно, сознаете, что сущность вашей силы, предъ лицомъ кого бы то ни было, будетъ зависѣть не отъ бо́льшаго или меньшаго соглашенія съ воззрѣніями другихъ министровъ, но въ приведеніи въ исполненіе того, чего отъ васъ ждетъ Россія.

«Не пренебрегайте этими мелкими орудіями. Много ли нужно пороха, чтобы двинуть огромную глыбу, а чтобы воодушевить порохъ, нужно еще меньше—искра. Не пренебрегайте совѣтами людей, хотя не большихъ, но искренно преданныхъ истинѣ и, болѣе или менѣе, доказавшихъ на дѣлѣ и печатно справедливость своихъ взглядовъ, въ чемъ и убѣждаются уже нынѣ нѣкоторые умы, имѣвшіе прежде противныя мнѣнія.

«Если вы сознаете неизбѣжность борьбы и необходимость вызвать для того орудія, и если слова мои найдутъ въ васъ отголосокъ, тогда я сочту своимъ долгомъ высказать вамъ то, что́ по моему мнѣнію необходимо нужно дѣлать теперь же, чтобъ систематически и навѣрно порицать фальшивые экономическіе взгляды.

«Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать слѣдующее: всего на свѣтѣ

труднѣе узнавать людей, тѣмъ болѣе изъ оффиціальныхъ отношеній, а потому вы легко можете подумать, что все выше сказанное продиктовано побужденіями личныхъ интересовъ. Я не боюсь этого осужденія. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, я двигался отчасти личнымъ интересомъ, но, во всякомъ случаѣ, интересомъ не грязнымъ, не мелкимъ и не подлымъ. Желаніе принимать участіе и приносить пользу въ болѣе широкомъ примѣненіи, хотя бы даже и не гласно, есть самое естественное чувство всякаго порядочнаго человѣка. Я думаю даже, что отыскивать сферу полезной общественной дѣятельности въ соотвѣтствіи своимъ силамъ есть его долгъ, лишь бы путь былъ чистый.

«Вызывомъ своимъ, безъ приглашенія съ вашей стороны, я очищаю тоже свою совѣсть, чтобы, ни въ одну минуту моей жизни, я не могъ упрекнуть себя, что я не пошелъ кратчайшимъ путемъ на помощь истинѣ и важному дѣлу, изъ стыда компрометтировать себя откровеннымъ обращеніемъ къ вамъ.

«Если предложеніе мое покажется вамъ увлеченіемъ, самонадѣянностью, и вы почему-либо не найдете нужнымъ или возможнымъ воспользоваться моею готовностью и моимъ вызовомъ, то это только отдалитъ побѣду надъ фальшивой рутиной, ибо я буду предоставленъ однѣмъ моимъ силамъ. А что не бѣда будетъ, въ этомъ я увѣренъ, потому что общественное мнѣніе въ настоящее время оправдало тотъ взглядъ, который мною первымъ былъ высказанъ».

Прочитавъ письмо, онъ искренно поблагодарилъ меня, какъ будто прослезился и сказалъ:

— Пожалуйста, выскажите мнѣ, что́ по вашему мнѣнію нужно дѣлать?

Вслѣдствіе этого, я написалъ записку о желѣзныхъ дорогахъ раздѣливъ ее на три небольшія записки, озаглавленныя такъ: 1, Кому строить желѣзныя дороги, правительству или компаніямъ?

2, Отчего у насъ мало желѣзныхъ дорогъ? и

3, Гдѣ заключаются вѣрныя и дешевыя средства для осуществленія желѣзныхъ дорогъ?—и принесъ ихъ Мельникову.

— Вы находите,—сказалъ я,—что министръ финансовъ препятствуетъ исполненію вашихъ предположеній. Мнѣ кажется, въ такомъ случаѣ, вамъ слѣдовало бы дѣйствовать непосредственно на государя. Вотъ вамъ три записки. Прочтеніе каждой изъ нихъ не займетъ болѣе четверти часа времени, а потому, при вашихъ докладахъ государю, вы можете постепенно прочесть ему ихъ и такимъ образомъ ввести его въ ваши взгляды, послѣдствія которыхъ будутъ благодѣтельны для Россіи. Вамъ извѣстно, Павелъ Петровичъ, что Чевкинъ, послѣ того, какъ

государь утвердилъ мнѣніе Комитета министровъ о продажѣ Николаевской дороги, рѣшился прочесть государю записку, мною составленную, сказавъ ему: вотъ какъ думаютъ русскіе люди о продажѣ Николаевской дороги. Такъ какъ продажа дороги была высочайше утверждена, то Чевкинымъ было сдѣлано распоряженіе о сдачѣ дороги. Но послѣ сказанной записки, государь измѣнилъ свой взглядъ, и Чевкинъ поручилъ мнѣ составить такія условія продажи, вслѣдствіе которыхъ общество нашло бы ихъ затруднительными и само отказалось бы отъ пріобрѣтенія дороги; и вы знаете, что, такимъ путемъ, продажа дороги была остановлена. Почему вамъ не вступить въ борьбу со взглядами министра финансовъ, когда вы твердо убѣждены въ огромной пользѣ для государства въ проведеніи вашихъ идей.

Мельниковъ прочелъ мои записки, поблагодарилъ и сказалъ:

— Я думаю послать ихъ министру финансовъ.

— Такъ какъ, по моему мнѣнію,—сказалъ я,—изъ такого пути ничего не можетъ выйти, то позвольте мнѣ напечатать ихъ.

— Это вашъ трудъ, и я никакого препятствія не сдѣлаю,—сказалъ онъ.

И вотъ я и напечаталъ эти записки въ газетѣ «День» 1863 г.

Черезъ нѣсколько времени, при одномъ моемъ посѣщеніи Мельникова, у котораго находился, на этотъ разъ, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ, П. А. Языковъ, Мельниковъ сказалъ мнѣ, что, вѣроятно, состоится постройка Ѳеодосійской дороги отъ правительства, и что онъ сожалѣетъ, что я долженъ ѣхать въ Новочеркасскъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ бы предложить того содержанія, какое я получаю въ Волго-Донскомъ обществѣ и на постройкѣ Грушевской дороги, что составляло вмѣстѣ 19.000 руб.

Тогда я отвѣтилъ ему, что Грушевскую дорогу, я скоро кончаю, и дѣятельность по эксплоатаціи меня мало интересуетъ, а ежели представится случай заняться прямымъ моимъ дѣломъ постройки дорогъ, чѣмъ я до сихъ поръ занимался, то я буду согласенъ работать съ меньшимъ вознагражденіемъ.

— Такъ вы будете согласны въ могущемъ представиться случаѣ удовлетвориться меньшимъ содержаніемъ?

— Рѣшительно согласенъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось бы жить въ Царицынѣ, гдѣ я не могу давать должнаго образованія дѣтямъ.

— Вы слышите, Петръ Александровичъ,—сказалъ Мельниковъ, обращаясь къ Языкову,—мы его поймаемъ на словѣ.

Между тѣмъ Мельниковъ сообщилъ о томъ же Семичеву, служившему у него начальникомъ участка на Николаевской дорогѣ, и мы мечтали работать вмѣстѣ на болѣе широкомъ дѣлѣ.

Семичевъ по обыкновенію обратился ко мнѣ и просилъ сообщить ему высочайше утвержденную организацію Грушевской дороги, которую я уже построилъ, дабы, въ случаѣ порученія ему Мельниковымъ составить положеніе о будущей дорогѣ, имѣть эту организацію руководствомъ.

Я составилъ ему двѣ записки: одну, представляющую общій взглядъ, а другую,—съ подробнымъ изложеніемъ организаціи, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Полное довѣріе къ исполнителямъ.

2. Полная самостоятельность ихъ въ предѣлахъ назначенной сферы, которая должна быть какъ можно шире.

3. Свобода дѣйствій въ данной сферѣ, безъ испрашиванія разрѣшеній высшей инстанціи.

4. Строжайшая отвѣтственность личная, но отнюдь не коллективная.

5. Особенная бдительность высшей инстанціи въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное лицо испрашиваетъ разрѣшеніе тогда, когда дѣло относится до сферы предоставленной ему самостоятельности. Такія явленія равносильны стремленію этого лица снять съ себя отвѣтственность.

6. Возложеніе строгой обязанности на исполнителя: не выступать изъ общей смѣты данной операціи, допуская, однако, перенесеніе расходовъ изъ одной статьи въ другую, иначе руки у исполнителя часто будутъ связаны.

7. Допущеніе, по случайнымъ и мѣстнымъ, не терпящимъ отлагательства, причинамъ—измѣненій въ проектѣ.

8. Строжайшій контроль дѣйствій и фактовъ, а не предварительный контроль предложеній, снимающій отвѣтственность съ личности.

9. Возбужденіе энергіи и поддержаніе духа во всѣхъ исполнителяхъ, спускаясь даже до рабочаго люда, который долженъ быть оплачиваемъ широко.

Здѣсь я долженъ прервать, на нѣсколько времени, послѣдовательность разсказа и обратиться нѣсколько назадъ.

Мой сослуживецъ по Николаевской дорогѣ Семичевъ, лѣтъ на десять старше меня, былъ со мною въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Когда я отправился на Донъ, Семичевъ строилъ въ это время Волго-Донскую желѣзную дорогу. Окончивъ ее, онъ отправился въ Петербургъ и вслѣдъ затѣмъ былъ приглашенъ въ частное общество на постройку Рязанской дороги, т. е. на продолженіе дороги отъ Коломны до Рязани. Когда я пріѣхалъ съ 1862 на 1863 г. въ Петербургъ, Семичевъ обратился ко мнѣ, между прочимъ, съ такою рѣчью:

— Вы вѣдь мастеръ по выбору линіи, а мнѣ придется дѣлать изысканія отъ Коломны къ Рязани. Я принесъ вамъ подробныя карты, пожалуйста, разсмотрите ихъ и начертите линію, какая, по вашему

взгляду, представится лучшею. Да вотъ еще, что васъ попрошу. Вы теперь человѣкъ опытный въ устройствѣ администраціи; вы вели дѣло самостоятельно на совершенно особыхъ порядкахъ; сдѣлайте мнѣ одолженіе, набросайте мнѣ, коротенько, основные принципы этихъ порядковъ. Я не далъ еще окончательнаго отвѣта правленію, т. е. Дервизу, и подожду, пока не получу отъ васъ.

— Съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу,—отвѣтилъ я.

И принялся, по изученіи картъ, за начертаніе линіи и за составленіе записки, которую и послалъ ему.

Замѣчу здѣсь, что по начертанной мною линіи и построена дорога, обошедшаяся необыкновенно дешево.

Семичевъ, впрочемъ, не оставался долго на Рязанской дорогѣ. Онъ не сошелся съ директоромъ правленія Дервизомъ и ушелъ оттуда.

Въ маѣ 1864 года я получилъ слѣдующую телеграмму отъ главноуправляющаго Мельникова: «можете ли вы пріѣхать неотлагательно въ Петербургъ для принятія порученія по работамъ Южной дороги».

Я телеграфировалъ главноуправляющему: «не могу ли остаться недѣли на три, для закончанія дѣла въ Новочеркасскѣ».

На это получилъ телеграмму отъ брата Ипполита, который былъ инспекторомъ въ институтѣ путей сообщенія: «Мнѣ поручено отвѣтить, что если желаете воспользоваться дѣломъ по работамъ Московско-Орловской дороги, то ускорьте пріѣздомъ, потому что дѣло рѣшается теперь».

Раздумывать было нечего, и я черезъ три дня выѣхалъ, со всѣмъ семействомъ, въ Петербургъ.

Мнѣ было извѣстно только, что Мельниковъ имѣетъ намѣреніе строить дорогу отъ Москвы до Орла.

По пріѣздѣ въ Москву, я встрѣтилъ на станціи человѣка Семичева, который сообщилъ мнѣ, что его баринъ здѣсь, въ Москвѣ, и что могу его увидать на станціи Николаевской дороги, въ чертежной.

Я заѣхалъ съ семействомъ въ гостиницу, подлѣ Николаевскаго вокзала, и сейчасъ отправился къ Семичеву. Изъ всего предыдущаго я, разумѣется, ожидалъ самой сердечной встрѣчи. Но каково было мое удивленіе, что, когда я вошелъ въ чертежную, Семичевъ, поднявъ голову отъ разсматриваемой имъ продольной профили, сказалъ:

— Ахъ, вы пріѣхали; Мельниковъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ и не дождется.

Эта встрѣча была совершенно ушатомъ ледяной воды, вылитой неожиданно на меня. Я почувствовалъ полное оскорбленіе всѣхъ моихъ чувствъ и впалъ потому въ недоумѣніе.

— Гдѣ вы остановились здѣсь?—спросилъ Семичевъ.

— Въ гостиницѣ, подлѣ вокзала.

— Я пріѣду къ вамъ часа черезъ два.

Когда пріѣхалъ Семичевъ, Я хотѣлъ узнать о томъ, въ какомъ положеніи ходъ дѣла, такъ какъ я ничего не вѣдалъ.

— Узнаете все отъ Мельникова въ Петербургѣ. Вы когда ѣдете?

— Какъ ѣхать? Я хотѣлъ переговорить прежде обо всемъ съ вами.

— Я теперь ужасно занятъ. Поѣзжайте сегодня же въ Петербургъ. Мельниковъ только васъ и ждетъ, чтобы уѣхать въ объѣздъ.

Это былъ уже второй ушатъ воды. Мысли мои стали путаться, требовалось выяснить мое недоумѣніе, и я, несмотря на усталость семьи отъ семидневной непрерывной ѣзды, рѣшился ѣхать въ тотъ же день съ почтовымъ поѣздомъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я на другой же день отправился къ Мельникову.

— Я очень, очень радъ, что поспѣшили пріѣхать, я торопилъ васъ, потому что дѣло въ самомъ горячемъ ходу. Теперь, я поручилъ Совѣту разсмотрѣть положеніе о постройкѣ Южной дороги. Это положеніе составлено на основаніи той вашей записки, которую передалъ мнѣ Семичевъ, съ порядками, которые были организованы вами при постройкѣ Грушевской дороги. Старичкамъ въ Совѣтѣ эти порядки кажутся немыслимы. Вы, какъ приведшій въ исполненіе эти порядки, и разъясните имъ, что они освѣщены уже опытомъ. Завтра я уѣзжаю на нѣсколько дней въ объѣздъ; а вы пойдите въ Совѣтъ. Я сейчасъ дамъ вамъ отъ себя записку, что вы явились по моему порученію. На-дняхъ пріѣдетъ Семичевъ, передайте ему, чтобы онъ пошелъ вмѣстѣ съ вами и помогъ вамъ въ разъясненіяхъ дѣла. Впрочемъ, вы получите объ этомъ оффиціальное распоряженіе.

На другой день я отправился въ Совѣтъ. Въ Совѣтѣ предсѣдательствовалъ товарищъ главноуправляющаго генералъ-лейтенантъ Герсфельдъ; членами были: генералъ-лейтенантъ Четвериковъ, Алексѣй Петровичъ Мельниковъ, братъ главноуправляющаго; Петръ Александровичъ Языковъ, директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ, другіе директоры разныхъ департаментовъ и тайный совѣтникъ Баричевскій.

Всѣ эти господа, при чтеніи Положенія, приходили въ полное недоумѣніе, какъ можно вести казенное дѣло безъ рабочихъ журналовъ и рабочихъ книжекъ; какъ составлять смѣты безъ урочнаго положенія и справочныхъ цѣнъ; какъ допустить, чтобы исполнитель могъ измѣнять утвержденные проекты, сообразно обстоятельствамъ по экстренности дѣла; какъ, вслѣдствіе надобности, обходиться безъ форменныхъ торговъ и проч.

Со всѣхъ сторонъ на мои разъясненія, основанныя на опытѣ, я слышалъ возраженія, которыя могли вызывать только улыбку.

Между тѣмъ, подъѣхалъ Семичевъ изъ Москвы, и я ему передалъ желаніе Мельникова, чтобы онъ явился, вмѣстѣ со мною, въ Совѣтъ.

— Какъ хотите, а я туда не пойду; положеніе составлено по вашей запискѣ и оправдалось вашимъ опытомъ, вы и защищайте.

Это былъ третій ушатъ воды, вылившійся на меня. Становилось очевиднымъ, что Семичевъ уклоняется отъ совмѣстнаго дружнаго веденія дѣла, долженствовавшаго насъ сильно интересовать. Тѣмъ временемъ, я получилъ отъ правителя дѣлъ Совѣта, Васильева, слѣдующее извѣщеніе: «Имѣю честь увѣдомить Валеріана Александровича, что товарищъ главноуправляющаго приказать изволилъ просить васъ пожаловать въ засѣданіе Совѣта, имѣющее быть 25-го сего мѣсяца въ часъ по полудни».

Въ виду того, что Семичевъ наотрѣзъ отказался идти со мною въ Совѣтъ, и что поэтому — «одинъ въ полѣ не воинъ» — я не пошелъ въ Совѣтъ и написалъ правителю дѣлъ, Васильеву, слѣдующій отвѣтъ:

«Честь имѣю увѣдомить, что по случаю сильной зубной боли не могу присутствовать сегодня въ засѣданіи Совѣта».

Въ это время, ко мнѣ стала обращаться масса инженеровъ съ рекомендаціями отъ товарища главноуправляющаго и отъ разныхъ лицъ для поступленія на дорогу; я отвѣчалъ товарищу главноуправляющаго, что приказъ о моемъ назначеніи еще не вышелъ, и потому я не могу еще набирать личный составъ.

— Да это дѣло рѣшенное,—отвѣтилъ мнѣ Герсфельдъ.

Черезъ нѣсколько дней возвратился Мельниковъ, и я пошелъ къ нему, сказалъ ему, какъ было дѣло.

— Да это ничего не значитъ, — сказалъ Мельниковъ,— старичкамъ трудно разставаться съ прежними казенными порядками; пусть ихъ ворчатъ, а я доложу Положеніе безъ ихъ санкціи, непосредственно государю.

Тогда я поставилъ Мельникову слѣдующій вопросъ:

— Вы предполагаете, Павелъ Петровичъ, раздѣлить дорогу до Орла на два отдѣленія, изъ которыхъ одинъ поручаете Семичеву, а другой мнѣ. Кто же будетъ нашимъ начальникомъ?

— Я-съ,—отвѣтилъ порывисто Мельниковъ.

— Это вѣрно, что вы можете быть нашимъ непосредственнымъ начальникомъ только до поры до времени. Оба, избранныя вами, лица вамъ хорошо извѣстны во всѣхъ отношеніяхъ, и потому дѣло безъ хлопотъ пойдетъ гладко. Но вѣдь дорога не остановится въ Орлѣ; она пойдетъ до Курска, затѣмъ до Харькова, потомъ до Екатеринославля

и, наконецъ, до Севастополя. Тогда, по занимаемому вами положенію, вы будете не въ состояніи быть непосредственнымъ начальникомъ.

— Тогда будетъ вѣдать дорогой департаментъ желѣзныхъ дорогъ,— сказалъ Мельниковъ.

— Припомните, Павелъ Петровичъ, сколько горя, сколько непріятностей, сколько помѣхъ, сколько оскорбленій и обидъ доставлялъ вамъ департаментъ, не отвѣтственный въ живомъ дѣлѣ, и вы всего этого не скрывали отъ насъ.

— Да, это правда! Но какъ же обойтись безъ этого?

— Раздѣлите дорогу не по участкамъ, а по отраслямъ, и поставьте во главу каждой отрасли независимое самостоятельное лицо. Напримѣръ, вы оказываете довѣріе намъ. Положимъ, вы поручаете Семичеву отрасль постройки землянаго полотна и искусственныхъ сооруженій, а я возьму на себя механическую часть, подвижной составъ, водоснабженіе, станціи и проч., т. е. ту отрасль, въ которой Семичевъ не компетентенъ; третья отрасль будетъ хозяйственная; для этого у васъ есть лицо, вамъ отлично извѣстное, пользовавшееся вашимъ особымъ довѣріемъ, Журавскій. Будетъ, значитъ, три лица, совершенно самостоятельныхъ, которыя и составятъ управленіе. Это будутъ не чиновники, а живые отвѣтственные исполнители.

— Да,—сказалъ Мельниковъ,—такая постановка организаціи мнѣ очень нравится. Изложите это на бумагѣ и принесите мнѣ какъ можно скорѣе. Дней черезъ пять я ѣду провожать государя въ Варшаву, и доложу ему объ этой организаціи.

Въ тотъ же день, я засѣлъ составлять записку. Пришлось переписать ее своей рукой, такъ какъ подобное дѣло надо было держать въ секретѣ. Я просидѣлъ три дня и три ночи, и на четвертый день принесъ Мельникову записку. Онъ очень благодарилъ меня и повторилъ, что дорогой доложитъ это дѣло государю.

На другой день послѣ отъѣзда Мельникова, т. е. 15-го іюня 1864 года, я получилъ отъ директора департамента Языкова письмо слѣдующаго содержанія:

«Препровождая при семъ, для прочтенія вашего, копію съ Положенія о производствѣ работъ по устройству Южной желѣзной дороги, покорнѣйше прошу васъ возвратить оное по возможности неотлагательно.

«Господинъ главноуправляющій прибудетъ въ С.-Петербургъ въ четвергъ утромъ, а потому—не будете ли имѣть возможность повидаться со мною до пріѣзда его превосходительства Павла Петровича».

Кромѣ того, Языковъ прислалъ мнѣ маленькую записку, которой просилъ пріѣхать къ нему обѣдать.

Языковъ былъ женатъ и жилъ въ это время на Большой Морской·

Жена и дочь его были на дачѣ въ Петергофѣ. Когда я пріѣхалъ къ обѣду, то увидалъ столъ съ приготовленными лишь двумя кувертами. Обѣдъ былъ великолѣпный, превосходныя вина и въ заключеніе шампанское. Тутъ разговора о дѣлѣ Языковъ не подымалъ, разспрашивалъ меня о выстроенной мною дорогѣ и проч. Послѣ обѣда, онъ пригласилъ выйти на балконъ, приказалъ подать туда столикъ, разные ликеры, кофе, коньякъ и принесъ мнѣ большую сигару.

— А я,—сказалъ онъ,—по старой привычкѣ покуриваю трубочку Жукова изъ длиннаго чубука. Дѣйствительно, трубка съ чубукомъ упиралась на полъ. Мы засѣли на балконѣ, и, черезъ нѣсколько минутъ, Языковъ заговорилъ:

— Что это, Валеріанъ Александровичъ, вы хотите насъ похерить?

— Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— А записка, которую вы подали Павлу Петровичу?

— Да, я подалъ записку Павлу Петровичу, составленную по его приказанію.

Языковъ нѣсколько отвернулся, сдѣлавъ презительную гримасу и, махнувъ рукою, сказалъ:

— Полноте говорить это. Я вѣдь знаю, что записка составлена по вашей инициативѣ; вы департаментъ ни въ грошъ не ставите; вы его просто уничтожаете; за что на насъ такая напасть?

Я перемѣнилъ тонъ и сказалъ: «Я исполнялъ только приказаніе главноуправляющаго».

— Что же это будетъ: три директора будутъ исполнять самостоятельно все дѣло, и департаментъ подступиться къ нимъ не можетъ.

— Я принялъ во вниманіе порядки, которые были при постройкѣ Николаевской дороги, и порядки при построенной мною дорогѣ, которые оправдались на опытѣ, и на этомъ основаніи, я и составилъ мою записку.

Затѣмъ Языковъ сталъ пытать меня съ разныхъ сторонъ; и я не перемѣнялъ принятаго оффиціальнаго тона.

— А Семичевъ-то, кажется, будетъ попокладливѣе васъ,—сказалъ Языковъ.

Разговоръ началъ принимать непріятный характеръ, и я поспѣшилъ поблагодарить и откланяться.

Черезъ нѣсколько дней вернулся Мельниковъ; ожидая быть вызваннымъ, я не пошелъ къ нему. Прошло дней десять. Мельниковъ не посылалъ за мной. Въ это время, Семичевъ безпрерывно пріѣзжалъ изъ Москвы, потому, что его семейство жило въ Павловскѣ на дачѣ, у брата Ипполита. Онъ ничего не сообщилъ мнѣ о ходѣ дѣла и только однажды спросилъ:

— Были вы у Мельникова?

*

— Нѣтъ, не былъ, и жду, что онъ призоветъ меня; вѣдь онъ вызвалъ меня за 1.800 верстъ и оторвалъ отъ дѣла. Я не навязывался, и потому онъ обязанъ мнѣ.

— Я совѣтовалъ бы сходить,—сказалъ Семичевъ.

Наши отношенія съ нимъ измѣнились.

Такимъ образомъ прошло три недѣли слишкомъ, Мельниковъ не призывалъ, а я къ нему не шелъ.

Семичевъ опять пріѣхалъ изъ Москвы. Живя у брата въ Павловскѣ, я пошелъ къ нему утромъ. Онъ одѣвался, чтобы ѣхать въ Петербургъ. Разговоръ между нами не клеился. Я сидѣлъ съ боку письменнаго стола, на которомъ лежала кучка оффиціальныхъ бумагъ, написанныхъ писарскимъ, прекраснымъ почеркомъ. Я невольно взглянулъ на эту кучку, и на первомъ листѣ увидалъ написанный рапортъ Мельникову о назначеніи офицеровъ на Курскую дорогу. Семичевъ мнѣ ни слова не сказалъ, что онъ принялъ уже на себя порученіе, не только до Орла, но отъ Москвы до Курска. Пораженный этимъ обстоятельствомъ, я смолчалъ; а Семичевъ, надѣвъ мундиръ и захвативъ въ портфель бумаги, сказалъ мнѣ:

— Извините, мнѣ нужно ѣхать къ Мельникову.

Я пожелалъ ему счастливаго пути и вышелъ. Съ той минуты безъ всякихъ объясненій мы разстались съ Семичевымъ навсегда.

Такимъ образомъ разыгралась интрига противъ меня, которой посодѣйствовалъ Семичевъ, мой закадычный другъ.

Я разсказалъ буквально факты и долженъ разъяснить ходъ интриги, направленной противъ меня, и назвать лицъ, принявшихъ въ ней то или другое участіе.

Дѣло совершилось скоро и неожиданно. Какъ сказано выше, я вручилъ Мельникову, передъ отъѣздомъ его въ Варшаву, мою записку о подраздѣленіи управленія дороги по отраслямъ, съ которой онъ хотѣлъ ознакомить государя.

Мельниковъ былъ человѣкъ слабаго характера, нерѣшительный и шаткій во взглядахъ. Главнымъ его совѣтникомъ былъ его родной братъ Алексѣй Петровичъ, членъ Совѣта, который и жилъ съ своимъ семействомъ въ министерскомъ домѣ, наверху.

Этотъ человѣкъ былъ рѣшительный, смѣлый, съ опредѣленными взглядами, и потому имѣлъ огромное вліяніе на своего брата, который и слушался его во всемъ. Этимъ только и можно объяснить возвращеніе Уайненса, прогнаннаго Чевкинымъ, опять въ контрагенты, на Николаевскую дорогу, съ контрактомъ еще худшимъ для казны противъ прежняго.

Когда главноуправляющій недоумѣвалъ, какъ организовать управленіе, то Алексѣй Петровичъ держалъ такую рѣчь:

— Что ты раздумываешь и возишься съ Панаевымъ. Это человѣкъ абсолютный, ты самъ это хорошо знаешь и видѣлъ его на дѣлѣ при Чевкинѣ, когда онъ зарѣзалъ Уайненса. Если организуешь управленіе съ Совѣтомъ, то, конечно, первую и главную роль будетъ играть Панаевъ, и весь успѣхъ дѣла припишется ему. Онъ не будетъ исполнителемъ твой воли, а будетъ дѣйствовать самостоятельно, что видно уже изъ записки, которую онъ тебѣ представилъ. Семичевъ будетъ подходящѣе тебѣ; назначь его строителемъ всей дороги отъ Москвы до Курска.

— Я уже вызвалъ Панаева изъ Новочеркасска,—возразилъ ему Павелъ Петровичъ,—и заявлялъ всѣмъ, что я имѣлъ въ виду назначить его на Южную дорогу.

— Экая бѣда!—отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ. Семичевъ на 10 лѣтъ старше по службѣ Панаева, произведи его въ генералы, и тѣмъ, значитъ, въ глазахъ всѣхъ, ты и оправдаешь себя.

На этомъ и было рѣшено дѣло.

Хотя матеріальный ударъ былъ громадный: съ 19.000 руб. содержанія, я очутился на 800 руб. жалованья по чину, но во мнѣ горѣла энергія, я вѣрилъ въ свои собственныя силы и потому перенесъ этотъ ударъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстояло получить 10.000 руб. преміи, которая была высочайше назначена за устроенную мною Грушевскую дорогу.

У Мельникова заговорила совѣсть уже впослѣдствіи, когда онъ оставилъ постъ министра и былъ зачисленъ въ члены Государственнаго Совѣта. Въ это время онъ пріобрѣлъ домъ въ Фурштадтской, гдѣ и жилъ. Въ той же улицѣ, вблизи, я имѣлъ небольшой домъ, и мой кабинетъ помѣщался внизу.

Мельниковъ имѣлъ обыкновеніе, вставши утромъ, часовъ въ 6 или 7, немедленно дѣлать пѣшкомъ прогулку. Я видѣлъ его проходящимъ каждый день мимо моихъ оконъ, когда я занимался писаніемъ.

Нѣсколько разъ, проходя, онъ останавливался передъ окномъ и могъ видѣть меня. Спустя нѣкоторое время, я получилъ отъ него визитную карточку. Я не отвѣтилъ и не пошелъ къ нему. Черезъ недѣлю, я получилъ другую карточку и все-таки не пошелъ къ нему. Дня черезъ три Мельниковъ, проходя, остановился передъ окномъ, увидалъ меня, вернулся, и я немедленно услышалъ звонокъ.

— Я живу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ; гуляя, я часто вижу васъ въ окно занимающимся, и мнѣ захотѣлось повидать стараго сослуживца,—сказалъ Мельниковъ.

— Я очень радъ васъ видѣть,—отвѣтилъ я.

— Намъ надо бы возобновить знакомство по близкому сосѣдству.

— Я непремину явиться къ вамъ,—сказалъ я.

Зная слабый характеръ Мельникова, зная главныхъ дѣйствующихъ лицъ интриги, я не питалъ къ нему злобнаго чувства. Послѣ его настойчиваго желанія видѣть меня, я отправился къ нему. Ни онъ, ни я не вспоминали прошедшаго, и мы стали сходиться съ нимъ. Мельниковъ началъ ходить къ намъ часто.

Такъ я сблизился опять съ Мельниковымъ, при пословицѣ: «кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ».

XXXV.

Сдача Грушевской дороги.—Поѣздка Панаева за границу.—Конгрессъ въ Бернѣ.—Встрѣча съ А. И. Герценомъ.—Знакомство съ П. Г. Дервизомъ. — Его прошлое.—Предположеніе о постройкѣ дороги отъ Козлова до Воронежа. — Новый концессіонеръ Поляковъ.—Постройка дороги отъ Курска до Кіева.— Два предложенія: Дервиза и Новосельскаго.—Полученіе концессіи Дервизомъ.

Когда министръ Мельниковъ вызвалъ меня изъ Новочеркасска для работъ Южной дороги, Грушевская дорога была уже окончена и четыре мѣсяца находилась въ эксплоатаціи. Вызванный экстренно, я долженъ былъ сдать всѣ дѣла старшему офицеру и отправился въ Петербургъ со всею семьею, слѣдовательно, по экстренности отъѣзда, не могла быть форменная сдача дороги.

Ожидая оффиціальнаго назначенія меня на Южную дорогу, я проживалъ въ Петербургѣ, и только въ ноябрѣ назначена была коммиссія для пріемки отъ меня Грушевской дороги. Въ число членовъ этой коммиссіи былъ назначенъ отъ военнаго министерства военный инженеръ, подполковникъ Паукеръ, впослѣдствіи министръ путей сообщенія.

Такъ какъ на дорогѣ было устроено много сооруженій, которыя не имѣли первоначально утвержденныхъ проектовъ, и мною измѣненныхъ сообразно обстоятельствамъ, то коммиссіи пришлось пробыть въ Новочеркасскѣ почти цѣлый мѣсяцъ, чтобы убѣдиться въ необходимости новыхъ сооруженій и основательности сдѣланныхъ измѣненій.

Свой огромный журналъ коммиссія заключила слѣдующими словами:

«Коммиссія, повѣривъ всѣ отступленія на мѣстѣ, вполнѣ признаетъ основательность соображеній, руководившихъ означенными отступленіями, вызванными или необходимостью или пользою дѣла.

«Всѣ сооруженія, какъ тѣ, по которымъ послѣдовало измѣненіе противъ первоначальнаго проекта, такъ и тѣ, на которыя не было утвержденныхъ проектовъ— не только вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію и мѣстнымъ условіямъ, но во всемъ виденъ разсчетъ на будущее развитіе движенія, и въ особенности, по тѣмъ предметамъ, которые измѣнить послѣ было бы трудно.

«Въ отношеніи къ общему характеру постройки коммиссія находитъ, что всѣ сооруженія и принадлежности дороги устроены и сдѣланы вполнѣ прочно и употреблены матеріалы лучшаго качества».

Такимъ образомъ, я окончилъ успѣшно порученное мнѣ дѣло устройства дороги, и этотъ успѣхъ былъ слѣдствіемъ тѣхъ правъ, которыя были даны мнѣ, т. е. независимости, свободы въ распоряженіяхъ и исключительнаго довѣрія, мнѣ оказаннаго.

Въ началѣ лѣта 1865 года я взялъ отпускъ, чтобы ѣхать за границу. Мнѣ хотѣлось принять участіе въ конгрессѣ въ Берлинѣ по разнымъ научнымъ вопросамъ.

Между вопросами, назначенными для обсужденія, было два вопроса, которые интересовали меня и по которымъ я не мало писалъ: Это вопросъ объ организаціи общины и вопросъ о томъ—что выгоднѣе, строить ли и эксплоатировать дороги правительствомъ или частными компаніями?

Сначала я поѣхалъ на купанье въ Остенде и помѣстился тамъ въ отелѣ на самомъ берегу моря. Тогда въ Остенде было множество русскихъ, но я въ теченіе четырехъ недѣль, тамъ проведенныхъ, ни съ кѣмъ не познакомился.

Чтобы меня не узнали, что я русскій, я не говорилъ по-русски и тѣмъ избѣжалъ навязчивыхъ знакомыхъ. Можно сказать, что я вполнѣ насладился, въ эти четыры недѣли, отдыхомъ. Два раза въ день я купался, а остальное время сидѣлъ на террасѣ вытянутой во всю длину отеля передъ моремъ, которое, во время прилива, хлестало на террасу, и подготовлялъ записки для ожидаемаго конгресса. Помню, что изъ моей комнаты выходило окно на стеклянную крышу, которая покрывала танцовальный залъ отеля.По вечерамъ я наблюдалъ за танцами. Между тѣмъ большое общество американскихъ путешественниковъ арендовало эту залу три раза въ недѣлю исключительно для себя. Танцовали постоянно котильонъ. Кавалеръ, избравшій даму, не мѣнялъ ее въ продолженіе всего вечера. Каждый кавалеръ приносилъ бутылку шампанскаго и ставилъ ее подъ стулъ, и если бутылка опорожнивалась во время танцевъ, онъ сейчасъ приносилъ другую. Все дѣлалось весьма прилично, и общество проводило время очень весело.

Черезъ четыре недѣли, я отправился на конгрессъ и, заѣхавъ въ Брюссель, пригласилъ ѣхать со мною А. И. Герцена.

По пріѣздѣ въ Бернъ вмѣстѣ съ Герценомъ, мы пошли прогуляться въ садъ. Впереди насъ шли два господина, и одинъ изъ нихъ былъ хромой, и разговаривалъ по-русски. Я услыхалъ въ разговорѣ мою фамилію, и мы стали прислушиваться.

— Слышали ли вы,—сказалъ хромой,—что на конгрессъ пріѣхалъ

одинъ русскій офицеръ, присланный правительствомъ, и записался говорить по вопросамъ объ общинѣ и желѣзныхъ дорогахъ?

— Да, я мелькомъ что-то слышалъ.

— Надо его хорошенько пробрать.

— Постараемся,—отвѣтилъ другой.

Засѣданія, кажется, продолжались недѣлю. Я присутствовалъ на всѣхъ. Конгрессъ былъ раздѣленъ на 5-ть секцій. Утромъ, до 1 часу, секціи собирались въ федеральномъ дворцѣ, а въ два часа было всегда общее собраніе въ зданіи большой церкви, гдѣ собирались всѣ записавшіеся члены и постороннія лица. Было организовано такъ, что изъ каждой секціи выбирался одинъ болѣе интересный вопросъ изъ обсуждавшихся и дебатированныхъ уже въ секціяхъ, и вносился въ общее собраніе.

Я принялъ участіе въ 5-ой секціи, гдѣ обсуждались вопросы, меня интересовавшіе: о желѣзныхъ дорогахъ и объ общинѣ. Къ вящему моему удивленію, обширный докладъ, составленный профессоромъ Бернскаго университета Войтомъ (Voyt), пришелъ къ рѣшительному выводу, что желѣзныя дороги должны строиться правительствомъ, а не частными компаніями. Это не согласовалось съ господствовавшимъ мнѣніемъ среди экономистовъ Европы и Америки.

Вслѣдъ за тѣмъ, я обратился къ собранію и прочелъ мою записку, въ видѣ рѣчи, прежде изготовленную, которая приводила къ тому же заключенію [1]).

Собраніе было поражено совпаденіемъ такихъ необычныхъ и смѣлыхъ, по тогдашнему времени взглядовъ, идущихъ въ противоположность общесуществующимъ понятіямъ. Затѣмъ выступили ораторы, бормотавшіе разные пустяки въ защиту частныхъ компаній желѣзныхъ дорогъ, и засѣданіе быстро прекратилось.

Въ пятой секціи былъ назначенъ къ обсужденію вопросъ: Слѣдуетъ ли государству или общинѣ участвовать въ устройствѣ жилищъ для рабочаго люда.

По этому поводу я и внесъ мою записку объ организаціи русской общины, прочитавъ ее предварительно собранію секціи.

По означенному въ этой секціи вопросу не было представлено никакого доклада, а потому и не было возбуждено никакихъ дебатовъ.

Послѣ окончанія конгресса, былъ прощальный обѣдъ, на общій четъ, на который явилось до 300 человѣкъ.

Изъ Берна я отправился опять въ Женеву, чтобы провести нѣсколько дней съ Герценомъ.

---

[1]) Записка эта помѣщена въ годовомъ отчетѣ международной ассоціаціи наукъ: Annales de l'assossiation internationale (page 59).

Бесѣды съ Герценомъ были оживленныя, которыя не могли прерываться. Онъ имѣлъ обширную начитанность, всѣмъ живо интересовался, съ нимъ можно было заводить любой разговоръ. Онъ былъ близокъ къ политическому міру, очень вѣрно оцѣнивалъ его достоинства и недостатки; его сравненія были мѣтки и часто ѣдки, но въ нихъ не было злобы, а проявлялась иронія, и остроты лились безъ конца. День, проводимый у Герцена, пролеталъ незамѣтно. Однажды вечеромъ къ нему пришелъ какой-то незнакомый мнѣ господинъ, не русскій. Герцену хотѣлось познакомить его съ колоритомъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, онъ попросилъ меня спѣть. Дѣлать было нечего, надо было удовлетворить желанію, и я спѣлъ на террасѣ въ саду нѣсколько народныхъ пѣсенъ, заунывныхъ и залихватскихъ.

Этому господину въ особенности понравился мотивъ пѣсни: «Не одна во полѣ дороженька». Пробывъ дня три въ Женевѣ, я распростился съ Герценомъ, и съ той минуты я его уже не встрѣчалъ.

Въ самомъ концѣ 1865 года, послѣ возвращенія моего изъ-за границы, пріѣхалъ ко мнѣ Павелъ Григорьевичъ Дервизъ, съ которымъ я не былъ лично знакомъ. Въ это время, Дервизъ построилъ уже Коломенскую и Рязанскую дороги, и имѣлъ концессію на Козловскую дорогу, постройка которой приходила къ окончанію.

— Вы, Валеріанъ Александровичъ, — говорилъ Дервизъ, — строили Николаевскую дорогу и были при эксплоатаціи ея почти 10 лѣтъ. Затѣмъ, вы самостоятельно, на особыхъ предоставленныхъ вамъ правахъ, построили Грушевско-Донскую желѣзную дорогу крайне дешево и хорошо. Слѣдовательно, вы имѣете обширную опытность во всѣхъ отрасляхъ, до постройки желѣзныхъ дорогъ относящуюся. Въ настоящее время, я кончаю Козловскую дорогу, но не намѣренъ еще складывать оружія. Мнѣ хочется построить патріотическую дорогу, для соединенія центра Россіи съ Кіевомъ, чего горячо желаетъ государь. А потомъ, пожалуй, и брошу дѣла. Мнѣ хочется притянуть васъ къ дѣлу. Я предлагаю вамъ войти съ мною въ компанію,—и что̀ вы на это мнѣ скажете?

Среди имѣвшихъ уже дѣло съ Дервизомъ господствовало мнѣніе, что хотя онъ человѣкъ и умный, но съ необыкновенно тяжелымъ характеромъ.

Я отвѣтилъ Дервизу, что прежде, нежели дать свое согласіе, мнѣ желательно познакомиться съ нимъ поближе.

— Пріѣзжайте пожалуйста ко мнѣ въ Москву,—сказалъ Дервизъ,— тамъ мы обстоятельно переговоримъ обо всемъ. Только прошу васъ ускорить пріѣздомъ; я намѣренъ, недѣли черезъ двѣ, подать мое предложеніе на Кіевскую дорогу и буду ожидать вашего пріѣзда и вашего рѣшенія.

Я обѣщалъ ему пріѣхать черезъ недѣлю, и на этомъ мы разстались на первый разъ.

Такъ какъ при дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется много говорить о Дервизѣ и о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, то не безъинтересно разсказать о томъ, какъ Дервизъ, не будучи совсѣмъ инженеромъ, такъ дѣятельно и практично вошелъ въ міръ желѣзнодорожныхъ построекъ.

Я разскажу то, что̀ мнѣ передалъ генералъ-лейтенантъ Поливановъ, одинъ изъ главныхъ учредителей Саратовской дороги, и о которомъ я упоминалъ выше.

Поливановъ былъ генералъ-интендантомъ во время венгерской кампаніи. Передъ этимъ не задолго были уничтожены въ войскѣ кивера и замѣнены касками. Гвардейскій корпусъ былъ двинутъ въ Варшаву. Въ складахъ интендантства находилось много фальшивыхъ касокъ, сдѣланныхъ не изъ кожи, а изъ лакированнаго картона. При внезапной мобилизаціи гвардіи, генералъ-интендантъ рѣшился выдать въ походъ эти картонныя каски. На парадахъ, конечно, эти каски могли фигурировать благополучно, но когда пошли въ походъ, и солдаты шли подъ дождями, то каски стали разваливаться. Генералъ-интендантъ сопровождалъ гвардейскій корпусъ. Въ Вильнѣ войска встрѣтилъ Паскевичъ и увидалъ развалившіяся каски. Онъ немедленно передалъ объ этомъ по существовавшему тогда телеграфу государю. Въ тотъ же день послѣдовало, по телеграфу, высочайшее повелѣніе: лишить генералъ-интенданта всѣхъ чиновъ и орденовъ и разжаловать въ солдаты.

— На другой день,—какъ сказывалъ Поливановъ,—я стоялъ подъ ружьемъ на правомъ флангѣ, такъ какъ я былъ очень большаго роста.

Поливановъ, представилъ документы, что онъ доносилъ военному министру о фальшивыхъ каскахъ, представилъ тоже наряды подрядчикамъ о вывозѣ этихъ касокъ изъ складовъ интендантства, но они однако не были вывезены, и что онъ доносилъ военному министерству, что вынужденъ отправить часть гвардіи въ фальшивыхъ каскахъ.

Словомъ сказать, Поливановъ юридически и формально оправдался, и государь повелѣлъ возвратить ему чины, но не возвратилъ орденовъ.

— Я имѣлъ,—говорилъ Поливановъ,—три звѣзды и кучу крестовъ, но теперь не могъ даже носить традиціонной дворянской медали, доставшейся, по первородству, отъ моего отца. По вступленіи на престолъ императора Александра II, всѣ мои хорошіе знакомые совѣтовали подать мнѣ просьбу государю о возвращеніи мнѣ орденовъ. Въ канцеляріи военнаго министерства мнѣ сказали, чтобы я отправился къ какому-то Дервизу, у котораго золотое перо, и что онъ съумѣетъ написать просьбу на высочайшее имя. Этотъ-де Дервизъ, отличный юристъ, былъ секретаремъ у министра юстиціи, графа Панина, но съ нимъ поссорился и перешелъ въ секретари къ нашему министру, и съ тѣмъ тоже поссорился, а теперь, безъ занятій, живетъ въ Гороховой въ четвертомъ

этажѣ. Я отправился къ этому Дервизу и засталъ его сидящимъ въ халатѣ и что-то пишущимъ. Я обратился къ нему и сказалъ, что мнѣ указали на него въ военномъ министерствѣ, «какъ на человѣка съ золотымъ перомъ, а мнѣ нужно составить прошеніе на высочайшее имя». —Въ чемъ дѣло?—спросилъ Дервизъ. Я разсказалъ ему, въ чемъ мое дѣло, и съ чѣмъ я желаю обратиться къ монарху. Дервизъ выслушалъ меня и сказалъ: «Такъ вамъ нужно по этому случаю написать прошеніе». Затѣмъ, онъ взялъ большой листъ почтовой бумаги и сѣлъ писать. Я всталъ сзади за стуломъ и сталъ смотрѣть, что пишетъ Дервизъ. Письмо кончалось на второй страницѣ. Я пришелъ въ восторгъ отъ редакціи и сказалъ Дервизу: «Не продолжайте».—Да съ чего вы взяли, что я буду продолжать? Дервизъ свернулъ письмо, вложилъ его въ конвертъ и подалъ мнѣ. Письмо было написано превосходнымъ почеркомъ, сразу и, разумѣется, безъ малѣйшихъ поправокъ. «Что, письмо вамъ нравится?» спросилъ меня Дервизъ.—Я отъ него въ восторгѣ — у васъ дѣйствительно золотое перо. Когда послѣдуетъ результатъ, то я васъ отблагодарю, какъ слѣдуетъ; и съ тѣмъ я ушелъ. Черезъ недѣлю послѣдовало высочайшее повелѣніе — возвратить мнѣ всѣ ордена. Я тотчасъ же поѣхалъ къ Дервизу, захвативъ съ собою три тысячи рублей, которыя и вручилъ ему. Дервизъ поблагодарилъ и сказалъ, что деньги эти ему очень кстати. Тогда я сказалъ Дервизу, что я съ нимъ не разстаюсь, что я орудую теперь вмѣстѣ съ генералъ-адъютантомъ Анненковымъ, какъ учредитель, для постройки Саратовской дороги, и если дѣло это выгоритъ, и намъ дадутъ концессію, то я употреблю всѣ старанія, чтобы привлечь его (т. е. Дервиза) къ этому дѣлу.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, дана была концессія на Саратовскую дорогу, учредителями которой были Анненковъ, Поливановъ, Де-Брауеръ и проч. Акціи были быстро разобраны, организованъ былъ Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Анненкова, и однимъ изъ членовъ былъ избранъ Поливановъ, какъ главный орудователь всего предпріятія; тогда Дервизъ былъ приглашенъ въ правители дѣлъ Совѣта. Вотъ первый шагъ вступленія его въ желѣзнодорожную дѣятельность.

Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, я сойдясь интимно и дружески съ Дервизомъ, считалъ однако неделикатнымъ спросить его объ эпизодѣ, сообщенномъ Поливановымъ; но Дервизъ самъ разсказалъ мнѣ этотъ эпизодъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Когда Дервизъ сидѣлъ уже во многихъ милліонахъ, онъ однажды сказалъ мнѣ:

— А знаете ли, Валеріанъ Александровичъ, чему я обязанъ своему богатству?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ я.

— Моей любви къ музыкѣ; я, какъ вы знаете, играю недурно,

знакомъ даже съ композиціей. Въ черные дни, чрезъ которые мнѣ приходилось проходить, я находилъ поддержку въ музыкѣ. Моя игра была въ петербургскомъ свѣтѣ болѣе или менѣе извѣстна. Я приглашался на вечера въ аристократическіе дома, чтобы слушать мою игру. Такъ я существовалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды ко мнѣ явился одинъ генералъ Поливановъ, котораго вы знали, и обратился ко мнѣ съ просьбою написать ему прошеніе на высочайшее имя. Я выслушалъ его и сѣлъ писать. Поливановъ всталъ за моей спиной и чрезъ мое плечо смотрѣлъ на мое письмо. Когда я закончилъ письмо и поставилъ точку, то Поливановъ ладонью закрылъ письмо и крикнулъ: «довольно, больше ничего не нужно». Я отдалъ ему это письмо, и мы разстались. Черезъ недѣлю Поливановъ явился ко мнѣ и принесъ 3.000 рублей. Въ скоромъ времени, образовалось Саратовское общество, куда я былъ приглашенъ правителемъ дѣлъ Совѣта на жалованье 7.000 руб. О дальнѣйшихъ перипетіяхъ хода Саратовской дороги вы, кажется, вполнѣ въ курсѣ.

Слѣдовательно, я въ правѣ передать вышеизложенное свидѣтельство Поливанова, подтвержденное самимъ Дервизомъ, какъ неопровержимый фактъ.

Я сказалъ уже выше, что Дервизъ пригласилъ меня пріѣхать къ нему въ Москву. Я поѣхалъ и остался тамъ съ недѣлю. Въ это время, я успѣлъ высмотрѣть Дервиза и убѣдился, что это человѣкъ очень умный, энергическій, рѣшительный, съ опредѣленнымъ взглядомъ на всѣ вопросы жизни, безъ всякихъ колебаній, абсолютно честный и добрый; видимо, его опредѣленность во всемъ и абсолютность люди называли тяжелымъ характеромъ. Дервизъ понравился мнѣ вполнѣ, и я объявилъ ему, что охотно войду съ нимъ въ компанію.

— Такъ вопросъ рѣшенъ, и я васъ включу въ число учредителей; насъ будетъ всего трое: я, Меккъ и вы.

Когда въ послѣдній вечеръ я прощался съ Дервизомъ, онъ остановилъ меня и сказалъ:

— Я вспомнилъ сейчасъ объ одномъ крайне нужномъ для меня дѣлѣ въ Петербургѣ. Я съ вами не прощаюсь и попрошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе заѣхать ко мнѣ завтра утромъ по дорогѣ на станцію.

Когда я заѣхалъ на другой день утромъ, Дервизъ сказалъ:

— Я попрошу васъ исполнить мое порученіе свезти деньги и передать ихъ моему брату Дмитрію Григорьевичу, который долженъ уплатить ихъ отъ меня лицу, о которомъ онъ знаетъ. Скажите ему, что надо исполнить это завтра до 12 часовъ. Я совсѣмъ забылъ объ этомъ, и если послать по почтѣ, то деньги дойдутъ на третій уже день.

Конечно, я не отказался исполнить это порученіе.

— Чтобы не задерживать васъ,—сказалъ Дервизъ,—я уже приготовилъ деньги, потрудитесь сосчитать.

Дервизъ отворилъ столъ, и оттуда вывалились множество пачекъ, потому что было очень много мелкихъ кредитныхъ билетовъ.

— Тутъ,—сказалъ Дервизъ,—45.000 руб.

Когда я сосчиталъ деньги, то Дервизъ сталъ укладывать ихъ въ приготовленный имъ портфель, а я сѣлъ написать росписку.

— Никакой росписки не нужно,—сказалъ онъ.—Я васъ прошу свезти эти деньги прямо съ желѣзной дороги къ брату, онъ живетъ на Загородномъ проспектѣ недалеко отъ Владимірской, и, пріѣхавши, прикажите его разбудить, такъ какъ онъ по утрамъ обыкновенно долго спитъ, а ему надо свезти эти деньги до 12 часовъ.

Затѣмъ Дервизъ подалъ мнѣ портфель для укладки пачекъ.

— Нѣтъ,—сказалъ я,—я портфель не возьму потому, что въ вагонѣ я всегда сплю, и портфель могутъ стащить; я лучше разложу пачки по карманамъ сюртука и шубы.

Итакъ, нагрузившись деньгами, я отправился на станцію. Ночь я провелъ весьма непріятно, безпрестанно просыпался, опасаясь, что во время крѣпкаго сна могутъ вытащить пачки изъ кармановъ шубы.

Со станціи Николаевской дороги я, въ 9 часовъ, проѣхалъ прямо къ брату Дервиза, Дмитрію Григорьевичу. Онъ спалъ, я приказалъ разбудить его и передалъ ему деньги.

— Ахъ, какъ я радъ,—сказалъ онъ,—я ждалъ деньги и безпокоился, думая, что братъ забылъ срокъ.

Такимъ образомъ я свалилъ обузу съ плечъ.

Я привелъ этотъ фактъ, который характеризовалъ Дервиза. Онъ, сходясь со мною, очевидно, хотѣлъ увидать, какъ я отнесусь къ обращенію съ деньгами. Онъ выдаетъ значительный капиталъ и не беретъ отъ меня никакой росписки. Ему хотѣлось увидать, не щекотливый ли я формалистъ, тогда какъ въ общемъ широкомъ дѣлѣ все должно быть основано на личномъ довѣріи. Отдавая деньги его брату, я не взялъ съ него росписки въ доказательство того, что всѣ деньги мною вручены по принадлежности. И если бы я это сдѣлалъ, то мы, конечно, разошлись бы тотчасъ же съ Дервизомъ, не сойдясь еще съ нимъ.

Объ этомъ, повидимому, не важномъ эпизодѣ никогда не возбуждалось и рѣчи, но я убѣжденъ, что этотъ эпизодъ главнымъ образомъ способствовалъ нашему интимному сближенію.

Въ скоромъ времени, Дервизъ пріѣхалъ въ Петербургъ и подалъ предложеніе о концессіи на постройку дороги отъ Курска до Кіева. Конкурентовъ въ то время не было, и онъ разсчитывалъ, что, въ виду удачной постройки имъ трехъ дорогъ,—Коломенской, Рязанской и

Козловской, и въ виду особаго желанія государя, чтобы дорога осуществилась скорѣе, концессія будетъ ему немедленно дана.

Въ это время былъ тотъ фазисъ концессій, когда онѣ давались по направленіямъ сдѣланныхъ изысканій самимъ правительствомъ съ предварительнымъ проектомъ землянаго полотна и строгими техническими условіями для возведенія всѣхъ прочихъ сооруженій, оцѣниваемыхъ общими цифрами; такимъ образомъ опредѣлялся строительный капиталъ, вводимый въ концессію. Опредѣленіе строительнаго капитала дѣлалось министерствомъ путей сообщенія. Затѣмъ, предложенія о концессіи поступали въ министерство финансовъ для обсужденія размѣра финансовой стороны операціи,—какъ то: выпуска акцій и облигацій, количества тѣхъ и другихъ, срока образованія общества и гарантіи, представляемой учредителями правительству и проч.

Казалось, что не должно было быть препятствій для полученія концессіи, ибо проектъ землянаго полотна и предварительная расцѣнка всѣхъ прочихъ сооруженій были готовы. Прошло однако три мѣсяца, но предложеніе Дервиза не было внесено въ Комитетъ министровъ. Дервизъ въ это время былъ отвлеченъ окончаніемъ Козловской дороги; но, наконецъ, онъ взволновался и прикатилъ въ Петербургъ. Оказалось, что министерство путей сообщенія дѣлаетъ препятствія въ опредѣленіи строительнаго капитала. Явились разныя недоразумѣнія, которыя однако были разъяснены Дервизомъ, и онъ уѣхалъ, успокоившись.

Здѣсь я долженъ прервать нить дальнѣйшаго изложенія, дабы оно было понятно. Мнѣ придется обрисовать нѣсколько человѣкъ, съ которыми я и братъ мой Кронидъ имѣли серіозныя денежныя дѣла, прошедшія между нами безъ сучка и задоринки. Мнѣ приходится говорить о Меккѣ, соучастникѣ всѣхъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, исполненныхъ Дервизомъ, и высказать характеристику Мекка, въ главныхъ обстоятельствахъ общаго ихъ дѣла.

Передъ окончаніемъ постройки Козловской дороги, Дервизъ задумалъ продолженіе дороги отъ Козлова до Воронежа. Онъ, конечно, ясно понималъ, что дорога не можетъ остановиться въ Козловѣ, а будетъ продолжаться до Ростова, т. е. до Азовскаго моря. Но онъ любилъ дѣла, которыя исполнялись бы навѣрняка, и потому распорядился, чтобы произвели изысканія отъ Козлова до Воронежа. Это относилось къ области дѣлъ, возлагаемыхъ на Мекка. Меккъ поручилъ это дѣло и составленіе проектовъ своему интимному, опытному въ дѣлѣ изысканій инженеру Данилову.

Между тѣмъ Меккъ, составившій себѣ состояніе до пяти милліоновъ, задумалъ отдѣлаться отъ Дервиза. Къ этому представился слѣдующій случай. Братъ мой, Кронидъ, имѣлъ подрядъ постройки 70 верстъ Козловской дороги. Къ нему явился содержатель почтовыхъ

станцій, нѣкій Поляковъ, и предложилъ поставить на эту часть дороги шпалы. Братъ сдалъ ему это дѣло, и Поляковъ исполнилъ поставку аккуратно. Меккъ, объѣзжая работы, нѣсколько разъ видѣлъ Полякова и познакомился съ нимъ. Поляковъ былъ разумный, энергическій, смѣлый и ловкій человѣкъ; онъ былъ прежде приказчикомъ на шоссе у одного товарища Мекка Кислаковскаго. Меккъ, оцѣнивъ качества Полякова, приблизилъ его къ себѣ и сталъ затягивать его въ желѣзнодорожное предпріятіе.

Въ это время Дервизъ съ Меккомъ представили уже въ министерство путей сообщенія произведенныя ими изысканія и проектъ землянаго полотна на продолженіе дороги отъ Козлова до Воронежа. Дервизъ былъ увѣренъ, какъ дважды два четыре, что едва онъ окончитъ дорогу до Козлова, какъ ему, безъ сомнѣнія, отдадутъ постройку до Воронежа, тѣмъ болѣе, что, повидимому, конкурентовъ не было.

Меккъ задумалъ иное и предложилъ Полякову, человѣку, никому и нигдѣ неизвѣстному, явиться конкурентомъ. Для чего надо было, чтобъ Поляковъ представилъ произведенныя будто бы имъ изысканія и проектъ землянаго полотна по другой линіи.

Неотлагательно изысканія Дервиза съ Меккомъ были перечерчены въ кабинетѣ съ ничтожными измѣненіями, и для приличія посланъ былъ техникъ, чтобы поставить, кое-гдѣ, вѣхи и колья, и такимъ образомъ Поляковъ могъ явиться конкурентомъ.

Въ скоромъ времени, я, придя однажды утромъ къ Дервизу, засталъ его въ крайне раздраженномъ состояніи. Онъ подалъ мнѣ газету и сказалъ:

— Прочтите, пожалуйста.

Я прочелъ, что Комитетъ министровъ утвердилъ концессію на постройку дороги отъ Козлова до Воронежа за Поляковымъ.

— Вы говорили мнѣ, кажется, что вы представили изысканія и проекты на эту дорогу, и что у васъ конкурентовъ не было. Кто же это Поляковъ?

— Я столько же знаю, сколько и вы; знаю только, что какой-то Поляковъ былъ поставщикомъ на Козловской дорогѣ. Я сейчасъ иду къ министру финансовъ и узнаю объ этой метаморфозѣ; подождите меня.

Дервизъ вернулся отъ министра, который сказалъ ему, что Поляковымъ были представлены въ министерство путей сообщенія всѣ документы, нужные на полученіе права на концессію, и что о предпочтеніи его Дервизу ходатайствовало предъ государемъ одно высокопоставленное лицо.

Дервизъ успокоился потому, что отдача концессіи Полякову совершилась по высочайшей волѣ, а не потому, чтобы министръ финансовъ былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ операціями Дервиза при исполненіи построекъ. Отношенія Дервиза къ министру финансовъ не измѣнились.

Между тѣмъ, дѣло по концессіи Курско-Кіевской дороги продолжало тянуться въ министерствѣ путей сообщенія. Меккъ не оставлялъ мысли отдѣлаться все-таки какимъ-нибудь образомъ отъ Дервиза.

Во время одного пріѣзда Дервиза въ Петербургъ, я сидѣлъ у него вмѣстѣ съ Меккомъ.

— Послушайте, Павелъ Григорьевичъ,—говорилъ послѣдній,—дѣло въ министерствѣ путей сообщенія все тянется; мнѣ кажется, потому, что учредителями являются трое: вы, я и Панаевъ. Не лучше ли оставить между нами прежнія отношенія, т. е. вы будете, какъ на Козловской дорогѣ, единственнымъ учредителемъ, а я съ Валеріаномъ Александровичемъ раздѣлимъ постройку дороги пополамъ и будемъ только подрядчиками.

Казалось, съ виду, что Меккъ отказывается отъ части учредительства въ пользу Дервиза, что, слѣдовательно, должно было быть выгодно послѣднему. Дервизъ смолчалъ тогда, но черезъ два мѣсяца, въ бытность мою въ Москвѣ, онъ отвѣтилъ Мекку, очень рельефно, на эту рѣчь. Въ Москвѣ, Дервизъ пригласилъ меня съѣздить вмѣстѣ съ нимъ къ Мекку на дачу. Когда Дервизъ былъ кѣмъ-нибудь сильно озабоченъ, онъ имѣлъ обыкновеніе ходить изъ угла въ уголъ и молчать. Наконецъ, онъ остановился передъ Меккомъ и сказалъ:

— Знаете ли, Карлъ Ѳедоровичъ, что на ваше предложеніе, высказанное вами мѣсяца два тому назадъ, я, по здравому обсужденію, пришелъ къ убѣжденію, что дѣло затягивается потому, что мое имя стоитъ учредителемъ; я нахожу нужнымъ предоставить учредительство одному Панаеву, и тогда министерство не будетъ оказывать препятствія, ибо онъ опытомъ доказалъ свою компетентность въ дѣлѣ. Я повторяю вамъ, что это будетъ наилучшее рѣшеніе дѣла въ министерствѣ путей сообщенія, которое тянетъ болѣе года.

Тогда у Мекка задергало все лицо, ибо у него было нѣчто похожее на tic douloureux отъ нервнаго удара, съ нимъ случившагося, и Меккъ пробормоталъ что-то невнятное, и на этомъ кончился разговоръ.

Меккъ опасался, чтобы, сблизясь со мной, Дервизъ не вздумалъ бы, въ одинъ прекрасный день, порвать дѣло съ нимъ. Но Меккъ былъ нуженъ Дервизу для общаго дѣла, какъ великій мастеръ подыскивать подрядчиковъ, съ которыми умѣлъ ладить и вести дѣло и которые шли къ Мекку охотно, ибо онъ былъ аккуратенъ и честенъ въ разсчетахъ.

Въ 1866 году, я проводилъ время въ Петергофѣ, гдѣ жилъ тоже мой давнишній знакомый, Новосельскій.

Новосельскій открылъ себѣ карьеру, затребованіемъ на биржѣ на 200.000 акцій пароходства по Волгѣ «Меркурій». Акціи эти были въ сильномъ упадкѣ и находились преимущественно въ рукахъ высшаго

круга. Акціи, вслѣдствіе запроса, сильно поднялись. Новосельскаго сочли благодѣтелемъ и великимъ финансистомъ, и онъ взялъ на себя управленіе этимъ дѣломъ. Почти въ то же время, онъ явился учредителемъ «Русскаго общества пароходства и торговли», выхлопотавъ большую субсидію отъ правительства. Словомъ сказать, въ 1860 году Новосельскій гремѣлъ въ Петербургѣ, и у него на вечерахъ, даваемыхъ разъ въ недѣлю, собиралось отъ 200 или 300 человѣкъ.

Однажды Новосельскій позвалъ меня прогуляться.

— Знаете, что вамъ скажу,—началъ онъ,—у насъ образовалась компанія на взятіе концессіи на постройку Курско-Кіевской дороги. Въ компанію входятъ: банкиръ Лампе, я и Похитоновъ, котораго вы знали на Николаевской дорогѣ. Я приглашаю васъ вступить въ нашу компанію. Ваше имя, какъ весьма опытнаго инженера, придастъ вѣсъ нашей компаніи, въ особенности въ глазахъ министра Мельникова.

Я былъ пораженъ такимъ сообщеніемъ и отвѣтилъ Новосельскому:

— Вы, вѣроятно, ошибаетесь въ участіи Мекка.

До сихъ поръ, я никому не сообщалъ о томъ, что я сошелся съ Дервизомъ, но тутъ, захваченный à bout portant словами Новосельскаго, я объявилъ ему, что я вошелъ уже въ компанію съ Дервизомъ, въ которой фигурируетъ и Меккъ; слѣдовательно, онъ ошибается на счетъ его участія съ ними.

— Я хорошо знаю,—сказалъ Новосельскій,—что Меккъ орудуетъ съ Дервизомъ, но на концессію Дервиза Мельниковъ ни за что не согласится, а съ Меккомъ—другое дѣло.

— Я не откажусь отъ своего слова,—отвѣтилъ я Новосельскому.

— Жаль, потому, что съ вашимъ именемъ дѣло было бы навѣрно обезпечено.

Вскорѣ мнѣ пришлось ѣхать въ Москву.

Тамъ Меккъ сообщилъ мнѣ, что явятся конкуренты на концессію Дервиза съ нимъ, Меккомъ, въ лицѣ Новосельскаго, Лампе и Похитонова, но что во всякомъ случаѣ дѣло останется въ его, Мекка, рукахъ.

Тотчасъ же послѣ того, Дервизъ скоро получилъ извѣстіе, что явились конкуренты, которые спустили два слишкомъ милліона противъ предложенія Дервиза, и онъ внезапно прилетѣлъ въ Петербургъ, и сейчасъ же вызвалъ меня изъ Петергофа.

Когда я пріѣхалъ, Дервизъ сказалъ:

— Я пріѣхалъ посовѣтоваться съ вами. Передъ самымъ концомъ дѣла явились какіе-то конкуренты. Дѣло тянется цѣлый годъ и можетъ еще затянуться. Мнѣ это все надоѣло. Я нездоровъ, мнѣ нужно ѣхать въ Ниццу и въ Лугано, гдѣ строятся мои виллы. Я бросилъ бы все, но считаю обязаннымъ себя передъ вами, тѣмъ болѣе, что у Мельникова,

знающаго, что вы сошлись со мною, вы потеряете всякое значеніе. Мнѣ пришло въ голову измѣнить диверсію, хотя это противно моимъ взглядамъ. Я намѣренъ обратиться къ князю Долгорукову и пригласить его въ учредители. Какъ вы объ этомъ думаете?

— Дѣлайте, какъ вы находите лучше, и мнѣ кажется, что дѣло ваше, при означенныхъ условіяхъ, пріобрѣтетъ вѣскій шансъ.

— Такъ вы не прочь отъ этого,—сказалъ Дервизъ. Пообѣдаемъ теперь, а потомъ я отправлюсь. Я сейчасъ вернусь, подождите меня.

Дервизъ дѣйствительно вернулся очень скоро въ веселомъ расположеніи духа, и, потирая руками, объявилъ, что все улажено, что Долгоруковъ охотно принялъ предложеніе. Завтра же испроситъ соизволеніе государя выступить въ качествѣ учредителя Курско-Кіевской дороги, этой патріотической дороги, имѣющей большое политическое значеніе. Дервизъ просилъ князя поѣхать къ министру Мельникову и заявить ему, что, съ соизволенія государя, онъ вступилъ учредителемъ на означенную дорогу.

— Пріѣзжайте, пожалуйста, ко мнѣ завтра къ этому времени,—сказалъ Дервизъ,—и мы узнаемъ результатъ.

Я пріѣхалъ на другой день, и Долгоруковъ сообщилъ, что государь одобрилъ его намѣреніе, что затѣмъ онъ тотчасъ поѣхалъ къ Мельникову, и что Мельниковъ былъ рѣшительно пораженъ такимъ оборотомъ дѣла.

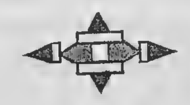
Дервизъ слушалъ и съ особымъ удовольствіемъ потиралъ руки.

— Такъ я поѣду сегодня же въ Москву и прошу васъ, князь, слѣдить за дѣломъ,—сказалъ Дервизъ.

Концессію рѣшено было отдать Дервизу.

Здѣсь кстати выразить мой взглядъ на Дервиза въ дѣлѣ желѣзнодорожныхъ построекъ. Безспорно, онъ принесъ огромную услугу нашему отечеству той системой, которую онъ впервые установилъ въ Россіи. Вѣрно то, что онъ пріобрѣлъ многіе милліоны концессіонной системой, но эта система практиковалась имъ честно и разумно. Его система не стоила казнѣ ни одного гроша; тогда какъ прочіе концессіонеры обходились и по сейчасъ обходятся казнѣ милліоны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Россія и папскій престолъ.

1580—1601 гг.

III [1]).

Характеристика Іоанна Грознаго.—Отвѣтъ его Баторію.—Мирные переговоры.—Русскіе послы въ лагерѣ Баторія.—Посредничество Поссевина въ переговорахъ.—Отъѣздъ его въ Москву.—Торжественныя встрѣчи, ему дѣлаемыя.—Свиданіе его съ Іоанномъ Грознымъ.—Подарки.—Парадный обѣдъ.—Переговоры о перемиріи и мирѣ.—Отъѣздъ Поссевина въ лагерь Баторія.

Перемиріе, заключенное воюющими сторонами на мѣсяцъ, окончилось 26-го іюня (5-го іюля), а Іоаннъ все еще не далъ отвѣта на ультиматумъ Баторія; между тѣмъ русскіе возобновили непріязненныя дѣйствія, и пронесся слухъ, будто старшій сынъ царя самъ идетъ на Смоленскъ, и что отрядъ войскъ посланъ въ Оршу. Все это свидѣтельствовало о томъ, что русскіе рѣшили дѣйствовать энергически, что плохо согласовалось съ начатыми переговорами о мирѣ и возбуждало въ полякахъ тревогу.

Тѣмъ временемъ Баторій отправился изъ Дисны въ Полоцкъ, куда прибылъ 6-го (15-го) іюля посланный имъ къ Іоанну для переговоровъ Дзержекъ, въ тотъ моментъ, когда Баторій бесѣдовалъ съ Поссевиномъ. Въ сосѣдней палаткѣ поджидалъ Поссевина отецъ Кампаньи, который, не желая прерывать аудіенцію задержалъ Дзержека и воспользовался случаемъ, чтобы получить отъ него кое-какія свѣдѣнія о Московіи.

Большой знатокъ востока, человѣкъ много путешествовавшій, Дзержекъ сообщилъ не мало любопытныхъ свѣдѣній.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, январь 1903 г.

*

Онъ провелъ въ Москвѣ двѣнадцать дней и былъ все это время окруженъ шестьюдесятью тѣлохранителями, которые всюду слѣдили за нимъ, мѣшали ему видѣться съ людьми, мѣшали дѣлать покупки и проч. По его словамъ, легче было бы перенести двѣнадцать дней тюремнаго заключенія въ Польшѣ, чѣмъ прожить эти двѣнадцать дней на свободѣ въ Москвѣ. Но все же ему удалось собрать тамъ кое-какія свѣдѣнія: такъ, напримѣръ, онъ узналъ, что царь ходитъ три раза въ день въ церковь, что онъ велитъ называть себя «свѣтомъ» Россіи, но предается при этомъ распутному поведенію. Когда Дзержекъ, допущенный къ царю, вошелъ къ нему, то Іоаннъ осѣнилъ себя большимъ крестнымъ знаменемъ, а когда посланный сдѣлалъ то же, то онъ перекрестился вторично, какъ бы желая перещеголять посла.

Они бесѣдовали далеко не въ особенно миролюбивомъ тонѣ; посланный Баторія даже хвасталъ тѣмъ, будто онъ укорялъ царя въ жестокости. Отецъ Кампаньи, передавая свой разговоръ съ Дзержекомъ, заключаетъ свой разсказъ безпристрастнымъ замѣчаніемъ, что русскіе и поляки взваливаютъ другъ на друга всевозможныя обвиненія и, если послушать ихъ, то съ той и съ другой стороны существуютъ только одни чудовища.

Дзержекъ привезъ Баторію отъ Іоанна длинное посланіе, расписанное на двадцати трехъ страницахъ. Увидавъ это объемистое письмо, Баторій улыбнулся:

— Никогда еще,—воскликнулъ онъ,—я не получалъ отъ Іоанна такого пространнаго письма: оно начинается, вѣроятно, отъ Адама.

Это любопытное посланіе, помѣченное 29-мъ іюня 1581 г., представляло собою странное смѣшеніе текстовъ изъ священнаго писанія, перемѣшанныхъ съ бранью, остроумными замѣчаніями и софизмами, изложенными въ библейскомъ духѣ, но въ шутливомъ тонѣ своеобразно и язвительно. У Іоанна на все нашелся отвѣтъ. Ультиматумъ, полученный царемъ отъ Баторія, заключалъ въ себѣ три пункта: Баторій требовалъ отъ него уступки всей Ливоніи, военной контрибуціи и снесенія нѣсколькихъ пограничныхъ крѣпостей.

Царь отвѣчалъ на это, что Ливонія никогда не составляла нераздѣльной части Литвы и что, слѣдовательно, Польша не имѣетъ никакихъ правъ на эту провинцію, между тѣмъ какъ Москва имѣетъ на нее издревле неотъемлемое право; далѣе въ письмѣ были приведены всѣ возраженія, какія могли быть на это сдѣланы, и всѣ они были опровергнуты самымъ блистательнымъ образомъ. Вопросъ о католической вѣрѣ, исповѣдуемой поляками, не могъ, по словамъ царя, играть въ данномъ случаѣ никакой роли, такъ какъ римско-католическая и греческая вѣра были признаны одинаковыми на Флорентійскомъ соборѣ, на которомъ присутствовали императоръ Восточной римской имперіи, константинопольскій патріархъ

Іосифъ и Исидоръ, митрополитъ кіевскій. Слѣдовательно, литовцы, среди которыхъ распространены къ тому же многія ереси, вполнѣ могутъ быть подданными царя, исповѣдующаго греческую вѣру, тѣмъ болѣе, что католики пользуются въ Россіи полной вѣротерпимостью.

Іоаннъ ловко воспользовался этими дипломатическими тонкостями и заявлялъ, что всѣ требованія короля суть коварство и лицемѣріе, и что Баторій измѣнилъ данному слову.

Что касалось вопроса о денежномъ вознагражденіи, то царь обошелъ его еще болѣе ловко. Притворясь глубоко изумленнымъ, онъ заявилъ, что требовать вознагражденія за военныя издержки,—обычай магометанскій, и что только одни татары предъявляютъ подобныя требованія. Платить другъ другу дань—вещь неслыханная между христіанскими монархами,—писалъ онъ,—сами мусульмане не облагаютъ данью своихъ единовѣрцевъ, а только одних христіанъ; «а ты, который именуешься королемъ христіанскимъ, требуешь дань съ христіанина, по мусульманскому обычаю! И за что мы должны тебя вознаградить? Ты воевалъ съ нами, ты раззорилъ наши земли и намъ же за это нести издержки? Кто заставлялъ тебя напасть на насъ? Мы не просили тебя сдѣлать намъ эту милость».

Затѣмъ царь рѣшительно отказывался понять, почему онъ долженъ былъ сложить оружіе, и почему побѣдоносный врагъ требовалъ, чтобы были снесены крѣпости, сооруженныя имъ именно для защиты страны. Наконецъ, сказавъ, что онъ возлагаетъ надежду на Бога, назвавъ Баторія Амалекомъ, Сеннахерибомъ, Максенціемъ, жаждущимъ убійства и крови, приведя примѣры жестокости поляковъ, Іоаннъ заявлялъ, что онъ дастъ своимъ посламъ новыя инструкціи и что, если переговоры не окончатся къ взаимному удовольствію, то онъ не пошлетъ къ Баторію пословъ тридцать, сорокъ, даже пятьдесятъ лѣтъ и со своей стороны не приметъ польскихъ пословъ. Впрочемъ, царь и на этотъ разъ желалъ заключить не «вѣчный миръ», а только перемиріе. Какъ бы предугадывая будущее, онъ писалъ, что «между Польшей и Москвой никогда не можетъ быть мира» [1]).

7-го (16-го) іюля, на другой день по пріѣздѣ Дзержека, содержаніе письма, присланнаго Іоанномъ, было сообщено Поссевину; къ его великому неудовольствію, ему не показали подлиннаго текста этого письма. Всѣ надежды, которыя онъ имѣлъ на мирный исходъ переговоровъ, разсѣялись окончательно, когда, 18-го іюля, предложенныя царемъ условія мира были доведены до свѣдѣнія сенаторовъ и короля. Они были такъ отличны отъ его первоначальныхъ условій, что это было почти равносильно объявленію войны. Было совершенно ясно, что

---

[1]) См. книга посольская, т. II, стр. 140—157, № 68.

дѣйствія Іоанна клонились только къ тому, чтобы выиграть время, и теперь, когда онъ предполагалъ, что дѣла поляковъ принимаютъ дурной оборотъ, и когда можно было ожидать вмѣшательства въ дѣло папы, царь былъ готовъ снова взяться за оружіе, чтобы выговорить себѣ лучшія условія мира.

Баторій и его приближенные невольно были встревожены тѣмъ оборотомъ, какой принимало дѣло. Имъ предстояло снова провести зиму въ непріятельской странѣ, среди снѣговъ и льдовъ, среди всевозможныхъ лишеній и страданій. Солдаты требовали уплаты жалованія, сеймъ не давалъ согласія на новые налоги; все это не предвѣщало ничего добраго въ будущемъ и наводило уныніе на самыхъ храбрыхъ. Вслѣдствіе такого неожиданнаго оборота дѣлъ миссія Поссевина пріобрѣла чрезвычайно важное значеніе. Баторій, слишкомъ гордый для того, чтобы настаивать на заключеніи мира, былъ однако не прочь, чтобы за него замолвилъ слово кто-нибудь другой, и горячо желалъ, чтобы дѣло уладилось.

Онъ надѣялся, что Іоаннъ, обратившись къ посредничеству папы, не рѣшится оставить дѣло, не доведя его до конца.

Отъ Поссевина, взявшаго на себя роль посредника въ этомъ дѣлѣ, зависѣло примирить требованія, относительно которыхъ обѣ стороны никакъ не могли договориться, поэтому въ тотъ же день, 9-го (18-го) іюля вечеромъ, Замойскій предложилъ ему повидаться съ московскими посланниками: Пушкинымъ, Писемскимъ и дьякомъ Трифоновымъ. Когда ихъ предупредили о томъ, что въ польскомъ лагерѣ находится посланный папою по просьбѣ самого царя, то они отвѣчали:

— Дай Богъ, чтобы дѣло уладилось!

Чтобы задобрить пословъ, Поссевину было разрѣшено выдать имъ двухъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Великѣ, не требуя за нихъ никакого выкупа. Король выразилъ желаніе, чтобы Поссевинъ повидался съ русскими какъ можно скорѣе, предоставивъ на его выборъ самому отправиться къ посламъ, которые расположились со своимъ конвоемъ, состоявшимъ изъ двухсотъ человѣкъ, за крѣпостными стѣнами, или же принять ихъ въ почетной палаткѣ, которая была бы раскинута нарочно для этой цѣли. Поссевинъ рѣшилъ отправиться къ нимъ самъ, попросивъ дать ему подробныя инструкціи и выразивъ желаніе, чтобы на свиданіи присутствовалъ представитель короля.

Во время свиданія съ московскими послами, Поссевинъ употребилъ всевозможное стараніе, чтобы добиться отъ нихъ какихъ-либо разъясненій. Но это оказалось напраснымъ: посланники были любезны, предупредительны, обѣщали ему милостивый пріемъ со стороны царя, обнажали голову, когда произносилось имя папы, но повторяли буквально все то, что они говорили наканунѣ, а когда Поссевинъ сталъ настаивать,

то они замѣтили, что не могутъ сказать болѣе того, что̀ сами знаютъ. На вопросъ, почему предложенія, сдѣланныя въ Вильно, были измѣнены, и почему царь отказывался отъ обѣщанныхъ имъ уступокъ, они отвѣчали, что прежній договоръ уничтожается новымъ. Такъ какъ Баторій отвергъ предложенныя ему условія, то царь предлагаетъ новыя.

— Теперь царь уже не уступитъ, «ни настолько»,—сказалъ Пушкинъ, крутя въ рукахъ соломинку.

Поссевинъ понялъ, что онъ ничего не добьется отъ людей, не имѣвшихъ для этого достаточныхъ полномочій.

Когда Поссевинъ возвратился въ Полоцкъ и далъ королю отчетъ въ своей бесѣдѣ съ русскими послами, то Баторій заявилъ въ присутствіи сенаторовъ, что изъ уваженія къ папѣ онъ отказывается отъ своего требованія, чтобы Іоаннъ снесъ свои крѣпости, и отъ военной контрибуціи. Что же касалось Ливоніи, то его рѣшеніе было непоколебимо, и онъ скорѣе готовъ былъ пожертвовать жизнью, нежели этой провинціей. Чтобы получить къ ней ключъ, онъ рѣшилъ овладѣть какъ можно скорѣе Псковомъ или Новгородомъ, не теряя времени на осаду другихъ крѣпостей, и возлагалъ надежду на Бога, ожидая отъ Него побѣды. Въ этомъ смыслѣ и было рѣшено дать отвѣтъ московскимъ посламъ.

Они были приглашены въ польскій лагерь, гдѣ канцлеръ Воловичъ прочелъ имъ отвѣтъ Баторія на письмо царя. Въ этомъ отвѣтѣ говорилось, что предложенія, сдѣланныя Іоанномъ, не могутъ быть приняты королемъ, и что, предлагая ихъ, царь какъ будто хотѣлъ только выиграть время; канцлеръ закончилъ свою рѣчь угрозами по адресу царя.

— Отнынѣ,—сказалъ онъ,—вопросъ касается не одной Ливоніи, война будетъ вестись ожесточенная, немилосердная.

Такое заявленіе могло заставить пословъ призадуматься, но инструкціи, данныя имъ, не допускали колебаній; послы остались непреклонны и, поцѣловавъ королю руку, удалились, не произнеся ни слова. Когда же, нѣсколько часовъ спустя, они хотѣли возобновить переговоры, то поляки не дали имъ никакого отвѣта.

Между тѣмъ Баторій, несмотря на свои горделивыя и воинственныя заявленія, предпочелъ бы выгодный миръ всѣмъ случайностямъ новой войны. Нѣкоторые магнаты раздѣляли его мнѣніе. Этотъ вопросъ обсуждался въ сенатѣ 20-го іюля, и Поссевина просили поговорить, какъ бы по своему собственному побужденію, еще разъ съ московскими посланцами, которые выражали желаніе повидаться съ нимъ. Это вторичное свиданіе продолжалось добрый часъ и также не привело ни къ чему.

Тогда Стефанъ Баторій, горячо желавшій скорѣйшаго заключенія мира, сталъ торопить Поссевина отъѣздомъ въ Москву, далъ ему надежный конвой и сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія, но, вмѣстѣ съ

тѣмъ, понимая необходимость быть осторожнымъ, онъ продолжалъ военныя приготовленія и не скрылъ этого отъ Поссевина, съ которымъ онъ провелъ вечеръ 11-го (20-го) іюля въ дружеской бесѣдѣ. Баторій изложилъ ему свой планъ кампаніи и выразилъ между прочимъ весьма странное желаніе покончить споръ съ Іоанномъ поединкомъ.

Но прежде всего было необходимо отвѣтить на письмо Іоанна; это было поручено канцлеру Замойскому. Онъ употребилъ на этотъ трудъ недѣлю; на переводъ письма на русскій языкъ потребовалась также цѣлая недѣля. Отвѣтъ Баторія было рѣшено послать въ Римъ и распространить въ Германіи. Съ точки зрѣнія рѣзкости выраженій, упрековъ и эпитетовъ, отвѣтное письмо Баторія ничѣмъ не уступало письму Іоанна. Ихъ переписка свидѣтельствовала о взаимномъ озлобленіи обоихъ монарховъ и о томъ, какъ трудно было ихъ помирить.

Сдѣлавъ историческій обзоръ отношеній, существовавшихъ между Польшей и Москвою, опровергнувъ обвиненія, взведенныя на поляковъ и обсудивъ всесторонне вопросъ о Ливоніи, Замойскій называлъ въ этомъ письмѣ Іоанна Каиномъ, Нерономъ, Иродомъ и Антіохомъ, и, коснувшись его личной жизни, упомянулъ о его жестокости, всевозможныхъ излишествахъ, и уподоблялъ его сатанѣ, подобно которому онъ хотѣлъ завладѣть всѣмъ міромъ.

Въ заключеніе Баторій предлагалъ Іоанну прибѣгнуть къ Суду Божьему. Если царь считаетъ свое дѣло правымъ, говорилось въ письмѣ, пусть онъ возьметъ оружіе, сядетъ на коня, условится съ королемъ о мѣстѣ и часѣ ихъ встрѣчи и помѣрится съ нимъ силою, доказавъ этимъ свою увѣренность въ правотѣ своего дѣла; такимъ образомъ будетъ сохранено не мало христіанской крови. Отказавшись дать королю это удовлетвореніе, царь произнесетъ самъ надъ собою приговоръ.

12-го (21-го) іюля 1581 г. въ польскомъ лагерѣ подъ Полоцкомъ царствовало большое оживленіе. Баторій собирался покинуть крѣпость, завоеванную имъ недавно у русскихъ и направиться со своей блестящей кавалеріей и своими храбрыми венгерскими пѣхотинцами ко Пскову. Поссевинъ, съ своей стороны, отъѣзжалъ въ Москву съ четырьмя іезуитами-переводчиками и съ отрядомъ польскихъ всадниковъ. Миновавъ Оршу, онъ прибылъ въ ночь съ 24-го на 25-го іюля (2-го на 3-ье августа) на границу литовскихъ и русскихъ земель.

Тутъ съ нимъ случилась маленькая непріятность: польскій конвой уѣхалъ, не дождавшись прибытія русскаго конвоя, и Поссевину пришлось остаться безъ проводниковъ и безъ охраны, среди ночнаго мрака, подъ проливнымъ дождемъ, среди дремучаго лѣса, гдѣ можно было подвигаться, только прокладывая себѣ путь съ топоромъ въ рукѣ. Къ счастью, на разсвѣтѣ путешественники встрѣтили Ѳедора Потемкина

съ шестьюдесятью всадниками, который привѣтствовалъ ихъ отъ имени царя и вручилъ имъ охранные листы.

Переступивъ русскую границу, папскій посолъ очутился въ совершенно новомъ мірѣ. Въ Московскомъ государствѣ на посланниковъ смотрѣли, какъ на плѣнныхъ; къ нимъ приставлялись для надзора особые пристава, которые подъ видомъ охраны неустанно слѣдили за ними; а многочисленные часовые, стоявшіе возлѣ ихъ помѣщенія днемъ и ночью, отрѣзывали имъ сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ.

Самъ царь относился къ иностранцамъ, какъ извѣстно, съ величайшимъ недовѣріемъ. Поссевинъ, пріѣхавъ въ Москву при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, долженъ былъ особенно сильно почувствовать это. 18-го іюля, на другой день по возвращеніи Шавригина изъ Рима, съ извѣстіемъ о скоромъ пріѣздѣ Поссевина, въ Кремлѣ былъ созванъ совѣтъ и всѣмъ лицамъ, кои могли имѣть какое-либо отношеніе къ папскому послу были даны самыя точныя и обстоятельныя указанія, какъ себя держать, и что говорить. Обсуждался также подробно вопросъ о томъ, какія ему должны быть оказаны почести, какія ему будутъ предложены пища и питія; всѣмъ вообще предписывалось соблюдать съ ними величайшую осторожность. Приставъ Волоховъ, посланный изъ Москвы навстрѣчу Поссевину, и которому было приказано подробно допросить его, везъ съ собою цѣлый рядъ оффиціальныхъ отвѣтовъ на вопросы, которые могли быть ему предложены относительно войны и мира, относительно царя, Баторія, Литвы, Ливоніи, Казани, Астрахани, ногайскихъ татаръ и «относительно большой рѣки Волги и ея семидесяти двухъ устій». Ему было указано, какъ отвѣчать на всѣ непредвидѣнные или щекотливые вопросы, а на тотъ случай, если бы рѣчь зашла о религіи, приставу было приказано отвѣчать коротко и ясно, что онъ неграмотенъ, не вдаваться по этому поводу ни въ какія разсужденія.

По повелѣнію царя, не доѣзжая Смоленска, Поссевина встрѣтила вторая еще болѣе блестящая и многочисленная депутація. Онъ былъ допущенъ въ крѣпость, гдѣ народъ привѣтствовалъ его громкими криками; по случаю его пріѣзда стрѣляли изъ пушекъ. Епископу смоленскому, Сильвестру, было приказано привѣтствовать пріѣзжаго. По этому поводу произошло маленькое недоразумѣніе.

Слушая привѣтствіе владыки, нунцій былъ введенъ въ заблужденіе созвучіемъ двухъ русскихъ словъ; онъ понялъ, что владыка пригласилъ его на обѣдъ, между тѣмъ какъ епископъ предложилъ ему отслушать обѣдню. Поэтому можно себѣ представить его удивленіе, когда его окружила неожиданно большая толпа и повела въ церковь, и на паперти, Сильвестръ, не давъ обычнаго благословенія, потребовалъ, чтобы посолъ поцѣловалъ ему руку, ибо таково было повелѣніе царя!

Поссевинъ понялъ, что этимъ хотѣли заставить его выказать уваженіе или почтеніе къ православной церкви, онъ не согласился ни поцѣловать епископу руку, ни войти въ церковь; никакіе доводы не подѣйствовали; владыкѣ пришлось уступить.

Изъ Смоленска Поссевинъ отправился на Вязьму и 9-го (18-го) августа прибылъ въ Старицу, небольшую крѣпостцу на берегахъ Волги, гдѣ царь пребывалъ временно. Въѣздъ въ крѣпость совершился торжественно. За стѣнами города Поссевина ожидалъ многочисленный конвой; отъ имени Іоанна ему была подведена великолѣпная вороная лошадь, бѣжавшая иноходью и покрытая дорогой попоной.

Обычные вопросы, которые были предложены ему, касались здоровья папы и разныхъ подробностей его путешествія. Въ день пріѣзда Поссевина состоялся большой пиръ, въ которомъ роль хозяина игралъ стольникъ Иванъ Даниловичъ Бѣльскій. По окончаніи обѣда, пристава хотѣли, по обыкновенію, продолжать возліянія въ тѣсномъ кругу, но Поссевинъ далъ имъ понять, что подобнаго рода излишества не согласовались съ его духовнымъ званіемъ. Это заявленіе поразило ихъ, но вызвало одобреніе. На другой день бояре осматривали подарки, присланные папою и подносимые Поссевиномъ отъ себя лично. Имъ была составлена опись, и послу было обѣщано, что онъ скоро увидитъ «ясныя царевы очи».

Дѣйствительно, аудіенція была назначена на воскресенье 11-го (20-го) августа. Какъ лицо духовнаго званія, папскій нунцій хотѣлъ появиться при дворѣ безъ всякой пышности; но, по настоянію русскихъ, ему пришлось, волей неволей, подчиниться ихъ требованію. Въ назначенный день къ нему явилось нѣсколько бояръ, съ извѣстіемъ, что часъ торжественной аудіенціи приближается; подарки были уложены въ мѣшки, сдѣланные изъ золотой и серебряной парчи. Поссевинъ двинулся изъ дома, имѣя по обѣимъ сторонамъ своихъ спутниковъ и переводчиковъ; впереди и позади него слѣдовалъ отрядъ блестящей конницы; позади несли подарки. Процессія подвигалась медленно, между двумя рядами солдатъ, которые стояли шпалерами, вплоть до самаго дворца. У дворца всѣ спѣшились. Пройдя нѣсколько покоевъ, наполненныхъ боярами въ богатыхъ одѣяніяхъ, Поссевинъ очутился передъ Іоанномъ Грознымъ. Контрастъ былъ поразительный: весь въ черномъ съ короткимъ испанскимъ плащемъ на плечахъ, іезуитъ предсталъ передъ царемъ, возсѣдавшимъ на престолѣ, въ парчевомъ одѣяніи, усыпанномъ драгоцѣнными камнями, съ короною на головѣ и скипетромъ въ рукѣ.

Іоаннъ былъ въ то время еще въ цвѣтѣ лѣтъ, но казался утомленнымъ жизнью; взглядъ у него былъ потухшій, лицо носило слѣды могучихъ страстей, и въ его выраженіи было нѣчто зловѣщее.

Бояре провозгласили, по обычаю, что Поссевинъ бьетъ царю челомъ, послѣ чего Іоаннъ освѣдомился о здоровьѣ папы Григорія XIII.

— Нашъ святѣйшій отецъ, папа Григорій XIII, пастырь всемірной церкви, викарій Іисуса Христа на землѣ, намѣстникъ святаго Петра, владѣтель многихъ земель и провинцій, слуга слугъ Господнихъ, шлетъ поклонъ вашей свѣтлости (Votre Sérénité) и желаетъ вамъ всякаго благополучія,—торжественно отвѣчалъ Поссевинъ.

Царь, изъ уваженія къ папѣ, выслушалъ эти слова стоя; затѣмъ, сѣвъ, онъ предложилъ послу неизбѣжные вопросы объ его путешествіи, далъ ему поцѣловать руку и сталъ разсматривать подарки.

Григорій XIII прислалъ Іоанну распятіе изъ горнаго хрусталя, оправленное въ золото съ частицею животворящаго креста, экземпляръ постановленій Флорентійскаго собора на греческомъ языкѣ, въ роскошномъ переплетѣ, четки, оправленныя въ золото и осыпанныя драгоцѣнными камнями, чашу изъ горнаго хрусталя, оправленную въ золото. Кромѣ того, были присланы подарки старшему сыну царя и царицѣ Анастасіи Романовнѣ, о смерти которой, послѣдовавшей въ 1560 году, въ Римѣ не было извѣстно.

Отъ себя Поссевинъ поднесъ царю Agnus Dei, оправленный въ серебро, украшенный миніатюрами и изреченіемъ, сдѣланнымъ русскими буквами. Всѣ эти подарки, несмотря на ихъ драгоцѣнность, показались, вѣроятно, весьма скромными царю, сокровищница котораго была переполнена золотомъ и серебромъ, и у котораго была цѣлая коллекція рѣдчайшихъ драгоцѣнностей Востока.

Тѣмъ не менѣе, они имѣли особое значеніе, какъ подарки папы; поэтому они были торжественно обнесены по заламъ и показаны всѣмъ. Іоаннъ придавалъ особенное значеніе частицѣ животворящаго креста:

— Это подарокъ по истинѣ достойный папы,—сказалъ онъ.

По окончаніи аудіенціи, Поссевинъ совѣщался съ боярами. Совѣщаніе монаха-италіанца, прибывшаго къ московскому царю для того, чтобы обсудить отъ имени папы вопросъ о войнѣ и мирѣ, совмѣстно съ его уполномоченными, было, разумѣется, событіемъ совершенно необычайнымъ. Въ тотъ же день въ честь пріѣзжаго былъ данъ парадный обѣдъ. Обиліе золотой посуды, разставленной въ пріемномъ покоѣ и въ обѣденномъ залѣ, поразило пріѣзжихъ.

Іоаннъ сидѣлъ съ сыномъ за почетнымъ столомъ, по обѣ стороны отъ нихъ заняли мѣста князья Мстиславскіе и бояринъ Никита Романовъ; надъ столомъ висѣлъ прекрасный образъ Богоматери. Когда вошли іезуиты, царь назвалъ каждаго поименно и указалъ имъ ихъ мѣста. Для нихъ былъ накрытъ столъ, пониже царскаго, въ видѣ полумѣсяца. На столахъ былъ только хлѣбъ, солонки и графины; ножей и вилокъ

не было, ѣли по-восточному руками. Обѣдъ продолжался два часа. Іоаннъ, какъ гостепріимный хозяинъ, посылалъ гостямъ блюда, которыя ему подносили.

Подъ конецъ обѣда царь произнесъ подходящую къ случаю рѣчь, въ которой онъ отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ о папѣ.

Въ продолженіе своего двадцати восьми дневнаго пребыванія въ Старицѣ Поссевинъ имѣлъ шесть аудіенцій у царя и нѣсколько продолжительныхъ и скучныхъ совѣщаній съ дьяками и боярами, среди которыхъ главную роль игралъ Никита Романовъ, родоначальникъ будущей династіи царей, и Богданъ Бѣльскій, игравшій видную роль въ смутное время. Аудіенція бывала обыкновенно непродолжительна. Ревниво оберегая свое царское достоинство, Іоаннъ ограничивался одними общими замѣчаніями, намѣчалъ общій ходъ переговоровъ, предоставляя боярамъ обсуждать подробности. По окончаніи аудіенціи, онъ умывалъ всякій разъ руки въ золотой чашѣ, какъ бы для того, чтобы очиститься отъ скверны, вслѣдствіе пріема иностранца, и дѣлалъ это, не скрываясь. Это показалось Поссевину до того оскорбительно и такимъ варварствомъ, что онъ при первой возможности горько жаловался на это боярамъ.

На совѣщаніяхъ присутствовали, разумѣется, съ той и съ другой стороны переводчики, которые объяснялись между собою съ нѣкоторымъ трудомъ. Поссевинъ привезъ съ собой двухъ переводчиковъ-литовцевъ, которые не говорили ни по-русски, ни по-польски, и русскіе часто не понимали ихъ; тогда приходилось обращаться за помощью къ московскимъ дьякамъ и пользоваться ихъ услугами за деньги. Переговоры замедлялись тѣмъ, что за всякой малостью приходилось обращаться къ царю. Чуть только возникалъ какой-нибудь новый вопросъ, или какое-нибудь пустячное недоразумѣніе, бояре тотчасъ отправлялись къ Іоанну и возвращались отъ него съ длинными свитками, которые, тутъ же, прочитывались всѣми поочередно.

Въ тайнѣ души царь не хотѣлъ спѣшить рѣшеніемъ; онъ хотѣлъ добиться многаго, сдѣлавъ какъ можно менѣе уступокъ, и сохранить свободу дѣйствій на случай, еслибы Баторій потерпѣлъ пораженіе подъ Псковомъ. Для западнаго человѣка, въ особенности для человѣка энергичнаго, обладавшаго живымъ характеромъ, какимъ былъ Поссевинъ, въ жилахъ котораго текла италіанская кровь, эта медлительность была настоящей пыткой.

Совѣщавшіеся обсуждали вопросъ не только словесно, но обмѣнивались также записками. Все написанное нунціемъ, несмотря на отвратительный языкъ, коимъ переводились его записки, отличалось ясностью и точностью. Русскіе отвѣчали ему троекратно, предъявляли копіи со старинныхъ актовъ, съ текущей переписки, вообще вдавались

во всевозможныя подробности; царь придавалъ большое значеніе своимъ архивамъ, и Поссевинъ хвастаетъ тѣмъ, что онъ ихъ осматривалъ и любовался ими.

Русскіе сдѣлали, между прочимъ, попытку подкупить Поссевина. Однажды Бѣльскій, болѣе разговорчивый и любезный нежели обыкновенно, намекнулъ нунцію, что онъ могъ бы разсчитывать на великолѣпные подарки, еслибы захотѣлъ способствовать желаніямъ царя. Поссевинъ вскочилъ, какъ ужаленный, и отвѣчалъ на это предложеніе такъ, что его не посмѣли повторить.

Главною цѣлью папскаго нунція было заключить миръ на такихъ условіяхъ, которыя могли быть приняты обѣими сторонами и которыя сдѣлались бы основою для будущаго союза. Желая заручиться какими-либо положительными обѣщаніями царя, Поссевинъ подалъ ему примѣръ откровенности. Онъ изложилъ подробно все, о чемъ онъ говорилъ съ Баторіемъ, и упомянулъ объ его жалобахъ на русскихъ и объ его планахъ на будущее. Затѣмъ онъ очертилъ яркими красками положеніе дѣлъ: съ одной стороны, говорилъ онъ, король польскій готовъ скорѣе умереть, нежели отказаться отъ своихъ требованій, и ни за что не удовлетворится одной Ливоніей, съ другой стороны, царь угрожаетъ прекратить всякіе переговоры на пятьдесятъ лѣтъ; поэтому обоимъ слѣдовало бы сдѣлать уступки. Баторій, по словамъ Поссевина, далъ ему понять, что онъ готовъ принять совѣты папы; теперь очередь за Іоанномъ, если онъ уступитъ, то можетъ быть заключенъ миръ, коимъ Россія можетъ широко воспользоваться, устроивъ дѣла со Швеціей при участіи Баторія, установивъ торговыя сношенія съ Венеціей, ибо путь черезъ Литву, не доступный въ военное время, будетъ открытъ, и организовавъ походъ противъ турокъ. Тогда на развалинахъ Оттоманской имперіи воздвигнется новая христіанская держава, во главѣ которой станетъ монархъ, коронованный папою. Такова была картина, набросанная Поссевиномъ.

Отъ политики разговоръ переходилъ весьма естественно на религію. По словамъ Поссевина, единство вѣры есть лучшая основа политическаго и военнаго союза. Онъ развилъ пространно свою мысль и особенно настаивалъ на томъ, что различіе обрядовъ не мѣшаетъ единству вѣры, старался придать особенное значеніе вмѣшательству папы и вообще выказалъ себя въ этомъ случаѣ искуснымъ дипломатомъ.

Отвѣтъ Іоанна былъ весьма уклончивъ; онъ былъ не прочь сдѣлать уступки, отъ которыхъ могъ бы впослѣдствіи отказаться. На намекъ Поссевина относительно Швеціи, который не имѣлъ оффиціальнаго характера, онъ не отвѣчалъ ничего опредѣленнаго, къ тому же король шведскій считался въ Москвѣ королькомъ, недостойнымъ вести переговоры съ царемъ, и долженъ былъ бы, въ случаѣ переговоровъ, прибѣгнуть къ посредничеству намѣстника новгородскаго. Какъ разъ въ

это время войско шведскаго короля овладѣло побережьемъ Балтійскаго моря, и Іоаннъ помышлялъ о томъ, какъ бы овладѣть имъ обратно. Желая скрыть эти замыслы, онъ заявилъ Поссевину, что скандинавскій посолъ будетъ допущенъ въ Кремль, чтобы объяснить желанія своего монарха. Этимъ Іоаннъ достигалъ двоякой цѣли: дѣлалъ видъ, что онъ не прочь заключить миръ со Швеціей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы оказывалъ почетъ и уваженіе папѣ; что касалось религіи, то царь либо умалчивалъ объ этомъ вопросѣ, либо откладывалъ обсужденіе его до заключенія мира. Но такъ какъ все же было необходимо сдѣлать кое-какія уступки, хотя бы для того, чтобы выказать свою готовность принять посредничество папы, о которомъ онъ самъ просилъ, то Іоаннъ разрѣшилъ всѣмъ папскимъ посланнымъ въѣздъ въ Россію и даровалъ имъ право свободнаго проѣзда въ Персію; венеціанскимъ купцамъ онъ приказалъ дать патентъ, даровавшій имъ таковыя же права; имъ было разрѣшено привозить съ собою католическихъ священниковъ съ условіемъ, что русскимъ будутъ выданы таковые же охранные листы для проѣзда въ Италію. Что̀ касалось сооруженія въ Россіи костела, то на эту смѣлую просьбу царь отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

Вообще, въ вопросахъ вѣры Іоаннъ не желалъ дѣлать ни малѣйшей уступки и, быть можетъ, льстилъ себя надеждою, что дѣла съ Польшею уладятся путемъ другихъ менѣе важныхъ уступокъ.

Въ противоположность Поссевину, который охотно вдавался въ разсужденія общаго характера, царь уклонялся отъ подобныхъ разговоровъ и обсуждалъ охотно только вопросъ о перемиріи. Какъ только разговоръ касался этого предмета, языкъ бояръ развязывался, они повидимому обдумали этотъ вопросъ всесторонне, и онъ составлялъ единственный предметъ ихъ заботъ.

Само собою разумѣется, бояре во всемъ винили поляковъ. Посланники Баторія клялись, говорили они, что миръ не будетъ нарушенъ, а сами обсуждали тѣмъ временемъ вопросъ о войнѣ, да еще какой войнѣ? о войнѣ имѣвшей цѣлью вторженіе въ Россію и завоеваніе ея земель. Ливонія издавна принадлежала Московскому государству; еще великій князь Ярославъ основалъ Юрьевъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ, и литовцы постоянно платили дань русскимъ.

Царь не скрывалъ своего желанія имѣть свободный доступъ къ Балтійскому морю, по его словамъ, для того, чтобы поддержать сношенія съ папою и съ императоромъ; онъ склонялся также къ миру съ Баторіемъ, ибо иначе немыслима была война съ Турціей. Эти слова показывали, что онъ отлично понялъ тайную мысль папы. Та же готовность воевать съ турками, та же симпатія къ Риму и императору были высказаны въ отвѣтѣ царя на посланіе Григорія XIII.

Не будучи, иной разъ, въ состояніи скрыть своей тревоги, Іоаннъ

задавалъ Поссевину вопросъ: «заключитъ ли Баторій миръ и какія онъ предложитъ условія?»; наконецъ царь рѣшился высказать «свое послѣднее слово». Онъ желалъ заключить перемиріе на семь и самое большее на десять или на двѣнадцать лѣтъ. Онъ не заплатитъ Баторію ни полушки, не снесетъ ни одной крѣпости, но отдастъ побѣдителю Полоцкъ и Великіе Луки съ окрестностями, Курляндію и до 60 городовъ въ Ливоніи; 35 другихъ городовъ, въ томъ числѣ Юрьевъ и Нарва, останутся за русскими. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Іоаннъ удовлетворился бы тремя или четырьмя городами; теперь онъ требовалъ ихъ 35. Кромѣ того, онъ требовалъ, чтобы Баторій снялъ осаду Пскова, отказался бы отъ всѣхъ будущихъ завоеваній и прислалъ бы въ Москву пословъ. Въ виду побѣдъ, одержанныхъ поляками, эти требованія могли показаться довольно странными. Вѣроятно, Іоаннъ имѣлъ большія надежды на посредничество папы и на затруднительное положеніе, въ какомъ находился Баторій. Но онъ въ этомъ не сознавался, а говорилъ: «Баторій отвергъ условія, предложенныя ему въ Вильно; поэтому я имѣю право предложить ему новыя и, такъ какъ онъ не насытенъ, то чѣмъ болѣе онъ требуетъ, тѣмъ менѣе ему слѣдуетъ предлагать».

Подобнаго рода обмѣнъ мыслей не могъ, конечно, привести къ соглашенію. Къ тому же высказанная царемъ угроза не посылать болѣе въ польскій лагерь пословъ создавала новое препятствіе. Тогда Поссевинъ предложилъ, что онъ самъ отправится къ Баторію и переговоритъ съ нимъ. Предложеніе было принято съ радостью: тѣмъ болѣе, что Іоанномъ было получено въ то время королевское письмо отъ 2-го августа. Рѣзкій тонъ этого письма показывалъ, что въ лицѣ Баторія Іоаннъ имѣлъ непримиримаго врага. Царь былъ смущенъ; онъ вовсе не желалъ драться съ Стефаномъ на дуели, а новая побѣда поляковъ могла еще болѣе ухудшить положеніе дѣлъ. Видя угрожавшую опасность, Іоаннъ перемѣнилъ тактику: онъ поручилъ свое дѣло въ руки Божіи и отказался отъ оскорбительныхъ рѣчей. Отвѣтъ на требованія Баторія, врученный Поссевину, былъ написанъ съ большимъ достоинствомъ.

3-го (12-го) сентября происходила прощальная аудіенція. Никогда еще царь не былъ такъ любезенъ и предупредителенъ. Было рѣшено, что Поссевинъ побывавъ въ лагерѣ подъ Псковомъ возвратится оттуда въ Москву. Кампаньи долженъ былъ ѣхать съ подарками и соболями въ Римъ, другіе два спутника нунція оставались въ Россіи; такимъ образомъ у Іоннна были бы въ рукахъ заложники. Эти мѣры, подсказанныя царемъ, были одобрены на аудіенціи самымъ торжественнымъ образомъ, въ присутствіи бояръ.

— Поѣзжай къ королю Стефану,—сказалъ царь Поссевину, кланяйся ему отъ насъ и, переговоривъ съ нимъ о мирѣ по повелѣнію папы, возвращайся къ намъ, твое присутствіе всегда будетъ намъ пріятно, по

лицу того, кто тебя послалъ, и по твоей преданности нашему дѣлу.

Царь сказалъ нѣсколько словъ привѣтствія отцу Кампаньи. Что касается отца Дреницкаго, который оставался въ Россіи, то Іоаннъ велѣлъ ему подойти и, положивъ ему на голову руку, сказалъ Поссевину: «будь покоенъ, съ нимъ будутъ обращаться въ твоемъ отсутствіи также хорошо, какъ при тебѣ».

Вернувшись къ себѣ, іезуиты увидѣли, что ихъ столъ былъ уставленъ по повелѣнію царя обильными явствами. Вскорѣ имъ принесли разныя холодныя закуски на дорогу и боченокъ вина,—вещь довольно рѣдкая въ Москвѣ. Вечеромъ они были снова приглашены во дворецъ и осыпаны подарками: царь велѣлъ объявить имъ, что онъ принимаетъ на себя ихъ путевыя издержки и даритъ имъ мѣха и одежду.

Часть этихъ подарковъ была употреблена Поссевинымъ на выкупъ плѣнныхъ, другая часть была роздана приставамъ, которые, не стѣсняясь, требовали себѣ вознагражденія.

Отъѣздъ былъ назначенъ на 5-е (14-е) сентября. Въ охранныхъ листахъ, данныхъ путешественникамъ повелѣвалось, подъ страхомъ смертной казни, не чинить имъ въ дорогѣ ни малѣйшаго препятствія. Въ устахъ Іоанна это не было пустою угрозою.

Приставу, который везъ Поссевина и исполнялъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность шпіона, было приказано тщательно записывать все, что бы ни сказалъ Поссевинъ, имѣющее отношеніе къ политикѣ, и было строжайше наказано не въѣзжать съ нимъ въ Новгородъ. Баторій имѣлъ виды на этотъ городъ, и поэтому царь не желалъ, чтобы іезуитъ могъ сдѣлать какія-либо наблюденія.

Поссевинъ, въ свою очередь, далъ отцу Дреницкому пространныя инструкціи, касавшіяся, впрочемъ, преимущественно богословскихъ вопросовъ, не подозрѣвая, что его злополучный спутникъ будетъ обреченъ на полное одиночество, и что съ нимъ будутъ обращаться въ Москвѣ почти какъ съ военно-плѣннымъ.

Маршрутъ былъ составленъ самимъ царемъ; приблизительно двѣ недѣли путешественники ѣхали до озера Ильменя, переправа черезъ которое заняла около 8 часовъ; у воротъ Новгорода къ ихъ услугамъ явился конвой изъ двухсотъ всадниковъ. Недалеко отъ Пскова Поссевину пришлось выждать четыре дня отвѣта короля и прибытія польскаго конвоя. Во время этой вынужденной остановки іезуитъ привелъ въ порядокъ дневникъ, веденный имъ изо дня въ день въ Старицѣ, куда онъ заносилъ всѣ свои разговоры съ царемъ и боярами, и составилъ записку о Московіи, которая была обнародована въ 1586 году.

IV.

Прибытіе Поссевина въ лагерь Баторія подъ Псковомъ.—Неудачный штурмъ города поляками.—Затруднительное положеніе Поссевина.—Письмо его Іоанну.—Бесѣда Поссевина съ Баторіемъ.—Тяжелое положеніе польской арміи.—Отвѣтъ Іоанна Поссевину.—Притязанія поляковъ.—Прибытіе русскаго посла.— Назначеніе польскихъ уполномоченныхъ для переговоровъ въ Ямъ-Запольѣ.

Поссевинъ прибылъ въ лагерь подъ Псковомъ 26-го сентября (5-го октября). Его пріѣздъ чрезвычайно обрадовалъ осажденныхъ, положеніе которыхъ становилось со дня на день болѣе и болѣе критическимъ, и потому вмѣшательство папы было для нихъ весьма желательно.

Псковскимъ гарнизономъ командовали бояре князья Иванъ и Василій Шуйскіе. Всѣ солдаты этого гарнизона поклялись передъ образомъ Божіей Матери умереть, но не сдаться, и перебѣжчикъ Давидъ Бѣльскій, которому это было извѣстно, совѣтовалъ Баторію лучше оставить Псковъ и Новгородъ и осадить Смоленскъ, но король не захотѣлъ отказаться отъ своего намѣренія.

Жители Пскова торжественно приготовились выдержать осаду; совершили крестный ходъ и обнесли вокругъ стѣнъ города чудотворныя иконы и мощи. 13-го (22-го августа) запылали предмѣстья, подожженныя русскими, когда они заперлись въ городѣ, и при ихъ зловѣщемъ пламени и звукахъ набата, на горизонтѣ появился непріятель. Первая ожесточенная схватка кончилась ничѣмъ, и поляки убѣдились, что для того, чтобы овладѣть городомъ, защищеннымъ обширными болотами, рѣками, толстыми стѣнами, оврагами, и въ которомъ засѣлъ храбрый гарнизонъ, имъ было необходимо повести правильную осаду. Они поспѣшно возводили траншеи и многочисленныя батареи.

29-го августа (7-го сентября) началась бомбардировка, а на слѣдующій день былъ произведенъ штурмъ города. Этотъ день будетъ на вѣки достопамятенъ въ лѣтописяхъ русской военной исторіи. Поляки осыпаемые градомъ пуль и ядеръ, идя по трупамъ, достигли стѣнъ укрѣпленія, проникли въ него черезъ сдѣланную ими брешь, овладѣли сперва одной башней, затѣмъ другой; королевское знамя уже развѣвалось на стѣнахъ Пскова, русскіе стали слабѣть и готовы были сдаться. Въ эту критическую минуту, Иванъ Шуйскій, покрытый пылью и забрызганный кровью, сошелъ съ лошади, которая была ранена подъ нимъ, задержалъ солдатъ, обратившихся въ бѣгство, ободрилъ сражающихся, указавъ имъ на приближавшійся крестный ходъ, какъ вдругъ раздался страшный трескъ, къ небу взвился столбъ дыма, и рвы наполнились обломками стѣны и трупами; это взлетѣла на воздухъ башня, бывшая уже

въ рукахъ поляковъ и подъ которую русскіе искусно подвели мину. Тогда осажденные воодушевленные надеждою на побѣду, рѣшили сдѣлать еще одну попытку, чтобы отразить непріятеля; произошла отчаянная схватка. Венгерская пѣхота оказала русскимъ энергическое сопротивленіе; отступивъ въ полномъ порядкѣ, она продолжала сражаться на равнинѣ. Кровь съ обѣихъ сторонъ лилась потоками; рѣзня прекратилась только съ наступленіемъ ночи, когда русскіе возвратились побѣдоносно въ городъ, который остался въ ихъ рукахъ.

Баторій, слишкомъ привыкшій къ побѣдамъ, чтобы отступить послѣ первой неудачи, приказалъ дѣятельно продолжать осадныя работы, и бомбардировку города, которымъ онъ хотѣлъ овладѣть, во что бы то ни стало; между тѣмъ полякамъ приходилось преодолѣвать все бо̀льшія и бо̀льшія трудности. У нихъ ощущался недостатокъ въ боевыхъ и съѣстныхъ припасахъ, къ тому же приближалась зима съ ея лютыми морозами. Плохо одѣтые, плохо накормленные польскіе волонтеры, не получая своевременно обѣщаннаго имъ жалованія, угрожали оставить ряды, если имъ не будутъ выданы деньги. Баторій не зналъ, что̀ дѣлать, но все не терялъ надежды, что сеймъ дастъ ему необходимыя средства, въ противномъ случаѣ онъ рѣшилъ употребить на уплату солдатамъ свое личное имущество.

Желѣзная рука Замойскаго худо ли хорошо поддерживала въ лагерѣ дисциплину, несмотря на ропотъ польской молодежи и на соперничество разныхъ національностей, входившихъ въ составъ польскаго войска; тѣмъ не менѣе всѣ испытывали утомленіе и упадокъ духа.

Казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ, посредничество въ видахъ заключенія мира было дѣломъ не труднымъ, но, на самомъ дѣлѣ, это было далеко не такъ, ибо обѣ стороны предъявляли несоразмѣрныя требованія, не хотѣли ничѣмъ поступиться и относились недовѣрчиво къ папскому послу.

Поссевинъ возвратился изъ Старицы очень довольный оказаннымъ ему пріемомъ и откровенностью, съ какою говорилъ съ нимъ Іоаннъ, благодаря чему онъ имѣлъ обо всемъ гораздо болѣе точныя свѣдѣнія, нежели дипломаты. Письма, данныя Іоанномъ къ папѣ, охранные листы, гостепріимство, оказанное отцу Дренацкому, обѣщаніе царя поднять оружіе противъ турокъ,—ибо Поссевинъ толковалъ все сказанное Іоанномъ въ этомъ именно смыслѣ,—всѣ эти уступки подавали въ будущемъ хорошія надежды. Но первымъ и необходимымъ условіемъ было заключеніе мира; для достиженія этого нужно было, по мнѣнію Поссевина, пожертвовать, въ случаѣ надобности, нѣсколькими десятинами земли въ Ливоніи.

Баторій не раздѣлялъ этого взгляда; гордый своими побѣдами, желая воспользоваться ихъ плодами, недовѣрчивый отъ природы, онъ бо-

ялся, что Поссевинъ, увлекаясь своими миссіонерскими цѣлями и прельстившись обманчивыми обѣщаніями, считалъ политической необходимостью то, что было въ сущности необходимо только для его дѣятельности.

Поссевинъ, тотчасъ по пріѣздѣ, имѣлъ нѣсколько продолжительныхъ тайныхъ совѣщаній съ Баторіемъ и Замойскимъ, назначеннымъ 2-го (11-го августа) того же года великимъ гетманомъ польскихъ войскъ. Всѣ рѣшенія, принятыя на этихъ совѣщаніяхъ были имъ изложены въ письмѣ, которое переводчикъ Андрей Полонскій повезъ царю. Поссевинъ писалъ въ немъ, что король настаиваетъ на своихъ требованіяхъ, хотя согласенъ изъ уваженія къ папѣ отправить пословъ для веденія переговоровъ, но не въ Москву, какъ хотѣлъ царь, а въ какой-либо пограничный городъ. Поссевинъ горячо совѣтовалъ Іоанну воспользоваться этимъ въ виду его собственныхъ интересовъ, ибо иначе походъ могъ затянуться на всю зиму. Поляки дѣлаютъ большія приготовленія, писалъ онъ, изъ Риги подвозятъ боевые запасы, ожидаются новыя подкрѣпленія, Псковъ находится въ жалкомъ состояніи; новгородцамъ не удалось проникнуть туда, Хвостовъ взятъ въ плѣнъ, осаждающіе горятъ желаніемъ идти еще разъ на приступъ, будущей весною военныя дѣйствія будутъ перенесены въ глубь страны, и тогда горе жителямъ! Въ концѣ письма іезуитъ взывалъ къ христіанскимъ чувствамъ царя, подавалъ надежду на то, что Баторіемъ будутъ сдѣланы нѣкоторыя денежныя уступки, и что онъ даже уступитъ нѣкоторыя земли.

Отвѣтъ изъ Москвы былъ полученъ, только черезъ мѣсяцъ. Поссевинъ не потерялъ этого времени даромъ.

8-го (17-го октября) онъ имѣлъ съ Баторіемъ продолжительное совѣщаніе относительно Швеціи,—вопросъ крайне щекотливый, къ которому они не разъ возвращались впослѣдствіи. Диверсія, произведенная въ это время шведами къ сѣверу, могла бы сослужить полякамъ хорошую службу; Баторій серьезно склонялъ къ этому шведскаго короля, но тотъ не спѣшилъ посылать свои суда въ Бѣлое море и готовилъ Баторію сюрпризъ. Воспользовавшись охранной грамотой, выданной поляками съ другой цѣлью, шведы набрали въ Германіи двѣ тысячи войска, съ коими де Ла-Гарди, прозваный «чертомъ», одерживалъ побѣды на берегахъ Балтійскаго моря. Надъ нѣсколькими крѣпостями Ливоніи, въ томъ числѣ надъ Нарвою, уже развѣвался шведскій флагъ.—Это приводило Баторія въ негодованіе; онъ не имѣлъ въ виду завоевывать Ливонію для того, что бы наградить ею Швецію; взятіе Нарвы вселило въ немъ мысль совершенно устранить шведскаго короля отъ переговоровъ.

Поссевинъ смотрѣлъ на дѣло хладнокровнѣе. Онъ былъ того мнѣнія, что полякамъ, у которыхъ было весьма мало пѣхоты, едва-ли удалось бы отстоять крѣпости, захваченныя шведами. Кромѣ того, Польша имѣла

по отношенію къ Швеціи тяжелыя денежныя обязательства, а такъ какъ ея денежныя дѣла были очень плохи, то ей лучше было не возстановлять противъ себя сосѣда, а покончить съ нимъ дѣло полюбовно. Стефанъ Баторій поддался совѣтамъ Поссевина и позволилъ ему написать Іоанну III и извѣстить его о событіяхъ, совершившихся въ послѣднее время. Получивъ это позволеніе, Поссевинъ чрезвычайно обрадовался, такъ какъ нѣкоторыя вещи, слышанныя имъ въ бытность въ Стокгольмѣ, внушили ему серьезныя опасенія: въ Стокгольмѣ былъ поднятъ вопросъ о союзѣ Литвы съ Польшей, и шведы находили, что шведскій королевскій принцъ Сигизмундъ, родной племянникъ послѣдняго изъ Ягеллоновъ, имѣлъ болѣе правъ на великое герцогство Литовское, нежели какой-то венгерскій воевода. Эти смѣлыя рѣчи показывали, что съ этой стороны Баторію могла угрожать опасность.

Подобныя дружественныя бесѣды между этими двумя лицами, столь различными по положенію, которыхъ свели въ этомъ отдаленномъ краю чрезвычайныя событія, повторялись довольно часто. Совѣты нунція принесли плоды; Баторій понялъ справедливость его замѣчаній, приказалъ возвратить свободу нѣкоторымъ изъ плѣнныхъ русскихъ, въ томъ числѣ родственнику дьяка Щелкалова, котораго считали въ Польшѣ канцлеромъ Іоанна.

Поссевинъ воспользовался случаемъ, чтобы развивать въ присутствіи короля свои излюбленныя идеи и все болѣе и болѣе заручиться его довѣріемъ; онъ доказывалъ Баторію, что побѣда зависитъ отъ Бога, который посылаетъ ее, по своему усмотрѣнію, тому, кому онъ пожелаетъ, и приводилъ въ доказательство неожиданныя побѣды, одержанныя шведами, и пораженіе, понесенное поляками подъ Псковомъ. Однпъ разъ, онъ растрогалъ его до слезъ своей проповѣдью войску. Стараясь возбудить его храбрость и нарисовать яркую картину будущаго, онъ говорилъ, что три побѣдоносные похода на Москву были только первымъ шагомъ къ завоеванію таинственной Азіи, колыбели человѣческаго рода, которой еще предстоитъ въ будущемъ играть великую роль въ исторіи человѣчества.

Однако, несмотря на то, что надежда на возобновленіе переговоровъ не была потеряна, и несмотря на частыя вылазки со стороны русскихъ, на ихъ мѣткую стрѣльбу и страшныя трудности осады, Баторій упорствовалъ продолжать ее; въ польскомъ войскѣ поговаривали даже о вторичномъ штурмѣ. 11-го (20-го) октября состоялся военный совѣтъ, который затянулся далеко за полночь, но положеніе дѣлъ отъ этого нисколько не улучшилось: у осаждающихъ не доставало пороха, и никакія усилія ума не могли помочь этому горю. Въ войскѣ, какъ бываетъ обыкновенно въ критическія минуты, начались раздоры. Литовцы, болѣе склонные къ миру и относившіеся къ русскимъ менѣе враждебно, не

хотѣли оставаться подъ Псковомъ долѣе восемнадцати дней; они изнемогали отъ усталости, холода и голода. Они жестоко смѣялись надъ поляками, надъ ихъ великимъ гетманомъ, надъ его рѣчами и манерами, коими онъ старался подражать древнему римлянину.

Уступая настояніямъ многихъ сенаторовъ, которые сильно опасались за исходъ штурма, Поссевинъ, послѣ продолжительныхъ и долгихъ совѣщаній съ Замойскимъ, рѣшилъ 12-го (21-го) октября, снова поговорить съ королемъ. Высказавъ прежде всего опасеніе, что въ случаѣ вторичнаго штурма будетъ пролито много крови, и что многіе перейдутъ въ вѣчность безъ покаянія и тѣмъ будутъ лишены спасенія, онъ указалъ также на то, что Іоаннъ можетъ счесть осаду Пскова, начатую послѣ переговоровъ, веденныхъ имъ въ Старицѣ, за вѣроломство, и что это можетъ чрезвычайно затруднить дальнѣйшіе переговоры о мирѣ. Рисковать этимъ было бы безуміемъ въ виду того, что войско терпѣло недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, деньгахъ, боевыхъ снарядахъ; холодъ дѣлался нестерпимымъ, и армія могла растаять на глазахъ у короля, безъ всякой пользы. Не лучше ли было бы—говорилъ Поссевинъ — избѣжать кровопролитія и позаботиться о снабженіи войска пищей? Приведя примѣры изъ исторіи, когда величайшіе полководцы отказывались отъ своихъ намѣреній, если имъ приходилось бороться съ непреодолимыми препятствіями, въ родѣ морозовъ, Поссевинъ умолялъ короля оставить мысль о штурмѣ и блокировать Псковъ. Совѣтъ, самый подходящій для безпристрастнаго посредника.

Король уступилъ не сразу: блокада крѣпости была, по его мнѣнію, дѣломъ не подходящимъ, такъ какъ его противникъ безъ того старался только затянуть дѣло и удить рыбу въ мутной водѣ. При томъ поляки и венгерцы не боятся мороза, говорилъ онъ, отъ него страдаютъ только нѣмцы; къ тому же король надѣялся, что вскорѣ будутъ подвезены съѣстные припасы, и положеніе арміи улучшится. Впрочемъ, онъ обѣщалъ спросить мнѣніе сената, разрѣшилъ Поссевину вторично написать Іоанну, на что онъ до тѣхъ поръ упорно не соглашался, и штурмъ былъ отмѣненъ.

Въ тотъ же день, когда этотъ обмѣнъ мыслей происходилъ въ лагерѣ подъ Псковомъ, Андрей Полонскій, посланный Баторіемъ къ Іоанну, совѣщался съ боярами въ Слободѣ. Человѣку, приставленному къ польскому послу, было, по обыкновенію, приказано держать его въ полномъ одиночествѣ, разспросить его обстоятельно о положеніи Пскова и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Баторія, но если бы Полонскій вздумалъ, въ свою очередь, коснуться вопросовъ политики, то приставу было приказано отвѣчать, что онъ «слишкомъ молодъ, чтобы говорить о столь серіозномъ предметѣ».

Когда письмо Поссевина, писанное 31-го сентября (9-го октября),

послѣ бесѣды съ королемъ, было передано боярамъ, то они поняли, что нельзя было терять времени, и этотъ разъ оставили свою обычную медлительность и безпечность.

13-го (22-го) октября состоялось ихъ совѣщаніе съ царемъ; за это время Іоаннъ сильно измѣнился, это былъ уже совсѣмъ иной человѣкъ; гордость его исчезла, онъ позабылъ свои угрозы, его занимала только мысль о скорѣйшемъ окончаніи войны; онъ былъ готовъ отдать полякамъ всѣ завоеванія, сдѣланныя русскими въ Ливоніи, лишь бы они отдали ему Великія Луки и нѣкоторыя другія крѣпости. Онъ рѣшилъ немедленно отправить пословъ въ какой-нибудь пограничный городъ, куда Баторій долженъ былъ, со своей стороны, прислать уполномоченныхъ и гдѣ, при участіи Поссевина, они могли бы вести переговоры о мирѣ,—на какихъ условіяхъ, объ этомъ Іоаннъ пока умалчивалъ.

Полонскій былъ немедленно отосланъ въ Псковъ, куда отправился одновременно русскій гонецъ, Захарій Болтинъ, везшій Поссевину письмо и охранныя грамоты.

Отвѣтъ царя былъ полученъ въ польскомъ лагерѣ только въ ноябрѣ. Баторій предполагалъ отправиться вскорѣ на сеймъ въ Варшаву, а Замойскій долженъ былъ остаться подъ Псковомъ. Между тѣмъ недовольство въ войскѣ росло. Случаи ослушанія повторялись все чаще и чаще, случалось даже, что литовцы отказывались нести аванпостную службу. Отрядъ, которому было приказано овладѣть Печерскимъ монастыремъ, встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе; горсть монаховъ, поддерживаемая мужиками, отразила нападеніе цѣлаго отряда храбрыхъ воиновъ.

28-го октября (7-го ноября), къ великой радости осажденныхъ, траншеи были оставлены; но на военномъ совѣтѣ, состоявшемся въ тотъ же день, все же было рѣшено продолжать осаду.

Наконецъ, явился гонецъ, съ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи пословъ.

Въ виду предстоявшихъ переговоровъ, Поссевину, разумѣется, было необходимо знать точно и опредѣленно рѣшительныя требованія поляковъ. Каково же было его удивленіе, когда Замойскій объявилъ ему, что поляки ставятъ, непремѣннымъ условіемъ мира пріобрѣтеніе всей Ливоніи и не хотятъ уступить ни одной крѣпости, ни пяди земли, даже въ томъ случаѣ, если польская армія потерпитъ пораженіе. Таково было окончательное рѣшеніе сейма, которое самъ король не въ состояніи былъ измѣнить. Такимъ образомъ, исчезала всякая надежда на примиреніе, такъ какъ Іоаннъ со своей стороны не хотѣлъ ничѣмъ поступиться.

Поссевинъ заподозрилъ, что поляки обманывали его и преувеличи-

вали свои требованія, опасаясь, чтобы онъ не сдѣлалъ Іоанну слишкомъ большихъ уступокъ. Желая выяснить это, онъ явился 31-го октября (9-го ноября) къ Баторію и просилъ его дать ему точныя инструкціи, тѣмъ болѣе, что въ зимнее время года сообщеніе будетъ затруднительно, и письма легко могутъ быть перехвачены и прочитаны.

Позабывъ свое недовѣріе къ Поссевину, Баторій отвѣчалъ ему откровенно, что, несмотря на все его желаніе не затягивать войны, онъ долженъ сообразоваться съ рѣшеніемъ сенаторовъ. Ливонія, сказалъ онъ, не можетъ принадлежать двумъ монархамъ, точно такъ же, какъ двѣ шпаги не могутъ быть вложены въ однѣ ножны: поляки одни имѣютъ право на страну, которая сама искала у нихъ покровительства, за которую они пролили не мало крови, и которая, согласно рѣшенію сейма, должна быть возвращена прежде, нежели поляки сложатъ оружіе.

Замѣчаніе Поссевина, что Польшѣ лучше поддерживать съ Швеціей добрососѣдскія отношенія, нежели скрытую вражду, и что Баторію выгоднѣе было бы дѣйствовать заодно съ Іоанномъ III и дать понять московскому царю, что ему придется отнынѣ имѣть дѣло не съ однимъ, а съ двумя врагами, произвело на Стефана большое впечатлѣніе.

5-го (14-го) ноября возвратился изъ слободы Полонскій, вмѣстѣ съ Болтинымъ, коего царь послалъ вмѣстѣ съ нимъ. Такъ какъ русскіе уполномоченные спѣшили въ Ямъ-Запольє, то пришлось, не теряя времени, обмѣняться охранными грамотами. При этомъ опасались, какъ бы на аудіенціи, данной съ этой цѣлью Болтину, не произошло какого-либо недоразумѣнія изъ-за требованій этикета. Хитрость Болтина пришла тутъ на выручку: подходя къ Баторію, чтобы поцѣловать ему руку, ловкій гонецъ снялъ съ себя шапку и остался въ одной скуфьѣ, что вызвало всеобщій смѣхъ поляковъ, которые признали себя побѣжденными.

7-го (16-го) ноября король имѣлъ еще одну конфиденціальную бесѣду съ Поссевинымъ. Баторій былъ избалованъ побѣдами и, теперь, когда счастье измѣнило ему, и онъ былъ озлобленъ сопротивленіемъ, испытаннымъ его войсками подъ Псковомъ, и еще болѣе отпоромъ, оказаннымъ его отряду подъ Печерскимъ, онъ былъ чрезвычайно взволнованъ, и краснорѣчивому Поссевину было не трудно растрогать его до слезъ.

— Господь изрекъ свою волю,—сказалъ онъ;—надобно подчиниться Его повелѣнію. Если побѣда оставила польскія знамена, значитъ, настало время заключить почетный миръ, тѣмъ болѣе, что побѣды шведовъ въ Ливоніи готовятъ въ будущемъ новыя осложненія и внутреннее состояніе королевства таково, что оно требуетъ величайшаго вниманія и заботливости.

Результатомъ этой бесѣды было письмо, написанное Поссевиномъ

королю шведскому, въ которомъ онъ изложилъ ему ходъ переговоровъ и предлагалъ отъ имени короля польскаго послать въ Ямъ-Заполье своего уполномоченнаго, для участія въ переговорахъ. Разумѣется, времени оставалось слишкомъ мало для того, чтобы этотъ уполномоченный могъ своевременно прибыть въ Ямъ-Заполье, но, по крайней мѣрѣ, это устанавливало между сосѣдями дружелюбныя отношенія.

Гораздо важнѣе въ глазахъ Поссевина былъ выборъ королевскихъ уполномоченныхъ. Онъ умолялъ короля послать въ Ямъ-Заполье однихъ католиковъ и не смущать русскихъ зрѣлищемъ религіозныхъ распрей. Но это было затруднительно, такъ какъ и поляки и литовцы должны были имѣть тамъ своихъ представителей; между тѣмъ среди литовцевъ было не мало диссидентовъ, а Николай Радзивиллъ, рекомендованный Поссевиномъ, былъ старъ и глуховатъ. Выборъ Стефана палъ на двухъ католиковъ: Яна Збараскаго, воеводу брацлавскаго, и Альберта Радзивилла, маршала литовскаго. Въ секретари къ нимъ былъ назначенъ литовецъ—православный, Михаилъ Харабурда, извѣстный, какъ человѣкъ съ мягкимъ и покладистымъ характеромъ.

Посланнымъ въ Ямъ-Заполье полякамъ были даны весьма ограниченныя полномочія, такъ какъ они должны были сноситься во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ вопросахъ съ Замойскимъ, который оставался въ лагерѣ, и подчиняться его рѣшенію.

Вліяніе нунція выразилось въ посылкѣ въ Ямъ-Заполье Христофора Варжевицкаго, который явился тамъ по волѣ Баторія оффиціальнымъ представителемъ шведскихъ интересовъ. У Варжевицкаго, ревностнаго католика, былъ братъ, который руководилъ въ Стокгольмѣ воспитаніемъ королевскаго принца. Это и было, вѣроятно, причиною даннаго ему назначенія.

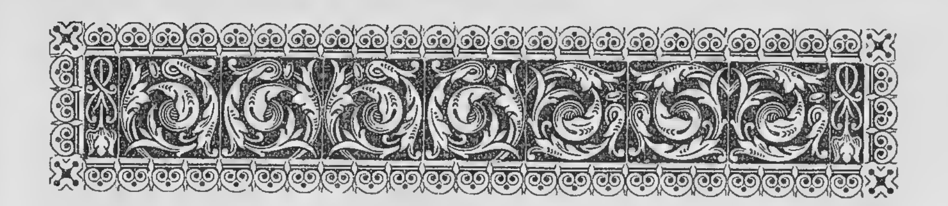
Какъ только были совершены всѣ необходимыя формальности, Поссевинъ отправился, 20-го (29-го) ноября, въ Ямъ-Заполье, съ нимъ былъ только одинъ переводчикъ, Василій Замаскій. Андрей Полонскій, больной и утомленный, остался въ лагерѣ, гдѣ вскорѣ скончался.

Баторій опасался, чтобы Поссевинъ, который со времени своего пріѣзда изъ Старицы восхвалялъ Іоанна, его искренность и любезность, и котораго онъ подозрѣвалъ въ пристрастіи къ царю, не увлекся желаніемъ достигнуть своихъ миссіонерскихъ цѣлей и не предложилъ царю слишкомъ легкихъ условій мира. Поэтому онъ написалъ ему въ день его отъѣзда письмо, въ которомъ умолялъ его служить Польшѣ съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ онъ защищалъ интересы Россіи.

21-го ноября (1-го декабря) Баторій уѣхалъ въ Вильно, оставивъ, по словамъ одного современника, своихъ солдатъ осиротѣлыми и беззащитными среди непривѣтливыхъ равнинъ Московскаго государства.

В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мелкія замѣтки объ отношеніяхъ императора Александра къ полякамъ.

I.

Въ февралѣ 1817 г. скончался въ Варшавѣ президентъ Сената графъ Островскій, о чемъ сынъ его Антонъ-Янъ не замедлилъ письмомъ отъ 25-го февраля 1817 года довести до свѣдѣнія императора и просилъ сохранить имъ всѣмъ покровительство и благосклонность, которыя государю угодно было оказывать ихъ родителю. На это письмо графъ Антонъ Островскій удостоился получить слѣдующій рескриптъ отъ императора Александра I-го отъ 6-го (18-го) марта 1817 года:

«Письмо ваше отъ 25-го февраля сего года дошло до меня. Я раздѣляю сожалѣнія, вызванныя кончиною вашего уважаемаго отца, точно такъ же, какъ раздѣлялъ чувства, внушаемыя его достоинствами; я уже приказалъ выразить мое глубокое сожалѣніе его семейству. Но присоединяя мою печаль къ семейному горю, я счелъ умѣстнымъ напомнить семейству объ источникѣ его утѣшеній и надеждъ. Ихъ даетъ вамъ религія; ея божественныя истины столь же могущественны, какъ и утѣшительны, когда идетъ рѣчь о человѣкѣ, окончившемъ свой вѣкъ, дѣлая добро. Принимаю всѣ выражаемыя вами чувства и хочу вѣрить, что дѣти Ѳомы Островскаго унаслѣдовали его добродѣтели и ту преданность къ родинѣ, которая характеризовала его націю, и которую я съ увѣренностью отъ нея ожидаю. Прошу Всемогущаго, чтобы Онъ охранялъ васъ своею святою десницею».

II.

Командовавшій отрядомъ польскихъ войскъ князь Іосифъ Понятовскій, 52 лѣтъ, какъ извѣстно, погибъ въ водахъ рѣки Эльстеръ 19-го октября 1813 г., послѣ сраженія при Лейпцигѣ, и былъ погребенъ на общемъ кладбищѣ. Позднѣе, при возвращеніи польскихъ войскъ изъ-подъ стѣнъ Парижа на родину, генералъ Рожнецкій, проходя мимо Лейпцига, соорудилъ небольшой памятникъ Понятовскому на берегу Эльстера.— Снисходя на желаніе поляковъ получить бренные останки своего вождя, императоръ Александръ I-й разрѣшилъ имъ перевезти ихъ въ царство Польское. Польскій генералъ Сокольницкій вмѣстѣ съ 50 офицерами провожалъ съ почетомъ тѣло Понятовскаго отъ Лейпцига до Варшавы и 9-го сентября 1814 г. достигъ Варшавы. Фельдмаршалъ Барклай де Толли со всѣмъ штабомъ, а также генералъ Домбровскій выѣхали навстрѣчу и пѣшкомъ сопровождали печальное шествіе по городу Варшавѣ до церкви св. Креста, гдѣ происходило торжественное отпѣваніе при громадномъ стеченіи народа, 10-го сентября 1814 г., послѣ чего тѣло Понятовскаго было перевезено далѣе въ Краковъ. Но обыватели Варшавы и другихъ городовъ царства пожелали соорудить Понятовскому памятникъ, на что императоръ Александръ благосклонно соизволилъ дать разрѣшеніе. Повидимому, распространились, однако, слухи, что его величеству не угодно, чтобы сооружаемый памятникъ былъ воздвигнутъ на видномъ мѣстѣ, и это побудило извѣстную графиню Потоцкую (рожденную Тышкевичъ) обратиться къ императору Александру I-му съ слѣдующимъ письмомъ отъ 15-го іюня 1817 года:

«Не дерзая надѣяться, что статуя Іосифа Понятовскаго будетъ находиться на общественной площади, мнѣ казалось бы возможнымъ поставить оную въ глубинѣ Саксонскаго сада, гдѣ находится безполезный павильонъ, который правительство предполагаетъ сломать. Это скромное мѣсто, мало посѣщаемое любопытными, будетъ однако соотвѣтствовать памятнику, который навсегда будетъ свидѣтельствовать о великодушіи Александра I-го, о добродѣтеляхъ нашего героя и о выраженіи благоговѣнія къ нему признательнаго народа. Соблаговолите, всемилостивѣйшій государь, осуществить наши желанія и присоединить новую милость ко всѣмъ другимъ, которыми ваше величество ежедневно насъ надѣляете. Ваша самая вѣрноподданная Потоцкая».

На это императоръ собственноручно отвѣтилъ изъ Царскаго Села 25-го августа (6-го сентября) 1817 г., слѣдующимъ письмомъ [1]):

«Я получилъ, графиня, ваше письмо отъ 15-го іюня. Я никогда не

---

[1]) Арх. Госуд. Совѣта, дѣло 1817 г. № 169.

имѣлъ намѣренія дѣлать какое-либо затрудненіе тому, чтобы назначенный къ сооруженію памятникъ князю Понятовскому былъ бы воздвигнутъ на общественной площади въ городѣ Варшавѣ. Выразивъ уже ранѣе свое согласіе на представленныя мнѣ въ этомъ отношеніи желанія народа почтить память знаменитаго вождя и отдавъ должную справедливость чувствамъ, имъ проявленнымъ по этому поводу, я никакъ не могъ предположить, что мнѣ будутъ приписывать мысль скрыть подобный памятникъ отъ взоровъ общества. Узнавъ отъ моего брата, а также изъ вашего письма, что возникаютъ по этому поводу сомнѣнія, я предложилъ моему намѣстнику условиться съ лицами, на которыхъ возложенъ сборъ необходимыхъ для этого суммъ, о томъ мѣстѣ, на которомъ долженъ быть воздвигнутъ памятникъ—въ глубинѣ ли Саксонскаго сада или въ какой-либо другой части города, признанной всего болѣе соотвѣтствующею для такого назначенія. Мнѣ остается только выразить одно пожеланіе, которое осуществятъ—въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь—чувства и вкусъ лицъ, участвующихъ въ этомъ народномъ дѣлѣ, именно чтобы этотъ памятникъ своимъ выполненіемъ былъ бы достоинъ воина, которому сооружается, и народа, который оный воздвигаетъ».

Изъ дальнѣйшей переписки объ этомъ памятникѣ видно, что главнымъ завѣдующимъ дѣломъ сооруженія памятника былъ избранъ графъ Леонъ Потоцкій. Онъ заключилъ на сооруженіе памятника контрактъ съ знаменитымъ скульпторомъ Торвальдсеномъ, который, не приступая къ работамъ, пожелалъ имѣть точныя свѣдѣнія о самомъ мѣстѣ, на которомъ предполагается поставить памятникъ. Послѣ долгихъ обсужденій и совѣщаній остановились на томъ, что всего соотвѣтственнѣе поставить памятникъ на площади дворца Красинскаго. Императоръ Александръ изъявилъ на то согласіе.

Коснувшись фамиліи Понятовскихъ, упомянемъ также о ходатайствѣ Станислава Понятовскаго, свидѣтельствующемъ о томъ постоянномъ расположеніи императора Александра I-го къ полякамъ, въ силу котораго онъ не упускалъ оказывать имъ благодѣянія при всякомъ къ тому случаѣ. Графиня Браницкая пожизненно владѣла староствомъ Бѣльскимъ. Въ 1775 г. король польскій, Августъ III, дозволилъ ей уступить это владѣніе племяннику, князю Станиславу Понятовскому, также въ пожизненное владѣніе, что было утверждено постановленіемъ сейма. При послѣдовавшемъ раздѣлѣ Польши, Бѣлостокская область, въ которой находилось староство Бѣльское, досталась Пруссіи, при чемъ всѣ старостинскія имѣнія были отобраны отъ ихъ владѣльцевъ, которымъ были назначены такъ называемыя денежныя компетенціи, въ томъ числѣ и графинѣ Браницкой въ размѣрѣ 10.001 руб. $21^1/_2$ коп. по ея кончину. Эти компетенціи назначались къ выдачѣ лицамъ, прожив-

шимъ въ Австріи, Пруссіи или Россіи. Кто желалъ жить въ другомъ мѣстѣ и получать компетенцію, тотъ долженъ былъ просить объ этомъ особо прусскаго короля и получить на то особый рескриптъ. Понятовскій, живя въ Римѣ, еще въ 1798 году просилъ объ утвержденіи за нимъ права получать компетенцію, назначенную Браницкой, но ему было отказано въ этомъ. Позднѣе, уже въ 1818 году, онъ обратился съ просьбой о томъ же къ императору Александру I-му, вслѣдствіе чего и состоялся указъ министру финансовъ Гурьеву отъ 11-го апрѣля 1819 г. слѣдующаго содержанія: «Князь Станиславъ Понятовскій, жительствующій въ Римѣ, просилъ меня о возобновленіи ему компетенціи, производившейся покойной теткѣ, графинѣ Браницкой, за дожизненное право на староство и лѣсничество Бѣльское, въ Бѣлостокской области лежащее, которое, однако же, по прусскимъ постановленіямъ, пребывающимъ внѣ Пруссіи, Россіи, Австріи производить не слѣдуетъ. Но снисходя на просьбу князя Станислава Понятовскаго и принимая въ уваженіе преклонность лѣтъ его и состояніе здоровья, всемилостивѣйше повелѣваю выдавать ему означенную компетенцію, составляющую 10.001 р. $21^1/_2$ коп. сер. ежегодно съ начала сего 1819 года по смерть его, гдѣ бы онъ ни пожелалъ въ чужихъ краяхъ имѣть свое мѣстопребываніе, производя оную компетенцію изъ государственнаго казначейства, о чемъ и учините вы надлежащее распоряженіе».

Но получивъ такую монаршую милость, князь Станиславъ Понятовскій не удовольствовался ею: онъ ходатайствовалъ о новой, именно о выдачѣ ему компетенціи за все время, протекшее со дня кончины графини Браницкой (послѣдовавшей 2-го февраля 1808 года) и по 1819 г. По этому его ходатайству состоялся новый указъ на имя графа Гурьева 5-го мая 1820 года, какъ бы въ дополненіе прежняго о томъ что: «нынѣ же изъ всемилостивѣйшаго уваженія къ тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ находится князь Понятовскій, повелѣваемъ удовлетворить его таковою компетенціею со дня кончины графини Браницкой съ 2-го февраля 1808 г. по 1 января 1819 года, за которое время причитается всего сто девять тысячъ сто двадцать четыре руб. сорокъ коп., расположивъ выдачу ему, князю Понятовскому, оной суммы изъ государственнаго казначейства въ теченіе десяти лѣтъ по десяти тысячъ по девятисотъ двѣнадцати руб. сорокъ коп. сер. ежегодно, безъ процентовъ на прочія части до окончанія выдачи».

III.

При дарованіи Костюшкѣ свободы, императоръ Павелъ I-й пожаловалъ ему 18-го ноября 1796 г. недвижимое имѣніе въ тысячу крестьянъ

въ вѣчное, потомственное владѣніе, но, по желанію г. Костюшки, 30-го ноября того же года, послѣдовалъ указъ графу Александру Николаевичу Самойлову объ отпускѣ, взамѣнъ имѣнія, шестидесяти тысячъ рублей изъ главнаго казначейства. Означенныя деньги и были назначены къ выдачѣ, но таковая не состоялась, потому что явившійся по довѣренности Костюшки за ихъ полученіемъ секундъ-маіоръ Удомъ отозвался, что означенныя деньги получены уже имъ нѣсколько дней предъ симъ отъ генералъ-поручика Попова по Кабинету его величества, что̀ послѣдній и подтвердилъ. Вслѣдствіе этого, 3-го декабря 1796 г. состоялся новый указъ о томъ, чтобы ассигнованныя изъ остаточнаго казначейства въ пользу Костюшки 60 т. руб. были бы отпущены изъ казначейства въ Кабинетъ его величества, взамѣнъ выданныхъ изъ онаго толикаго же числа денегъ [1]).

Вскорѣ по заключеніи Парижскаго мира, Костюшко, проживавшій въ то время въ Швейцаріи, обратился къ императору Александру I-му письменно съ 3-мя просьбами, именно: 1) даровать всепрощеніе полякамъ, сражавшимся подъ знаменами Наполеона I-го; 2) дать Польшѣ конституцію по образу англійской и, провозгласивъ себя королемъ польскимъ, объявить свободу всѣмъ поселянамъ и учредить для нихъ школы и 3) опредѣлить на службу его пріятеля Цельтнера. Императоръ Александръ отвѣчалъ на это Костюшкѣ слѣдующее:

«Ощущаю большое удовольствіе, генералъ, отвѣчать на ваше письмо: ваши искреннія желанія будутъ исполнены. При содѣйствіи Всемогущаго, я надѣюсь осуществить возрожденіе храброй и достойной націи, къ которой вы принадлежите; я торжественно обязался это выполнить. Во всѣ времена благосостояніе ея занимало мои мысли. Политическія обстоятельства единственно воспрепятствовали осуществленію моихъ намѣреній. Два года страшной, но достославной борьбы устранили ихъ. Еще не много времени, и, при благоразумномъ образѣ дѣйствія, поляки возвратятъ себѣ родину и имя. Я буду имѣть наслажденіе ихъ убѣдить, предавъ забвенію прошедшее, въ томъ, что, кого они считали своимъ врагомъ, тотъ явится исполнителемъ ихъ завѣтныхъ желаній. Какъ будетъ мнѣ отрадно, генералъ, увидѣть васъ моимъ пособникомъ въ этихъ плодотворныхъ трудахъ. Ваше имя, вашъ образъ мыслей, ваши дарованія будутъ лучшими моими опорами. Примите, генералъ, увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи».

Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого письма, Костюшко умеръ 15-го октября 1817 года въ 10 часовъ вечера. Онъ, оставивъ по завѣщанію, составленному у нотаріуса Ксавье Амье (Amieth), половину своего состоянія въ деньгахъ (50 т. фран.) своему пріятелю, генералу Паш-

[1]) См. архивъ Государственнаго Совѣта, дѣла №№ 28 и 242, 1817 г.

ковскому, а другую половину—дочери Цельтнера Эмиліи. Кромѣ того, Костюшко оставилъ разныя мелкія суммы и вещи самому нотаріусу Амье, доктору Шюрфу, его пользовавшему, сестрѣ Цельтнера, ассигновалъ на свое погребеніе 3 т. франковъ и на раздачу бѣднымъ 2 т. фран. При этомъ онъ поручилъ нотаріусу всѣ оставшіяся у него бумаги на польскомъ языкѣ сжечь послѣ его смерти.

Получивъ отъ уполномоченнаго Швейцарской республики при французскомъ дворѣ Цельтнера извѣстіе о кончинѣ Костюшки, его соотечественники въ Варшавѣ и другихъ мѣстахъ царства Польскаго возъимѣли мысль перевезти тѣло народнаго героя на родину и похоронить его въ Краковѣ или Варшавѣ, открывъ подписку для сбора необходимыхъ на то денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалось разрѣшеніе императора на приведеніе означенныхъ предположеній въ исполненіе. На это было получено 22-го ноября (4-го декабря) 1817 г. отъ графа Соболевскаго увѣдомленіе, что его императорскому величеству всегда пріятно было отдавать должную справедливость достоинству, великодушной преданности и характеру скромной простоты и величія, отличавшихъ этого храбраго и доблестнаго защитника Польши. Его величество въ настоящее время раздѣляетъ всеобщее горе (deuil universel), вызванное во всей странѣ извѣстіемъ о кончинѣ Костюшки. Государь императоръ не предполагаетъ стѣснять чѣмъ-либо выраженіе общественнаго желанія и разрѣшаетъ перевезти въ родную землю смертные останки этого храбраго и доблестнаго генерала.

Получивъ такой отвѣтъ, Заіончекъ немедленно просилъ Соболевскаго явиться предъ императоромъ выразителемъ безграничной признательности, которою проникнута польская нація за это новое свидѣтельство того живѣйшаго участія, которое монархъ не перестаетъ проявлять ко всему касающемуся народной славы и чести поляковъ.

Вскорѣ, при посредствѣ графа Каподистріа было сдѣлано сношеніе съ нашимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Штакельбергомъ, чтобы по возможности облегчить доставку тѣла Костюшки. Вслѣдствіе переговоровъ своихъ съ княземъ Меттернихомъ, графъ Штакельбергъ сообщилъ, что со стороны австрійскаго правительства сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія къ тому, чтобы провозъ тѣла Костюшки не встрѣтилъ бы никакихъ затрудненій въ австрійскихъ владѣніяхъ.

IV.

Нѣкто Игнатій Тилинскій, уроженецъ Сувалокъ, Августовскаго воеводства, въ молодыхъ лѣтахъ покинулъ родину, въ 1820 году пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ къ президенту Академіи художествъ

А. Н. Оленину и убѣдительно просилъ его помѣстить въ число учениковъ академіи, объясняя, что имѣетъ большое желаніе заняться живописью. Оленинъ направилъ его къ извѣстному въ то время художнику Василію Шебуеву, который, принявъ Тилинскаго, помѣстилъ у себя и началъ обучать его рисованію.

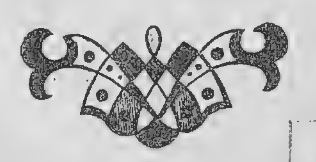
Послѣ этого, Тилинскій обратился 27-го іюня 1820 г. къ императору со всеподданнѣйшей просьбою о пособіи и объ опредѣленіи его въ Академію художествъ.

Вслѣдствіе этого, было сдѣлано съ президентомъ Академіи художествъ сношеніе, и 14-го іюля Оленинъ подробно доносилъ императору Александру I-му, что во избѣжаніе нарушенія правилъ устава Академіи художествъ, онъ не могъ принять Тилинскаго въ число учениковъ Академіи, какъ не обладающаго требуемыми для этого познаніями. Если же его величеству угодно, чтобы проситель былъ непремѣнно помѣщенъ въ Академію художествъ, то Оленинъ считаетъ долгомъ откровенно доложить, что такое помѣщеніе будетъ для самого Тилинскаго безплодною потерею времени; ему пока требуется не теорія искусства, а практическое онаго изученіе, которое онъ и можетъ получить, находясь при одномъ изъ профессоровъ Академіи. Расходъ же по вознагражденію профессора за содержаніе и обученіе Тилинскаго Оленинъ готовъ принять на себя, чтобы исполнить желаніе его величества. Устроить же Тилинскаго у одного изъ профессоровъ за извѣстную плату не затруднительно.

Вслѣдствіе этого, императоръ Александръ I 4-го (16-го) октября 1821 г. повелѣлъ отпускать на обученіе и содержаніе Тилинскаго по 1.200 злотыхъ въ годъ, производя этотъ расходъ изъ суммы, отпускаемой въ распоряженіе его величества по царству Польскому въ размѣрѣ 500 т. злотыхъ въ годъ.

Тилинскій продолжалъ жить на полномъ содержаніи у Шебуева, обучавшаго его живописи. Позднѣе, по представленію А. Н. Оленина, что изъ Тилинскаго выйдетъ достойный художникъ, который составитъ славу польской націи, императоръ Александръ пожаловалъ 25-го октября (6-го ноября) 1821 г. бриллiантовый перстень Василію Шебуеву. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о Тилинскомъ въ дѣлѣ не имѣется.

Сообщ. **П. Майковъ.**

Поправка.

Въ мартовской книгѣ «Русской Старины» за прошлый 1902 годъ, въ примѣчаніяхъ къ письму декабриста В. Ф. Раевскаго (на стр. 603, прим. 2), независимо отъ автора примѣчаній, благодаря ложно сообщенному ему свѣдѣнію, вкралась ошибка: дочь В. Ф. Раевскаго — Вѣра Владиміровна Ефимова, названная умершей, на самомъ дѣлѣ, здравствуетъ и понынѣ и проживаетъ въ г. Томскѣ.

Владиміръ Раевскій.

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

потомъ къ Bongoût, потомъ опять къ Лепре, потомъ на бильярдъ»:

Ни ресторана Лепре, ни Bongoût, ни любимаго ресторана Фальконе, на площади Пантеона, куда Гоголь ходилъ съ Данилевскимъ обѣдать и гдѣ онъ угощался своимъ любимымъ блюдомъ capretto, которое поспоритъ, безъ сомнѣнія, съ кавказскими баранами, а какая-то «crostata» съ вишнями способна произвести на три дня слюнотеченіе у самаго отчаяннаго «объѣдалы»,—больше не существуетъ, но кафе Греко, въ улицѣ Condotti, продолжаетъ существовать и своимъ внѣшнимъ видомъ мало чѣмъ разнится отъ того, какимъ оно было въ Гоголевское время.

Для насъ, русскихъ, кафе Греко дорого своими воспоминаніями о Н. В. Гоголѣ. Чтобы попасть изъ его дома въ кафе Греко, нужно пройти по улицѣ Sistina на Monte Pincio и затѣмъ спуститься по лѣстницѣ Trinità dei Monti на веселую площадь piazza di Spagna. Когда вы спускаетесь по этой великолѣпной лѣстницѣ, залитой ослѣпительнымъ солнцемъ, гдѣ даже зимой бываетъ жарко,—предъ вами прямою линіей вплоть до Корсо протягивается узкая улица Condotti съ нарядными магазинами. Лѣстница Trinità dei Monti съ ея картинными группами разныхъ «моделей» въ пестрыхъ живописныхъ костюмахъ, тоже разсчитанныхъ для приманки форестьеровъ, любителей италіанскаго жанра, хотя бы и поддѣльнаго,—была описана и срисована множествомъ художниковъ пера и кисти. Съ нею тоже связано воспоминаніе о Николаѣ Васильевичѣ, такъ какъ здѣсь именно произошла та оригинальная встрѣча съ италіанскимъ патеромъ, которую онъ съ такимъ юморомъ описываетъ въ письмѣ къ М. П. Балабиной.

Въ самомъ началѣ улицы Condotti, съ правой стороны и находится историческое кафе Греко. При входѣ, еще на улицѣ, подъ регистромъ блюдъ и цѣнъ, красуется длинный списокъ знаменитыхъ именъ, какъ Байронъ, Гёте, Мицкевичъ, Теккерей, Канова, Торвальдсенъ, Гуно, Мендельсонъ, Бизе и много другихъ, увѣковѣчившихъ своимъ посѣщеніемъ это, болѣе чѣмъ скромное, кафе.

На стѣнѣ, въ одномъ изъ медальоновъ, предназначенныхъ для изображеній знаменитыхъ посѣтителей, красуется портретъ Гоголя, недавно сдѣланный русскимъ художникомъ Свѣдомскимъ [1]).

Кафе Греко было основано въ 1760 году нѣкимъ Nikolo di Maddaleno, грекомъ-левантинцемъ. Еще съ 1700 года почти всѣ кафе принадлежали грекамъ, отчего и это кафе въ улицѣ Condotti сохранило свое названіе «Antico cafe Greco». Домъ, въ которомъ оно помѣщалось, принадлежалъ знаменитой фамиліи Корсини еще до недавнихъ временъ. Въ виду того, что одинъ изъ членовъ этой тосканской фамиліи былъ избранъ папою въ 1730 г., подъ именемъ Климента XII, — весьма возможно,—заключаетъ авторъ,—что домъ этотъ былъ построенъ нѣкоторое время спустя.

Кафе Греко и находившійся тутъ же недалеко ресторанъ Лепре во время Гоголя были мѣстомъ собранія художниковъ, главнымъ образомъ нѣмцевъ. Наши русскіе имѣли тамъ свою отдѣльную комнату. Кафе было ихъ клубомъ, куда получались письма и денежные пакеты, выставлявшіеся обыкновенно тутъ же въ ящикахъ, откуда каждый могъ брать свою корреспонденцію. Сюда приходили покурить и выпить кофе послѣ обѣда у Лепре, встрѣтиться со знакомыми и поболтать о городскихъ новостяхъ.

Мендельсонъ - Бартольди, заходившій сюда изрѣдка, чрезвычайно интересно описываетъ это кафе въ 1830 г. и тотъ элементъ, который преобладалъ въ немъ въ это время. «Въ кафе Греко,—пишетъ онъ,—можно видѣть ужасныя лица. Я почти никогда не хожу туда, такъ какъ они производятъ на меня непріятное впечатлѣніе, такъ же, какъ и самое мѣсто, гдѣ они сходятся, представляющее маленькую и темную комнату, быть можетъ не болѣе 8 шаговъ въ ширину. Курить можно только по одной сторонѣ, и тутъ сидятъ всѣ эти нѣмцы съ огромными шляпами на головахъ и жирными псами у ногъ.

...Было бы невѣроятною вещью, если бы кто-нибудь изъ нихъ надѣлъ фракъ или галстукъ... Такъ сидятъ они за чашкой кофе, толкуя о Тиціанѣ и Порденонѣ, какъ если бы послѣдніе сидѣли возлѣ нихъ и были бы такими же бородатыми и обезображенными огромными шляпищами»...

Такъ какъ нѣмецкіе художники избрали своимъ клубомъ кафе Греко и элементъ ихъ, очевидно, былъ преобладающимъ, то они и выбрали себѣ первую, самую просторную комнату, а остальная публика помѣщалась въ заднихъ, при чемъ послѣдняя, гдѣ теперь находится портретъ Гоголя,—въ то время получила прозвище «вагона». Она тоже воспроизведена въ книгѣ.

Н. В. Гоголь, разочарованный своими литературными дрязгами при постановкѣ «Ревизора», утомлённый тою спертою атмосферою, которая царила тогда въ Петербургѣ, задыхаясь подъ вѣчно сумрачнымъ небомъ нашей столицы,—пріѣхалъ въ Римъ и сразу подпалъ подъ обаяніе невѣдомаго для него міра и нашелъ здѣсь все то, къ чему рвалась его художественная, воспріимчивая натура.

«Римъ, нашъ чудесный Римъ,—восклицаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Данилевскому,—рай, въ которомъ и ты живешь мысленно въ лучшія минуты твоихъ мыслей,—этотъ Римъ увлекъ и околдовалъ меня». Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Портретъ этотъ, съ подписью Gogol, воспроизведенъ въ книгѣ.

